

1914.

Годъ 22.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 5.

ЮРЬЕВЪ

Типографія К. Маттисена

1914.

1914.

Годъ 22.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 5.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1914.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 26 апрѣля 1914 г.

№ 1130.

Ректоръ: В. Аленѣевъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Приложения.

Стр.

Delectus seminum plantarum et sporarum anno 1913 collectorum quae permutationi offert hortus botanicus universitatis Imperialis Jurjevensis (olim Dorpatensis)	1—16
Г. Ф. Церетели. Новыя комедіи Менандра	I—X и 1—256

DELECTUS SEMINUM

PLANTARUM ET SPORARUM

ANNO 1913 COLLECTORUM QUAE PERMUTATIONI OFFERT

HORTUS BOTANICUS UNIVERSITATIS IMPERIALIS JURJEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

Ricciaceae.

*)+ Riccia fluitans L.

Marchantiaceae.

- + Lunularia cruciata Dum.
- + Marchantia polymorpha L.
- + Pellia epiphylla Dill.
- + Plagiochila asplenoides L.

Polypodiaceae.

- Adiantum patens Willd.
- + Alsophila australis R. Br.
- + Aspidium filix-mas Schwartz.
- " " Sw.
- " " Schwartz. v.
- " " grandiceps.
- " " Schwartz. v.
- " " cristatum.
- " spinulosum Schw.
- " trifoliatum L.
- Asplenium bulbiferum Forst.
- " Trichomanes L.
- + Athyrium filix-foemina Roth.
- + Cystopteris bulbifera Bernh.
- " regia Bernh.
- Gymnogramme japonica Desf.
- Nephrolepis Pearsoni hort.
- Nephrodium molle Desf.
- " odoratum
- Onoclea sensibilis L.
- + Phegopteris Dryopteris Fee.
- + Polypodium aureum L.
- + " irioides Lam.
- + " vulgare L.
- + Pteris cretica L.
- " longifolia L.
- + " Wimsetti hort.
- + Struthiopteris germanica Willd.
- + Scolopendrium vulgare Sm.
- " " " v. crispa.
- " " " v. cristata.

Osmundaceae.

- Osmunda Claytoniana L.
- + " " regalis L.

Salviniaceae.

- + Salvinia auriculata Aubl. pl. v.

Marsiliaceae.

- + Marsilia quadrivalvis L. pl. v.

Isoëtaceae.

- + Isoëtes palustris L. pl. v.

Coniferae.

- Juniperus Bermudiana L.
- + Pinus Cembra L.
- " koraiensis Lieb.
- Sciadopitys verticillata S. et Z.
- + Thuja occidentalis L.

Typhaceae.

- + Typha latifolia L.

Potamogetonaceae.

- + Potamogeton crispus L. pl. v.
- + " perfoliatus L. pl. v.
- + " natans L. pl. v.

Juncaginaceae.

- + Triglochin palustris L.

Alismaceae.

- + Alisma Plantago L.

Hydrocharitaceae.

- + Elodea canadensis Rich.
- + " densa Casp.
- + Hydrocharis Morsus Ranae L. } pl. v.
- Vallisneria spiralis L.

*) Alle Bezeichnungen, die mit + versehen sind wurden im Jahre 1913 kontrolliert.

Gramineae.

- Aegilops bicornis* *Jaub.*
Aegilops ventricosa *Tausch.*
Agriopyrum caninum *P. B.*
Agrostis nebulosa *Boiss.*
 " *verticillata* *Vahl.*
Aira breviaristata *Gilib.*
Anthoxanthum odoratum *L.*
Avena elatior *L.*
 " *fatua* *L.*
 " *orientalis* *Schr. v. pugnax*
 " *planiculmis* *Schrad.*
Briza maxima *L.*
 " *media* *L.*
Bromus inermis *L.*
Calamagrostis purpurea *Trin.*
Dactylis glomerata *L.*
Deschampsia caespitosa *Bauv.*
Echinaria capitata *Desf.*
Elymus arenarius *L.*
Festuca arundinacea *Vill.*
 " *elatior* *L.*
 " *ovina* *L.*
 " *spectabilis* *Jacq.*
Glyceria aquatica *Wahl.*
 " *fluitans* *L.*
Gymnotrix latifolia *Schultz.*
Gynerium argenteum *Nees.*
Hierochloë borealis *Röm.*
Hordeum distichum *L. v. nigrescens.*
 " *jubatum* *L.*
 " *mandchuricum* *Rgl.*
 " *maritimum* *With.*
 " *vulgare* *L. "Mammuth".*
Lagurus ovatus *L.*
Lamarekia aurea *Mönch.*
Lolium temulentum *L.*
Melica Magnolii *Gr. et Godr.*
 " *penicillaris* *Boiss.*
Oryza sativa *L.*
Panicum italicum *L.*
 " *miliaceum* *L.*
 " *plicatum* *Lam.*
Phalaris arundinacea *L.*
 " *canariensis* *L.*
Phleum pratense *L.*
Poa alpina *L. v. fructifera.*
 " *annua* *L.*
 " *polonica.*
Polygomon monspessulanum *Desf.*
Secale montanum *Cass.*
Stipa capillata *L.*
 " *sibirica* *Lam.*
Triticum Spelta *L.*
 " *sativum* *Lam.*
Zea Mays *L.*
 " " *L. fr. rubro.*

Cyperaceae.

- Carex caucasica* *Stev.*
 " *Davalliana* *Schm.*
 + " *dioica* *L.*
 " *elongata* *L.*
 + " *flava* *L.*
 + " *Grayi* *Carey.*
 " *leporina* *L.*
 " *pallescens* *L.*
 " *panicea* *L.*
 " *vesicaria* *L.*
 + *Cyperus alternifolius* *L. pl. v.*
 " *longus* *L.*
 + *Scirpus lacuster* *L.*
 + " *silvaticus* *L.*

Araceae.

- Aglaonema commutatum* *Schott.*
Anthurium crystallinum *Lind.*
Ariopsis peltata *J. Grah. bulb.*
Arum maculatum *L.*
Calla palustris *L. pl. v.*

Lemnaceae.

- Lemna minor* *L. pl. v.*
 " *trisolca* *L. pl. v.*

Bromeliaceae.

- Acanthostachys strobilacea* *Link. et Ot.*
Billbergia amoena *Lindl.*
Dyckia princeps *Lem.*

Commelinaceae.

- Commelina dianthifolia* *Red.*
 " *bengalensis* *L.*
 + *Palissota Barterii* *Hook.*
Tinantia erecta *Schlecht.*
 + *Tradescantia virginica* *L.*
 + *Zebrina pendula* *Schnitzl. pl. v.*

Juncaceae.

- + *Juncus buffonius* *L.*
 + " *lampocarpus* *Ehrh.*
 " *alpina* *Hoppe.*
 " *campestris* *L.*
 " *pilosa* *Willd.*

Liliaceae.

- + *Allium albidum* *Fisch.*
 " *angulosum* *L.*
 " *coeruleum* *Pall.*
 " *cernuum* *Roth.*
 " *cyaneum* *Rgl.*
 + " *fistulosum* *L.*
 " " *v. viviparum*
 " *flavum* *L.*

Cannabaceae.

- + *Cannabis sativa* L.
- + *Humulus Lupulus* L. pl. v.

Urticaceae.

- Elatostema sessile* Forst. pl. v.
- Forskochlea angustifolia* Retz.
- Girardinia cuspidata* Wedd.
- Laportea canadensis* Gaud.
- " *peltata* Gaud.
- Pilea Spruceana* Wedd.
- + *Urtica angustifolia* Fisch.
- + " *cannabina* L.
- + " *dioica* L.
- + " *Dodarti* L.
- + " *pilulifera* L.

Aristolochiaceae.

- + *Asarum europeum* L.
- + *Aristolochia Clematidis* L.

Polygonaceae.

- + *Emex spinosus* Campd.
- Fagopyrum argenteum*
- + *Oxyria reniformis* Hook.
- + *Polygonum dumetorum* L.
- " *Bistorta* L.
- + " *Hydropiper* L.
- " *monticolum* Schultz.
- " *persicaria* L.
- + " *sachalinense* Schm. pl. v.
- Rheum Emodi* L. Wall.
- " *Franzensbachi* Münt.
- " *leucorrhizum* Pall.
- " *macropterum* Mart.
- + " *officinale* Baill.
- + " *palmatum* L.
- " *Ribes* L.
- " *undulatum* L.
- " " *v. longifolia*.
- + *Rumex Acetosa* L.
- + " *Acetosella* L.
- " *bucephalophorus* L.
- " *crispus* L.
- " *obtusifolius* L.
- " *pulcher* L.
- + " *Patientia* L.
- " *scutatus* L.
- " *crispus* L.

Chenopodiaceae.

- + *Atriplex hortensis* L.
- " *patulum* L.
- Axyris amaranthoides* L.
- Beta vulgaris* L.
- + *Blitum virgatum* L.
- Chenopodium album* L. v. viride.
- " " " *v. typicum*.

- Chenopodium Bonus-Henricus* L.
- + " *hybridum* L.
- + " *foetidum* Schrad.
- + " *polyspermum* L. v.
- + " *cymoso-racemosum* C. Koch.
- + " *Vulvaria* L.
- + *Hablitzia thamnoides* M. B.
- Obione sibirica* Fisch.
- + *Polygonemum majus* R. Br.
- + *Spinacia oleracea* L.
- + *Salsola Kali* L.
- + *Teloxys aristata* Moq.

Amarantaceae.

- + *Albersia Blitum* Kunth.
- Amarantus spinosus* L.

Nyctaginaceae.

- + *Mirabilis Jalapa* L.
- " " *fl. roseo*.
- + " *longiflora* L.
- + *Oxybaphus floribundus* Chois.

Phytolaccaceae.

- Codonocarpus cotinifolia* F. Muell.
- Peltiveria alliacea* L.
- Phytolacca dioica* S.
- Rivina tinctoria* Hamilt.

Aizoaceae.

- + *Mesembryanthemum crystallinum* L.
- " *linguiforme* L.
- " *pinnatifidum* L.
- " *pomeridianum* L.
- " *tricolor* Willd.
- + *Tetragonia expansa* Murr.
- Telephium Imperati* L.

Basellaceae.

- + *Boussingaultia baselloides* H. B. pl. v.

Portulacaceae.

- Anacampseros filamentosa* Sims.
- Claytonia perfoliata* G. Don.
- " *sibirica* L.
- Calandrinia elegans* hort.
- Portulaca oleracea* L.

Caryophyllaceae.

- Anychia dichotoma* Mchx.
- Alsine banatica* Bluff.
- + *Agrostemma Githago* L.
- + *Arenaria graminifolia* Schr.
- + *Cerastium triviale* L.
- + *Cucubalus baccifer* L.
- Dianthus alpinus* L.
- + " " *barbatus* L.

- + *Dianthus carthusianorum* L.
 + " *chinensis* L.
 + " *deltoides* L.
 " *petraeus* W. et K.
 " *plumarius* L.
 " *Seguieri* Vill.
 " *superbus* L.
Drypis spinosa L.
Gypsophila perfoliata L.
Illecebrum verticillatum L.
Lychnis alpina L.
 + " *chalconica* L.
 + " *coronaria* Desv.
 + " *Flos-cuculi* L.
 + " *Hageana* hort.
Malachium aquaticum Fries.
 + *Melandrium album* Garcke.
 + " *noctiflorum* Fries.
Sagina procumbens L.
 + *Saponaria officinalis* L.
 " *ocymoides* L.
Silene alpestris Jacq.
 " *Armeria* L.
 " *caucasica* Boiss.
 + " *inflata* Sm.
 " *maritima* With.
 + *Silene pendula* L.
 " *quinquevulnera* L.
 " *vallesia* L.
 " *Zawadzki* Herzbich.
 + *Spergula arvensis* L.
 + *Stellaria graminea* L.
Tunica Saxifraga Scop.
Velezia rigida L.
 + *Viscaria vulgaris* Röhl.

Ceratophyllaceae.

- + *Ceratophyllum demersum* L. pl. v.

Ranunculaceae.

- Aconitum barbatum* Patr.
 " *Fischeri* Reich.
 " *Lycoctonum* L. v. pyre-
 naicum.
 " " L. v. mic-
 ranthum.
 " *Napellus* L. v. Halleri.
 " " L. v. latisectum.
 " " L. v. pubens.
 " *ochotense* Rehb.
 " *ochroleucum* Hort.
 " *septentrionale* Kölle.
 " *Stoerkianum* Rehb.
 " *Tauschianum* Steud.
 " *uncinatum* L.
Adonis aestivalis L.
 " *vernalis* L.
 " *wolgensis* Stev.

- + *Actaea spicata* L. fr. rubro.
 " " L. fr. nigro.
Anemone borealis Rich.
 " *fulgens* A. Gr.
 + " *narcissiflora* L.
 + " *nemorosa* L. (rhiz.)
 + " *ranunculoides* L. rhiz.
 " *silvestris* L.
 " *virginiana* L.
Aquilegia alpina L.
 " *canadensis* L.
 + " *chrysantha* A. Gr.
 " *olympica* Boiss.
 " *nivea* Baumg.
 + " *vulgaris* L.
 " " fl. variegat.
 + *Atragene alpina* L.
 + *Cimicifuga foetida* L.
 " *racemosa* Nutt.
 + *Clematis recta* L.
 + *Delphinium Ajacis* L.
 " *chinense* Fisch.
 + " *elatum* L.
 " *grandiflorum* L.
 " " *sibiricum*.
 " *palmatifidum* DC.
 " *tirolense* Kern.
 + *Ficaria ranunculoides* Mönch. (bulb.)
Garidella Nigellastrum L.
Helleborus viridis
Isopyrum fumarioides L.
 + *Myosurus minimus* L.
Nigella arvensis L.
 " *damascena* L.
Paeonia intermedia C. A. Mey.
 " *albiflora* Pall.
 + " *anomala* L.
 " *peregrina* L.
 " *humilis* Retz.
 + " *tenuifolia* M. B.
 + *Pulsatilla patens* Mill.
 " " v. *sibirica*.
 " " *vulgaris* Mill.
Ranunculus acer L.
 + " *cassubicus* L.
 + " *Flammula* L.
 " *muricatus* L.
 " *pygmaeus* Wahl.
 + " *repens* L.
 " *sardous* Cranz.
 + " *sceleratus* L.
 + *Thalictrum aquilegifolium* L.
 " *elatum* Jacq.
 " *simplex* L.
Trollius altaicus C. A. M.
 " *asiaticus* L.
 " *europaeus* L.
 " *Ledebouri* Reichb.

Berberidaceae.

- + *Berberis vulgaris* L.
- " *macrocarpa* Schr.
- + *Jeffersonia dubia* Benth.
- + *Leontice altaica* Pall.

Papaveraceae.

- Bocconia cordata* Willd.
- + *Chelidonium majus* L.
- " " " fl. pleno.
- " *laciniatum* Mill.
- + *Corydalis glauca* Porsch.
- " *bracteata* Pers.
- " *capnoides* Pers.
- " *nobilis* Pers.
- " *solida* L.
- + *Fumaria capreolata* L.
- " *officinalis* L.
- + *Glaucium corniculatum* Curt.
- " *flavum* Crantz.
- + *Meconopsis cambrica* Vig.
- Papaver alpinum* L. v. *nudicaule*.
- " *armenum* Lam.
- " *bracteatum* Lindl.
- + " *dubium* L.
- " *monanthum* Trautv.
- + " *oreophilum* Rupr.
- + " *orientale* L.
- " *Rhoeas* L.
- " *setigerum* DC.
- " *somniferum* L.
- " " " fl. pleno.

Cruciferae.

- + *Alliaria officinalis* Andrz.
- Alyssum Arduini* Fisch.
- " *Middendorffianum*.
- " *hirsutum* M. B.
- Arabis alpina* L.
- " *ciliata* R. Br.
- " *albida* Stev.
- + " *pendula* L.
- Aubrietia erubescens* Gris.
- Barbarea arcuata* Rechb.
- " *orthoceras* Ledeb.
- Bisquitella ciliata* DC.
- Brassica oleracea* L. v. *Rapa*.
- " *Napus* L. v. *oleifera*.
- + *Bunias orientalis* L.
- + *Camelina sativa* L.
- + *Capsella Bursa pastoris* L.
- Cardamine Impatiens* L.
- + *Cheiranthus Cheiri* L.
- Cochlearia arctica* Schlecht.
- " *officinalis* L.
- + *Conringia orientalis* Boiss.
- + *Coronopus procumbens* Gil.
- + *Crambe grandiflora* DC.

- Diplotaxis muralis* DC.
- Draba sadnizensis* Wulf.
- " *grandiflora* A. M.
- Erucaria aleppica* Bieb.
- Erucastrum arabicum* Fisch.
- Erysimum canescens* Roth.

- " *rhaeticum* DC.
- + " *strictum* Gärtn.
- + *Farsetia incana* Ait.
- + *Fibigia clypeata* Med.
- + *Hesperis matronalis* L.
- " " " fl. albo.
- Hirschfeldia adpressa* Mönch.
- Houtchinsia alpina* Ait.
- Iberis odorata* L.
- " *taurica* DC.
- Isatis alpina* All.
- + " *tinctoria* L.
- Lepidium campestre* Ait.
- + " *sativum* L.
- Malcolmia africana* Ait.
- Myagrum perfoliatum* L.
- Nasturtium silvestre* R. Br.
- + *Neslia paniculata* Desv.
- + *Raphanus Raphanistrum* L.
- + *Schivereckia podolica* Andrz.
- Senebiera Coronopus* Poir.
- + *Sinapis alba* L.
- " *juncea* L.
- " *nigra* L.
- Sisymbrium pannonicum* Jacq.
- " *Nasturtium* L.
- " *Sophia* L.
- + *Thlaspi arvense* L.
- " *densiflorum* Boiss.

Resedaceae.

- + *Reseda alba* L.
- + " *glauca* L.
- + " *lutea* L.
- + " *Luteola* L.
- + " *odorata* L.

Droseraceae.

- Drosera rotundifolia* L.
- " *anglica* Huds.

Crassulaceae.

- Bryophyllum crenatum* Bak.
- Sedum Anacampteros* L.
- " *acre* L.
- " *hybridum* L.
- " *Fabaria* Koch.
- + " *reflexum* L. v. *glaucescens*.
- + " *spurium* M. B.
- " *vulgare* Link. v. *purpurascens*.
- + " *Sieboldii* Sw.
- + *Sempervivum tectorum* L. pl. v.
- " *acuminatum* Schr.

Sempervivum heterotrichum Scholt.
pl. v.

Umbilicus Semenovi Rgl.

Saxifragaceae.

- + *Astilbe Davidi* A. Henry.
- + " *chinensis* Franch.
- + " *grandis* Stapf.
- + " *japonica* A. Gray.
- + " *Thunbergi* Mikan.
- + *Bergenia crassifolia* Engl.
- " *cordifolia* Engl.
- Boykinia rotundifolia* Parry.
- Francoa appendiculata* Cav.
- Heuchera americana* L.
- + " *sanguinea* Engl.
- + *Parnassia palustris* L.
- Philadelphus coronarius* L.
- Ribes alpinum* L.
- + *Rodgersia tabularis* Kom.
- Saxifraga caesia* L.
- " *cernua* L.
- + " *Cymbalaria* L.
- " *Forbesi* Vasey.
- " *Geum* L.
- " *hieracifolia* Wald.
- " *hypnoides* L.
- " *micranthidifolia* Steudn.
- " *nivalis* L.
- " *rotundifolia* L.
- " *stellaris* L.
- + *Tellima grandiflora* R. Br.

Platanaceae.

Platanus occidentalis L.

Rosaceae.

- Acaena Novae Zelandiae* T. Kirk.
- + *Agrimonia Eupatoria* L.
- " *parviflora* Ait.
- Amygdalus nana* L.
- + *Coluria geoides* Led.
- Cotoneaster nigra* Wahl.
- " *integerrima* Med.
- " *rotundifolia* Wall.
- Crataegus coccinea* L.
- " *monogyna* Jacq.
- " *glandulosa* Ait.
- " *nigra* W. et Kit.
- " *pinnatifida* Bunge.
- " *sanguinea* Pall.
- + *Exochorda grandiflora* Lindl.
- + *Filipendula Ulmaria* Max.
- + *Geum japonicum* Thunb.
- + " *rivale* L.
- " *strictum* Ait.
- " *urbanum* L.
- Poterium mauritanicum* Boiss.
- " *sanguisorba* L.

- Potentilla adscharica* Fomin.
- " *atrosanguinea* Lodd.
- " *desertorum* Bnge.
- " *fragarioides* L.
- " *intermedia* L.
- " *recta* L.
- " *sericea* L.
- " *speciosa* Willd.
- " *transcaspica* Th. Wolf.

Rosa altaica Willd.

- " *canina* L.
- " *glauca* Vill.
- " *lucida* Ehr.
- " *turbinata* Thunb.
- " *villosa* L.
- Rubus crataegifolius* Bunge.
- " *saxatilis* L.
- Sanguisorba officinalis* L.
- Sibbaldia cuneata* Horn.
- + *Spirea amurensis* Max.
- " *confusa* Rgl.
- " *chamaedrifolia* L. v. *ulmifolia*.
- + " *Filipendula* L.
- Prunus avium* L.
- " *acida* L.
- + *Waldsteinia geoides* Willd.

Leguminosae.

- Acacia aneura* F. Mill.
- " *Baileyana* F. Müll.
- " *decurrens* Will.
- " *spectabilis* A. Cunn.
- + *Anthyllis vulneraria* L.
- Arachis hypogaea* L.
- Argyrolobium Andrewsianum* Scop.
- + *Astragalus Cicer* L.
- " *cruciatus* Link.
- " *galegiformis* L.
- " *hypoglottis* L.
- " *ponticus* Pall.
- " *tianschanicus* Bunge.
- Atylosia barbata* Baker.
- Caragana arborescens* Lam.
- Caesalpinia tinctoria* Domb.
- + *Ceratonia Siliqua* L.
- + *Carmichaelia australis* R. Br.
- + *Coronilla cretica* L.
- + " *varia* L.
- + *Cytisus biflorus* L'Her.
- " *capitatus* Scop.
- " *hirsutus* L.
- " *racemosus* Hort.
- Desmanthus virgatus* Willd.
- Dolichos Lablab* L.
- " *lignosus* L.
- Ervum lens* L.
- " *Ervilia* L.
- + *Faba vulgaris* Mönch.
- Galega officinalis* L.

- + *Genista tinctoria* L.
- Hedysarum neglectum* Led.
- sibiricum* Poir.
- + *Indigofera tinctoria* L.
- Kroeria edulis* Willd.
- Lathyrus alatus* Ten.
- + " *Aphaca* L.
- " *articulatus* L.
- " *Clymenum* L.
- + " *Nissolia* L.
- + " *odoratus* L.
- + " *pisiformis* L.
- " *silvestris* L.
- " *vernus* L.
- Lens esculenta* Moench.
- + *Lespedeza bicolor* Turcz.
- + *Lotus corniculatus* L.
- Lupinus digitatus* Forsk.
- + " *luteus* L.
- " *polyphyllus* L.
- " *pubescens* Benth.
- Medicago orbiculata* All.
- " *scutellata* Mill.
- + " *sativa* L.
- + *Melilotus officinalis* L.
- + *Mimosa pudica* L.
- + " *Spegazzini* Pirota.
- Onobrychis sativa* Lam.
- + *Orobus niger* L.
- + " *vernus* L.
- Ornithopus perpusillus* L.
- + *Phaca alpina* L.
- + *Phaseolus multiflorus* L.
- " " *fr. albo.*
- + " *caffer* Hab.
- " *vulgaris* L.
- + *Pisum sativum* L.
- " *Jomardi* Schr.
- Rhynchosia praecatoria* D. C.
- + *Scorpiurus muricata* L.
- + " *vermiculata* L.
- Soja hispida* Mönch.
- Sutherlandia frutescens* R. Br.
- + *Tetragonolobus purpureus* Scop.
- + *Thermopsis lanceolata* R. Br.
- + *Trifolium ambiguum* M. B.
- + " *Lupinaster* L.
- " *montanum* L.
- + " *rubens* L.
- + " *subterraneum* L.
- + *Trigonella coerulea* Sering.
- Vicia cornigera* Chaub.
- + " *cracca* L.
- + " *fulgens* Battand.
- " *hirsuta* F. Gray.
- + " *sativa* L.
- + " *sepium* L.
- + " *unijuga* A. Br.
- + *Vigna Catjang* Walp.

Geraniaceae.

- + *Erodium cicutarium* L'Her.
- + " *gruinum* Willd.
- " *Manescavi* Coss.
- Geranium affine* Led.
- " *capitatum* L.
- " *macrorrhizum* L.
- + " *pyrenaicum* Burm.
- " *palustre* L.
- " *sanguineum* L.
- + " *sibiricum* L.

Oxalidaceae.

- + *Biophytum dormiens* D. Don.
- + *Oxalis Acetosella* L.
- + " *corniculata* L. v. *atropurp.*
- + " *Deppei* Lodd. (bulb.)
- " *corymbosa* DC. (bulb.)
- + " *stricta* L.
- + " *valdiviensis* Barn.

Tropaeolaceae.

- + *Tropaeolum majus* L.
- " *peregrinum* L.

Linaceae.

- Linum altaicum* Fisch.
- + " *flavum* L.
- + " *grandiflorum* Desf.
- + " *usitatissimum* L.
- " " " *fl. albo.*

Zygophyllaceae.

- + *Tribulus terrestris* L.

Cneoraceae.

- + *Cneorum tricoccum* L.

Rutaceae.

- + *Dictamnus Fraxinella* L.
- + *Erythrochiton brasiliense* Nees.
- + *Pheilodendron amurense* Rupr.

Euphorbiaceae.

- + *Euphorbia Cyparissias* L.
- " *heterophylla* Desf.
- + " *Helioscopia* L.
- " *Ipecacuhana* L.
- " *Lathyris* L.
- " *Myrsinites* L.
- + " *Peplus* L.
- + " *procera* M. B.
- " *Mercurialis annua* L.
- + *Phyllanthus lathyroides* H. B. K.

Celastraceae.

- + *Celastrus articulatus* Thunb.
- " *scandens* L.

- + Evonymus latifolius *Pall.*
- + " europeus *L. v. latifolia.*
- " verrucosus *Scop.*

Balsaminaceae.

- + Impatiens Balsamina *L.*
- + " Noli-tangere *L.*
- + " parviflora *DC.*
- + " Royli *Walp.*
- " scabrida *D. C.*

Rhamnaceae.

- + Paliurus aculeatus *Lam.*
- Rhamnus dahirica *Pall.*
- + " cathartica *L.*
- " spathulaefolia *F. et Mey.*
- + " Frangula *L.*
- " utilis *DC.*

Malvaceae.

- Althaea cannabina *L.*
- + " officinalis *L.*
- + " rosea *Cav.*
- " " " fl. nigro.
- " " " fl. albo pleno.
- Gossypium herbaceum *L.*
- + Hibiscus Trionum *L.*
- Lagunaria Patersoni *G. Don.*
- + Lavatera trimestris *L.*
- " thuringiaca *L.*
- Malope trifida *Cav.*
- Malva silvestris *L.*
- " Alcea *L.*
- Modiola multifida *Mönch.*
- Pavonia hastata *Spreng.*

Sterculiaceae.

- Buettneria urticifolia

Guttiferae.

- + Androsaemum officinale *All.*
- Ascyron Crux Andreae *L.*
- + Hypericum perforatum *L.*
- + " Ascyron *L.*
- " quadrangulum *L.*

Cistaceae.

- + Helianthemum roseum *L.*

Violaceae.

- Viola altaica *K. Gawl.*
- " cornuta *L.*
- + " mirabilis *L.*
- + " odorata *L.*
- " persicifolia *Roth.*
- " tricolor *L.*

Passifloraceae.

- + Passiflora suberosa *L.*
- " gracilis *Jacq.*

Loasaceae.

- Bartonia aurea *Lindl.*
- Blumenbachia insingnis *Schrad.*
- + Caiophora lateritia *Benth.*
- Loasa papaverifolia *H. B. K.*
- " vulcanica *André.*

Begoniaceae.

- Begonia gracilis *H. B. K.*
- " Evansiana *Andr.*
- " tuberosa *hort.*
- " Weltonensis *hort.*

Lythraceae.

- Lythrum Salicaria *L.*
- Lawsonia alba *Lam.*

Myrtaceae.

- Eucalyptus rostrata *Schlecht.*
- Melaleuca elliptica *Lab.*
- Metrosideros glomulifera *Sm.*
- Punica granatum *L.*

Melastomaceae.

- + Bertolonia aenea *Naud.*
- " maculata *DC.*

Oenotheraceae.

- + Circaea cordata *Lasch.*
- Clarkia elegans *Dougl.*
- + Epilobium angustifolium *L.*
- + " montanum *L.*
- + " palustre *L.*
- + " tetragonum *L.*
- Fuchsia fulgens *DC.*
- Godetia purpurea *D. Don.*
- + Lopezia coronata *Andr.*
- + Oenothera biennis *L.*
- + " cruciata *Nutt.*
- " fruticosa *A. Gray.*
- " rosea *L.*
- " speciosa *Nutt.*

Hippuridaceae.

- + Hippuris vulgaris *L. pl. v.*

Araliaceae.

- + Acanthopanax senticosus *Harms.*
- + " sessiliflorum *Seem.*

Umbelliferae.

- + Aethusa Cynapium *L.*
- Antriscus silvestris *Hoff.*
- " Cerefolium *Hoffm.*

- Bifora testiculata *Roth.*
 + Apium graveolens *L.*
 + Archangelica officinalis *Hoffm.*
 + Astrantia major *L.*
 " alpina *Man.*
 + Bupleurum rotundifolium *L.*
 " aristatum *Bartl.*
 + Carum Carvi *L.*
 " buriaticum *Turcz.*
 + Caulis daucoides *L.*
 + Chaerophyllum aromaticum *L.*
 " nodosum *Crantz.*
 " temulum *L.*
 Chaetosciadium trichospermum
 Boiss.
 + Coriandrum sativum *L.*
 Cnidium apioides *Spreng.*
 + Cryptotaenia canadensis *DC.*
 + Daucus Carota *L.*
 Eryngium amethystinum *L.*
 " Bourgatii *Gouan.*
 " planum *L.*
 Ferula Sumbul *Hook.*
 Helosciadium leptophyllum *DC.*
 Heracleum pubescens *Bieb.*
 " sibiricum *L.*
 " Spondylium *L.*
 Laserpitium glabrum *Crantz.*
 + " Panax *Gouan.*
 + Ligusticum seseloides *Fisch.*
 + Levisticum officinale *L.*
 + Myrrhis odorata *Scop.*
 + Oenanthe Phellandrium *L.*
 + Pastinaca sativa *L.*
 + Petroselinum sativum *L.*
 Peucedanum officinale *L.*
 + Scaligeria rotundifolia *Boiss.*
 Scandix Pecten veneris *L.*
 Sium latifolium *L.*
 + Tordylium smyrneum.

Cornaceae.

- + Aucuba japonica *Thunb.*
 + Cornus alba *L.*
 + " Mas *L.*

Primulaceae.

- + Anagallis arvensis *L.*
 Androsace filiformis *L.*
 " maxima *L.*
 + Corthusa Matthioli *L.*
 + Dodecantheon Meadia *L.*
 + Lysimachia vulgaris *L.*
 " japonica *Thunb.*
 " quadrifolia *L.*
 " verticillata *Spr.*
 Primula caschmeriana *Reg.*
 + " acaulis *Jacz.*
 " auricula *L.*

- + Primula Forbesi *All.*
 " elatior *Jacq.*
 " japonica *Thunb.*
 + " Juliae *Ksnz.* pl. v.
 " obconica *Hance.*
 " officinalis *Jacq.*
 " " " v. macro-
 calyx.

Plumbaginaceae.

- Armeria majellensis *Boiss.*
 " plantaginea *Willd.*
 " Welwitschi *Boiss.*
 Goniolimon elatum *Boiss.*
 + Plumbagella micrantha *DC.*

Oleaceae.

- Notelaea longifolia *Vent.*
 + Syringa vulgaris *L.*
 Jasminum pubigerum *G. Don.*

Loganiaceae.

- Buddleia japonica *Hemsl.*

Gentianaceae.

- + Erythraea Centaurium *Pers.*
 + Gentiana cruciata *L.*
 " Fetisovi *Rgl.*
 + " lutea *L.*
 " macrophylla *Pall.*
 " Pneumonanthe *L.*
 " septemfida *Pall.*
 " tibetica *Kingst.*
 Halenia Perrottetti *Gries.*
 Menyanthes trifoliata *L.*
 Swertia connata *Schr.*

Apocynaceae.

- + Apocynum androsaemifolium *L.* pl. v.
 + Vinca minor *L.*

Asclepiadaceae.

- Asclepias curassavica *L.*
 " Douglasii *Hook.*
 Ceropegia gemmifera *K. Sch.*
 Physianthus albens *Mart.*

Convolvulaceae.

- + Cuscuta europea *L.*
 " epilinum *Weih.*
 Hevittia bicolor *Wight.*
 + Pharbitis hispida *Chois.*

Polemoniaceae.

- + Collomia grandiflora *Dougl.*
 Gilia californica *Benth.*
 Leptosiphon androsaceus *Benth.*
 + Phlox paniculata *L.*

- + Polemonium coeruleum L.
+ " pauciflorum Wats.

Hydrophyllaceae.

- + Hydrophyllum virginicum L.
+ Phacelia tanacetifolia Benth.

Borraginaceae.

- + Alcanna orientalis Boiss.
+ Anchusa italica Retz.
+ " officinalis L.
+ " sempervirens L.
+ Borrago officinalis L.
+ Cerinthe major L.
+ " minor L.
+ " scabrida Rehb.
Cynoglossum nebrodense Guss.
" coelestinum Lindl.
" coeruleum Hochst.
" officinale L.
" pictum Ait.
Echium rubrum Jacq.
" plantagineum Kunze.
+ Echinosperrum Lappula Lehm.
+ Heliotropium europeum L.
Lappula virginica
Lithosperrum officinale L.
" Sibthorpiantum Gries.
+ Lindelophia spectabilis Lehm.
+ Lycopsis arvensis L.
" orientalis Boiss.
+ Macrotomia echioides Boiss.
+ Mertensia paniculata D. Don.
Myosotis intermedia Link.
" sparsiflora Mikan.
Nonnea flavescens Fisch.
" lutea Rehb.
+ " nigricans DC.
+ " rosea Link.
" alba DC.
+ Omphalodes linifolia Mönch.
Paracaryum ponticum Boiss.
+ Pulmonaria officinalis L. fl. albo.
" sibirica L.
+ Solenanthus stylosus Lipsky.
+ Symphytum asperum Lepech.
+ " caucasicum MB.
+ " grandiflorum DC.
+ " officinale L.
+ " ottomanum Friv.
+ " tauricum Willd.

Labiatae.

- Betonica officinalis L.
+ Brunella grandiflora Jacq.
+ " vulgaris L.
+ Coleus aromaticus Bent.
+ " Blumei Benth.

- + Dracocephalum Ruyschianum L.
" altaianse Laem.
+ Elsholtzia cristata Willd.
Galeopsis Tetrahit L.
" ochroleuca Lmk.
" pubescens Bess.
+ Hyssopus officinalis L.
Lallemantia peltata F. M.
+ Lamium amplexicaule L.
" maculatum L.
+ Lavandula Spica DC.
" pinnata L.
" vera D. C.
Leonurus altaicus Spreng.
+ " Cardiaca L.
Leucas martinicens R. Br.
Lophanthus anisatus Spreng.
+ Lycopus europeus L.
+ Melissa officinalis L.
Mentha silvestris L.
Micromeria filiformis Benth.
+ Monarda didyma L.
Nepeta cataria L.
+ " grandiflora MB.
+ " macrantha Fisch.
Origanum Majorana L.
+ Phlomis tuberosa L.
+ Pogostemon Patschouly Pell.
Prostanthera lasianthos Lab.
Salvia cleistogama de-Bary.
" nutans L.
+ " pratensis L.
" " " fl. albo.
+ " " " fl. variegat.
" Przewalskii Max.
" Regeliana Trautv.
" Sclarea L.
+ " silvestris L.
+ " splendens Ker.
" virgata Ait.
+ " verticillata L.
+ Satureja hortensis L.
Scutellaria albida L.
" altissima L.
+ " baicalensis Georg.
" macrantha Fisch.
+ Sideritis montana L.
Stachys germanica L.
+ " lanata Jacq.
" silvatica L.
+ Teucrium Botrys L.
" orientale L.
" Scorodonia L.
Wiedemannia orientalis Fisch.
Zizifora tenuior L.

Solanaceae.

- + Atropa Belladonna L.
+ " flavescens Jacq.

- Capsicum grossum *L.*
 + Datura stramonium *L.*
 + " inermis *Jacq.*
 + " Tatula *L.*
 + Hyoscyamus niger *L.*
 + " pallidus *W. et Kit.*
 Lycopersicum cerasiforme *Dun.*
 " esculentum *Mill.* —
 " „*„Alice Roosevelt“.*
 + Nicandra physaloides *Gärtn.*
 + Nicotiana affinis *Langsd.*
 " rustica *L.*
 " Tabacum *L.*
 " silvestris
 + Physalis Alkekengi *L.*
 + Physochlaina orientalis *D. Don.*
 Saracha viscosa *Link*
 + Scopolia carniolica *Jacq.*
 + Solanum Dulcamara *L.*
 + " nigrum *L.*
 " Pseudo-capsicum *L.*
 " tuberosum *L.*

Scrophulariaceae.

- Alonsoa caulialata *R. et P.*
 + Antirrhinum majus *L.*
 " Orontium *L.*
 Browallia viscosa *H. B. K.*
 + Calceolaria hybrida *hort.*
 + Digitalis grandiflora *Lam.*
 " lanata *Ehr.*
 + " lutea *L.*
 + " purpurea *L.*
 + Gratiola officinalis *L.*
 Linaria alpina *Mill.*
 + " minor *Desf.*
 " Pancici *Jank.*
 + " vulgaris *Mill.*
 Maurandia Barklayana *Lindl.*
 Melampyrum nemorosum *L.*
 Mimulus cardinalis *Dougl.*
 " cupreus *Rgl.*
 + " luteus *L.*
 + Odontites rubra *Pers.*
 + Pentastemon Digitalis *Nutt.*
 + " diffusus *Dougl.*
 + Rhinanthus major *Rehb.*
 " " f. vernalis
 + Schizanthus pinatus *R. et P.*
 Scrophularia orientalis *L.*
 " altaica *Murr.*
 + " nodosa *L.*
 + " vernalis *L.*
 + Verbascum nigrum *L.*
 " Lychnitis *L.*
 " orientale *Bieb.*
 " phoeniceum *L.*
 + " phlomooides *L.*
 + " Thapsus *L.*

- Veronica caucasica *Bieb.*
 " agrestis *L.*
 " arvensis *L.*
 " Biebersteini *Richt.*
 + " gentianoides *Vahl.*
 + " officinalis *L.*
 " peregrina *L.*
 " Teucrium *L.*
 " urticifolia *Lag.*
 + " virginica *L.*

Orobanchaceae.

- Orobanche cruenta *Bert.*
 " Hederae *Duby.*

Bignoniaceae.

- + Eccremocarpus scaber *Ruiz. et Pav.*
 + Incarvillea grandiflora *Poir.*

Gesneriaceae.

- Achimenes patens *Benth.*
 + Stereptocarpus polyanthus *Hook.*
 + " Rexii *Lindl.*

Lentibulariaceae.

- + Pinguicula vulgaris *L.*
 + Utricularia vulgaris *L.* (hibernacula).

Acanthaceae.

- Ruellia formosa *Andrz.*
 + Thunbergia alata *Bog.*

Plantaginaceae.

- Plantago arborescens *Poir.*
 + " lanceolata *L.*
 " major *L.*
 " " v. monstrosa.
 " media *L.*

Rubiaceae.

- Asperula ciliata *Roch.*
 " orientalis *Boiss.*
 + " tinctoria *L.*
 + Galium Aparine *L.*
 " aristatum *L.*
 + " boreale *L.*
 " cinereum *All.*
 + " Mollugo *L.*
 " polonicum *Blocki*
 " purpureum *L.*
 " rubioides *L.*
 " verum *L.*
 + Scherardia arvensis *L.*
 Spermacoe tenuior *L.*

Caprifoliaceae.

- Adoxa moschatellina *L. pl. v.*
 + Leycesteria formosa *Wall.*

- + *Lonicera coerulea* L.
- " *hispidula* Pall.
- + " *tatarica* L.
- + " *xylosteum* L.
- + *Sambucus Ebulus* L.
- + " *racemosa* L.
- Symphoricarpus racemosus* Mchx.
- + *Viburnum Lantana* L.

Valerianaceae.

- + *Valeriana officinalis* L.
- " *pyrenaica* L.
- " *sambucifolia* Mik.
- + *Valerianella olitoria* Poll.

Dipsacaceae.

- Callistemma brachyata* Boiss.
- + *Cephalaria tatarica* R. et Sch.
- Dipsacus laciniatus* L.
- " *Fullonum* L.
- " *silvestris* Mill.
- + *Scabiosa arvensis* L.
- Pterocephalus plumosus* Coult.

Cucurbitaceae.

- + *Citrullus vulgaris* Schrad.
- + *Cucumis Melo* L.
- + " *sativus* L.
- Cucurbita Pepo* L. v. *oviformis*.
- " " L. v. *pomiformis*.
- " " L. v. *verrucosa*.
- Cyclanthera explodens* Naud.
- Echbalium Elaterium* A. Rich.
- Echinocystis lobata* Torr. et Gray.
- Momordica Charantia* L.
- Sicydium Lindheimeri* A. Gray.
- + *Thladiantha dubia* Bunge. (tub.) ♂
- Trichosanthes cucumerina* L.

Lobeliaceae.

- Lobelia Erinus* L.
- " *inflata* L.
- " *siphilitica* L.

Campanulaceae.

- Adenophora denticulata* Fisch.
- Campanula alliariaefolia* Willd.
- " *Baumgarteni* Beck.
- " *carpatica* Jacq.
- " *imeretina* Rupr.
- + " *latifolia* L.
- + " *medium* L.
- + " *persicifolia* L. fl. albo.
- + " " fl. coer.
- + " *rapunculoides* L.
- + " *rotundifolia* L.
- " *sarmentosa* Hochst.
- " *Trachelium* L.
- " *thyrsoides* L.
- + *Codonopsis ovata* Benth.

- Codonopsis clematidea* C. B. Clare.
- " *Tangschien* Oliv.
- + *Specularia Speculum* DC.
- Phyteuma charmelii* Willd.
- " *orbiculare* L.
- Platycodon grandiflorus* DC.
- Podanthum Campanuloides* Boiss.
- Wahlenbergia lobelioides* DC.

Compositae.

- + *Achillea Ptarmica* L.
- + *Ammobium alatum* R. Br.
- Anacyclus officinarum* Hayne.
- Anthemis arvensis* L.
- " *tinctoria* L.
- + *Antennaria dioica* Gärtn.
- Artemisia frigida* Willd.
- " *spicata* Wulf.
- Arnica sachalinensis* A. Gray.
- + *Aster alpinus* L.
- " *cordifolius* L.
- " *dracunculoides* L.
- " *puniceus* L.
- " *sibiricus* L. v. *roseus*.
- " *subcoeruleus*.
- Bellis perennis* L.
- + *Bidens cernuus* L.
- " *leucantha* Pöpp.
- + *Buphtalmum speciosum* Sch.
- Cacalia deltophylla*
- Calais Bigelovii* A. Gray.
- + *Calendula arvensis* L.
- Callimeris incisa* DC.
- Carduus nigrescens* Vill.
- " *niveus* Benth.
- + *Carlina vulgaris* L.
- + *Carpesium Lipsky* Winkler.
- + *Catananche coerulea* L.
- + *Centaurea Jacea* L.
- " *macrocalyx* Pursch.
- " *stenolepis* Kern.
- Chardinia xeranthemoides* Desf.
- + *Chrysanthemum coronarium* L.
- + " *cinerariaefolium* Vis.
- + " *macrophyllum* Willd.
- Cirsium giganteum* Spr.
- " *lanceolatum* Hill.
- " *scleranthum* M. B.
- + *Cnicus benedictus* Gärtn.
- Coreopsis grandiflora* Nutt.
- " *tinctoria* Nutt.
- + *Crepis tectorum* L.
- " *grandiflora* Tausch.
- + " *sibirica* L.
- + *Cynara Scolymus* L.
- + *Doronicum austriacum* Jacq.
- + *Doronicum Columnae* Ten.
- Dimorphoteca pluvialis* Moench.

- Encelia calva* A. Gray.
Endoptera Dioscoridis DC.
 + *Echinops sphaerocephalus* L.
 " *tauricus* Hort.
 + *Erigeron acris* L.
 " *aurantiacus* Reg.
 " *alpinus* L.
 " *canadensis* L.
 " *caucasicus* Stev.
 " *speciosus* DC.
 + *Eupatorium purpureum* L.
 + *Galinsoga parviflora* Cav.
Gerbera Kunzeana A. Br.
Hedypnois cretica Willd.
Helianthus annuus L.
 + " *doronicoides* Lam. tub.
Helichrysum foetidum Mönch.
Hieracium amplexicaule L.
 + " *aurantiacum* L.
 + " *Auricula* L.
 " *Bornmülleri*.
 " *pallescens* W. et Kitt.
 + " *Pilosella* L.
 " *pulmonarioides* Vill.
 " *sabaudum* L.
 " *umbelladum* L.
 " *villosum* Jacq.
 " *viscosum* Pall.
 + *Homogyne alpina* Cass.
Humea elegans Sm.
Hyptis pectinata Poit.
Jurinea stoechadifolia DC.
 + *Inula Helenium* L.
 " *Conyza* L.
 " *salicina* L.
 + *Kentrophyllum lanatum* DC.
 + *Lactuca sativa* L.
 " *Scariola* L.
 " *virosa* L.
 + *Lampsana communis* L.
Lappa Palladini Mark.
 " *tomentosa* Lam.
Leontodon hastilis L.
 " *autumnalis* L.
- + *Leontopodium alpinum* Cass.
 " *sibiricum* Cass.
 + *Leucanthemum vulgare* Lmk.
 " *sativa* Molin. fl. pleno.
Matricaria capensis hort.
 + " *chamomilla* L.
 + " *discoidea* DC.
Mulgedium cacaliaefolium DC.
 + *Othonna crassifolia* Harv. pl. v.
 + *Onopordon Acanthium* L.
 " *tauricum* Willd.
 + *Petasites albus* Gärtn.
 " *niveus* L.
 + *Podospermum laciniatum* DC.
Psephellus dealbatus C. Koch.
 + *Pyrethrum parthenium* Sm.
 " *caucasicum* Willd.
Rudbeckia columnaris Sims.
 + *Sanvitalia procumbens* Lam.
 + *Scorzonera hispanica* L.
 " *villosa* Scop.
 + *Serratula coronata* L.
Senecio aethensis Jaub.
 " *adonidifolius* Lois.
 " *aurantiacus* L.
 " *cordatus* Nutt.
 + *Silybum Marianum* Gärt.
 + *Sonchus palustris* L.
 " *asper* L.
 + *Spilanthes oleracea* L.
Tagetes signata Bartl.
 + *Tanacetum vulgare* L.
 + *Taraxacum officinale* L.
 " *lapponicum* Kihlm.
 " *phymatocarpum* J. Wahl.
Thrinicia tuberosa DC.
 + *Tragopogon pratensis* L.
 + *Tussilago Farfara* L.
Urospermum picroides Desf.
Verbesina encelioides Benth.
Xanthium spinosum L.
 + *Xeranthemum annuum* L.
 + *Zinnia elegans* Jacq.

Semina a clar. B. B. Hryniewiecki a. 1913 in Polangen (Kurland) collecta.

Anemone Pulsatilla L.
Alectorolophus major Rechb.
Alyssum montanum L.
Carex arenaria L.
Elymus arenarius L.
Festuca rubra L. v. *arenaria*

Prof. Dr. N. J. Kusnezow,
 Horti Director.

N. P. Popow,
 Horti Assistens.

P. P. Popow,
 Horti Assistens.

Honckenya peploides Ehr.
Pinguicula vulgaris L.
Psamma arenaria Roem. et S.
Tragopogon brevirostris DC.
 " *floccosus*
Vicia hirsuta G. Koch.

Priv.-Doc. Dr.
 B. L. Hryniewiecki,
 Directoris Adjutor.

J. K. Muszynski,
 Primus Horti Cultor.

N. J. Borsczow,
 Horti Subassistens.

Г. Ф. Церетели.

НОВЫЯ КОМЕДИИ
МЕНАНДРА.

Предисловіе.

Настоящее изслѣдованіе было задумано мной непосредственно послѣ выхода въ свѣтъ первой публикаціи Lefebvre'a, посвященной изданію Каирскаго кодекса Менандра и впервые ознакомившей насъ съ остатками пяти комедій, до той поры намъ почти неизвѣстныхъ ¹⁾. Но ввиду того, что изданіе Lefebvre'a, какъ всякое editio princeps, заключало въ себѣ немало погрѣшностей и, что еще хуже, не давало вѣрнаго представленія о первоначальномъ устройствѣ рукописи и о томъ, въ какомъ порядкѣ должны слѣдовать въ ней одинъ за другимъ разрозненные листы, — ввиду этого, говорю я, мнѣ пришлось на первыхъ порахъ ограничиться предварительной разработкой только одной комедіи, а именно, „Третейскаго суда“, какъ наиболѣе хорошо сохранившейся и дававшей поэтому больше простора для разсужденій. Вслѣдъ за „Третейскимъ судомъ“ послѣдовала „Саміанка“, а затѣмъ, когда появилось первое настоящее критическое изданіе менандровскаго текста, сдѣланное въ 1910 году Koerte ²⁾, я уже могъ взяться за обработку и остальныхъ комедій, изъ числа которыхъ мной была исключена, однако, пятая, ибо сохранившіеся отъ нея обрывки 60 стиховъ оказывались слишкомъ уже недостаточными для какой бы то ни было реконструкціи ея содержанія. Итакъ, я ограничился четырьмя комедіями: „Третейскимъ судомъ“, „Героемъ“, „Саміанкой“ и „Отрѣзанной косою“, ко-

1) Lefebvre, Fragments d'un manuscrit de Ménandre (Le Caire 1907).

2) A. Koerte, Menandrea ex papyris et membranis vetustissimis (Lipsiae 1910). Ср. также A. Koerte, Zu dem neuen Menander-Papyrus in Kairo (= Ber. der phil.-hist. Cl. der K. Sächs. Ges. der Wiss. zu Leipzig IX (1908), 87 sqq.).

торыя въ моемъ переводѣ, съ приложеніемъ къ послѣднему необходимыхъ реконструкцій утраченныхъ сценъ, выясненія хода дѣйствія и разбора нѣкоторыхъ историко-литературныхъ вопросовъ, и были одна за другой опубликованы мною въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1908—1911 годы, причемъ мѣсто пятой пьесы заняла въ этой серіи комедія „Земледѣлецъ“, сохраненная Женевскимъ папирусомъ 155.

Всѣ эти статьи, согласно моему первоначальному плану, должны были служить своего рода подготовительной работой для задуманной мной отдѣльной монографіи, въ которой я хотѣлъ дать полную картину менандровскаго творчества на фонѣ какъ новыхъ комедій Менандра, такъ и извѣстныхъ намъ раньше отрывковъ изъ другихъ его произведеній, включая сюда и римскія передѣлки, т. е., по преимуществу, Теренція. Но какъ и слѣдовало ожидать, я натолкнулся на рядъ непреодолимыхъ для меня трудностей, которыя заключались какъ въ недостаточной разработкѣ всего громаднаго матеріала, такъ и въ массѣ всякаго рода мелкихъ и крупныхъ частностей, которыя въ свою очередь требовали предварительнаго разрѣшенія и освѣщенія. Т. е., иными словами, я ясно увидѣлъ, что браться за постановку общаго вопроса еще нельзя и что сначала нужно ограничиться мелкой детальной работой, наилучшимъ основаніемъ для которой могли бы быть новонайденныя пьесы Менандра. Косвеннымъ же доказательствомъ, лишній разъ убѣдившимъ меня въ необходимости перестроить работу, явилась книга Legrand, Daos. Tableau de la comédie grecque, вышедшая въ свѣтъ въ 1910 году. И дѣйствительно, это въ общемъ отличное изслѣдованіе, поражающее колоссальной начитанностью своего автора, страдаетъ однимъ крупнымъ недостаткомъ, а именно: авторъ, поставившій себѣ цѣлью дать общую картину развитія и особенностей „новой“ комедіи, на самомъ дѣлѣ даетъ намъ не картину, а детальную, подчасъ слишкомъ уже мелочную разработку отдѣльныхъ вопросовъ, причемъ непомѣрное нагроможденіе матеріала сообщаетъ иногда всему труду оттѣнокъ сухого каталога. Но главная причина этого недостатка и кроется какъ разъ въ томъ, что Legrand'у пришлось пользоваться для своей работы, по большей части, такимъ матеріаломъ, который надо было еще систематизировать и расчи-

щать и который, слѣдовательно, не годился еще для общихъ выводовъ.

Какъ бы то ни было, убѣдившись въ несвоевременности намѣченной темы, я измѣнилъ послѣднюю, съузиль ея рамки и рѣшилъ вернуться опять къ разработкѣ вышеупомянутыхъ пяти комедій, — къ разработкѣ, которую повелъ, однако, въ болѣе широкомъ масштабѣ, чѣмъ прежде. Такъ изъ опубликованныхъ мной раньше статей только одна, а именно: „Земледѣлец“, вошла въ настоящее изслѣдованіе неизмѣненной, если не считать только кое-какихъ мелкихъ добавокъ чисто-корректирнаго свойства. Что же касается остальныхъ, то всѣ онѣ, а въ особенности „Третьейскій судъ“, имѣютъ очень мало общаго съ своей прежней формой, тѣмъ болѣе, что и способъ трактовки матеріала принялъ у меня теперь нѣсколько иное направленіе. Правда, я оставилъ переводы пьесъ, оставилъ и реконструкціи послѣднихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвергъ все это новой переработкѣ, которая была необходима уже потому, что, начиная съ 1911 года, со времени выхода въ свѣтъ новой колляціи Каирскаго кодекса, сдѣланной Jensen'омъ¹⁾, установка текста менандровскихъ комедій вступила въ новую фазу развитія, завершеніемъ которой и слѣдуетъ считать второе изданіе „Menandrea“, предпринятое Koerte²⁾. Да къ тому же, благодаря опубликованію Lefebvre'омъ³⁾ новыхъ отрывковъ изъ „Третьейскаго суда“, „Героя“ и „Отрѣзанной косы“, многое въ пьесахъ должно было измѣниться, многія предположенія должны были отпасть и на многое стало возможнымъ дать болѣе опредѣленные отвѣты, чѣмъ раньше. Изъ всего этого ясно, что и переводы и реконструкціи по необходимости должны были тоже видоизмѣниться, дабы отвѣчать послѣднему слову науки и быть настоящими переводами и реконструкціями.

Но все это относится, такъ сказать, къ числу тѣхъ измѣненій, которыя напрашивались сами собой и безъ которыхъ немислима никакая научная работа. Однако, кромѣ нихъ есть въ моемъ изслѣдованіи и другія, болѣе существенныя

1) Jensen, De Menandri codice Cairensi (= Rhein. Mus. 65 (1910), 539—577).

2) Koerte², Menandrea, Lipsiae 1912.

3) Lefebvre², Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire № 43227: Papyrus de Ménandre (Le Caire 1911).

измѣненія, на которыхъ я и хочу теперь остановиться. Недостаткомъ моихъ начальныхъ работъ по Менандру было, помимо всего прочаго, то, что я не обращалъ должнаго вниманія на многія особенности менандровскаго творчества и не выяснялъ такъ, какъ надлежало, зависимости нашего поэта отъ трагедіи Еврипида и комедіи Аристофана, хотя все это и является своего рода краеугольнымъ камнемъ, безъ котораго изученіе Менандра будетъ не только неполнымъ, но и неправильнымъ.

Вотъ этотъ недостатокъ, думается мнѣ, нѣсколько сглаженъ въ настоящемъ моемъ изслѣдованіи, ибо вездѣ, гдѣ это представлялось возможнымъ, я старался выдвигать на первый планъ все мало мальски важное, будь то самобытное менандровское, или же, наоборотъ, наносное и заимствованное, хотя бы оно и имѣло форму случайной реминисценціи. Такимъ образомъ, насколько это было въ моихъ силахъ, я попытался установить рядъ опредѣленныхъ прецептовъ, по которымъ работалъ Менандръ, и оттѣнить все то, въ чемъ сказываются отличительныя черты его таланта. И мнѣ думается, что установленіе, пусть даже не полное, всѣхъ этихъ частныхъ и является той внутренней связью, которая объединяетъ разрозненныя главы моей работы. И дѣйствительно, коль скоро мы устанавливаемъ наличность опредѣленныхъ, да притомъ еще повторяющихся слѣдовъ одной и той же манеры творчества, мы тѣмъ самымъ получаемъ возможность реконструировать эту манеру, а слѣдовательно и отдать себѣ отчетъ въ томъ, какихъ результатовъ достигъ данный поэтъ путемъ ея примѣненія. Но коль скоро это такъ, то, значить, отдѣльныя главы, въ которыхъ дѣлаются въ извѣстномъ порядкѣ отдѣльныя, иногда тождественныя наблюденія, тѣсно связаны между собою единствомъ цѣли и уже не представляютъ собой случайныхъ главъ, неизвѣстно для чего сопоставленныхъ вмѣстѣ. Что же касается общаго вывода, который можно было бы сдѣлать на основаніи частныхъ наблюденій, разбросанныхъ по отдѣльнымъ главамъ, то онъ данъ мною въ введеніи, которое и подводитъ въ краткихъ чертахъ итогъ всему тому, о чемъ гораздо болѣе детально говорится при разборѣ каждой изъ пяти разработанныхъ мною пьесъ. Но само собой разумѣется, что ни мой общій выводъ, ни мои частныя наблюденія не претендуютъ на

исчерпывающую полноту. Мною выяснено только, въ чемъ и поскольку зависитъ Менандръ отъ трагедіи и „древней“ комедіи; что внесено имъ въ драму такого, чего до него не было, а если и было, то не въ достаточно развитой степени; что именно составляетъ самобытность его таланта и его манеры; каковы его взгляды философскіе, политическіе и социальныя, и на чемъ, по преимуществу, останавливаетъ онъ вниманіе въ своихъ пьесахъ, являющихся отраженіемъ самой сѣренькой обыденщины. Вотъ всѣ эти вопросы такъ или иначе затронуты въ моей работѣ, причемъ главнымъ образомъ интересовало меня отношеніе Менандра къ трафаретнымъ комическимъ типамъ, отношеніе, главная суть котораго заключается въ томъ, что типы, сохраняя свои условныя черты, превращаются тѣмъ не менѣе, благодаря глубокой психологической обработкѣ, въ тонко очерченные индивидуальныя характеры.

Но говоря обо всемъ выше-поименованномъ и коснувшись сверхъ того, поскольку это было возможно, тѣхъ особенностей Менандра, которыя сказываются въ способѣ веденія имъ дѣйствія, я оставилъ въ сторонѣ, и притомъ намѣренно, два вопроса, а именно, вопросъ о роли монолога и діалога въ его комедіяхъ, а также вопросъ о томъ, на сколько актовъ распадались его пьесы. Причина же, побудившая меня къ этому, заключается въ слѣдующемъ.

Что касается вопроса объ актахъ, то пока — и я убѣжденъ въ этомъ — мы не можемъ рѣшить его мало мальски удовлетворительно, ибо тѣ данныя, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, могутъ привести насъ въ лучшемъ случаѣ къ построенію нѣсколькихъ, одинаково вѣроятныхъ гипотезъ. И дѣйствительно, сами комедіи Менандра не включаютъ въ себѣ на этотъ счетъ ничего опредѣленнаго; показанія древнихъ авторовъ противорѣчатъ одно другому, а пьесы Теренція и Плавта сами еще нуждаются въ томъ, чтобы вопросъ о дѣленіи ихъ на акты былъ рѣшенъ и освѣщенъ соотвѣтствующимъ образомъ. Далѣе, поскольку дѣло идетъ о монологѣ, то вопросъ этотъ во всей его полнотѣ уже разслѣдованъ Leo въ его „Der Monolog im Drama“, такъ что мнѣ пришлось бы только повторять его выводы, причемъ, опять таки въ приложеніи къ Менандру, матеріалъ, имѣющійся въ нашихъ рукахъ, слишкомъ еще неполонъ и недоста-

точенъ для надлежащей его оцѣнки. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ діалогомъ. Здѣсь дѣйствительно дается намъ хорошее поле для наблюдений надъ тѣмъ, съ какимъ искусствомъ ведетъ Менандръ діалогическія партіи, утилизируя, при составленіи ихъ, прецеденты какъ „древней“ комедіи, такъ и трагедіи Еврипида. Но въ томъ-то и дѣло, что для освѣщенія этого вопроса намъ пришлось бы производить особую чисто-филологическую работу, которая отвела бы насъ отъ нашей прямой цѣли и потребовала бы спеціальнаго изслѣдованія, носящаго сравнительный характеръ и не входящаго въ рамки нашего труда, какъ мы ихъ себѣ поставили.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о той литературѣ предмета, которой мнѣ пришлось пользоваться и которая сводится почти исключительно къ мелкимъ статьямъ и замѣткамъ далеко не одинаковой цѣнности. Само собой разумѣется, что вся эта литература привлечена мной къ изслѣдованію, но привлечена лишь постольку, поскольку отдѣльныя ея проявленія соотвѣтствуютъ той установкѣ текста менандровскихъ комедій, которая проведена Koerte въ его второмъ изданіи „Menandrea“, бывшимъ исходнымъ пунктомъ для всей моей работы. Въдѣ при той неопредѣленности, которая еще недавно царствовала, а до нѣкоторой степени царствуетъ и теперь по отношенію къ тексту „новыхъ“ комедій Менандра, многія статьи выбывали изъ строя сразу послѣ своего выхода въ свѣтъ, и лишь очень немногія сохраняли во всей своей цѣлости болѣе длительное значеніе, чего нельзя сказать, напр., про работы Robert'a, а тѣмъ болѣе Carrs'a, грѣшачія фантастичностью и чрезмѣрной смѣлостью всѣхъ своихъ реконструкцій и гипотезъ. Но благодаря этому вся громадная, на первый взглядъ, литература предмета сводится въ концѣ концовъ къ небольшому числу руководящихъ статей, которыя и можно было утилизировать, поскольку онѣ не противорѣчили моимъ личнымъ взглядамъ и мыслямъ, въ особенности по вопросу о реконструкціяхъ утерянныхъ частей той или другой пьесы. Но есть двѣ работы, которыя я не считалъ нужнымъ привлекать къ своему изслѣдованію ввиду ихъ полной, на мой взглядъ, негодности, а именно: *Unus multorum*, *The lately discovered fragments of Menander* (Oxford 1909) и *L. N. de Olwer, El teatro de Menandro* (Barcelona 1911). И дѣйствительно, первая пред-

ставляетъ собой очень плохой текстъ и переводъ „новыхъ“ комедій Менандра, сдѣланный безъ достаточнаго знанія греческаго языка, а вторая, заключающая въ себѣ еще больше претензій, чѣмъ первая, сводится къ очень слабому историко-литературному введенію, за которымъ слѣдуетъ греческій текстъ, не носящій на себѣ никакихъ слѣдовъ самостоятельности автора, если не считать только кое-какихъ коньектуръ довольно сомнительнаго достоинства. Что же касается литературныхъ достоинствъ приложеннаго къ тексту перевода, то объ этомъ я не берусь судить, но думаю все-же, что и переводъ, коль скоро онъ базируется на плохомъ текстѣ, не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого серьезнаго значенія.

Теперь послѣ того, какъ я выяснилъ общій характеръ и основную цѣль моей работы и отмѣтилъ особенности той научной литературы, которой мнѣ пришлось пользоваться, мнѣ остается прибавить ко всему сказанному только одно, а именно: я не могу, конечно, судить о томъ, насколько удалась мнѣ моя попытка возстановленія и толкованія „новыхъ“ комедій Менандра, равно какъ и данная мною характеристика послѣдняго, — самому автору трудно судить объ этомъ! Но даже если бы многое и оказалось въ моихъ построеніяхъ или невѣрнымъ, или же недостаточно обоснованнымъ, я надѣюсь все-таки, что мой трудъ, несмотря на всѣ свои недостатки, можетъ дать нѣкоторое представленіе о наиболѣе крупномъ поэтѣ „новой“ комедіи, — о томъ поэтѣ, котораго надлежащимъ образомъ оцѣнили и поняли не современники его, а лишь послѣдующія поколѣнія, на что указываютъ, между прочимъ, и такія слова Квинтилиана: „*nam quidam sicut Menander iustiora posteriorum quam suae aetatis iudicia sunt consecuti*“.

Г. Церетели.

Юрьевъ.

7 ноября 1913 года.

Оглавление.

	Стр.
Введение	1
I: Герой	41
II: Третейский судъ	105
III: Саманка	299
IV: Земледѣлецъ	365
V: Отрѣзанная коса	399
Приложение	487

Введеніе.

„Во всѣхъ безъ исключенія пьесахъ Менандра“ — говоритъ Плутархъ¹⁾ — „есть нѣчто, ихъ объединяющее, а именно, любовь, которая проникаетъ ихъ какъ бы однимъ общимъ дыханіемъ“. И дѣйствительно, чтò занимаетъ въ Менандровскихъ комедіяхъ первое мѣсто, какъ не любовь со всѣми ея перипетіями, и что иное, какъ не она, является главнымъ рычагомъ, приводящимъ въ движеніе сложную конструкцію той или другой пьесы?

Правда, мнѣ могутъ сказать, что эта склонность къ разработкѣ любовныхъ мотивовъ присуща не одному Менандру, но вообще всей „новой“ комедіи, и что уже въ комедіи „средней“ любовь, какъ факторъ дѣйствія, играетъ довольно опредѣленную и притомъ довольно значительную роль²⁾. Все это, конечно, такъ, и я, конечно, не буду отрицать этого.

И тѣмъ не менѣе основное положеніе Плутарха остается во всей своей силѣ. Остается же оно въ силѣ потому, что представляетъ собой какъ бы общій выводъ изъ другихъ сужденій древности о нѣкоторыхъ особенностяхъ Менандровскаго творчества, изъ сужденій, въ которыхъ то и дѣло вы-

1) Plutarch. de amore, 1 (= Plutarchi moralia, ed. Bernardakis, VII, 130): τῶν Μενάνδρου δραμάτων ὁμολῶσ ἀπάντων ἐν συνεκτικόν ἐστίν, ὁ ἔρωσ, οἷον πνεῦμα κοινόν διαπεφυκῶσ.

2) См. Legrand, Daos. Tableau de la comédie grecque (Lyon-Paris 1910), 317 sq; A. di Bella, La commedia di Menandro (Catania 1912), 146 sq.

двигается на первый планъ склонность поэта къ трактовкѣ вопроса о „страсти нѣжной“, что между прочимъ дало и Овидію полную возможность сказать :

*fabula iucundi nulla est sine amore Menandri*¹⁾.

Но, поднимая и трактуя на разные лады вопросъ о любви и объ ея проявленіяхъ въ жизни, чьей уже раньше проложенной дорогой шелъ Менандръ и кто былъ на этомъ пути его настоящимъ предшественникомъ? Подобнымъ предшественникомъ не былъ, конечно, Аристофанъ и „древняя“ комедія, понимавшіе любовь исключительно въ смыслѣ удовлетворенія грубой похоти²⁾. Равнымъ образомъ, не могли играть здѣсь большого значенія и представители „средняго“ комическаго жанра, ибо, насколько можно судить по отрывкамъ изъ ихъ пьесъ, они очень рѣдко разсматривали любовь съ психологической точки зрѣнія и вовсе не пытались заглядывать въ тайники человѣческаго духа³⁾. Единственнымъ настоящимъ предшественникомъ Менандра былъ Еврипидъ, тотъ самый трагикъ, про котораго авторъ трактата „О высокомъ“ нашель возможнымъ сказать слѣдующее: „Еврипидъ, какъ никто другой, не щадить усилій, стараясь вскрыть въ трагедіи два чувства: безумство и любовь, и въ этомъ я не могу указать ни на кого другого, болѣе, чѣмъ онъ удачливаго“⁴⁾.

И дѣйствительно, только со времени Еврипида любовь, какъ таковая, входитъ въ греческую драму въ качествѣ одного изъ двигателей дѣйствія и только съ этого времени герои трагедіи начинаютъ мало по малу утрачивать свою трагическую важность, съ наличностью которой какъ будто не мирились простыя человѣческія чувства, вродѣ

1) Ovid., Trist. II, 1, 369.

2) Если не считать комедіи Аристофана *Κόμχαλος*, въ которой, согласно замѣчанію анонимнаго автора XI Аристофановской біографіи, авторъ „*είσάγει φθορὰν καὶ ἀναγυρωτισμὸν καὶ τᾶλλα πάντα, ἃ ἐξήλωσε Μένανδρος*“. См. D ü b n e r, Scholia graeca in Aristophanem, XXVIII.

3) Ср. однако Legrand, о. с., 318.

4) Ps.-Longin. de subl., XV, 3; ἔστι μὲν οὖν φιλοπονώτατος ὁ Εὐριπίδης δύο ταῦτι πάθῃ, μανίας τε καὶ ἔρωτας, ἐκτραγωδῆσαι, γὰρ τούτοις ὡς οὐκ οἶδ' εἴ τισιν ἑτέροις ἐπιτυχέστατος. Не лучше ли вм. εἴ τισιν ἑτέροις читать: εἴ τις ἕτερος, какъ предлагалъ это еще Stanley? Въ своемъ переводѣ я этой коньектурѣ и слѣдую.

чувствъ — обыкновенной любви и страсти¹⁾. Но несмотря на все стремленіе Еврипида какъ можно болѣе очеловѣчивать своихъ героевъ или, вѣрнѣе, приближать ихъ къ образамъ простыхъ людей, ему не удалось сдѣлать этого въ полной мѣрѣ, ибо ему мѣшали и традиціи того жанра, въ которомъ онъ работалъ, и условность тѣхъ мифовъ и сказаній, которыми онъ пользовался. Въ результатѣ же этого и весь еврипидовскій реализмъ заключалъ въ себѣ не мало чертъ, какъ будто бы и не подходящихъ къ настоящему реализму, а именно, повышенность общаго тона и отдѣльныхъ положеній, не говоря уже о той трагичности и важности, безъ которой и трагедія не была бы трагедіей.

Но разъ это такъ, то и любовь, какъ бы реалистично ни изображалась она Еврипидомъ въ его пьесахъ, сохраняла и должна была сохранять въ своихъ проявленіяхъ нѣчто грандіозное и величественное, не подходящее ни къ обычной человѣческой жизни, ни къ тому обычному масштабу, который она въ этой жизни занимаетъ. Вотъ этимъ приуроченіемъ любовнаго мотива къ обыденной жизни и занялась „новая“ комедія, а въ особенности комедія Менандра, та самая комедія, которую Цицеронъ называетъ „speculum vitae“²⁾.

Спрашивается теперь, въ чемъ же сказалось это приуроченіе? Какъ и слѣдовало ожидать, оно сказалось прежде всего въ томъ, что любовь и страсть утратили подъ рукой Менандра свою прежнюю, чисто трагическую повышенность и тотъ, если можно такъ выразиться, героическій привкусъ, который лежитъ на нихъ въ драмахъ Еврипида. Въ связи же съ этимъ и изображенія любовныхъ чувствъ и переживаній стали болѣе обыденными, не столь приподнятыми, какъ раньше, однимъ словомъ, болѣе естественными и жизненными. А если въ чемъ либо и сохранялся еще трагическій налетъ, то развѣ

1) См. E. Rohde²⁾, Der griechische Roman, 33 sqq.; Sehrt, De Menandro Euripidis imitatore, Diss. (Gissae 1913), 17; Legrand, о с., 317. Ср. также Legrand, о с., 322, гдѣ онъ говоритъ о Клеархѣ изъ Солъ, о его работахъ, касающихся любви, и о томъ вліяніи, которое онѣ могли имѣть на комедію. Подробнѣе см. объ этомъ у E. Rohde²⁾, Der griechische Roman, 57 sq.

2) Cic. de republ., II, 69. Ср. также Manil., Astron., V, 475 sq.:

Menander

qui vitae ostendit vitam, chartisque sacrauit.

только въ томъ, что любящіе при изложеніи своихъ любовныхъ ощущеній выражались иногда не столь простымъ языкомъ, какъ обычно. Въ этомъ случаѣ, какъ и при изложеніи другихъ аффектовъ, а именно, гнѣва, ужаса, страха, ихъ рѣчь нѣтъ-нѣтъ, да и отливала трагическими блестками, пусть даже на одинъ моментъ, на одно короткое мгновеніе.

Итакъ, любовь въ изображеніи „новой“ комедіи какъ бы сошла съ тѣхъ котурнъ, на которыхъ она еще стояла у Еврипида, и сойдя съ нихъ, превратилась въ обыкновенное человѣческое чувство, присущее каждому человѣческому индивидууму, и выражаемое притомъ такъ, какъ оно обыкновенно выражается въ жизни.

Но подобная трансформация любви въ комедіи вполне понятна. Въдѣ „новая“ комедія вообще, комедія же Менандра въ частности хотѣли давать ту жизнь, среди которой онѣ развивались, то общество, для котораго онѣ существовали, тѣ чувства наконецъ и тѣ стремленія, которыя, попадаясь на каждомъ шагу, и были предметомъ ихъ наблюденія. Т. е., иными словами, онѣ хотѣли оставить въ сторонѣ излишнюю идеализацию жизни и приукрашиваніе тѣхъ или другихъ ея сторонъ и, порывая съ фикціей, хотѣли приблизиться къ настоящей дѣйствительности, что и удалось имъ, поскольку не мѣшали этому разныя условности сценическаго рода, отъ которыхъ не могъ освободиться даже такой талантъ, какъ Менандръ.

Впрочемъ, послѣдняя подробность не имѣетъ для насъ въ данный моментъ большого значенія и мы не будемъ останавливаться на ней. Для насъ гораздо важнѣе другое, а именно, детальное выясненіе того, какъ и какимъ путемъ вводилась Менандромъ въ комедію подлинная жизнь и подлинные люди со всѣми присущими имъ слабостями.

Какъ я уже говорилъ выше, основнымъ двигателемъ дѣйствія является у Менандра любовь. Эта любовь, отъ которой не застрахованы ни молодость, ни старость, служитъ для нашего комика исходнымъ пунктомъ, съ котораго все начинается и подъ влияніемъ котораго завязывается вся дальнѣйшая суета, приводимая въ концѣ концовъ къ успокоенію благодаря ряду чисто-случайныхъ обстоятельствъ. Таковъ основной фонъ каждой Менандровской пьесы, такимъ остается онъ и въ тѣхъ пяти комедіяхъ, которыя будутъ слу-

жить предметомъ нашей работы. Самъ по себѣ онъ одно-тоненъ. Всѣ только любовь и ея перипетіи. Все только одна пѣсня про Эрота и про многообразность его воздѣйствія на людей. Но эта внѣшняя однотонность сразу станетъ незамѣтной, лишь только мы попробуемъ приглядѣться повнимательнѣе къ каждой пьесѣ въ отдѣльности.

И въ самомъ дѣлѣ, если основаніемъ той или другой драмы Менандра является варьированный на разные лады любовный мотивъ, если изъ него, какъ отъ главной причины, исходятъ всѣ дальнѣйшія осложнения, то съ другой стороны не на этомъ, въ сущности говоря, зиждется главный интересъ комедіи. Онъ зиждется на иномъ, а именно, на характерахъ дѣйствующихъ лицъ, на ихъ внутреннемъ обликѣ, на особенностяхъ ихъ духовнаго склада. И вотъ съ этой точки зрѣнія пьесы Менандра поражаютъ своимъ рѣдкимъ разнообразіемъ.

Правда, тѣ группы персонажей, которыя выступаютъ передъ нами, нѣсколько трафаретны. Мы вѣчно видимъ юношей, по преимуществу отдающихся веселой жизни и очень рѣдко думающихъ о какихъ бы то ни было серьезныхъ вопросахъ; мы видимъ то ловкихъ, то глупыхъ рабовъ, такъ или иначе связанныхъ съ этими юношами и находящихся въ тайномъ или явномъ конфликтѣ съ отцами послѣднихъ; мы видимъ, наконецъ, и самихъ отцовъ, которые либо критически относятся къ молодому поколѣнію, либо, забывая о своемъ возрастѣ, идутъ по слѣдамъ сыновей, либо же, равнодушные ко всему, думаютъ только о своемъ матеріальномъ благополучіи. А рядомъ съ этими мужскими типами, какъ бы въ дополненіе къ нимъ, вырисовываются передъ нами и женскіе образы, тоже не отличающіеся на первый взглядъ особой многовидностью. И дѣйствительно, передъ нами проходятъ ряды дѣвушекъ, или находящихся на положеніи *declassées*, или имѣющихъ за собой воспоминаніе о невольномъ, когда-то совершенномъ ими проступкѣ; проходятъ гетеры, эти вѣчныя спутницы кутящей аѳинской молодежи; проходятъ образы рабынь-служанокъ, являющихся хорошими прототипами Мольеровскихъ субретокъ, и наконецъ, въ качествѣ лицъ, какъ бы замыкающихъ эту вереницу моментальныхъ фотографическихъ снимковъ, видимъ мы передъ собой замужнихъ женщинъ, то забытыхъ своими мужьями, то берущихъ надъ ними верхъ, но всегда такъ или иначе причаст-

ныхъ къ той мышинной бѣготнѣ, которая завязывается во-кругъ нихъ 1).

Вся эта галерея типовъ, дополняемая еще кое-какими образами, въ достаточной мѣрѣ графаретна, ибо она присуша не только Менандру, но почти каждой пьесѣ „новой“ комедіи, подобно тому, какъ присуши послѣдней и тѣ группы масокъ, которыя съ такой полнотой перечисляются Поллуксомъ въ его „*Ἵνομαστικόν*“ 2) и безъ которыхъ не обходилась и не могла обойтись ни одна комическая драма. Вѣдь какъ сами маски, такъ и перечисленные мною типы были одной изъ тѣхъ условностей, отъ которыхъ никакъ не могъ освободиться театръ античнаго міра, — не могъ освободиться даже тогда, когда съ легкой руки Менандра онъ вступилъ на путь настоящаго реализма!

Итакъ, съ внѣшней стороны, т. е. со стороны масокъ и со стороны своего общаго вида, менандровскіе герои не представляютъ собой чего либо особенно самобытнаго: они такъ же однотонны, какъ однотоненъ и любовный мотивъ, приводящій ихъ въ движеніе!

Но такой крупный талантъ, какъ Менандръ, не могъ, конечно, ограничиваться только однимъ внѣшнимъ воспроизведеніемъ ряда ходячихъ типовъ, созданныхъ еще до него „средней“ комедіей. Не имѣя возможности разъ и навсегда отдѣлаться отъ нихъ и принужденный пользоваться ими, какъ персонажами для своихъ комедій, онъ подошелъ къ нимъ съ другой стороны, а именно, оставивъ ихъ, какъ типы, онъ сталъ вкладывать въ cadaго изъ нихъ индивидуальныя черты, т. е., иными словами, онъ началъ дробить общіе типы на частныя характеры. Благодаря этому, хотя мы и встрѣчаемъ въ менандровскихъ пьесахъ уже знакомыя намъ по „новой“ комедіи группы дѣйствующихъ лицъ, мы почти въ каждомъ изъ этихъ лицъ находимъ нѣчто новое, выдѣляющее его изъ общаго трафарета и, такъ сказать, превращающее его въ само-

1) Ср. Manil., Astron., V, 472 sqq.:

Ardentes iuvenes, raptasque in amore puellas,
elusosque senes, agilesque per omnia servos:
quis in cuncta suam produxit saecula vitam
doctor in urbe sua linguae sub flore Menander,
qui vitae ostendit vitam, chartisque sacravit.

2) Poll., Onomast., IV, 143—154.

бытную и самостоятельную особь, которая, помимо ряда типичных особенностей, обладает еще нѣкоторыми, только ей присущими чертами.

Но при такомъ способѣ обращенія съ ходячими типами, т. е., при стремленіи поэта углубляться въ духовную сущность человѣка, въ его внутреннее „я“, исчезаетъ какая бы то ни было поверхностность, и вмѣсто внѣшнихъ типовъ, снабженныхъ внѣшними этикетками, передъ нами начинаетъ вырисовываться рядъ живыхъ людей, тѣхъ людей, которые и составляли тогдашнее общество.

Правда, я не буду говорить, что это вдумчивое приглядываніе къ людямъ, къ тому, что совершается въ ихъ душѣ, и къ тѣмъ частностямъ, которыя и дѣлаютъ изъ человѣка вообще опредѣленную личность, — что всё это впервые было внесено въ греческую драму Менандромъ. Подобное утвержденіе было бы, конечно, неправильнымъ. Нѣтъ, у Менандра были предшественники, и самымъ главнымъ изъ нихъ является, внѣ всякаго сомнѣнія, Еврипидъ.

И дѣйствительно, Еврипидъ, болѣе чѣмъ кто либо изъ драматиковъ, сумѣлъ не только приблизиться къ жизни, не только упростить, по мѣрѣ возможности, общій тонъ трагедіи, но и взглянуть на своихъ героевъ, не какъ на героевъ того или другого мѣта, а какъ на простыхъ людей, очень похожихъ на тѣхъ обыденныхъ людей, которыхъ онъ видѣлъ передъ своими глазами. И лишь только трагическіе герои были взяты подъ такимъ угломъ зрѣнія, лишь только они начали снисходить до настоящей жизни, вся ихъ психика тоже упростилась, и поэтъ уже могъ съ большей точностью и увѣренностью наблюдать за ихъ душевными движеніями, за игрой ихъ характеровъ, за всѣмъ тѣмъ, что, находясь внутри ихъ, и обусловливало съ ихъ стороны тотъ или другой образъ дѣйствій.

Этимъ путемъ было положено начало очеловѣченію драмы и въ общихъ чертахъ была намѣчена та дорога, по которой и надо было идти всякому, кого интересовали люди, какъ таковые, тѣ самые люди, среди которыхъ приходилось жить поэтамъ и которые очень часто являлись обладателями самыхъ неприглядныхъ качествъ.

Но если Еврипидъ, несмотря на всё свое стремленіе къ точной передачѣ дѣйствительности, не могъ, ввиду требованій трагедіи, изображать вполнѣ реальные характеры и дол-

женъ былъ то и дѣло переходить отъ реализма къ большей или меньшей идеализаціи; если онъ, съ другой стороны, могъ лишь до извѣстной степени давать картину нравовъ современной ему эпохи и давать притомъ такъ, чтобы она не особенно нарушала трагическую иллюзію, то совершенно въ иномъ положеніи находился Менандръ и „новая“ комедія.

Ко времени Менандра, благодаря усиліямъ Аристотеля и вообще всей перипатетической школы, „вся окружающая насъ пустая и мелочная жизнь была объявлена интересной — и вотъ реализмъ широкой струей вливается въ искусство и поэзію“¹⁾. То, что для Еврипида было только искомымъ, становится теперь какъ бы обязательнымъ. Внѣшнія формы драмы, мало подходившія къ „воспріятію новаго содержанія“, не могутъ помѣшать проникновенію послѣдняго²⁾. Комедія, базируясь отчасти на завѣтахъ Еврипида, отчасти на наблюденіяхъ перипатетиковъ, и въ частности Теофраста³⁾, переходитъ къ бытонаблюденію и къ бытоописанію, причемъ, если комедія „средняя“ ограничивается по преимуществу собираніемъ внѣшнихъ чертъ жизни, то „новая“, во главѣ съ Менандромъ, старается войти въ самую глубь послѣдней и, передавая разныя ея стороны, сосредоточиваетъ свое вниманіе на человѣкѣ, который и становится центромъ ея наблюденій.

Приэтомъ, въ противовѣсъ „древней“, а отчасти и „средней“ комедіи, Менандръ изгоняетъ изъ своихъ пьесъ к а р р и к а т у р у: она, какъ и противоположная ей идеализація, не подходила къ требованіямъ реализма, подобно тому, какъ не подходила сюда и фантастичность сюжетовъ, которую мы постоянно встрѣчаемъ у Аристофана. Жизнь, какъ таковая, человѣкъ, какъ представитель и выразитель этой жизни, — вотъ двѣ цѣли, которыя ставилъ себѣ Менандръ и къ достиженію которыхъ онъ стремился.

Однако, ставя себѣ эти цѣли, онъ, опять таки въ противовѣсъ „древней“ комедіи, не хотѣлъ быть критикомъ, высмѣвающимъ или бичующимъ какъ общественныя явленія,

1) Э. Ф. Зѣлинскій, Геродъ и его бытовыя сценки, 6 [= Филологическое Обозрѣніе, II, (1892)]; Legrand, о. е. 322 sqq.

2) Э. Ф. Зѣлинскій, о. с., 6.

3) О той роли, которую сыграло его сочиненіе „Характеры“ см. Зѣлинскій, о. с., 3 слл. и Legrand, о. с., 323 sq. Ср. также Reisch, Der Mimus, I, 307—314.

такъ и причастныхъ къ нимъ людей. Критика и сатира были чужды ему, если не считать только кое-какихъ слабыхъ отголосковъ, унаслѣдованныхъ имъ отъ того времени, когда комедія была еще выразительницей общественной совѣсти.

Но это время уже давно прѣшло, прошло вмѣстѣ съ главенствомъ и самостоятельностью Аѳинъ, вмѣстѣ съ крупными общественными и политическими интересами, прошло навсегда, безъ всякой надежды на возрожденіе. Отсюда ясно, что всякому наблюдателю общественной жизни приходилось нѣсколько ограничивать свой внѣшній кругозоръ, коль скоро онъ не хотѣлъ отзываться на всякія мелочи пустого и ни къ чему не ведущаго политиканства.

Съ другой же стороны не по вкусу была Менандру и роль пророка-обновителя социальныхъ условій жизни. Правда, онъ умѣлъ присматриваться къ нимъ, умѣлъ иногда устами своихъ персонажей косвеннымъ образомъ выражать свое неодобреніе. Но всё это дѣлалось имъ походя, какъ дѣлается это любимъ писателемъ, дѣлается даже тогда, когда отмѣчаемыя имъ язвы и не возбуждаютъ въ немъ особеннаго негодованія. Вѣдь не надо забывать, что Менандръ прежде всего былъ поэтомъ „божьей милостью“, поэтомъ, для котораго на первомъ планѣ стояло искусство ради искусства и который съ большой неохотой отвлекался отъ этого въ сторону другихъ, далекихъ для него интересовъ! Тотъ путь, по которому шелъ Менандръ, былъ путемъ наблюдателя-психолога, именно, психолога, который, созерцая картину открывающейся передъ нимъ жизни, не столько негодуетъ на совершающееся передъ его глазами, сколько интересуется этимъ, и который на основаніи всего, что онъ видитъ, воспроизводитъ съ достаточной безпристрастностью всю окружающую его дѣйствительность.

Но приэтомъ, какъ я уже говорилъ выше, наиболѣе притягивающимъ элементомъ были для Менандра люди со всѣми ихъ мелкими страстями, невзгодами и радостями. Эти люди, каково бы ни было ихъ внутреннее содержаніе, не сердили и не возмущали поэта: онъ бралъ ихъ такими, каковы они есть, онъ старался проникнуть въ ихъ душу, уловить всё то, что въ ней происходитъ, отдать себѣ отчетъ въ духовныхъ особенностяхъ каждаго индивидуума и затѣмъ изъ всего этого создать нравственный его обликъ, затемняе-

мый обыкновенно или условіями жизни, или какими нибудь внѣшними проявленіями отрицательнаго характера.

Такимъ образомъ, всякій человѣкъ распадался для Менандра на внѣшняго и внутренняго. Внѣшній человѣкъ, — тотъ всегда заключалъ въ себѣ рядъ типическихъ чертъ, навѣянныхъ либо возрастомъ и профессіей, либо социальнымъ положеніемъ, и въ силу этого могъ иногда почти что не отличаться отъ другого, находящагося въ такихъ же условіяхъ, какъ и онъ. Зато, что касается до внутренняго человѣка, то тутъ поэтъ получалъ больше простора, ибо здѣсь уже не было того трафарета, по которому, какъ по линіи, можно было выравнивать ряды ходячихъ типовъ.

И вотъ, когда Менандръ начинаетъ умѣлой рукою вскрывать передъ нами духовную сущность своихъ героевъ, мы сразу видимъ передъ собой живыхъ, оригинальныхъ людей, руководимыхъ каждый своимъ характеромъ и очень часто гораздо болѣе интересныхъ, чѣмъ можно было бы ожидать отъ ихъ внѣшняго вида.

Но говоря о болѣе или меньшей интересности менандровскихъ персонажей, я не хочу сказать этимъ, что они представляютъ собой нѣчто, возвышающееся надъ общимъ человѣческимъ уровнемъ. Ничего подобнаго въ нихъ нѣтъ: они — самые обыкновенные люди, взятые изъ обычныхъ жизненныхъ условій и обстановки и вовсе не претендующіе на наличность какихъ нибудь крупныхъ достоинствъ. Ихъ интересъ заключается просто въ томъ, что они — живые люди, реальные характеры, способные на самостоятельное выступленіе и одинаково доступные какъ хорошимъ, такъ и дурнымъ побужденіямъ. Приэтомъ эти ихъ побужденія вовсе не отличаются глубиной или серьезностью, и очень рѣдко заходятъ за границы личной жизни.

И тѣмъ не мѣнѣе, когда поэтъ, сообразуясь съ характерами своихъ героевъ, начинаетъ устами послѣднихъ выражать волнующія ихъ чувства, эти мелкіе люди какъ бы вырастаютъ въ своемъ значеніи и именно благодаря своей чело-вѣчности становятся для насъ и близкими и родными. Поставленные въ соотвѣтствующую драматическую обстановку, они примѣнительно къ своему развитію, складу своего ума и особенностямъ своихъ духовныхъ качествъ какъ то умѣютъ показать всю свою индивидуальность и самобытность, и насъ

начинаетъ занимать какъ ихъ нравственный обликъ, такъ и всё, въ чемъ онъ выражается.

И очень часто бываетъ, что изъ подъ внѣшняго грубаго налета жизни нѣтъ — нѣтъ, да и блеснетъ у этихъ людей какая нибудь симпатичная черточка, проглянетъ настоящее благородство и тонкость, или же наоборотъ выяснится полное безпросвѣтное паденіе и тупость, полный развалъ души, всецѣло погрязшей въ интересахъ сѣренькой обыденщины.

Однимъ словомъ, Менандръ не скользитъ по поверхности. Нѣтъ, онъ заставляетъ своихъ героевъ путемъ ихъ личныхъ соображеній, разсужденій, думъ и дѣйствиій вскрывать всю ихъ внутреннюю подоплеку, воспроизводить всѣ ихъ чувства и волненія, показывать наконецъ, чтò происходитъ въ ихъ совѣсти и какова эта совѣсть. Благодаря этому, мы видимъ вѣчную игру ихъ души со всѣми ея переливами и каждое движеніе этой души намъ глубоко понятно и интересно.

Такъ, напр., когда въ „Героѣ“ въ лицѣ раба Дава передъ нами выступаетъ наивный и мечтательный идеалистъ и когда во всемъ, и въ тонѣ своей рѣчи и въ способѣ выраженія своихъ ощущеній, онъ выясняетъ намъ, чѣмъ и какъ онъ живетъ, къ чему онъ стремится и на что, на какія жертвы, готовъ онъ пойти, — тогда сразу охватываетъ насъ чувство расположенія къ нему и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарность къ самому поэту, сумѣвшему показать, какой тонкій характеръ скрывается въ Давѣ подъ грубой оболочкой простого раба. Но не менѣе живо интересуется насъ и полная противоположность Дава, его другъ, рабъ Гета, эгоистъ и практикъ, характеръ, не отличающійся такой сложностью, какъ первый. А интересуется онъ насъ потому, что и здѣсь мы видимъ нѣчто самобытное, самодовлѣющее, видимъ не трафаретъ, но живого человѣка, который тоже имѣетъ свое „я“ и который во всемъ своемъ выступленіи тоже отзываетъ подлинной жизнью, подлинной дѣйствительностью.

Итакъ, въ пьесахъ Менандра передъ нами проходятъ не только представители разныхъ классовъ общества, взятые въ освѣщеніи ихъ классовыхъ примѣтъ, но — и это гораздо важнѣе — настоящіе люди со всѣми извилами ихъ характеровъ, со всей причудливостью и измѣнчивостью ихъ аффектовъ, со всѣмъ тѣмъ, на чемъ такъ или иначе лежитъ отпечатокъ рѣзкой и ясно-выраженной индивидуальности.

И на всѣхъ людей поэтъ, ихъ воспроизводящій, смотритъ спокойно и безпристрастно, смотритъ, какъ объективный наблюдатель, почти не высказывая своего мнѣнія, а если и высказывая его, то только отдѣльными намеками, да и то лишь тогда, когда эти намеки, вкладываемые имъ въ уста его персонажей, вполнѣ подходятъ къ данному лицу или къ данной ситуаціи. Благодаря этому самого поэта не видно. Кажется, что всё идетъ вполнѣ самостоятельно, безъ всякаго участія въ его стороны; что всѣ выступающія передъ нами лица дѣйствуютъ исключительно въ силу личной воли, личныхъ характеровъ, и что всё, что бы они ни дѣлали и ни думали, всё это исходитъ отъ нихъ самихъ, отъ ихъ индивидуальныхъ особенностей.

А такъ какъ герои Менандра берутся имъ изъ круговъ самаго ординарнаго общества, да къ тому же на фонѣ частной жизни и обычныхъ житейскихъ тревоженій, то само собою разумѣется, что и ихъ жизнь и ихъ интересы не заключаютъ въ себѣ особаго многообразія.

И дѣйствительно, въ чемъ проходитъ жизнь героев Менандра? Она проходитъ почти всецѣло въ устройствѣ личнаго благополучія, въ стремленіи къ достиженію личнаго счастья. Ради этого и дѣлается всё, что дѣлается: ради этого предпринимается борьба и съ людьми и съ обстоятельствами; ради этого задумываются всевозможные планы и хитрости; на почвѣ этого зарождаются удачи и неудачи, терпятъ невзгоды, начинаются душевныя терзанія.

Если же мы захотимъ приглядѣться къ этой жизни поближе, то что, спрашивается, мы въ ней увидимъ? Мы увидимъ въ ней прежде всего вѣчные переходы отъ семейныхъ ссоръ и неурядицъ къ семейному миру и согласію, а затѣмъ передъ нами вскроются одна за другой и тѣ подробности, которыми и объясняется этотъ постоянный отливъ и приливъ.

На первомъ планѣ стоитъ здѣсь обычное взаимное непониманіе дѣтей родителями, родителей — дѣтьми. А затѣмъ, помимо этой основной причины, мы начнемъ различать и цѣлый рядъ другихъ причинъ общечеловѣческаго характера, тѣхъ причинъ, которыя имѣли мѣсто раньше, имѣютъ его и теперь. Такъ у молодежи мы встрѣтимъ вѣчныя затрудненія съ вопросомъ о деньгахъ и вѣчную борьбу изъ за нихъ съ скупыми или расчетливыми отцами. Попутно вскроются

передъ нами и бракъ по принужденію, и безшабашная, разгульная жизнь, и насилія надъ дѣвушками, и выкидываніе незаконныхъ дѣтей, мѣшающихъ либо выходу замужъ, либо вообще устроенію семейнаго благополучія.

Однимъ словомъ, на каждомъ шагу мы встрѣтимъ и смѣхъ и слезы, встрѣтимъ и увидимъ какъ радость, такъ и горе, т. е., увидимъ всю изнанку того, что обыкновенно называется жизнью. И, быть можетъ, единственнымъ элементомъ, нѣсколько скрашивающимъ всю эту пеструю сутолоку, явится любовь въ разныхъ ея видахъ, та самая любовь, которую Плутархъ, какъ упомянули мы выше, называетъ началомъ, объединяющимъ всѣ пьесы Менандра.

Вообще же, если выдѣлить любовь и еще кое-какія другія свѣтлыя проявленія человѣческаго духа, то вся остальная жизнь въ прочихъ ея частяхъ, какъ рисуется она у нашего комика, окажется настоящей „мѣщанской драмой“, правда поучительной и довольно разнообразной, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень сѣренькой какъ съ точки зрѣнія общаго фона, такъ и съ точки зрѣнія всѣхъ входящихъ въ нее подробностей.

Да, но что регулируетъ эту жизнь, что вызываетъ весь укладъ послѣдней, что придаетъ ей тѣ формы, въ которыя она отливается?

Все тотъ-же человѣческій характеръ, все тотъ-же *τροπος*, надъ разработкой и оцѣнкой котораго такъ любить останавливаться Менандръ и разные оттѣнки котораго то и дѣло выясняетъ онъ въ своихъ пьесахъ. Этотъ характеръ, представляющій собой совокупность различныхъ душевныхъ качествъ, и оказывается по мнѣнію Менандра тѣмъ, что вызываетъ и обуславливаетъ жизненные явленія, по крайней мѣрѣ, въ ихъ общихъ чертахъ¹⁾. Уступая давленію характера, люди и предпринимаютъ то, что они предпринимаютъ, причѣмъ опять таки благодаря характеру многія ихъ дѣянія получаютъ нежелательную форму, — обстоятельство, которое объясняется какъ многогранностью, такъ и многовидностью человѣческаго нрава, не укладывающагося въ однѣ и тѣ-же, разъ и навсегда установленныя, рамки.

Итакъ, роль которую характеръ играетъ въ жизни лю-

1) О „характерѣ“ и объ его значеніи у Менандра я говорю подробно въ „Третьейскомъ судѣ“ (II, 7).

дей, должна быть признана очень значительной, и какъ разъ на ея счетъ и должно быть относимо многое изъ того, что выпадаетъ на долю разныхъ менандровскихъ персонажей.

Но несмотря на все значеніе этого фактора, который, по словамъ Онисима, одного изъ дѣйствующихъ лицъ „Третьскаго суда“, и является для людей настоящимъ богомъ, требующимъ обращенія, соотвѣтствующаго его достоинству¹⁾, — несмотря на это, говорю я, есть въ человѣческой жизни и другая сила, еще болѣе измѣнчивая и капризная, еще болѣе непокорная и властная, а именно, *Τύχη*, Случай.

Этотъ Случай, который какъ будто не мѣшаетъ людямъ ни въ чемъ и который словно предоставляетъ имъ полную свободу дѣйствій, дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ то, что очень часто дѣйствіе, направляемое людьми, разрѣшается не благодаря имъ, а благодаря стеченію обстоятельствъ, т. е. благодаря капризу того-же Случая.

Правда, люди, какъ думаетъ Менандръ, не всегда замѣчаютъ это. Имъ то и дѣло кажется, по свойственной имъ близорукости и невѣдѣнію, что они сами регулируютъ свою судьбу, свою долю, и то и дѣло не видятъ они, что передъ ними нѣтъ — нѣтъ, да и вырисовывается такой результатъ, который лежитъ внѣ ихъ силъ и способностей, и счастливый или несчастный исходъ котораго зависитъ не отъ нихъ, а просто отъ того, куда вздумаетъ повернуться *Τύχη*.

И выходитъ, значитъ, что роль характера въ сильной мѣрѣ ограничена и что если внѣшнее благополучіе, да и вообще весь жизненный укладъ, есть до извѣстной степени созданіе человѣческаго нрава, то, съ другой стороны, ни что не можетъ гарантировать людей отъ вмѣнательства какой-то невѣдомой, внѣ ихъ стоящей силы, которая въ состояніи какъ „дурное привести къ хорошему“, такъ и перепутать всѣ лучшія расчеты и намѣренія.

Но коль скоро жизнь, какъ таковая, является своего рода игрищемъ въ рукахъ Случая; коль скоро лучшія че-

1) Epitrep., 556 слл.:

Нашъ нравъ, — вотъ кто нашъ богъ!

И счастье и бѣда, — все отъ него зависитъ,

Его и ублажай, не дѣлая притомъ

Ни зла, ни глупости, коль хочешь быть счастливымъ!

ловѣческія побужденія и дѣйствія могутъ благодаря тому-же Случаю либо остаться втунѣ, либо быть опрокинуты, то чело-вѣку остается одно, а именно, устраивать свою жизнь, свое существованіе примѣнительно къ лучшимъ сторонамъ своего внутренняго „я“, ибо при соблюденіи этого условія у него будетъ, по крайней мѣрѣ, утѣшеніе въ личной правотѣ, — единственный, ясный результатъ, котораго можно достигъ при общемъ колебаніи и неизвѣстности!

Такова въ общихъ чертахъ философія Менандра и его взглядъ на цѣнность жизни, взглядъ, который то проводится имъ черезъ посредство его героевъ, то самъ собой напрашивается на выводъ по мѣрѣ развитія разныхъ жизненныхъ осложнений, съ большей или меньшей полнотой развертывающихся въ той или другой изъ его пьесъ.

Изъ всего, до сихъ поръ сказаннаго, ясно, что предметомъ менандровской комедіи было изображеніе обычной чело-вѣческой жизни, по преимуществу же бытовой ея стороны; что на фонѣ этой жизни выводились разные представители отдѣльныхъ классовъ общества и что, наконецъ, эти представители разсматривались не только съ внѣшней, чисто клас-совой стороны, но главнымъ образомъ со стороны своихъ душевныхъ переживаній, своихъ характеровъ, своихъ мыслей и взглядовъ. Скажу больше: внутреннимъ движеніямъ каждаго даннаго лица отводилось преимущественное внима-ніе и на игрѣ разныхъ проявленій чело-вѣческаго духа и со-средоточиваль Менандръ всю силу своего психологическаго анализа.

Приэтомъ, какъ мы могли видѣть, онъ старался воз-держиваться отъ излишней критики, какъ самихъ людей, такъ и созданнаго ими уклада и формъ жизни, и предпочи-талъ оставаться спокойнымъ созерцателемъ всего того, что онъ видѣлъ и что считалъ интереснымъ для точнаго и все-сторонняго воспроизведенія.

Люди, каковы бы они ни были, не сердили его; ихъ подчасъ безалаберная жизнь не выводила его изъ равновѣсія. Напротивъ того, онъ смотрѣлъ на нихъ съ чувствомъ глубо-кой симпатіи, онъ любилъ ихъ, какъ объекты своихъ наблю-деній, и ввиду убѣжденія въ ограниченности и случайности всего мірскаго какъ бы извинялъ и прощаль имъ всѣ ихъ эксцессы, всю пустоту и мелочность ихъ исканій. Единствен-

ное, что позволялъ онъ себѣ по ихъ поводу, это — показывать всю ихъ близорукость, а также изъ сопоставленія разныхъ персонажей дѣлать яснымъ, что истинное благородство и чуткость не имѣеть ничего общаго съ человѣческимъ распредѣленіемъ его по классамъ, могущимъ или не могущимъ быть его носителями ¹⁾).

И вотъ когда послѣ такого сопоставленія дѣлалось очевиднымъ, что чистота и высота душевныхъ побужденій зависятъ отъ *φύσις*, а не отъ *δόξα*, выходило наружу тайное желаніе поэта показать всю тщету людскихъ предрасудковъ и начинала сквозить ироническая усмѣшка надъ такъ называемымъ мнѣніемъ общества.

Но высказывая или, вѣрнѣе, иллюстрируя примѣрами подобные взгляды гуманнаго человѣка, далеко опередившаго своихъ современниковъ, Менандръ опять таки только развивалъ и съ большей точностью обосновывалъ взгляды Еврипида, перваго въ греческой драмѣ печальника о всѣхъ слабыхъ, забытыхъ и униженныхъ, всѣхъ тѣхъ, кто до него почти что не входилъ въ число лицъ, достойныхъ вниманія или разсмотрѣнія ²⁾). Да и вообще всё это гуманное отношеніе къ людямъ, это желаніе какъ нибудь разобраться въ различіи ихъ духовной сущности, — всё это, если я не ошибаюсь, должно быть относимо, какъ къ началу своему, къ Еврипиду, въ которомъ и слѣдовало бы видѣть создателя духа „новой“ комедіи.

Итакъ, я считаю вполне возможнымъ усматривать во многихъ взглядахъ Менандра отраженіе еврипидовскихъ прецедентовъ, и между прочимъ вижу я это отраженіе и въ томъ взглядѣ, котораго держится Менандръ на „женскій“ вопросъ и который всего опредѣленнѣе изложенъ имъ въ его „Третьемъ судѣ“.

Вѣдь какъ ни какъ, но вопросъ о положеніи женщинъ и объ ихъ правахъ былъ поднятъ въ греческой драмѣ Еврипидомъ, причемъ именно у Еврипида, какъ видно это, напр.,

1) Ср., напр., кажущееся благородство Харисія изъ „Третьякаго суда“ и настоящее — Габртононь, а также личность Сирика и старика Смикрина. См. гр. И. И. Толстой, Папирусные отрывки Менандра (= Гермесъ, X (1910), 4, отд. отд.).

2) См. то, что говорю я о генетическомъ развитіи типа „благороднаго“ раба въ „Героѣ“ (I, 1).

изъ словъ Медеи, впервые была высказана мысль о нежелательности и ненормальности того жизненнаго уклада, которымъ должны были жить аѳинскія женщины¹⁾. Равнымъ образомъ, у того же Еврипида тотъ же самый вопросъ затрагивался и въ „Авгѣ“, и затрагивался, повидимому, въ еще болѣе конкретной формѣ, а именно, въ формѣ разсужденія о томъ, къ чему, въ сущности говоря, сводятся и въ чемъ заключаются права женщинъ, дарованныя имъ самою *φύσις*²⁾. Что же касается до Менандра, то онъ лишь углубилъ этотъ вопросъ о равноправіи и, не рѣшая его во всей его полнотѣ, рѣшилъ въ томъ смыслѣ, что согрѣшившій мужчина не можетъ и не имѣетъ права быть судьей согрѣшившей женщины, — гуманный взглядъ, не нашедшій себѣ дальнѣйшаго отклика въ консервативномъ въ этомъ отношеніи сознаніи античнаго міра!³⁾.

Но не только этотъ социально-этическій вопросъ привлекалъ къ себѣ особенное вниманіе нашего комика и не его только пытался онъ рѣшить сообразно своимъ убѣжденіямъ, убѣжденіямъ чуткаго и глубоко-просвѣщеннаго человѣка.

Вѣдь въ Аѳинахъ менандровскаго времени, какъ и въ Аѳинахъ времени Еврипида, было не мало такихъ сторонъ, которыя темнымъ пятномъ ложились на бытъ и нравы тогдашняго общества. Возьмемъ хотя бы обычай выкидыванія дѣтей, какъ законныхъ, такъ и незаконныхъ, — послѣднихъ для спасенія себя отъ позора, а первыхъ для того, чтобы освободиться отъ лишней и не всегда удобной обузы.

Правда, этотъ обычай врядъ ли имѣлъ такіе большіе размѣры, какъ предполагается это въ „новой“ комедіи, гдѣ на выкидываніи дѣтей, на нахожденіи ихъ потомъ и на признаніи ихъ родителями строится почти каждая пьеса. Но во всякомъ случаѣ, даже если самый мотивъ, заимствованный

1) Eurip., Med., 230—250. См. также Бузескулъ, Женскій вопросъ въ древней Греціи (= Историческіе этюды (1911), 47).

2) Ср. конецъ „Третьскаго суда“ и въ частности ст. 583—585, изъ которыхъ можно сдѣлать подобный выводъ, а также Eurip., Auge, fr. 266 (= Nauck², Trag. gr. fragm., 437).

3) Подробнѣе говорю я обо всемъ этомъ въ „Третьскомъ судѣ“, въ той главѣ, гдѣ дается мной характеристика одного изъ героевъ пьесы, Харисія, устами котораго и высказываетъ Менандръ свой взглядъ (II, 6).

комедіей гл. обр. у Еврипида¹⁾, и является нѣсколько трафаретнымъ, то всетаки фактъ, изъ котораго онъ выведенъ, имѣлъ мѣсто въ жизни, какъ явствуетъ это изъ показаній многихъ авторовъ древности²⁾.

Такъ вотъ противъ жестокости этого обычая и выступаетъ Менандръ, идущій и здѣсь по стопамъ Еврипида, осудившаго безчеловѣчность тѣхъ, кто на это рѣшается, но осудившаго мягко, вопреки своей обычной рѣзкости³⁾. Не менѣе мягко, какъ и требовали этого условія „новой“ комедіи, говоритъ о выкидываніи дѣтей и Менандръ, и всетаки въ его словахъ слышится нотка осужденія, слышится голосъ чловѣка, который съ этимъ помириться не можетъ.

По крайней мѣрѣ, въ своей пьесѣ „Отрѣзанная коса“ онъ заставляетъ героиню комедіи, Гликеру, нашедшую своего родителя, когда-то ее бросившаго, обращаться къ нему съ такими словами:

Ты бросить могъ дѣтей? Ты — ихъ отецъ? Зачѣмъ же?

И на эти слова, звучація стономъ сдержаннаго негодованія, что можетъ отвѣтить виновный отецъ? Ничего такого, что могло бы дѣйствительно оправдать или извинить его. Его отвѣтъ есть ничто иное, какъ блѣдная попытка вывернуться, и этимъ отвѣтомъ онъ доказываетъ только то, что для осуждаемаго поэтомъ обычая нѣтъ никакого извиненія. „Этотъ обычай жестокъ, онъ разрушаетъ всякую идею семьи, онъ долженъ быть откинутъ“, — вотъ единственный выводъ, который только и могла сдѣлать публика, видя косвенный упрекъ себѣ въ этихъ словахъ героини пьесы, устами которой говорилъ самъ поэтъ, гуманнѣйшій представитель своей эпохи и лучшій созерцатель современной ему жизни!

И мнѣ кажется, что я не ошибусь, если скажу, что эта гуманность, эта теплая отзывчивость на всякія жизненные явленія, это умѣніе, наконецъ, показывать, какъ будто и въ

1) На этомъ мотивѣ были построены между прочимъ слѣд. пьесы Еврипида: „Алопа“, „Скованная Меланиппа“, „Ионъ“, „Авга“. Ср. Sehrт, De Menandro Euripidis imitatore. Diss. (Gissae 1912), 12 сл.

2) См. Glotz, L'exposition des enfants (= Etudes sociales et juridiques sur l'antiquité grecque (Paris 1906), 187 sqq.); Schoemann-Lipsius, Griech. Altertümer, I, 545.

3) Eurip., Ion, 958 слл.; 1497.

безстрастной формѣ, все то печальное, скучное, а подчасъ и уродливое, что въ дѣйствительной жизни проходило незамѣченнымъ для зрителей, — что эта особенность Менандра дѣйствительно ощущается въ каждой его комедіи. И пусть все это дѣлается имъ походя, пусть оно только отдѣльными искорками вспыхиваетъ то тамъ, то здѣсь въ его пьесахъ, — подобное обстоятельство все таки не мѣшаетъ тому, что его творчество нѣтъ-нѣтъ, да и приметъ своеобразный дидактическій характеръ, своеобразный по той причинѣ, что поученіе вытекаетъ какъ-то само собой изъ набрасываемыхъ поэтомъ образовъ, характеровъ и положеній.

И невольно дѣлается такъ, что зритель или читатель начинаетъ задумываться надъ многимъ, на что раньше онъ и не обращалъ должнаго вниманія. Онъ начинаетъ задумываться надъ взаимными человѣческими отношеніями, надъ вопросомъ о неравномѣрномъ распредѣленіи классовыхъ преимуществъ, надъ тяжелымъ положеніемъ сиротъ, женщинъ и рабовъ, надъ всякими людскими страстями и вытекающими изъ нихъ послѣдствіями, — однимъ словомъ, онъ задумывается надъ всей той жизнью, къ которой онъ привыкъ и привыкъ до такой степени, что уже пересталъ воспринимать ее съ надлежащей критикой. А между тѣмъ, какъ показываетъ поэтъ, есть, что критиковать, есть, надъ чѣмъ думать!

Однако, говоря о дидактизмѣ менандровской комедіи, мы должны прибавить еще, что она не была бы наслѣдницей трагедіи Еврипида, если бы отказалась вообще отъ поученія съ помощью гномическихъ сентенцій. Эти сентенціи въ ней тоже есть, но только въ противоположность еврипидовскимъ онѣ всегда бываютъ къ мѣсту и всегда вытекаютъ изъ даннаго положенія или характера, т. е., иными словами, онѣ такъ органически связаны съ отдѣльными деталями пьесъ, что ихъ гномическій, поучающій тонъ не вноситъ въ пьесы какого бы то ни было диссонанса. Такъ, напр., когда Сирискъ изъ „Третьскаго суда“ говоритъ съ присущимъ ему эмфазомъ:

Самъ знаешь, правосудье

во всемъ, всегда должно брать верхъ и перевѣсъ,

и кто бы ни былъ тутъ, пещись о немъ обязанъ! —,

или когда Давъ изъ „Земледѣльца“ произноситъ слѣдующія слова:

Ты долженъ быть богатымъ,
иль жить на сторонѣ, гдѣ нищету твою
не всякій разглядитъ! Для этого деревня
и одиночество — желаннѣе всего! —

то подобныя сентенціи, число которыхъ можетъ быть увеличено до бесконечности, несмотря на весь свой поучающій тонъ, очень хорошо гармонируютъ съ характерами выводимыхъ лицъ, настолько хорошо, что кажутся словно пригнанными къ нимъ и ужъ, конечно, нисколько не выходящими за предѣлы тѣхъ рѣчей, которыя могутъ или должны произноситься даннымъ человѣкомъ при данной ситуациі¹⁾.

Отсюда ясно, что въ комедіи Менандра никоимъ образомъ не могло быть излишняго количества сентенцій, ибо это мѣшало бы естественности дѣйствія, и что съ другой стороны эти сентенціи не могли отличаться особенною философскою глубиной, ибо будь она на лицо, это не подошло бы къ тому обычному сѣренькому обществу, которое и играло главную роль въ любой менандровской пьесѣ. Ввиду этого, общій тонъ поученій почти что не возвышается надъ уровнемъ ординарныхъ прописей греческой ходячей морали и вовсе не заключаетъ въ себѣ чего нибудь оригинальнаго или самобытнаго.

Напротивъ того, онъ довольно баналенъ: передъ нами просто на просто проходитъ, согласно выраженію Плутарха²⁾, рядъ *γνωμολογίαι χρησταί και ἀφελείς*, тѣхъ *γνωμολογίαι*, которыя могутъ быть высказаны любымъ человѣкомъ, вовсе неотличающимся ни тонкостью ума, ни какимъ либо особеннымъ развитіемъ.

И дѣйствительно, къ чему, въ сущности говоря, сведется содержаніе этихъ поученій? Оно сведется къ чисто житейскимъ совѣтамъ насчетъ того, какъ слѣдуетъ жить къ мы-

1) Этотъ фактъ и многіе другіе, ему подобныя, еще одинъ лишній разъ доказываютъ, какъ неправильно поступали ученые, когда, до открытія „новыхъ“ комедій Менандра, они на основаніи массы дидактическихъ фрагментовъ изъ пьесъ нашего поэта, дѣлали изъ него какого-то отвлеченнаго проповѣдника морали, чего на самомъ дѣлѣ, конечно, не было и что придавало образу Менандра вовсе не присущія ему черты. Этимъ испорчена, напр., красивая работа Lübke, *Menander und seine Kunst* (Berlin 1892), а также не ушелъ отъ этого и Denis, *La comédie grecque*, II, 447 слл.

2) Plut., *Quaest. conviv.*, VII. 712 B (= *Plutarchi moralia*, ed. Bernardakis, IV, 290).

слямъ насчетъ цѣнности дружбы или денегъ, къ разнаго рода соображеніямъ по поводу бѣдности и богатства, любви и ненависти, кривды и правды, — однимъ словомъ, сведется ко всему тому, на чемъ такъ любила останавливаться еще дидактическая элегія.

Что же касается до передачи путемъ гномъ отвлеченныхъ философскихъ теорій и ученій, то, насколько я могу судить объ этомъ по новымъ комедіямъ Менандра и по извѣстнымъ намъ раньше фрагментамъ изъ другихъ его пьесъ, эта передача почти что отсутствовала.

Кое-гдѣ, правда, можно какъ будто видѣть и слышать отзвуки философіи, напр., Эпикура, какъ показываютъ это ст. 544 слл. изъ „Третейскаго суда“, заключающіе въ себѣ словно бы и эпикуровскія мысли насчетъ боговъ и ихъ роли въ міровомъ процессѣ¹⁾; но въ какой формѣ передаются однако эти мысли? На мой, по крайней мѣрѣ взглядъ, онѣ передаются такъ, что едва ли можно видѣть здѣсь желаніе поэта популяризировать эпикуровское ученіе. Напротивъ того, оно до такой степени разбавлено и извращено собственными домыслами Менандра, настолько спутано и намѣренно искажено, что отъ Эпикура остается очень немногое, а именно, одни боги, пребывающіе въ состояніи *ἀταραξία*²⁾.

Равнымъ образомъ, врядъ ли нужно усматривать вліяніе Эпикура и въ гуманной мысли Менандра о необходимости прощать ошибки своимъ близкимъ и вообще быть милосерднымъ, особенно же въ минуты личной удачи или счастья³⁾. Эту мысль вполне можно считать и за самостоятельную мысль Менандра, тѣмъ болѣе, что она вполне гармонируетъ съ общимъ тономъ его драмъ, да къ тому же проводится имъ съ наименьшей интенсивностью, чѣмъ его излюбленный взглядъ на роль *τρόπος* и *τύχη* въ человѣческой жизни.

Мнѣ кажется даже, что эта мысль о необходимости ми-

1) Подробно разбираю я этотъ вопросъ въ „Третейскомъ судѣ“ (II, 7).

2) Иначе думаетъ Legrand (о. с., 566), который считаетъ, что Менандръ является здѣсь „le porte-parole d'Epicure“. См. также Rankе, *Periploconenus, sive de Epicuri, peripateticorum, Aristippi placitorum apud poetas comicos vestigiis*. Diss. (Marpurgi 1900), 8.

3) Именно такъ и думаетъ Legrand (о. с., 569), который снова усматриваетъ здѣсь прямое вліяніе на Менандра эпикуровской морали. См. также Rankе, о. с., 34 sq.

лосердія и всепрощенія является своего рода логическимъ выводомъ изъ общаго взгляда Менандра на относительную цѣнность всего человѣческаго существованія.

И дѣйствительно, коль скоро, благодаря наличности *τύχη*, все въ жизни поражаетъ своей неустойчивостью и коль скоро человѣкъ отчасти благодаря *τύχη*, отчасти благодаря *τροπήσ*, постоянно впадаетъ либо въ ошибки, либо въ неудачи, то не лучше ли, какъ это и дѣлаетъ Памфила изъ „Третьскаго суда“ или Гликера изъ „Отрѣзанной косы“,

прощать, когда тебѣ вновь улыбнулось счастье, —
вѣдь это — подлинно по-гречески, дитя!

Итакъ, я вовсе не склоненъ, и думаю, что я въ этомъ правъ, отыскивать у Менандра въ его пьесахъ ясно выраженные слѣды философіи. Конечно, кое-какіе отзвуки констатировать можно, но они такъ слабы — и мы это видѣли —, что говорить о какомъ нибудь глубокомъ и серьезномъ воздѣйствіи врядъ ли можно и нужно. Во всякомъ случаѣ, въ тѣхъ пьесахъ, которыя служатъ предметомъ нашей работы, я этого воздѣйствія не вижу, да думаю, что трудно подмѣтить его и въ другихъ фрагментахъ, которые были извѣстны намъ раньше.

На мой взглядъ, у Менандра была своя собственная философія жизни, сложившаяся главнымъ образомъ на основаніи обычной житейской мудрости и лишь иногда, если это казалось ему нужнымъ, вкраплялъ онъ въ нее кое-какіе чисто-философскіе прецеденты, вовсе не придавая имъ какого нибудь особеннаго значенія и вовсе не заботясь о томъ, чтобы передавать ихъ въ полной неприкосновенности и точности.

Да, но если Менандръ, какъ это и было нами отмѣчено, отзывается, пусть даже и не въ сильной степени, на нѣкоторыя соціальныя язвы, то правы ли были мы, говоря, что онъ оставляетъ въ сторонѣ вопросы политическаго свойства и дѣйствительно ли нѣтъ въ его комедіяхъ какихъ нибудь относящихся сюда намековъ?

По правдѣ говоря, этихъ намековъ почти нѣтъ, а если кое-гдѣ они и встрѣчаются, то ихъ основной тонъ можно было бы назвать безразличнымъ. И дѣйствительно, Менандръ вовсе не реагируетъ на факты, онъ только мимоходомъ упоминаетъ о нихъ и, не вдумываясь въ причины, ихъ вызвав-

шя, ограничивается исключительно одними внѣшними замѣчаніями.

Такъ, напр., въ „Отрѣзанной косъ“ говорится о „Коринескомъ лихолѣтѣ“, подъ которымъ, повидимому, надо разумѣть войну между Кассандромъ и Дмитріемъ Поліоркетомъ, падающую на 306—303 годъ до Р. Х.¹⁾ Далѣе въ той же „Отрѣзанной косъ“ указывается, какъ на послѣдствія общей политической разрухи, на изобиліе наемниковъ, по поводу которыхъ Мосхіонъ, одинъ изъ героевъ пьесы, выражается такъ :

Пришло такое время,
когда отбоя нѣтъ отъ этой голытьбы.
Повсюду въ Греціи — причины я не знаю —
на нихъ теперь пошелъ обильный урожай!

Наконецъ, опять таки въ „Отрѣзанной косъ“ упоминаются въ очень глухой и неопредѣленной формѣ „*πολιτικά*“ *Ἑλληνικά*“, которыя до такой степени кажутся Мосхіону ничтожными, что онъ готовъ былъ бы поручить ихъ устройство своему рабу Даву: одно только мѣшаетъ этому, а именно, при всеобщемъ озвѣреніи Давъ врядъ ли выберется оттуда живымъ (ст. 89 сл.).

Вотъ кажется и всѣ политическіе намеки, которые можно извлечь изъ пьесъ Менандра, если не считать еще находящагося въ „Отрѣзанной косъ“ замѣчанія о томъ, что война дѣлаетъ подчасъ невыносимой жизнь частныхъ людей, ибо она вноситъ разстройство въ ихъ обиходъ, какъ и случилось это съ пріемной матерью Гликеры, которой, по словамъ поэта, „прямо житья не стало“ (ст. 6)²⁾.

Спрашивается теперь, какой выводъ можно сдѣлать изъ всѣхъ приведенныхъ нами мѣстъ? Да только одинъ, — тотъ самый, который я уже сдѣлалъ выше, а именно, что Менандръ не интересовался вопросами политики и вообще всей политической жизнью. На первомъ планѣ стояла у него жизнь обыденная въ разныхъ ея видахъ, и именно изъ этой жизни и черпалъ онъ свое вдохновеніе, тогда какъ все остальное имѣло для него лишь второстепенное значеніе.

Но, воспроизводя эту жизнь и разбирая ее по преиму-

1) Koerte², Menandrea, XLIII.

2) См. Legrand, о. с., 235 sq.

шеству съ серьезной точки зрѣнія, Менандръ не оставлялъ безъ вниманія и смѣшныхъ ея сторонъ, которыя тоже давали ему богатый матеріалъ для наблюденій и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ содержали въ себѣ не мало комическаго элемента, вполне пригоднаго для оживленія дѣйствія и для внесенія въ него смѣха и шутокъ.

Вотъ къ разбору этой подробности менандровскаго творчества намъ и нужно перейти теперь, тѣмъ болѣе, что эта подробность приводитъ насъ къ вопросу о зависимости Менандра отъ Аристофана и вообще отъ „древней“ комедіи.

Въ чемъ же заключалась эта зависимость? Поскольку дѣло касается комическихъ эффектовъ, она заключалась въ очень немногомъ. И дѣйствительно, у Менандра почти что нѣтъ аристофановскаго буффонства и разнаго рода грубыхъ каламбуровъ. Равнымъ образомъ, нѣтъ у него, если не считать „Саміанки“, и такихъ сценъ, все назначеніе которыхъ сводилось бы исключительно къ возбужденію смѣха. Лишь иногда, да и то очень рѣдко, допускаются имъ на сцену подлинныя „personae comicae“, какъ напр., поварь, котораго мы видимъ въ „Саміанкѣ“ и въ „Третьейскомъ судѣ“, и фигура котораго унаслѣдована Менандромъ отъ „средней“ комедіи. Вообще же комизмъ въ менандровскихъ пьесахъ достигается инымъ путемъ, а именно, онъ содержится либо въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, либо въ умѣломъ сопоставленіи послѣднихъ, либо же, наконецъ, въ удачной и занимательной mise en scène.

Но такой комизмъ съ полнымъ правомъ можно было бы назвать серьезнымъ комизмомъ, да къ тому же такимъ, который выходитъ наружу по болѣе части самъ собой, безъ замѣтнаго вмѣшательства со стороны поэта. Т. е., иными словами, Менандръ и здѣсь, какъ и во всемъ остальномъ, старается не отойти отъ естественности и правдивости, причѣмъ этому мало мѣшаетъ и то обстоятельство, что въ своихъ, болѣе раннихъ пьесахъ, какъ, напр., въ „Саміанкѣ“, онъ позволяетъ себѣ иногда прямыя насмѣшки, направленные противъ опредѣленныхъ лицъ, — обычай, который примѣнялся *κατ' ἐξοχήν* Аристофаномъ и который, перейдя затѣмъ въ „среднюю“ комедію, удержался на первыхъ порахъ и въ „новой“ ¹⁾.

1) Подробнѣе обо всемъ этомъ говорю я при разборѣ „Саміанки“ (III, 3).

Такимъ образомъ, выходитъ, что комическій элементъ вовсе не нарушалъ общей серьезности менандровскихъ пьесъ, но наоборотъ, находясь въ полной соразмѣрности съ ихъ цѣлями и настроеніемъ, только смягчалъ иногда, какъ, напр., въ „Третьейскомъ судѣ“, излишнюю трагичность и напряженность какъ цѣлаго дѣйствія, такъ и отдѣльныхъ, входящихъ въ него моментовъ.

Однако, коль скоро мы можемъ констатировать у Менандра наличность подобнаго комизма, намъ придется, кажется, предположить, что начатки его надо усматривать не въ „древней“ комедіи, а у Еврипида, который любилъ иногда — мы видимъ это по „Алкестидѣ“ и „Оресту“ — разбавлять трагичность комическими эффектами, подробность, которая, наряду съ другими особенностями еврипидовскаго творчества, тоже содѣйствовала очеловѣченію трагедіи и приближенію ея къ жизни¹⁾.

Но даже если это предположеніе и не вѣрно, мы все таки должны будемъ признаться въ томъ, что менандровскій комизмъ имѣетъ очень мало общаго съ аристофановскимъ и что очень, очень рѣдко можно найти въ немъ слѣды прямого воздѣйствія Аристофана и его комедіи: онъ носитъ другой характеръ, а именно, въ немъ почти что нѣтъ шутовства, но зато очень много настоящаго смѣха и шутки, почерпнутыхъ изъ проявленій подлинной жизни.

Итакъ, съ разсмотрѣнной нами точки зрѣнія комедія Менандра стоитъ очень далеко отъ „древней“: она руководствуется другими мотивами, она ставитъ себѣ другія цѣли, она проникнута другимъ настроеніемъ!

Да, но можетъ быть, „древняя“ комедія отразилась на „новой“ иначе, а именно, на ея внѣшней, чисто-структурной формѣ?

Дѣйствительно, это отраженіе можетъ быть кое-гдѣ подмѣчено; но, какъ мы это сейчасъ увидимъ, и оно въ концѣ концовъ сведется лишь къ нѣкоторымъ деталямъ второстепеннаго характера, первое мѣсто среди которыхъ займетъ вопросъ о хорѣ.

И правда, по скольку дѣло касается послѣдняго, намъ

1) Ср. фигуру раба, служителя Адмета, въ „Алкестидѣ“ и образъ фригійца въ „Орестѣ“. См. A Dietrich, Pulcinella (Leipzig 1897), 24.

придется согласиться съ тѣмъ, что комедія Менандра лишь завершила то, что начала комедія Аристофана, и завершила притомъ очень удачнымъ образомъ.

Такъ, напр., если уже Аристофанъ въ своемъ „Богатствѣ“ и „Экклезіазусахъ“ настолько отрываетъ хоръ отъ дѣйствія, что ограничиваетъ его участіе только „пародомъ“ (*παροδοσ*); если уже Аристофанъ отнимаетъ у хора всѣ дальнѣйшія партіи и примѣняетъ его лишь для заполнения антрактовъ; если уже Аристофанъ сводитъ хоръ на положеніе дѣйствующаго лица, почти не играющаго роли въ дѣйствіи и исполняющаго случайные номера, настолько ничтожные, что они даже не принимаются въ текстъ пьесъ, а на выступленіе хора дѣлается простой намекъ черезъ помѣту *χοροῦ*, то комедія Менандра идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше.

Правда, она удерживаетъ хоръ, но она лишаетъ его всякой прямой причастности къ пьесѣ и къ развиваемой въ ней интригѣ; она вовсе не считаетъ нужнымъ обосновывать его появленіе какой нибудь спеціальной пѣсней, какъ дѣлалъ это Аристофанъ; она вводитъ его только тогда, когда кончается актъ и когда надо чѣмъ нибудь заполнить паузу, т. е., иными словами, она прибѣгаетъ къ нему, какъ къ музыкально-вокальной интермедіи. Мало того, если у Аристофана хоръ все время оставался на сценѣ, то у Менандра, насколько можно судить объ этомъ по его комедіямъ, онъ входилъ лишь въ концѣ каждаго даннаго акта и затѣмъ, по минованіи въ немъ надобности, удалялся, дабы не мѣшать дѣйствію, естественное развитіе котораго вовсе не требовало присутствія группы постороннихъ лицъ, своего рода ненужныхъ свидѣтелей¹⁾.

Итакъ, „новая“ комедія или, вѣрнѣе, комедія Менандра, почти что покончила съ хоромъ, но поступая такъ и продолжая этимъ реформу Аристофана, она вмѣстѣ съ тѣмъ завершила и всю ту работу, которую до нея продѣлала уже „средняя“ комедія въ лицѣ Алексиды и другихъ своихъ представителей.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни стали мы смотрѣть на роль хора у Менандра, мы должны будемъ все таки признать,

1) Подробнѣе говорю я о роли хора у Менандра и вообще въ „новой“ комедіи въ „Третьейкомъ судѣ“ (II, 11).

что въ этомъ отношеніи „новая“ комедія испытала на себѣ воздѣйствіе „древней“ и что это воздѣйствіе дало ей возможность отдѣлаться отъ такого придатка, который, оставаясь онъ въ своемъ прежнемъ положеніи, внесъ бы большую помѣху во все, и въ ходъ дѣйствія и въ преслѣдуемый Менандромъ реализмъ, т. е., въ то наиболѣе существенное, что и придавало менандровскимъ пьесамъ всю ихъ прелесть и красоту. А для того, чтобы понять все неудобство хора для реалистической драмы, достаточно вспомнить о хорѣ у Еврипида, о томъ хорѣ, который то и дѣло стѣснялъ поэта и который очень часто бывалъ у него лицомъ, неизвѣстно для чего присутствующимъ на сценѣ!

Спрашивается теперь, въ чемъ еще, если не считать хора, отразилась „древняя“ комедія на „новой“?

Я бы сказала, что она отразилась лишь въ одномъ, а именно, въ той формѣ пролога, которая даетъ его состоящимъ изъ діалогической сценки съ непосредственно идущимъ за этой сценкой разъяснительнымъ монологомъ.

И дѣйствительно, подобная форма пролога представляетъ собой чисто-аристофановскую манеру, являющуюся своего рода протестомъ литературнаго характера противъ манеры Еврипида, который любилъ начинать свои пьесы съ длинныхъ монологовъ-прологовъ, осмѣянныхъ между прочимъ Аристофаномъ въ его „Лягушкахъ“ и не заключающихъ въ себѣ, по правдѣ говоря, никакихъ художественныхъ красотъ и достоинствъ¹⁾.

Такъ вотъ этимъ аристофановскимъ прологамъ любилъ подражать и Менандръ, причемъ мы встрѣчаемъ ихъ у него не одинъ разъ, какъ показываютъ это „Герой“, „Третейскій судъ“ и „Отрѣзанная коса“, хотя съ другой стороны, если судить по „Земледѣльцу“, онъ строилъ иногда прологи и на еврипидовскій ладъ, т. е., начиналъ пьесы монологической рѣчью, въ которой заключались нѣкоторыя указанія, необходимыя для пониманія дальнѣйшаго, и нѣкоторыя свѣдѣнія чисто-разъяснительнаго оттѣнка.

Но во всякомъ случаѣ, несмотря на все свое пристрастіе къ Еврипиду, Менандръ предпочиталъ первый способъ постройки прологовъ, т. е., способъ аристофановскій, и пред-

1) Aristoph., Ran., v 1197 sqq.

почиталъ его, по всей вѣроятности, потому, что онъ представлялъ собой нѣчто болѣе естественное и живое, да сверхъ того давалъ ему возможность выводить сразу нѣсколько лицъ и путемъ сопоставленія ихъ другъ съ другомъ сразу намѣчать основныя черты ихъ характеровъ.

Однако, если оставить въ сторонѣ прологи и еще кое-какія мелкія подробности структуры, о которыхъ въ виду ихъ незначительности я говорить не буду, то во всемъ остальномъ, а именно, и въ разныхъ частностяхъ сюжетнаго свойства, и въ способѣ веденія интриги, и въ нѣкоторыхъ деталяхъ структурнаго характера, — всюду замѣтимъ мы у Менандра слѣды еврипидовскаго воздѣйствія, которое можно прослѣдить съ достаточной наглядностью и которое, какъ мы это сейчасъ увидимъ, дѣлаетъ комедію Менандра настоящей продолжительницей трагедіи Еврипида.

Остановимся прежде всего на с ю ж е т а х ъ.

Какъ мы уже знаемъ, въ основѣ каждой менандровской пьесы лежитъ настоящая реальная жизнь, варьируемая на разные лады и воспроизводящая разные оттѣнки современной Менандру дѣйствительности. Такимъ образомъ, съ этой стороны любое произведеніе нашего поэта является вполне оригинальнымъ и самобытнымъ. Но подобно тому, какъ въ распоряженіи Менандра находились и должны были находиться все однѣ и тѣ-же группы дѣйствующихъ лицъ, снабженныя однѣми и тѣми же условными масками, точно также былъ ограниченъ онъ и цикломъ опредѣленныхъ сюжетовъ, выработанныхъ его предшественниками, поэтами „средней“ комедіи.

Эти сюжеты, столь же обязательные для него въ своихъ общихъ чертахъ, какъ было обязательно для трагиковъ пользованіе героическими сагами, и представляли собой тотъ заколдованный кругъ, за который нельзя было выйти, не порывая съ освященной временемъ и привычкой традиціей. Единственное, что разрѣшалось и рекомендовалось, это — варьированіе деталей, варьированіе ихъ до безконечности, поскольку хватало фантазіи, умѣнья и изобрѣтательности. Т. е., иными словами, контуръ сюжета почти всегда оставался безъ перемѣны, мѣнялись только отдѣльные штрихи, да заполняющія контуръ краски!

Ввиду этого содержаніе почти каждой пьесы Менандра можетъ быть сведено къ слѣдующему. На первомъ планѣ

вырисовываются всегда фигуры молодой дѣвушки и юноши, причѣмъ главная роль лежитъ обыкновенно на послѣднемъ. Этотъ юноша или выступаетъ на положеніи несчастнаго любовника, котораго склоняють на бракъ не съ той, кого онъ любить, или же мы видимъ его въ роли молодожена, все несчастіе котораго сводится къ тому, что у его жены есть внѣбрачный ребенокъ, или же, наконецъ, тотъ-же юноша рисуется передъ нами въ роли безумнаго ревнивца, страдающаго изъ за послѣдствій своей ревности. Что же касается до молодой женщины или дѣвушки, то и она, подобно своему партнеру, никогда не бываетъ счастлива, ибо въ жизни вѣднѣтъ настоящаго счастья.

Счастью героини мѣшаетъ обыкновенно очень многое. То, напр., оказывается она женщиной неизвѣстнаго происхожденія, не знающей своихъ родителей, а слѣдовательно, не могущей быть женой того, кто ей дорогъ; то, несмотря на внѣшнее благополучіе, страдаетъ она по другой причинѣ, а именно, потому, что подверглась насилію со стороны какого-то неизвѣстнаго, сдѣлалась благодаря этому матерью и хотя всячески скрывала свой грѣхъ, но не могла скрыть его окончательно. Онъ выходитъ наружу и даже выкидываніе ребенка, дабы онъ не былъ лишней обузой, не спасаетъ ее отъ горя: если она уже замужемъ, объ этомъ узнаетъ мужъ, если же она еще живетъ въ отцовскомъ домѣ, то ея позоръ доходитъ до свѣдѣнія ея близкихъ, которые, въ особенности же отцы, не всегда бываютъ мягки и благодушны.

Ну, а затѣмъ дѣло улаживается обыкновенно такъ, что или дѣвушка, если она считалась не гражданкой, находитъ своихъ родителей, которые признають ее, чѣмъ и уничтожается всякая помѣха къ браку, или же выясняется, что насильникомъ дѣвушки былъ какъ разъ тотъ, за кого она, не зная, что онъ и есть ея насильникъ, вышла или собиралась выйти замужъ. Тогда тоже происходитъ взаимное примиреніе, незаконный ребенокъ становится законнымъ, и на смѣну недавнихъ тревоженій приходитъ семейное счастье и наступаетъ общее благополучіе.

Вотъ въ краткихъ чертахъ обычное содержаніе пьесъ Менандра, основой которыхъ является любовь, а главными дѣйствующими лицами — молодое поколѣніе, въ лицѣ юношей и дѣвушекъ, и старое, въ лицѣ наиболѣе характерныхъ своихъ представителей, а именно, отцовъ.

Но что всего любопытнѣе, такъ это то, что подобная, при-
мѣненная къ сюжетамъ, группировка персонажей отразилась
и въ греческомъ искусствѣ, которое, какъ показываетъ это
Латеранскій рельефъ, воспроизводящій портретъ Менандра,
тоже характеризуетъ менандровскую комедію тремя масками,
а именно, масками юноши, дѣвушки, и старика¹⁾.

И въ самомъ дѣлѣ, на этомъ рельефѣ мы видимъ пе-
редъ собой нашего поэта, передъ которымъ, на нѣкоторомъ
отъ него разстояніи, стоитъ его вдохновительница Муза. Глаза
поэта устремлены на нее и въ ней какъ будто черпаетъ онъ
свое вдохновеніе, чтобы излить его потомъ на тотъ папи-
русный свитокъ, который лежитъ развернутымъ на пультѣ,
стоящемъ за столомъ съ масками.

Что же касается до масокъ, то ихъ три. Одну изъ
нихъ, изображающую юношу, поэтъ держитъ въ рукѣ, какъ
бы начиная съ нея обдумываніе сюжета. Но это и понятно.
Вѣдь роли юноши отводилось почти всегда первенствующее
мѣсто въ комедіи.

А затѣмъ въ нисходящемъ порядкѣ идутъ и двѣ дру-
гихъ маски, сперва маска дѣвушки, т. е., того персонажа, ко-
торый наиболѣе тѣсно связанъ съ юношей и съ его ролью,
а затѣмъ маска старика, третьяго дѣйствующаго лица, имѣ-
ющаго близкое отношеніе къ сюжету, если и не къ самому
дѣйствию пьесы.

Итакъ, группировка масокъ на рельефѣ вполне соотвѣт-
ствуетъ той группировкѣ, которая дается и въ комедіи тремъ
вышеуказаннымъ персонажамъ, выраженнымъ въ искусствѣ со-
отвѣтствующими типическими образами. А съ другой сто-
роны, эта группировка какъ бы подчеркиваетъ и тотъ фактъ,
что какую бы пьесу Менандра мы ни взяли, вездѣ найдемъ
мы однородный сюжетъ, въ которомъ всегда будутъ замѣ-
шаны и старикъ, и юноша, и дѣвушка, — это вѣчное тріо,
перекочевавшее въ комедію изъ трагедіи, и въ частности
изъ трагедіи Еврипида.

Да, какъ это ни странно, но приходится сознаться, что
всѣ эти сюжеты, въ которыхъ то и дѣло фигурируютъ либо

1) См. Bernoulli, Griechische Ikonographie, II, 114, а также Ame-
ling, Die Antikensammlungen, 345 слл. (= Moderner Cicerone: Rom, I, Antike
Kunst).

дѣвушки, подвергшіяся насилію, либо незаконныя дѣти, выбрасываемыя своими матерями, — что всѣ эти сюжеты, разбиваемые такъ, что въ концѣ концовъ путемъ признанія, путемъ ἀναγνωρισμός, все входитъ въ нормальную колею, — что всѣ эти сюжеты, повторяю я, находятъ себѣ аналогію въ особой группѣ еврипидовскихъ трагедій, въ той группѣ, въ которой выводятся дѣвушки, вступающія противъ своей воли въ связь съ богами или съ героями ¹⁾).

Отсюда ясно, что Менандръ, поскольку дѣло касается сюжетовъ, находился, какъ и во многомъ другомъ, въ сильной зависимости отъ Еврипида ²⁾), который какъ бы давалъ ему канву, взятую изъ цикла героическихъ сказаній, давалъ основу, которую Менандръ и переводилъ затѣмъ на языкъ обыденной жизни.

Но благодаря этому героическая сага сразу принимала повседневный оттѣнокъ и, переходя изъ царской обстановки въ мѣщанскую, сразу впитывала въ себя всѣ особенности послѣдней и дѣлалась благодаря этому неузнаваемой, а именно, опрощалась, очеловѣчивалась и становилась почти что похожей на правду.

А такъ какъ, съ другой стороны, выборъ подобнаго рода сюжетовъ для комедіи былъ освященъ традиціей, и такъ какъ нѣкоторыя частности миѳовъ совпадали иногда съ реальной дѣйствительностью, то, несмотря на всю силу условности, которую содержалъ въ себѣ всякій такой сюжетъ, пьесы, его воспроизводящія, продолжали интересовать публику, какъ интересовали ее раньше и трагедіи, тоже черпавшія свой матеріалъ все изъ одного и того-же круга миѳовъ.

Ввиду этого комедія, въ которую уже Аристофанъ на закатѣ своей дѣятельности внесъ, какъ необходимый мотивъ, φθοράν и ἀναγνωρισμός, т. е., подробности, включенныя въ трагедію Еврипидомъ ³⁾), — ввиду этого, говорю я, и ко-

1) Сюда относятся трагедіи Еврипида „Скованная Меланиппа“, „Алопа“, „Антиопа“, „Авга“, и „Іонъ“, а также „Тиро“ Софокла.

2) Ср. Satyr., Vita Eurip. (= Hunt, The Oxyrhynchus papyri, IX, 149: par. 1176, fr. 39, col. VII): *πρὸς γυναῖκα καὶ πατρὶ | πρὸς υἱὸν καὶ | θεράποντι | πρὸς δ[εσπότην, ἢ τῷ] κατὰ τὰς περιπέτειας, βίαι | σμὸν παρθέ | νων, ἕποδο λὰσ παιδίων |, ἀναγνωρισμοῦσ | διὰ τε δακτυ | λίων καὶ | διὰ δερσαίων ταῦτα | γὰρ ἐστι δῆλον | τὰ συνέχοντα τὴν νεω | τέραν κομωφ | δίαν, ἢ πρὸσ | ἄκρον ἠγαγεν | Εὐριπίδης.*

3) См. стр. 2, прим. 2.

медія Менандра, несмотря на всю глубину своего психологического анализа и всю реальность своихъ персонажей, продолжала держаться за рядъ избитыхъ сюжетовъ, что и представляетъ собой ея главную тѣневую сторону, не менѣе уязвимую для критики, чѣмъ и тѣ несмѣняемыя группы лицъ, въ которыя даже Менандръ не рѣшился внести существенныхъ измѣненій и которыя онъ могъ обновить только тѣмъ, что сдѣлалъ изъ ходячихъ типовъ настоящіе индивидуальныя характеры.

Но если по отношенію къ сюжетной сторонѣ Менандръ проявлялъ мало оригинальности и ограничивался лишь тѣмъ, что шелъ по стопамъ Еврипида и своихъ предшественниковъ-комиковъ, то что можно сказать о способѣ веденія имъ интриги и нельзя ли и здѣсь усмотрѣть слѣдовъ еврипидовскаго вліянія?

Прежде всего не мѣшаетъ отмѣтить, что мы уже не встречаемъ у Менандра той небрежности и слабости въ развитіи дѣйствія, которой отличается почти каждая комедія Аристофана, представляющая собой по большей части ничто иное, какъ установленіе опредѣленной темы и затѣмъ иллюстрированіе ея рядомъ примѣровъ. Благодаря этому обстоятельству, въ пьесахъ Аристофана нѣтъ, собственно говоря, настоящаго дѣйствія, руководимаго и проводимаго тѣмъ или другимъ персонажемъ, а есть просто на просто группа болѣе или менѣе занимательныхъ явленій чисто случайнаго характера.

Ничего подобнаго у Менандра, конечно, нѣтъ, да и быть не можетъ, ибо недаромъ же почти всегда и во всемъ старается онъ быть продолжателемъ еврипидовскихъ прецептовъ и новшествъ. А у Еврипида какъ разъ и было, въ болѣе-шей даже степени, чѣмъ у остальныхъ трагиковъ, рѣдкое умѣнье вести дѣйствіе съ такимъ постепеннымъ подъемомъ эффектовъ и подробностей, что общее вниманіе и интересъ ни на минуту не ослабѣвали.

Приблизительно то-же самое видимъ мы и у Менандра, съ той, конечно, разницей, что у него, въ его пьесахъ, нѣтъ сгущенной трагической атмосферы и того подчасъ гнетущаго настроенія, которымъ такъ любилъ пользоваться „трагичнѣйшій изъ трагиковъ“.

Но это и понятно. Вѣдь Менандръ показывалъ обыкновенную жизнь и обыденныя характеры, а слѣдовательно,

онъ не могъ пускаться въ воспроизведеніе какихъ либо героическихъ страстей или положеній. Онъ могъ и долженъ былъ стремиться только къ одному, что онъ и дѣлалъ, а именно къ тому, чтобы развить дѣйствіе съ извѣстнаго рода послѣдовательностью и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить ему извѣстнаго рода цѣльность. И дѣйствительно, если мы посмотримъ на дѣйствіе въ „Отрѣзанной косѣ“, то мы увидимъ, какъ оно, сперва незначительное, постепенно растетъ и ширится, какъ оно захватываетъ все большее число лицъ, осложняется вставочными эпизодами, неожиданными случайностями, и въ концѣ концовъ превращается въ настоящую животрепещущую драму, захватывающую такъ или иначе всѣхъ причастныхъ къ ней лицъ.

Однако для достиженія этой цѣли Менандръ вовсе не прибѣгаетъ къ какимъ нибудь необычнымъ эффектамъ. Напротивъ того, средства, которыми онъ пользуется, до удивительности просты и естественны. Возьмемъ хотя бы „Третьей судъ“ и посмотримъ, какъ ведется въ немъ интрига и какими способами поддерживается непрерывность дѣйствія.

Въ этой пьесѣ центръ тяжести лежитъ какъ будто въ кольцѣ Харисія, которое должно содѣйствовать признанію имъ ребенка и которое случайно попадаетъ въ руки Онисима, его довѣреннаго раба. А такъ какъ мы уже знаемъ отъ того же Онисима про все значеніе этого кольца, то мы понимаемъ, что именно черезъ его посредство пьеса и должна придти къ благополучному исходу. Такимъ образомъ, все отгадано и кажется, что вотъ-вотъ наступитъ развязка, и наступитъ въ тотъ самый моментъ, когда дѣйствіе только что началось и еще не успѣло развиться.

Да, но это только такъ кажется. Менандръ, какъ настоящий искусный драматургъ, умѣетъ задержать и усложнить дѣйствіе какъ разъ тогда, когда оно находится на ущербѣ, причемъ онъ умѣетъ сдѣлать это такъ, что грубый эффектъ, ввидѣ кольца, отходитъ на второй планъ, а на первый —, въ качествѣ естественнаго и отнюдь не придуманнаго носителя дѣйствія, выдвигается фигура арфистки Габротононъ, персонажа, лично заинтересованнаго въ открытіи тайны, а потому и берушаго на себя дальнѣйшее веденіе интриги. Т. е., иными словами, вмѣсто банальныхъ эффектовъ внѣшняго свойства, Менандръ прибѣгаетъ къ другому средству, а именно, къ пользованію тѣми эффектами, которые можно было бы

назвать психологическими, ибо весь послѣдующій ходъ интриги зависитъ отъ игры и проявленій характера самой Габротононъ, а вовсе не отъ кольца Харисія.

Но при этомъ роль Габротононъ нельзя назвать ролью резонера: эта роль такъ ловко вплетена въ роли другихъ персонажей и такъ тѣсно съ ними связана, что каждый шагъ, каждое слово арфистки имѣетъ подъ собой солидныя основанія и вмѣстѣ съ тѣмъ является настоящимъ импульсомъ къ дѣйствіямъ и поступкамъ другихъ лицъ, а слѣдовательно, и къ поступательному движенію всей пьесы.

Однако, говоря о рѣдкомъ искусствѣ Менандра усложнять и запутывать дѣйствіе съ помощью естественныхъ и наглядныхъ эффектовъ, я не могу сказать, чтобы это искусство проявлялось съ одинаковымъ блескомъ во всѣхъ его пьесахъ. Такъ, напр., его почти нѣтъ въ „Саміанкѣ“, гдѣ мы то и дѣло видимъ тѣ затрудненія, съ которыми приходится бороться поэту, чтобы заставить дѣйствіе идти впередъ, причемъ — и это гораздо хуже — оно идетъ и развивается не органическимъ путемъ, а путемъ придуманныхъ подробностей, которыя сами по себѣ изъ него не вытекаютъ.

Равнымъ образомъ, нельзя отрицать и того, что нерѣдко, несмотря на всю естественность развитія интриги, несмотря на всю занимательность и ловкость дѣйствія, чувствуется у Менандра, что всему этому сильно мѣшаютъ условныя традиціи комедіи, напр., это необходимое положеніе, чтобы каждая дѣвушка, играющая роль возлюбленной даннаго молодого человѣка и находящаяся почти что на положеніи *metrix*, — чтобы эта дѣвушка непременно находила своихъ родителей, оказывалась бы полноправной гражданкой и путемъ сцены признанія (*ἀναγνωρισμός*) возстановлялась бы въ своихъ правахъ.

Вотъ эта частность, восходящая къ Еврипиду, мастеру въ постройкѣ подобныхъ сценокъ, очень часто вноситъ въ пьесы Менандра расхолаживающее впечатлѣніе, причемъ, какъ можно судить объ этомъ по „Отрѣзанной косѣ“, не всегда удается поэту и дѣлаетъ только то, что онъ, вообще оригинальный и самобытный, превращается здѣсь въ простаго ремесленника, воспроизводящаго съ рабской точностью всѣ детали своего оригинала.

Съ другой же стороны, всякая такая подробность, какъ

правильно отмѣчаетъ это Виламовиць¹⁾, придаетъ комедіи Менандра нежелательную неестественность и почти что приближается по своему значенію къ пресловутому еврипидовскому *deus ex machina*, разрубающему узелъ слишкомъ туго затянувшейся интриги.

Но всѣмъ этимъ, нами указаннымъ и перечисленнымъ, не исчерпываются еще недостатки и недочеты менандровскихъ пьесъ, въ которыхъ находятся на лицо и другія тѣневныя стороны, въ большей или меньшей степени вредящія, какъ общему впечатлѣнію, такъ и главной цѣли поэта давать подлинный реализмъ, подлинную правду.

А впрочемъ я не буду отмѣчать всѣхъ этихъ недостатковъ, ибо они въ достаточной мѣрѣ, сами собой, выяснятся изъ текста пьесъ, приложенныхъ мною ниже. Я остановлюсь только на одной частности, наиболѣе интересной и вмѣстѣ съ тѣмъ такой, которая снова приведетъ насъ къ Еврипиду.

Въ чемъ же она заключается? Какъ мы уже говорили, Еврипидъ обыкновенно начинаетъ свои трагедіи съ разъяснительнаго монолога, который произносится либо однимъ изъ персонажей, принимающихъ участіе въ дѣйствіи, либо же лицомъ, которое выводится лишь для произнесенія пролога и которое затѣмъ исчезаетъ со сцены.

Такими лицами, появляющимися лишь на одинъ моментъ, бывають у него или боги — Афродита въ „Ипполитѣ“, Гермесъ въ „Іонѣ“, — или же какое-нибудь сверхчувственное существо, вродѣ тѣни Полидора въ „Гекубѣ“. Оторванные отъ дѣйствія, эти лица оказываются однако причастными къ нему съ той стороны, что передають зрителямъ о томъ, что было до начала пьесы, а также намекають на возможный исходъ послѣдней и наконецъ освѣдомляють зрителей о персонажахъ, которые сейчасъ предъ ними появятся.

Такъ встѣ точно такія же лица, и притомъ въ подобной же роли освѣдомителей, встрѣчаются и у Менандра, какъ показываютъ это фигуры Героя въ одноименной ему комедіи „Герой“ и Невѣднія (*Ἄγνοια*) въ „Отрѣзанной косъ“.

Но только въ отличіе отъ Еврипида ихъ монологи-прологи не открываютъ пьесъ, а идутъ непосредственно вслѣдъ

1) Wilamowitz-Moellendorf³, Die griechische Literatur und Sprache, 195 (= Die Kultur der Gegenwart, I, 8).

за вводной діалогической сценкой, которая вмѣстѣ съ этими монологами и образуетъ прологъ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

А такъ вообще рѣчи вышеуказанныхъ лицъ, или, вѣрнѣе, рѣчь „Невѣдѣнія“¹⁾, почти не отличаются отъ рѣчей соответствующихъ еврипидовскихъ персонажей, хотя бы, напр., Афродиты изъ „Ипполита“. И дѣйствительно, въ рѣчи Невѣдѣнія есть и указаніе на то, что было до начала пьесы, и намекъ на исходъ послѣдней и даже характеристика тѣхъ персонажей, которые будутъ играть въ пьесѣ главную роль²⁾, — однимъ словомъ, есть все, что нужно и что находится равнымъ образомъ и у Еврипида. Мало того, богиня Невѣдѣнія, какъ и еврипидовская Афродита, открыто сознается въ томъ, что она сама „заварила всю кашу“, хотя, впрочемъ, и не для худого, а исключительно „для счастья въ будущемъ“, — подробность, которая выгодно отличаетъ ее отъ Афродиты, грозящей Ипполиту и затѣмъ его уничтожающей.

Но эта подробность, вытекающая, такъ сказать, изъ самой сути комедіи, цѣль которой не потрясать зрителей, а развлекать и поучать ихъ, не имѣетъ, конечно, большого значенія и вовсе не мѣняетъ того общаго положенія, согласно которому выходитъ, что такіе персонажи, какъ Герой, Невѣдѣніе и т. д., создавались Менандромъ примѣнительно къ манерѣ Еврипида и что съ другой стороны эти персонажи не подходили къ общему тону его комедіи, коль скоро она хотѣла воспроизводить настоящую жизнь и настоящихъ, живущихъ этой жизнью, людей.

Однако правильнѣе будетъ не входить въ слишкомъ рѣзкую критику нѣкоторыхъ нежелательныхъ недостатковъ величайшаго представителя „новой“ комедіи, — правильнѣе будетъ потому, что эти недостатки являются, въ сущности говоря, не столько его личными недостатками, сколько общими недостатками того литературнаго вида, въ которомъ онъ работалъ.

И дѣйствительно, несмотря на всѣ вводимыя Менан-

1) Монологъ Героя не дошелъ до насъ и мы можемъ конструировать его лишь по аналогіи съ монологомъ Невѣдѣнія. См. I, 4.

2) Такъ, напр., и Афродита даетъ отличную характеристику дѣвственника Ипполита, старающагося быть въ сторонѣ отъ всего того, что можетъ повредить избранному имъ аскетическому образу жизни. Ср. Eurip., Hippol., 13 sqq. См. также Se h r t, о. с., 11 sq.

дромъ новшества, несмотря на всю оригинальность нашего поэта, которая главнымъ образомъ сказывается въ глубокомъ психологическомъ анализѣ и въ рѣдкой естественности создаваемыхъ имъ образовъ, онъ все таки не въ силахъ былъ порвать съ тогдашней традиціей, слишкомъ еще властной въ его эпоху и слишкомъ еще обязательной для того, чтобы съ ней можно было бороться даже такому таланту, какимъ былъ Менандръ. Всякое время диктуетъ вѣдь свои условія, подчасъ очень тяжелыя, условія, съ которыми приходится считаться поэтамъ, и если кое въ чемъ освобождаются послѣдніе отъ этихъ путъ, налагаемыхъ на нихъ привычкой, вкусами и развитіемъ современнаго имъ общества, то съ другой стороны кое-что изъ стараго остается при нихъ, и это старое, для насъ чужое, и является той тѣнью, которая неизгладимымъ пятномъ ложится на всѣ, даже самыя великія произведенія человѣческаго духа.

Ввиду этого странно было бы критиковать подобный архаическій налетъ: на него можно смотрѣть только съ исторической точки зрѣнія! Онъ интересенъ для насъ лишь какъ свидѣтель минувшихъ вкусовъ, какъ та внѣшняя форма выраженія, которая уже отжила, отжила въ то время, какъ не отжили прикрытыя ею идеи и образы вѣчной и нетлѣнной красоты.

Итакъ, оцѣнка Менандра и его творчества должна вестись, какъ и оцѣнка всякаго другого представителя античности, да и не только одной античности, по преимуществу въ томъ направленіи, чтобы выяснить всю индивидуальность поэта и все то новое, что было внесено имъ въ сокровищницу литературы.

Я и старался, по мѣрѣ силъ своихъ, сдѣлать это и мнѣ кажется, что мной въ достаточной степени показаны какъ тѣ вліянія, которымъ подвергался Менандръ, такъ и то самобытное, что ярко выдѣляетъ его изъ сонма другихъ поэтовъ „новой“ комедіи и благодаря чему онъ, говоря словами Квинтиліана¹⁾, „omnibus eiusdem operis auctoribus abstulit nomen et fulgore quodam suae claritatis tenebras obduxit“.

Но объ одномъ еще не сказалъ я, а именно, о стилѣ Менандра, о томъ неподражаемомъ искусствѣ, съ которымъ пользуется онъ рѣчью при вкладываніи ея въ уста различныхъ

1) Quintil., Inst. orat., X, 1, 72.

представителей рисуемаго имъ общества, въ уста тѣхъ людей, которые, какъ видно это по его пьесамъ, рѣзко отличаются другъ отъ друга своимъ нравственнымъ складомъ, своими характерами, своимъ духовнымъ развитіемъ и наконецъ своимъ социальнымъ положеніемъ.

Однако детальный разборъ этого вопроса, которому между прочимъ удѣляется не мало мѣста въ моемъ изслѣдованіи, былъ бы здѣсь, пожалуй, излишнимъ. А потому я считаю возможнымъ замѣнить его приведеніемъ одного въ высшей степени характернаго и краснорѣчиваго отзыва Плутарха, въ которомъ, помимо всего прочаго, дается и великолѣпная оцѣнка всего менандровскаго творчества, — оцѣнка, которая дѣлаетъ честь Плутарху, одному изъ самыхъ тонкихъ цѣнителей нашего поэта.

„Стиль Менандра“ — говорить Плутархъ¹⁾ — „такъ хорошо вытесанъ и до такой степени соразмѣренъ въ своихъ составныхъ частяхъ, что какую бы страсть, какой бы характеръ онъ ни выражалъ, и къ какимъ бы разнообразнымъ лицамъ ни примѣнялся, онъ остается всегда единымъ и сохраняетъ свою однородность несмотря на то,

1) Plut., Aristoph. et Menandri comparatio, 853 E—F (= Plutarchi moralia, ed. Bernardakis, V, 205): *Ἡ δὲ Μενάνδρου φράσις οὕτω συνέξεσται καὶ συμπλέπνευε κεκοσμημένη πρὸς αὐτήν, ὥστε διὰ πολλῶν ἀγομένη παθῶν καὶ ἡθῶν καὶ προσώπων ἐφαρμόττουσα παντοδαποῖς μία τε φαίνεσθαι καὶ τὴν ὁμοιότητα τηρεῖν ἐν τοῖς κοινοῖς καὶ συνήθεσι καὶ ἐπὶ τὴν χρεῖαν ὀνόμασιν· ἐὰν δὲ τις ἄρα τερατείας εἰς τὸ πρᾶγμα καὶ ψόφον δεῆσῃ, καθάπερ ἀλοῦ πάντητον ἀνασπάσας ταχὺ πάλιν καὶ πιθανῶς ἐπέβαλε καὶ κατέστησε τὴν φωνὴν εἰς τὸ οἰκεῖον· πολλῶν δὲ γεγονότων ἐδδοκίμων τεχνιτῶν, οἳθ' ἐπόδημα δημιουργὸς οὔτε προσωπεῖον σκευοποιὸς οὔτε τις ἱμάτιον ἴμα ταῦτῶν ἀνδρῶν καὶ γυναικῶν καὶ μειρακίῳ καὶ γέροντι καὶ οἰκότριβι πρόπον ἐποίησεν· ἀλλὰ Μενάνδρος οὕτως ἔμιξε τὴν λέξιν, ὥστε < μίαν αὐτὴν οὔσαν > πάσῃ καὶ φύσει καὶ διαθέσει καὶ ἡλικίᾳ σύμμετρον εἶναι, καὶ ταῦτα νέος μὲν ἔτι τοῦ πράγματος ἀγράφμενος, ἐκ ἀκμῆ δὲ τοῦ ποιεῖν τελευτήσας, ὅτε μάλιστα καὶ πλείστην ἐπίδοσιν, ὡς Ἀριστοτέλης φησί, λαμβάνει τὰ περὶ τὴν λέξιν τοῖς γράφουσιν· εἰ οἶν πρὸς τὰ πρῶτα τῶν Μενάνδρου δραμάτων τὰ μέσα καὶ τὰ τελευταῖα παραβάλοι τις, ἐξ αὐτῶν ἐπιγνώσεται, ὅσα ἔμελλεν, εἰ ἐπεβίω, καὶ τούτοις ἕτερα προσθήσειν.* Слова: *μίαν αὐτὴν οὔσαν* дополнены мною. Ср. также Quint., Inst. orat., X, 1, 71: *Ego tamen his adhuc quiddam collaturum eum declamatoribus puto, quoniam his necesse est secundum condicionem controversiarum plures subire personas, patrum, filiorum, militum, rusticorum, divitum, pauperum, irascentium, deprecantium, mitium asperorum. In quibus omnibus mire custoditur ab hoc poeta decor.*

что пользуется самыми обычными и ходячими словами, тѣми словами, что на языкѣ у всѣхъ. А если иногда и бываетъ почему либо нужнымъ прибѣгать къ болѣе пышнымъ и звучнымъ выраженіямъ, то Менандръ, подобно игроку на флейтѣ, открывъ на минуту всѣ клапаны, снова быстро и ловко замыкаетъ ихъ и опять переводитъ звуковые тоны на обычный ладъ. Да, среди массы знаменитыхъ мастеровъ, ни одинъ, будь то сапожникъ или изготовитель театральной утвари, ни разу не сумѣлъ создать такой обуви, такой маски, или такого платья, которое подошло бы одновременно и къ мущинѣ, и къ женщинѣ, и къ юношѣ, и къ старцу, и къ рабу. Менандръ же составилъ такой языкъ, который, < будучи однороднымъ >, подходитъ тѣмъ не менѣе къ любому характеру, къ любому настроенію, къ любому возрасту. И это сдѣлалъ онъ, несмотря на то, что приступилъ къ своему ремеслу еще совсѣмъ юнымъ, а умеръ въ томъ возрастѣ, когда начинается расцвѣтъ творчества и когда, по словамъ Аристотеля, каждый писатель начинаетъ дѣлать особенно большіе успѣхи въ искусствѣ владѣть рѣчью. И дѣйствительно, если сравнить раннія пьесы Менандра съ пьесами, созданными имъ въ срединѣ и въ концѣ его жизни, то легко будетъ понять, сколько бы новаго прибавилъ онъ и къ послѣднимъ, если бы суждено было ему прожить дольше“.

1.

Герой.

1.

Среди недошедших до насъ комедій Менандра находилась между прочимъ одна, носившая заглавіе „Герой“ (*Ἡρώς*). Незначительное число фрагментовъ, которые сохранились отъ нея¹⁾, а также недостаточный объемъ этихъ фрагментовъ (самый большой изъ нихъ не превышаетъ 3 строкъ) не позволяли, конечно, судить о томъ, каково было содержаніе пьесы и на чемъ по преимуществу могла сосредоточиваться ея интрига.

Только изъ одного фрагмента²⁾ можно было заключать, что и въ „Героѣ“, какъ во всякой другой пьесѣ „новой“ комедіи, любовный мотивъ игралъ свою обычную роль, оправдывая такимъ образомъ извѣстныя слова Овидія:

*fabula iucundi nulla est sine amore Menandri*³⁾.

Но само собою разумѣется, что подобное „заключение“ не давало никакихъ положительныхъ результатовъ, и комедія Менандра „Герой“ продолжала оставаться однимъ изъ тѣхъ неразрѣшенныхъ вопросовъ, которыми такъ богата наука классической филологіи.

До извѣстной степени этотъ пробѣлъ въ нашемъ знаніи былъ восполненъ только въ 1908 г., послѣ находженія знаменитаго Каирскаго кодекса, сохранившаго кромѣ отрывковъ изъ другихъ комедій еще и начало той пьесы, о которой идетъ рѣчь.

1) Meineke, *Fragm. com. graec.* IV, 128 sqq.; Kock, *Com. att. fragm.* III, 60 sq.; Kretschmar, *De Menandri reliquiis nuper repertis* (Lipsiae 1906), 59; A. Koerte, *Menandrea* (Lipsiae 1910), 8 sqq.; A. Koerte²⁾, *Menandrea* (Lipsiae 1912), 6 sqq.

2) *Fragm.* 209 (= Kock, *o. c.*, 60).

3) *Ovid. Trist.* II, 369.

Впрочемъ я долженъ оговориться. Въ рукописи заглавіе нашей пьесы не сохранилось; сохранилось только стоявшее за нимъ слово *ενάνδρου* (читай *μενάνδρου*), на мѣстѣ же заглавія находится лакуна, вмѣстимостью, приблизительно, въ 9 буквъ¹⁾. Но зато въ списокѣ дѣйствующихъ лицъ комедіи [*τὰ τοῦ δράματος πρόσωπα*], въ томъ списокѣ, который идетъ въ рукописи вслѣдъ за стихотворнымъ *argumentum* пьесы (*ὑπόθεσις*), третье мѣсто по порядку занимаетъ персонажъ, обозначенный именемъ *ἥρως θεός*.

Обративъ вниманіе на это обстоятельство, первый издатель рукописи Лефебръ²⁾ предположилъ, что, по всей вѣроятности, пьеса, съ которой мы имѣемъ дѣло, и есть комедія Менандра *ἥρως*, до тѣхъ поръ извѣстная намъ лишь по нѣсколькимъ фрагментамъ. Эта догадка Лефебра, въ правильности которой серьезно сомнѣвался только одинъ итальянскій ученый Массарі³⁾, нашла себѣ за послѣднее время самое блестящее подтвержденіе. Дѣло въ томъ, что среди новыхъ фрагментовъ Менандра, только что опубликованныхъ Лефебромъ въ его второмъ изданіи Каирскаго кодекса⁴⁾, оказался одинъ, имѣющій отношеніе къ нашей пьесѣ и уже извѣстный намъ раньше изъ Стовея (Flog. 104,13), какъ принадлежащій къ комедіи „Герой“⁵⁾. Такимъ образомъ, всякія сомнѣнія въ правильности гипотезы Лефебра отпадаютъ сами собою, и мы съ полной увѣренностью можемъ сказать, что пьеса, открывающая собой Каирскую рукопись, есть дѣйствительно „Герой“ Менандра, а не какая либо другая комедія того же автора.

Къ сожалѣнію, обогащая насъ новыми отрывками изъ „Героя“, Каирскій кодексъ даетъ намъ не опредѣленный комплексъ сценъ, а всего на всего одну вводную сценку діалогическаго характера, заключающую въ себѣ 52 стиха. Эта сценка вмѣстѣ съ предшествующимъ ей заглавіемъ, спискомъ дѣйствующихъ лицъ и краткимъ стихотворнымъ *argumentum*

1) A. Koerte, o. s., XIII; A. Koerte², o. s., 1.

2) Lefebvre, Fragments d'un manuscrit de Ménandre (Le Caire 1907), 3.

3) Berl. phil. Woch. 1909, col. 1131—1133. Ср. возраженія Koerte, o. s., XIII и Церетели, Комедія Менандра Герой (С. Петербургъ 1911), 5 сл.

4) Lefebvre², Catalogue général des antiquités égyptiennes au Musée de Caire No. 43227: Papyrus de Ménandre (Le Caire 1911), XX.

5) Fragm. 211 (= Kock, o. s., III, 60). Первымъ указалъ на это A. Koerte, Menanders Heros (= Berl. phil. Woch. 1911, col. 1421).

пьесы занимаетъ одинъ папирусный листокъ, т. е., двѣ страницы (лицевую и оборотную), которыя, если судить по помятамъ наверху листа, были 29 (*кд*) и 30 (*λ*) страницами рукописи. Кромѣ того, къ нашей комедіи относятся еще нѣсколько маленькихъ папирусныхъ обрывковъ, исписанныхъ съ обѣихъ сторонъ и содержащихъ въ общемъ 32 неполныхъ стиха, представляющихъ собой остатки двухъ сценокъ діалогическаго характера.

Объ этихъ сценкахъ мы еще будемъ говорить ниже; пока же я скажу, что одна изъ нихъ начинала собой новый актъ пьесы, а другая принадлежала, повидимому, къ числу тѣхъ сценокъ, съ которыхъ начинался поворотъ дѣйствія *ad incundos exitus*.

Такимъ образомъ, мы въ общей сложности получаемъ 84 новыхъ стиха¹⁾, изъ которыхъ очень многіе дошли до насъ въ почти непоправимомъ видѣ — до такой степени они пострадали — и съ помощью которыхъ намъ приходится оперировать при реконструкціи комедіи. Конечно, прибавка эта, какъ можно видѣть, не отличается большими размѣрами. Но, можетъ быть, она содержитъ въ себѣ какія нибудь особенно цѣнныя свѣдѣнія?

На это пусть отвѣтитъ сперва самъ текстъ, сохраненный Каирской рукописью, а затѣмъ уже, основываясь на немъ, мы посмотримъ, можно ли намъ братья за приблизительную реконструкцію пьесы и за выясненіе разныхъ частныхъ, такъ или иначе съ ней связанных²⁾.

* * *

Герой Менандра.

Дѣвица, мальчика и дѣвочку родивъ,
Ихъ старостѣ-рабу сдала на воспитанье,
И вышла за того, кто соблазнилъ ее . . .
А рабъ, не вѣдая, что соблазнитель дѣтямъ —
Отецъ родной, ему ихъ отдалъ въ кабалу . . .

1) Если не считать 12 стиховъ, приходящихся на *argumentum* комедіи. Съ этими же стихами всѣхъ новыхъ стиховъ будетъ 96.

2) Переводъ сдѣланъ по изданію А. Коерте², *Menandrea* (Lipsiae 1912), 1 sqq., но во вниманіе приняты также *Sudhaus*, *Menandri reliquiae pueri repertae* (Bonnae 1909), 55 sqq.; *J. van Leeuwen*², *Menandri quatuor fabularum . . . fragmenta pueri reperta* (Lugd. — Batav. 1908), 1 sqq. и др.

Влюбился въ дѣвушку какой-то рабъ, считая
 Рабынею ее. Тѣмъ временемъ сосѣдъ
 Надъ этой дѣвушкой успѣлъ свершить насилье...
 Взять на себя вину рѣшилъ рабъ, а мать,
 Не зная истины, разгнѣвалась ужасно.
 Когда жъ открылось все, старикъ призналъ дѣтей,
 И въ жены дѣвушку охотно взялъ насильникъ.

Дѣйствующія лица пьесы.

Гета	Софрона.
Давъ	Сангарій.
Герой, богъ	Горгій.
Миррина	Лакхесь.
Фидій	

Г е т а.

Должно быть, ты, мой Давъ, порядкомъ наблудилъ,
 И вотъ теперъ дрожишь: боишься, что засадятъ
 На мельницу тебя, въ колодки... Такъ и есть!
 А то къ чему бъ тебѣ за голову хвататься,
 Къ чему рвать волосы? ¹⁾ Скажи, о чемъ ревешь? 5

Д а в ъ.

Ой, лихо мнѣ!

Г е т а.

Дуракъ! Смекаю я въ чемъ дѣло...
 Но знаешь, если ты деньжонокъ понабралъ, —
 Ты долженъ былъ отдать ихъ мнѣ... на сохраненье,
 Чтобъ получить потомъ, когда дѣла твои
 Въ порядокъ бы пришли! Я отъ души жалѣю, 10
 Что ты попалъ въ просакъ!

Д а в ъ.

Я, право, не пойму,
 Про что ты говоришь... Со мной стряслось другое!

1) Изъ словъ Геты: *τί τὰς τρίχας τίλλεις*, Robert, Die Masken der neueren attischen Komödie (Halle 1911), 54, выводитъ, что маска, которую носилъ Давъ, была снабжена длинными волосами, такъ что актеръ, игравшій Дава, могъ теребить ихъ — *τίλλειν*, или, иначе, что маска Дава была маской *ἡγεμόν* (θεράπων) *ἐπίσειστοσ* (Poll. IV, 149).

Г е т а.

Откройся мнѣ: я — другъ!¹)

Д а в ъ.

Слышь, Гета, я пропаль!

Г е т а.

Да что съ тобой, глупышь?

Д а в ъ.

Ахъ, не брани, дружище,
Влюбленнаго!

Г е т а.

Чего? Ты любишь?

Д а в ъ.

Да, люблю...

15

Г е т а.

Ну, видно, баринъ твой кормиль тебя не въ мѣру
И вышло дѣло дрянъ: ты зажирѣлъ, мой Давъ!²)

Д а в ъ.

Я сердце потерялъ, лишь запримѣтилъ въ домѣ
Дѣвицу чудную... она подъ пару мнѣ!

Г е т а.

Рабыня, значить, да?

1) При переводѣ я слѣдовалъ дополненію Leo:

ἄρ' οὐ φίλῳ λέγοισ ἄν;

2) Мой переводъ не является дословной передачей Менандровскаго текста, который звучить такъ:

*πλέον δυοῖν / σ[οι] χοινίγων ὁ δεσπότης
παρέχει · ποιηδὸν Δά· ὑπερδειπνεῖς ἴσως.*

Но я думаю, что въ общемъ мысль поэта передана мной вѣрно. Вѣдь Гета хочетъ сказать только то, что Давъ, получая, повидимому, бѣльшій паекъ, чѣмъ полагается получать рабу, оказывается перекормленнымъ, т. е., что онъ зажирѣлъ, съ жиру бѣсится.

Д а в ъ.

Нѣтъ, не совсѣмъ... отчасти. — 20
 У насъ, въ Птелеяхъ, жилъ пастухъ одинъ, рабомъ
 Онъ въ молодости былъ, носилъ онъ имя „Тибій“,
 А жилъ съ двумя дѣтьми, — съ двоешками, какъ самъ
 Ихъ называлъ, — съ Плангò... въ нее я и влюбился...

Г е т а.

Смекнулъ.

Д а в ъ.

И съ Горгіемъ: такъ юношу зовуть! 25

Г е т а.

Не этотъ юноша у васъ за стадомъ смотреть?

Д а в ъ.

Онъ самый... Ну, такъ вотъ былъ голодъ, и старикъ,
 Отецъ ихъ, Тибій, взялъ на пропитанье дѣтокъ,
 У насъ... у барина въ долгъ мину серебра,
 Потомъ еще одну, ну, а затѣмъ... онъ померъ! 30

Г е т а.

Знать, третьей мины въ долгъ твой баринъ не ссудилъ?

Д а в ъ.

Пожалуй, что и такъ... На погребенье Горгій
 Деньжонокъ призналъ, похоронилъ отца,
 Честь-честью сдѣлалъ все, и къ намъ съ сестрой явился,
 Чтобъ отработать долгъ...

Г е т а.

Ну, а Плангò, — та что? 35

Д а в ъ.

Она — при барынѣ, прядеть съ ней шерсть, по дому
 Распоряжается... Такая ужъ она, —
 Смѣешься, Гета? Да?

Г е т а.

Ей богу, и не думалъ!

Д а в ъ.

Такая скромная, и что за барскій видъ!

Г е т а.

И это будетъ все? — Скажи, шаги какіе
Тобою сдѣланы? 40

Д а в ъ.

Клянусь Геракломъ я,
Что никакихъ шаговъ исподтишка не дѣлалъ!
Я барину во всемъ открылся, ну, а онъ
Плангò мнѣ въ жены дать пообѣщаль и съ братомъ
Ея поговорить.

Г е т а.

Ишь какъ тебѣ везеть! 45

Д а в ъ.

А въ чемъ везеть, скажи? Три мѣсяца ужъ будетъ,
Какъ Лахесъ по дѣламъ на Лемнось укатилъ! —
Надѣюсь все же я! — Вотъ только-бъ онъ вернулся —

Г е т а.

Какой ты преданный!

Д а в ъ.

И съ выгодой притомъ!

* * *

Мной оставлены безъ перевода 4 неполныхъ стиха, ко-
торые идутъ за словами „и съ выгодой притомъ“ (*ὄνησις εἴη*)
и которые въ рукописи имѣютъ слѣдующую форму:

ὄνησις εἴη: πολὺ π[
50 *φρονεῖς . ἐγὼ γὰρ κα[*
θυσίαι ἀνοήτων . σ[
ω ξύλοφορῶ [

Смыслъ этихъ стиховъ для меня не совсѣмъ ясенъ, а
потому я воздерживаюсь отъ ихъ дополненія, хотя бы и *exempli*
gratia. Что же касается до попытокъ другихъ ученыхъ, то

наиболѣ смѣлымъ оказался американскій ученый Capps¹⁾, подѣ рукой котораго весь пассажъ принялъ такой видъ :

*ὄνησις εἶη: πολὺ π[ροεπόντως καὶ καλῶς]
φρονεῖς · ἐγὼ γὰρ κατὰ πένησ ὧν σφοδρ' ἄν ἐρῶν]
θύσαιμι' ἄλλισ, νῆ τὸν Πο[σειδῶ, τοῖς θεοῖς].
ὦ ξυλογόρ' [εἰς θυσίαν σὺ δεῦρο φέρε ταχὺ]
[πλήθος ξύλων].*

Я не могу сказать, чтобы эта реконструкция Capps'a казалась мнѣ удачной. Не говоря уже о томъ, что греческій языкъ не отличается въ ней менандровскимъ изяществомъ и правильностью²⁾, она, на мой взглядъ, не совсѣмъ вѣрно передаетъ и тѣ мысли, которыя поэтъ хотѣлъ, повидимому, вложить въ уста Геты. Не вѣрнѣ ли будетъ разсуждать слѣдующимъ образомъ : Гета, который всё время относится съ насмѣшкой къ чувствованіямъ и переживаніямъ Дава, не измѣняетъ своей тактики и въ вышеприведенныхъ стихахъ. Мысли Дава кажутся ему неподходящими къ рабскому положенію послѣдняго. Ему чудится, что Давъ *μεῖζον ἢ κατὰ δοῦλον φρονεῖ*. И вотъ онъ заявляетъ, что если бы ему пришлось, паче чаянія, очутиться, какъ Даву, въ положеніи любящаго, онъ не сталъ бы ввиду этого радоваться и не сталъ бы приносить благодарственныхъ жертвъ (ст. 2 : *θύσαιμι'*), такъ какъ, по его мнѣнію, въ любви нѣтъ никакой выгоды (ст. 3 : *ἀνόνητος*) для того, кто находится на положеніи *ξύλογόρος*, т. е., человѣка подъяремнаго, несвободнаго. Само собой разумѣется, что эти слишкомъ уже матеріальные доводы Геты не могли не вызывать возраженія со стороны Дава, въ глазахъ котораго холодность Геты къ любви объяснялась просто на просто тѣмъ, что Гета еще не успѣлъ испытать на себѣ всей силы Эроса. Но въ такомъ случаѣ естественнымъ продолженіемъ ст. 52, казалось, могъ бы быть fr. 345 (= Kock, III, 100),

1) Capps. On the text of Menander's *Ἐπιτρέποντες* with notes on the Heros (= American Journal of philology, XXX (1909), 36). Ср. также Capps, Four plays of Menander (Boston 1910), 19.

2) Да не посѣтуетъ на меня почтенный американскій ученый, но я долженъ сказать, что греческій языкъ его дополненій нѣсколько напоминаетъ собой тѣ невозможныя конъектуры, которыми изобилуетъ пресловутое издание Менандра, сдѣланное Unus multorum (The lately discovered fragments of Menander by Unus Multorum, 2 edition, Oxford, 1909).

отнесенный къ нашей пьесѣ и въ частности къ бесѣдѣ рабовъ уже Лео¹⁾:

Α. οὐλόποτ' ἠγάσθησ Γέτα.

Α. οὐ γὰρ ἐνεπλήσθησ. Т. е.

Α. Ты, Гета, не любилъ!

Β. Γδѣ тутъ! Я дѣ сыта ни разу не наѣлся!

Къ сожалѣнію, этому, какъ будто, мѣшаетъ одно обстоятельство, на которое обратилъ вниманіе Vollgraff²⁾, а именно: при отнесеніи fr. 345 къ нашей пьесѣ шутка насчетъ связи между τὸ ἐρᾶν и τὸ κατεσθίειν окажется повторенной въ одной и той же сценѣ дважды, что было бы на мѣстѣ въ фарсѣ и чему нѣтъ мѣста въ серьезной комедіи. Въ силу этого, пожалуй, правильнѣе будетъ считать, что отрывокъ принадлежалъ къ какой-то другой пьесѣ Менандра, въ которой тоже выступалъ рабъ Гета и въ которой тоже велась бесѣда о любви³⁾. Вѣдь подобныя повторенія однихъ и тѣхъ-же мыслей, мотивовъ и ситуаций являются для „новой“ комедіи (и не только для нея) вещью очень обыкновенной, — своего рода правиломъ!

Сверхъ того, если на первый взглядъ и можетъ показаться, что отр. 345 вносить новый, дополнительный штрихъ въ характеристику Дава и Геты⁴⁾, то при ближайшемъ разсмотрѣніи и это впечатлѣніе окажется ошибочнымъ, ибо на самомъ дѣлѣ никакой существенной прибавки мы благодаря отрывку не получаемъ: мы имѣемъ въ немъ лишь блѣдную копію стиха 16. Такимъ образомъ, и съ эстетической и съ формальной точекъ зрѣнія отр. 345 долженъ быть исключенъ изъ нашей сценки, какъ нѣчто къ ней неподходящее и лишнее.

1) Leo, Der neue Menander (= Hermes, 43 (1908), 127, прим. 1). Ср. также Carps, Four plays of Menander, 19, который дѣлаетъ fr. 345 непосредственнымъ продолженіемъ ст. 53: онъ помѣщаетъ его сразу послѣ словъ: *πλήθος ξύλων*.

2) Vollgraff, Menandrea (= Χαριτες, Friedrich Leo zum sechzigsten Geburtstag dargebracht, 59).

3) Такъ, напр., Мейнке (о. с., IV, 170) относилъ fr. 345 къ комедіи Менандра *Μισομέγιστος*, въ которой, какъ намъ извѣстно изъ отрывковъ, выступалъ рабъ, по имени Гета, причѣмъ этому рабу его господинъ, воинъ Фрасонидъ, и повѣрялъ всѣ свои сердечныя тайны.

4) Я такъ и думалъ раньше. См. Церетели, Комедія Менандра Герой (С. Петербургъ 1911), 12.

Относительно же самой сценки, какъ таковой, мы должны сказать, что она является не только великолѣпнымъ введеніемъ, въ которомъ въ общихъ чертахъ намѣчается завязка и возможный ходъ дѣйствія, но и рѣдкой по жизненности и экспрессіи картиной, въ которой выступаютъ два, точно снятыхъ съ натуры, человѣка, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга какъ своимъ внутреннимъ содержаніемъ, такъ и своими вкусами и потребностями. И дѣйствительно, Гета¹⁾ и Давъ это — двѣ противоположности, два контраста, взаимно отгнѣняющіе другъ друга, два опредѣленныхъ типа съ рѣзко выраженной индивидуальностью. Давъ — это типъ мечтателя, типъ человѣка, въ которомъ, несмотря на всю пониженность его соціального положенія, не замерла, не заглохла способность сильныхъ чувствованій и глубокихъ переживаній. Не одни вопросы матеріальнаго характера затрагиваютъ его душу. Кромѣ нихъ онъ доступенъ и вопросамъ сердечнаго свойства, но доступенъ не съ грубой, не съ животной стороны, — наоборотъ, вся его любовь къ Плангò отличается мягкими и нѣжными тонами. Давъ, такъ сказать, поэтизируетъ её, и потому грубый намекъ Геты (стихъ 40), понимающаго любовь въ духѣ древней комедіи, въ смыслѣ удовлетворенія похоти, вызываетъ съ его стороны горячую и наивную отповѣдь. Онъ торопится выяснить своему товарищу всю ошибочность его предположеній насчетъ разныхъ, яко-бы предпринятыхъ „шаговъ“, онъ хочетъ доказать ему, что въ немъ, въ Давѣ, говорить настоящая любовь, а не вспышка минутной страсти. И въ устахъ Дава эти его доводы звучатъ такъ трогательно, съ такой опредѣленностью и прямоотой, что любой *adolescens* „но-

1) По характеру своей роли Гета былъ, повидимому, *проболоп протатикόν*, т. е., былъ тѣмъ персонажемъ, подъ которымъ, говоря словами Доната (Andr. praef. 8), „*ea persona intelligitur, quae semel inducta in principio fabulae in nullis deinceps fabulae partibus adhibetur*“. По поводу *проболопа протатикá* вообще см. Leo²⁾; Plautinische Forschungen (Berlin 1912), 243 сл. Ср. также Leo, Der neue Menander (= Hermes, 43 (1908), 126), гдѣ онъ ограничиваетъ свою мысль о томъ, что „*wir können für Menander kein einziges проболоп протатикόν nachweisen*“. Какъ на *проболоп протатикόν* смотреть на Гету и Carps, Four plays of Menander, 6. По прежнему, чему слѣдуетъ удивляться, рѣшительно отрицаетъ наличность *проболопа протатикá* у Менандра W. Schmid въ Christ³⁾, Geschichte der griech. Litteratur, II, 33. Относительно *проболопа протатикá* у Филемона см. Dietze, De Philemone comico. Diss. (Göttingae 1901), 64.

вой“ комедіи блѣднѣеть, какъ типъ любовника, передъ этой фигурой влюбленнаго раба¹⁾.

Но фигура Дава, какъ это ни странно, стоитъ сравнительно одиноко въ греко-римской комической литературѣ. Правда, типъ „влюбленнаго“ раба встрѣчаемъ мы еще въ лицѣ Токсила изъ комедіи Плавта *Persa*²⁾. Однако, на мой взглядъ, разница между Давомъ и Токсиломъ настолько значительна, что о настоящемъ сходствѣ говорить почти что нельзя. Вѣдь это сходство заключается, въ сущности говоря, только въ самомъ фактѣ влюбленности, но отнюдь не въ отношеніи къ любимой дѣвушкѣ.

Правда, мнѣ могутъ возразить, что еще неизвѣстно, какъ развивался типъ Дава при поступательномъ движеніи комедіи. Мнѣ могутъ сказать, что тотъ легкій романтическій налетъ, который лежитъ на немъ въ начальной сценкѣ, могъ сглаживаться и пропадать въ дальнѣйшемъ. Но вѣрно ли это? Я думаю, что нѣтъ и думаю такъ потому, что если судить по *argumentum* пьесы (ст. 9), то выходитъ, что Давъ даже вырастаетъ въ своемъ благородствѣ, а не только не утрачиваетъ его. Вѣдь любовь Дава оказывается настолько глубокой и прочной, что онъ рѣшается взять на себя даже вину позора дѣвушки, позора, къ которому онъ вовсе непричастенъ, лишь бы только не потерять Плангò, не быть разлученнымъ съ нею. Въ виду всего этого я продолжаю видѣть въ лицѣ Дава рѣдкій и интересный типъ влюбленнаго раба, типъ, стоящій по даннымъ, въ него вложеннымъ, довольно одиноко и сиротливо среди другихъ извѣстныхъ намъ типовъ греческой и римской комической литературы³⁾.

Впрочемъ, поскольку дѣло касается благородства Дава, то безусловно правъ Б. В. Варнеке⁴⁾, считающій, что „по своимъ нравственнымъ качествамъ рабъ изъ *Adelphoe* Теренція“ немногимъ уступаетъ рабу нашей пьесы. И дѣйстви-

1) Очень плохо и поверхностно разобранъ типъ Дава въ недавно вышедшей работѣ A. di Bella, *La commedia di Menandro* (Catania 1912), 77, а также 59 sq.

2) См. Legrand, *Les nouveaux fragments de Ménandre* (= *Revue des études anciennes*, X (1908), 18; Б. В. Варнеке, *Новыя комедіи Менандра* (Казань 1909), 14.

3) Ср. A. Koerte, *Menander* (= *Archiv für Papyrusforschung*, IV (1908), 506).

4) Б. В. Варнеке, о. с., 15.

тельно, привязанность этого раба къ его госпожѣ, Со-
стратѣ, настолько сильна и искренна, что подь вліяніемъ
ея онъ забываетъ о личныхъ выгодахъ и думаетъ только
объ интересахъ своей domina и ея дочери¹⁾. Но помимо
этого Теренціевскій рабъ останавливаетъ на себѣ внима-
ніе и той чистотой нравственныхъ принциповъ, которая
такъ чужда благороднымъ юношамъ „новой“ комедіи и такъ
присуща ему, несмотря на всю его „худородность“. Отсюда
ясно, что его можно сопоставлять съ нашимъ Давомъ и
видѣть въ немъ одну изъ разновидностей типа „благороднаго“
раба, взятаго только въ иномъ положеніи, а именно, въ поло-
женіи слуги, преданнаго „безъ лести“. Но такъ какъ ориги-
наль Adelphe восходитъ къ Менандру²⁾, то ничто, кажется,
не мѣшаетъ намъ думать, что созданіе даннаго типа или,
беря вопросъ шире, типа „благороднаго“ раба вообще, есть
дѣло рукъ нашего поэта.

Лишнимъ же доказательствомъ въ пользу того, что Ме-
нандръ вообще любилъ останавливаться на обрисовкѣ рабовъ
вышеуказаннаго характера, служить, между прочимъ, его
комедія *Πλόκιον*, въ которой, по свидѣтельству Авла Геллія³⁾,
тоже выступалъ *servus bonae frugis*, по имени Парменонъ.

Съ помощью замѣчаній Геллія, а также нѣсколькихъ сохра-
нившихся фрагментовъ, мы можемъ въ общихъ чертахъ пред-
ставить себѣ фигуру Парменона и можемъ видѣть, что кое
въ чемъ онъ напоминалъ собой Гету изъ Adelphe Теренція.
Подобно Гетѣ Парменонъ былъ глубоко преданъ своему
хозяину; подобно Гетѣ онъ скорбѣлъ о матеріальныхъ нуж-
дахъ послѣдняго и, наконецъ, узнавъ случайно о несчастіи,
постигшемъ хозяйскую дочь, онъ, какъ и Гета, всей душой
отзывался на этотъ новый ударъ, выпавшій на долю семьи,
близкой его сердцу. „*Timet, irascitur, suspicatur, miseretur,*

1) Ср. Adelphe., v. 299 sqq., а также v. 479 sqq.:

hic Geta
Praeterea, ut captus est servorum, non malus
Neque iners: alit illas, solus omnem familiam
Sustentat.

Ср. также Donat. Adelphe. III, 2, 3: *mira in servo fides: primum se ponit
in erili malo et post se matrem, in ultimo puellam.*

2) Ср. Donat. Adelphe. praef. III, 8: *facta autem haec una est de duabus
fabulis, Adelphe Menandri et Conmorientibus Diphili.*

3) Aul. Gell. Noct. att., 2, 23, 15.

dolet“, — говорить про него Геллій, и затѣмъ добавляетъ :
*hi omnes motus eius affectationesque animi in graeca quidem
 comoedia mirabiliter acres et illustres.*

Но коль скоро Менандръ умѣлъ и любилъ рисовать подобные типы, коль скоро ему доставляло удовольствіе показывать зрителямъ, что и простой рабъ можетъ быть доступенъ самымъ тонкимъ чувствованиямъ и переживаниямъ, то въ такомъ случаѣ онъ является какъ бы прямымъ продолжателемъ Еврипида.

Вѣдь Еврипидъ, который не разъ въ своихъ трагедіяхъ съ любовью останавливался на вопросѣ о рабахъ, какъ о людяхъ, не только первымъ отошелъ отъ обычнаго взгляда на раба, какъ на *κτῆμά τι ἔμψυχον*, но и первымъ рѣшился сказать, что и рабъ можетъ быть благороднымъ (*γενναῖος, ἐσθλός*), если только къ нему, какъ къ человѣку, можно будетъ приложить слѣдующія слова :

*δοῦλον γάρ ἐσθλὸν τοῦνομ' οὐ διαφθερεῖ,
 πολλοὶ δ' ἀμείνουσ εἰσι τῶν ἐλευθέρων*¹⁾.

Мало того, эту апіорную мысль Еврипидъ постарался иллюстрировать наглядными примѣрами, въ результатѣ чего рабы его трагедій какъ бы поднялись надъ уровнемъ своего приниженнаго соціальнаго положенія и почти что сравнялись въ смыслѣ человѣческаго достоинства съ героями, въ свою очередь утратившими подъ рукой трагика свое прежнее сверхчеловѣческое величіе²⁾. Однимъ словомъ, рабъ у Еврипида сталъ такимъ же человѣкомъ, какъ и его господинъ, а господинъ сталъ смотрѣть на раба, какъ на существо, близкое ему и родное, какъ на человѣка, на котораго можно поло-

1) *Fragm.* 511 (= *Nauck*², *Trag. gr. fragm.*, 524). Ср. также fr. 831 (= *Nauck*², o. c., 630):

*πολλοῖσι δοῦλοισ τοῦνομ' αἰσχρόν, ἢ δὲ φρόν
 τῶν οὐχὶ δοῦλων ἐστ' ἐλευθερωτέρα.*

2) См. *Dietrich, Pulcinella*, 23; *Ribbeck*², *Geschichte der römischen Dichtung*, I, 72; *Masquegay, Euripide et ses idées*, 354. Ср. также *Usener, Dion. Hal. libr. de imit. reliquiae*, 21, 13: *Εὐριπίδῃ μέντοι τὸ ὄλον ἀληθὲς καὶ προσεχὲς τῷ βίῳ τῷ νῦν ἤρεσεν · ὅθεν τὸ πρόπον αὐτὸν καὶ κόσμον πολλαχού διέφηνεν, καὶ οὐχὶ τὰ γεννικὰ καὶ μεγαλοφύῃ τῶν προσώπων ἤθη καὶ πάθη κατώρθωσεν. Наоборотъ про Софокла тотъ же Діонисій говорить : *Σοφοκλῆς δὲ ἐν τοῖς < ἤθεσι καὶ τοῖς > πάθεσι διήνευ-
 κεν τὸ τῶν προσώπων ἀξίωμα τηρῶν* (o. c., 21, 11).*

житься, которому можно вѣрить и въ которомъ можно найти поддержку въ минуту горя или несчастія. Такъ, Креуза въ „Ионѣ“ не считаетъ для себя унижительнымъ говорить старому дядькѣ своего отца, что она питаетъ къ нему чисто дочернюю привязанность (ст. 733 сл.):

*ἐγὼ δὲ σ', ὄσπερ καὶ σὺ πατέρ' ἐμὸν ποτε,
δέσποιν' ὄμωσ οὔσ' ἀντιζηδεύω πατρός.*

Мало того, она смотритъ на него, какъ на свою единственную поддержку, какъ на человѣка, которому можно повѣдать и горе и радость (ст. 730 сл.):

*σὸν τοῖσ φίλοισ γὰρ ἠδὲ μὲν πράσσειν καλῶσ.
ὃ μὴ γένοιτο δ', εἴ τι τυγχάνει κακόν,
εἰσ ὄμματ' εὖρον φωτὸσ ἐμβλέψαι γλυκύ.*

Приблизительно такъ-же, хотя и съ отѣнкомъ добродушной насмѣшки, относятся и Электра въ одноименной ей трагедіи къ старому воспитателю Агамемнона (ст. 502 сл.) и Менелай въ „Еленѣ“ къ вѣстнику (ст. 702), не говоря уже объ Алкестидѣ, которая по словамъ раба была для всей челяди настоящей матерью (ст. 767 сл.). Въ свою очередь рабы и рабыни то и дѣло подчеркиваютъ свою привязанность къ господамъ и свое желаніе быть имъ полезными, особливо въ тяжелыя минуты ихъ жизни. Такъ поступаетъ *παιδαγωγός* въ „Электрѣ“ (ст. 489 сл.), старый рабъ въ „Ифигеніи Авлидской“ (ст. 44 сл.), вѣстникъ въ „Еленѣ“ и т. д. Приэтомъ на разные лады то и дѣло повторяется мысль о томъ, что хорошій рабъ долженъ откликаться на страданія своихъ господъ, долженъ выискивать средства для оказанія помощи, — однимъ словомъ, долженъ жить жизнью своихъ хозяевъ.

Ср. Med., v. 54: *χορηστοῖσι δούλοισ ξυμφορὰ τὰ δεσποτῶν
κακῶσ πίτνοντα καὶ φρενῶν ἀνθάπτεται.*

Hypopl., v. 286: *οὐ μὴν ἀνήσω γ' οὐδὲ νῦν προθυμίας,
ὡσ ἂν παροῦσα καὶ σὺ μοι ξυμμαρτυροῆσ,
οἷα πέφυκα δυστυχοῦσι δεσπότηισ.*

Hel., v. 726: *κακὸσ γὰρ ὅστισ μὴ σέβει τὰ δεσποτῶν
καὶ ξυγγέγηθε καὶ συνωδίνει κακοῖσ.*

И поступая такъ, всякій преданный рабъ или рабыня чувствуютъ себя не только удовлетворенными, но и гордыми

въ сознаниі того, что ихъ образъ дѣйствій даетъ имъ право на признаніе въ нихъ благородства духа, какъ бы несовмѣстимаго съ ихъ рабски-приниженнымъ положеніемъ. Ср., напр., слова вѣстника въ „Еленѣ“ (ст. 723 сл.):

*ἐγὼ μὲν εἶην καὶ πέφυχ' ὄμωσ λάτρισ,
ἐν τοῖσι γενναίοισιν ἠριθμημένωσ
δοῦλοισι, τοῦνομ' οὐκ ἔχων ἐλεύθερον,
τὸν νοῦν δέ.*

Наконецъ, всѣ эти еврипидовскіе рабы и рабыни, будь то педагогъ, кормилица, вѣстникъ или простой слуга, — всѣ они такъ или иначе дѣйствуютъ вмѣстѣ со своими *θεσπόται*, и притомъ дѣйствуютъ иногда такъ, что какъ бы направляютъ ходъ даннаго событія (ср. роль педагога въ „Электрѣ“, кормилицы въ „Ипполитѣ“, педагога въ „Іонѣ“, стараго раба въ „Ифигеніи Авлидской“), т. е., иными словами, они являются настоящими носителями дѣйствія, чего мы не видимъ у рабовъ, выводимыхъ Эсхиломъ и Софокломъ.

Итакъ, Еврипидъ, остановившись на вопросѣ о рабахъ, мало по малу достигъ того, что подъ его рукой сложился особый типъ слуги, слуги вѣрнаго, преданнаго, иногда дѣйствительно благороднаго, и притомъ живущаго интересами тѣхъ, кому онъ служить.

Но этому типу еще не хватало индивидуализаціи: онъ былъ слишкомъ еще общимъ, онъ былъ своего рода контуромъ, который надо было заполнить живыми красками для того, чтобы изъ типа сдѣлать характеръ. Этимъ и занялась „новая“ комедія и по преимуществу Менандръ, истинный носитель и продолжатель еврипидовскихъ завѣтовъ и мыслей. Но очень возможно, что созданный Еврипидомъ типъ раба, прежде чѣмъ стать достояніемъ „новой“ комедіи, уже обратилъ на себя вниманіе комедіи „средней“. Правда, доказать этого мы не можемъ, но мы можемъ привести одинъ довольно характерный примѣръ, какъ будто подтверждающій наше предположеніе. Я имѣю въ виду отрывокъ изъ комедіи Теофила *Ἀπόδημοι*¹⁾. По крайней мѣрѣ, въ этомъ отрывкѣ выводится рабъ, привязанный къ своему господину и не рѣ-

1) *Fragm. 1* (= Коск, II, 473). Этотъ отрывокъ отмѣченъ уже у Guizot, Ménandre (Paris 1855), 278, 1.

шающийся покинуть послѣдняго ввиду тѣхъ благодѣяній, которыя были ему оказаны. Конечно, этотъ, насколько мнѣ извѣстно, единичный примѣръ самъ по себѣ говоритъ не много, но всё таки игнорировать его мы не должны, ибо, поскольку дѣло касается типа благороднаго раба, этотъ отрывокъ является своего рода посредствующимъ звеномъ между трагедіей Еврипида и комедіей Менандра.

Итакъ, Еврипидъ создалъ типъ слуги, преданнаго „безъ лести“; „средняя“ комедія переняла этотъ типъ, а „новая“, усвоивъ его надлежащимъ образомъ, еще болѣе его очеловѣчила, углубила и придала ему чисто-индивидуальныя черты, причемъ даже основная еврипидовская мысль о томъ, что преданный рабъ незамѣнимъ въ несчастіи, — даже эта мысль нашла себѣ отраженіе въ слѣдующемъ отрывкѣ Менандра:

*ἔταν ἀτυχή τις, ἐδοῦοντοσ οἰκέτου
οὐκ ἔστιν οὐδὲν κτήμα κάλλιον βίῳ¹⁾.*

Переходимъ теперь къ собесѣднику Дава, къ рабу Гетѣ, рѣчью котораго и открывается вводная сценка. Я уже говорилъ выше, что Гета является полной противоположностью Даву. Причиной же этой противоположности служить то, что Давъ — мечтатель, а Гета — практикъ, и практикъ грубый, неспособный, повидимому, отвлекаться отъ матеріальныхъ выгодъ.

Взятый подъ такимъ угломъ зрѣнія, Гета, какъ отдѣльный типъ, не представляетъ собой чего-либо новаго, намъ абсолютно неизвѣстнаго. Подобныхъ рабовъ въ „новой“ комедіи много, причемъ, въ сущности говоря, всѣ они являются лишь развѣтвленіями того обычнаго типа раба²⁾, зачатки котораго, еще не вполне стилизованные, можно видѣть

1) Fragm. 644 (= Коск, III, 190). Характеренъ также fr. 857 (= Коск, III, 229):

ἐλευθέρωσ δοῦλενε · δοῦλοσ οὐκ ἔσει,

въ которомъ выраженіе *ἐλευθέρωσ δουλείειν*, представляя собой великолѣпный примѣръ *ἁξίμωρον*, вполне соответствуетъ теренціевскому liberaliter servire. Ср. Donat. Andr. I, 1, 11: <liberaliter> bene, quia omne bonum libero aptum est, malum servo.

2) Объ этомъ типѣ намъ еще придется говорить впоследствии при разборѣ другихъ комедій Менандра. Поэтому я не останавливаюсь пока на исторіи его возникновенія и постепеннаго развитія.

уже у Аристофана въ лицѣ Каріона изъ „Богатства“ или Ксанөія изъ „Лягушекъ“. Вотъ этимъ „однимъ изъ многихъ“ будетъ и Гета. Онъ настоящій рабъ, пронирыливый, хитрый, не чуждый грубости, не понимающій того, что заходитъ за рамки подневольной жизни, а если и понимающій, то лишь односторонне, въ матеріальномъ смыслѣ. Т. е., иными словами, несвободное, зависимое положеніе отразилось на немъ въ полной силѣ и сдѣлало изъ него такое существо, про которое, повторяя слова Еврипида, можно сказать, что оно

γαστήρ ἀπαντα, τοῦπίσω δ'οὐδέν σκολεῖ¹⁾.

Въ силу этого ему чужды какія бы то ни было высокія побужденія. Онъ не понимаетъ ихъ, они кажутся ему лишними. По его мнѣнію, суть жизни въ иномъ, — въ деньгахъ, въ хорошей ѣдѣ и т. д. Недаромъ, замѣтивъ тоску и растерянность Дава, онъ приписываетъ ихъ денежной потерѣ. Недаромъ, узнавъ о любви пріятеля, онъ иронизируетъ надъ его сытостью. Вѣдь по мнѣнію Геты любить можетъ только тотъ, кто сытъ, кому незачѣмъ заботиться о своемъ пропитаніи²⁾. Рабу же не къ лицу заниматься любовью, ибо врядъ ли обычный рабскій паекъ можетъ вызывать какія либо другія чувства, кромѣ чувства голода. Если же Давъ любитъ, то это значить, что онъ, зажирѣвъ и заѣвшись³⁾, забылъ о своемъ рабскомъ положеніи и хочетъ

1) Alex. fr. 49 (= Nauck², о. с., 375).

2) Старая мысль, которую слѣдующимъ образомъ выразилъ уже трагикъ Ахей (= Nauck², о. с., 748):

*ἐν μὲν κενῇ γὰρ γαστροὶ τῶν καλῶν ἔρωσ
οὐκ ἔστι πεινῶσιν γὰρ ἢ Κυρῶσ πικρά.*

Не иначе высказывается на этотъ счетъ и Еврипидъ. Ср. fr. 895 (= Nauck², о. с., 647):

ἐν πλῆσμονῇ τοι Κυρῶσ, ἐν πεινῶντι δ' οὐ.

А затѣмъ эта мысль становится достояніемъ комедіи и дѣлается однимъ изъ „общихъ мѣстъ“, повторяемыхъ на разные лады. Ср. Men. mon. 156 (= Meineke, Menandri et Philemonis reliquiae, 318):

ἔρωτα παύει λιμὸς ἢ χαλκοῦ σπάνισ.

3) Въ текстѣ (ст. 17) стоитъ глаголъ *ἐπερδειπνεῖν*, который я перевелъ словомъ: „зажирѣлъ“, т. е., иными словами, я взялъ глаголъ не въ прямомъ, а въ переносномъ смыслѣ, приравнявъ его, согласно Гесихію, выраженію *ἐπερτροφᾶν*. Ср. Leewen², о. с., 8. Наоборотъ, Vollgraff (о. с.,

тянуться вслѣдъ за богачами, которые одни только и имѣютъ право любить, ибо они — сыты, ничѣмъ не заняты и ни на что нужное не способны¹⁾). Однимъ словомъ, изъ рѣчей Геты явствуется, что для него на первомъ планѣ стоятъ матеріальныя выгоды, и только. Но зато въ немъ чувствуется ловкость, сила и смекалка, чего у Дава нѣтъ и въ поминѣ. Поэтому Давъ возбуждаетъ въ Гетѣ легкое презрѣніе, какъ человѣкъ непутящій, беспомощный, и Гета всё время смѣется надъ нимъ то открыто, то подъ сурдинку, подобно тому, какъ въ X идилліи Θεокрита такую же насмѣшку вызываетъ со стороны практичнаго Милона любовная тоска мечтательнаго Букея.

Я намѣренно отмѣтилъ это сходство между идилліей Θεокрита и нашей сценкой, ибо считаю его не случайнымъ. И дѣйствительно, въ идилліи, какъ и въ нашей сценкѣ, сопоставлены два противоположныхъ типа, — типъ практика и типъ мечтателя; въ идилліи, какъ и у Менандра, причиной, вызывающей разговоръ, служитъ удрученное состояніе одного изъ собесѣдниковъ, обращающее на себя вниманіе другого; въ идилліи, какъ и у насъ въ сценкѣ, исповѣдь любящаго встрѣчаетъ насмѣшку со стороны его товарища. Однимъ словомъ, общность ситуациіи несомнѣнна. Но помимо этого и отдѣльныя выраженія у Θεокрита, не будучи, правда, тождественны съ менандровскими, всё таки напоминаютъ ихъ, хотя бы на манеръ реплики, не передающей всѣхъ деталей своего оригинала²⁾).

Этотъ отмѣченный мною фактъ сходства очень любопытенъ и поучителенъ. Вѣдь онъ, если я не ошибаюсь, еще

59) беретъ *ἐπεδειπνεῖν* въ смыслѣ *ἐπεροσθίειν* и передаетъ его черезъ „in cena cibo nimis largiter se invitare“, что, на мой взглядъ, только ослабляетъ мысль Менандра и дѣлаетъ её слишкомъ мало красочной. Хорошимъ же синонимомъ къ *ἐπεδειπνεῖν* былъ бы глаголь *ἐπεμαζῶν*, который Аѳиней (р. 663 В) толкуетъ такъ: *τὸ τρυφᾶν καθ' ἐπεροσθίην ἐπεμαζῶν*, и который въ приложеніи къ неумѣстной любви употребленъ между прочимъ Алкифрономъ (I, 21): *ἐπεμαζῶσ ἢ μέμνησ; ἀκούω γὰρ σε λυοῦδοῦ γυναικὸς ἐρᾶν*.

1) Ср. Alciphr. I, 16, 2 (ed. Schepers): *πόθεν γὰρ ποτε εἰς ἀλιέα δέστηρον ἀγαπητῶσ τὴν ἀναγκάσαν ἐμπορίζοντα διατροφὴν ἔρωσ ἐνέσκηψε καὶ ἐνταχείσ οὐκ ἀνίησιν, ἀλλ' ἴσα τοῖσ πλοισίοισ καὶ ὠροισίσ νεανίσκοισ φλέγομαι; καὶ ὕ ποτε γελῶν τοὸς ἐκ τρυφῆσ πάθει δουλεύοντασ ὕλοσ εἰμὶ τοῦ παθοῦσ*.

2) Ср. слѣдующіе стихи X идилліи: ст. 10—11, ст. 13—15, а также ст. 19—20.

разъ подчеркиваетъ ту зависимость, которая существовала между Теокрытомъ и драмой, — въ частности, между Теокрытомъ и „новой“ комедіей¹⁾. То же обстоятельство, что идиллія выдержана въ нѣсколько иномъ тонѣ, что она, несмотря на весь свой реализмъ, „окрашена въ значительно болѣе сентиментальную краску“²⁾, — это обстоятельство, думается мнѣ, не ослабляетъ приведенныхъ нами соображеній. Я полагаю даже, что иначе и быть не могло, ибо, во-первыхъ, Теокрытъ не есть простой подражатель, но оригинальный поэтъ, а во-вторыхъ, буколическій жанръ, въ которомъ онъ работалъ, хотя и былъ, подобно драмѣ, однимъ изъ видовъ мимическаго, всё таки предъявлялъ иныя требованія, да къ тому же подчинялся инымъ законамъ, инымъ вкусамъ.

2.

Переходимъ теперь къ другому вопросу, который для насъ является не менѣе важнымъ, чѣмъ вопросы, нами уже затронутые, а именно, къ вопросу о томъ, мыслимо ли на основаніи *argumentum* и сценки возстановить съ приближительной точностью содержаніе комедіи и, если мыслимо, то въ чемъ это содержаніе заключалось. На первый взглядъ можетъ показаться, что рѣшить этотъ вопросъ не такъ трудно и что отвѣтъ на него будетъ безусловно положительный. Въдѣ *argumentum*, каковъ бы онъ ни былъ, даетъ намъ остовъ пьесы; сценка же, въ свою очередь, знакомитъ съ началомъ комедіи, съ двумя участвовавшими въ ней персонажами, и, наконецъ, съ нѣкоторыми подробностями, лежащими въ основѣ интриги. Кромѣ того, мы располагаемъ спискомъ дѣйствующихъ лицъ въ порядкѣ ихъ выступленія на сцену и нѣсколькими, правда незначительными, фрагментами.

Къ сожалѣнію, весь этотъ матеріалъ оказывается недостаточнымъ для *настоящей* реконструкціи, — отчасти по винѣ *argumentum*³⁾, который, будучи слишкомъ краткимъ и

1) Ср. Legrand, *Etude sur Théocrite* (Paris 1898), 111. На связь X идилліи съ комедіей указываетъ и Vollgraff, о. с., 59.

2) Такъ думаетъ Б. В. Варнеке (о. с., 93), который правильно отмѣчаетъ тотъ фактъ, что такъ какъ Букей любитъ *τινὰ τῶν ἀλεόντων*, то его любовь получаетъ нѣсколько иной оттѣнокъ.

3) По поводу составленія и нашего *argumentum* и всѣхъ тѣхъ, которыми снабжены комедіи Аристофана (кромѣ „Облаковъ“), а также „Эдипъ

путаннымъ, не можетъ служить надлежащимъ поясненіемъ къ сохранившемуся тексту. Въ виду этого при реконструкціи комедіи на многое приходится отзываться незнаніемъ, многого совсѣмъ не затрогивать и вообще судить обо всемъ съ большой проблематичностью и неопредѣленностью. Тѣмъ не менѣе, кое-какихъ результатовъ добиться все-таки можно, причемъ эти результаты въ общемъ сведутся къ слѣдующему.

Судя по бесѣдѣ рабовъ, дѣйствіе пьесы происходитъ не въ Афинахъ, а за чертой города, въ предѣлахъ дема „Птелеи“, принадлежавшаго къ филѣ *Oivēto*¹⁾. На это указываютъ слова Дава, (ст. 21):

У насъ, въ Птелеяхъ, жилъ пастухъ одинъ, рабомъ
Онъ въ молодости былъ, носилъ онъ имя „Тибій“,

а также слѣдующій фрагментъ, который произносило одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи (fr. 9. Koerte²⁾):

Охотникомъ, сюда изъ города прибывшимъ,
Я груши дикія хотѣлъ бы показать.

Отсюда ясно, что и сцена должна была изображать собой или сельскій видъ или, просто, большую дорогу, на которую выходили два дома, — одинъ, принадлежащій хозяину Дава, Лахесу, а другой — Фидію, т. е., тому юношѣ-сосѣду²⁾, о которомъ упоминается въ *argumentum* (стихъ 7) и имя котораго фигурируетъ на пятомъ мѣстѣ въ спискѣ *τῶν τοῦ δράματος προσώπων*. Далѣе изъ той же бесѣды мы узнаемъ, что Лахесъ по торговымъ дѣламъ отбылъ на Лемнось (ст. 47), что дома находится только его жена Миррина (ст. 36), и что при ней въ качествѣ помощницы состоитъ та самая Плангò, въ которую влюбленъ Давъ.

царь“ и „Филоктеть“ Софокла см. Michel, De fabularum graecarum argumentis metricis. Diss. (Gissae 1908). Согласно доводамъ Michel'я, на мой взглядъ приемлемымъ, выходитъ, что время составленія этихъ *argumenta* падаетъ на II—I вв. до Р. Хр. Наоборотъ, по мнѣнію Leo² (Plaut. Forschungen, 22) ихъ надо относить къ III в. до Р. Х., а по мнѣнію Wilamowitz-Moellendorf (Euripides Herakles, I, 145) — къ императорской эпохѣ, что врядъ ли правильно: противъ этого говоритъ отчасти метрика, отчасти языкъ!

1) Löper, Die Trittyen und Demen Attikas (= Ath. Mitteilungen, XVII, 405).

2) Имя Фидій прилагается въ „новой“ комедіи обыкновенно къ юношамъ. См. Wagneke, Menandrea (= Журн. Мин. Нар. Просв. 1909, февраль, отд. класс. филол., 69).

Однимъ словомъ, мы видимъ передъ собой картину мирной, чисто-буржуазной жизни, гдѣ всё идетъ по налаженному и гдѣ врядъ ли можно предполагать наличность какихъ нибудь бурь и треволненій. По крайней мѣрѣ, Давъ не знаетъ ни о чемъ подобномъ. А между тѣмъ оказывается, что дѣло обстоитъ нѣсколько иначе; что былъ моментъ въ жизни Миррины, когда ея благополучію грозила опасность, и что, наконецъ, въ ея прошломъ есть тайна, которая до сихъ поръ еще не вышла наружу. Правда, всё это было уже очень давно, цѣлыхъ 18 лѣтъ тому назадъ¹⁾, когда Миррина еще не была замужемъ. Но тѣмъ не менѣе всё это было, а потому не исключена возможность, что когда-нибудь давно минувшее событіе вскроется: надо только, чтобы въ дѣло вмѣшался Случай!

Въ чемъ же заключается тайна Миррины? Она заключается въ томъ, что Миррина, будучи дѣвушкой, подверглась насилію со стороны какого-то юноши, который остался ей неизвѣстенъ, т. е., иными словами съ ней случилось то самое, что случилось съ Мирриной изъ „Земледѣльца“, съ Памфилой изъ „Третьякаго суда“ и со многими другими дѣвушками „новой“ комедіи. Произошло же это событіе либо на какомъ нибудь ночномъ празднествѣ (*παννυχίς*, *pervigilium*)²⁾, какъ видимъ мы это въ „Третьякомъ судѣ“ и въ *Πλόκιον*³⁾ Менандра, въ *Epidicus* и въ *Aulularia* Плавта⁴⁾, либо въ деревнѣ, согласно слѣдующимъ словамъ Эліана: *εἰ δὲ πον μεθύων κόρη περιλέσσοις ἄβραν ἀνακαλοῦση ἢ τὴν τίτθην ὑπολεμφθεῖσαν εὐρεῖν περιωμένη τάχα τι καὶ θεομὸν δράσεισ καὶ νεανικὸν ἔργον*⁵⁾.

Во всякомъ случаѣ, результатомъ насилія было то, что

1) „ἔτη σιν ὀκτώ καὶ δέξ“ — такъ начинается 19-ый стихъ изъ тѣхъ 32 стиховъ, которые находятся на папирусныхъ обрывкахъ, упомянутыхъ мной выше (стр. 45.)

2) *Ael. hist. an.*, VII, 19: *ἤκουσα δὲ συνοκεφάλου καὶ παρθένου ἐπιμαρῆναι καὶ μέντοι καὶ βιάσασθαι ἐπὶ τὰ μικρὰ μερίδια τὰ τοῦ Μενάνδρου ἐν ταῖς παννυχίσις ἐκόλασται.* Ср. также *Philostr. epist.* 47 (vol. II, p. 248, ed. Kayser): *δοξείσ δὲ μοι μηδὲ Θεσπιακὴ τις εἶναι, πάντως γὰρ ἂν τὸ Ἐρωτὶ ἔθνεσ, μηδὲ Ἀττιζή, τὰς γὰρ παννυχίδιασ καὶ τὰς ἑορτὰσ καὶ τὰ Μενάνδρουσ δράματα οὐκ ἂν ποτε ἠγγόησασ.*

3) *Aul. Gell., Noct. att.*, 2, 23, 15: *filia hominis pauperis in pervigilio vitata est.*

4) *Epidic.*, v. 540 sq.; *Aulul.*, v. 36.

5) *Aelian. epist. rust.* 15 (= *Epistolographi graeci*, ed. *Hercher*, 21).

Миррина родила двухъ близнецовъ, — мальчика и дѣвочку, которыхъ, какъ говорить *argumentum*, отдала на воспитаніе какому-то рабу (мы знаемъ, что его звали Тибіемъ), занимавшему — надо думать у родителей Миррины — мѣсто *ἐπιτροπος*, т. е., старосты¹⁾.

Слова „отдала на воспитаніе“ не значать, конечно, что Миррина собственноручно вручила малюткоѣ Тибію: для этого она могла воспользоваться услугами преданной рабыни, вѣроятно, той самой Софроны²⁾, имя которой фигурируетъ въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти слова заставляютъ думать, что Миррина знала, кому переданы ея дѣти, такъ какъ, если бы дѣло обстояло иначе, то выраженіе *ἔδοξε ἐπιτρόπῳ τρέφειν* не имѣло бы смысла. Или, можетъ быть, авторъ *argumentum* выразился не достаточно точно? Можетъ быть, ввиду этого его слова не нужно понимать буквально, но слѣдуетъ подобно van Leeuwen'у думать, что дѣти были отданы такъ, „*ut et Myrrha ignoraret quid de prole sua factum esset et Tibius ignoraret ex quibus parentibus nati essent illi gemelli*“³⁾. Koerte, въ своемъ первомъ изданіи комедій Менандра⁴⁾, такъ и думалъ, причемъ обосновывалъ свое мнѣніе на ст. 10: *οὐκ εἶδουσα δ' ἡ μήτηρ ἄγαν ἐδυσχέρασε* — „а мать по невѣдѣнію разгнѣвалась очень сильно“.

Чего же спрашивается, Миррина не вѣдала? Того, что она — мать Плангò? Если да, то, конечно, авторъ *argumentum* не имѣлъ права говорить, что „она отдала своихъ дѣтей Тибію“. И дѣйствительно, зная, гдѣ и у кого находятся дѣти, а затѣмъ

1) Ср. Xenoph. Oecon. 12, 2: *ἀλλά τοι, ὦ Σόφρατες, ἔφη ὁ Ἰσχυόμαχος, οὐδ' ἐκεῖνά μοι ἀμελεῖται, ἃ σὺ λέγεις· ἔχω γὰρ ἐπιτροπὸν σὲ ἐν τοῖς ἀγροῖς.*

2) Имя „Софрона“ прилагается обыкновенно къ рабынямъ, и въ частности къ рабынямъ-нянямъ. Ср. „Третейскій судъ“ Менандра, а также „Евнуха“ и „Форміона“ Теренція, гдѣ въ спискахъ дѣйствующихъ лицъ выступаетъ *Sophrona nutrix*. Это имя надо возстановлять и у Long. Pastoral., IV, 21 (ed. Seiler): вмѣсто рукописнаго *Σωφροσύνην* слѣдуетъ читать *Σωφρόνην*.

3) I. van Leeuwen², *Menandri quatuor fabularum fragmenta nuper reperta* (Lugd. Batav. 1908), 3. Ср. Carps, о. с., 7, 1: *Tibeius has no knowledge of the children's origin, nor Myrrha and Sophrona of their fate.* — Иначе думалъ van Leeuwen въ первомъ изданіи комедій Менандра. Ср. его слова (р. 5): *Myrrhine... gemellos... clam enixa a Tibeio pastore... impetravit, ut is pro suis eos liberos educaret.*

4) A. Koerte, о. с., XIV.

послѣ смерти Тибія, видя ихъ около себя, какимъ образомъ могла Миррина не вѣдать, что она — мать Плангò и Горгію? Да, но развѣ это хотѣлъ сказать авторъ *argumentum*? Онъ хотѣлъ, повидимому, сказать другое; а именно, что мать не зная истины, т. е., думая, что ея, хотя бы и незаконная, дочь изнасилована рабомъ, пришла въ разстройство, въ отчаяніе. Такъ понимаетъ стихъ 10 Menozzi¹⁾, такъ переданъ онъ и мной въ моемъ переводѣ:

а мать,
не зная истины, разстроилась ужасно.

Въ тѣсной связи съ толкованіемъ даннаго стиха находится и вся дальнѣйшая реконструкція нашей комедіи. Поэтому не мѣшаетъ провѣрить еще разъ это толкованіе хотя бы съ точки зрѣнія слѣдующаго, вполне возможнаго возраженія. Menozzi думаетъ, что Миррина разстроилась потому, что считала оскорбителемъ своей дочери раба. Значить, если бы роль насильника сыгралъ человѣкъ свободный, то Миррина отнеслась бы къ несчастію дѣвушки спокойно? Конечно, не спокойно, но спокойнѣе, — и вотъ по какой причинѣ. Внѣ всякаго сомнѣнія, Миррину не оставляла надежда на то, что со временемъ ей удастся найти отца своихъ дѣтей или съ помощью вещественныхъ признаковъ (ср. кольцо Харисія въ „Третьейскомъ судѣ“, а также перстень Памфила въ Несуга Теренція), или же благодаря какому нибудь счастливому стеченію обстоятельствъ. Но коль скоро Плангò оказалась бы дочерью свободного гражданина, то исчезли бы всѣ препятствія къ ея браку съ насильникомъ, подъ условіемъ, что послѣдній тоже — человѣкъ свободный. Зато совсѣмъ въ иномъ положеніи оказывалось дѣло, разъ дѣвушка стала жертвой простого раба. Въ этомъ случаѣ выхода для Плангò почти что не было. Итакъ, я думаю, что Menozzi правъ и что то объясненіе, которое онъ даетъ стиху 10, будетъ гораздо естественнѣе и понятнѣе обычнаго объясненія, предложеннаго van Leeuwen'омъ и принятаго другими.

Значить, согласно нашему представленію, дѣло съ Мирриной обстояло приблизительно такъ. Тайкомъ передавъ

1) Menozzi, Sull' *Ηρωσ* di Menandro (Firenze 1908), 12. Не иначе, независимо отъ Menozzi, толкуетъ этотъ стихъ и Vollgraff (о. с., 57—58), причѣмъ съ нимъ соглашается теперь и Koerte² (о. с., XVII).

дѣтей, черезъ посредство преданной ей Софроны, на попеченіе стараго раба, который, надо думать, зналъ, чьи дѣти ему переданы ¹⁾, Миррина могла вздохнуть свободно: помѣха къ выходу замужъ была устранена ²⁾, а за сохраненіе тайны ручалась преданность Софроны и Тибія. Прикрывъ такимъ образомъ свой дѣвическій грѣхъ, Миррина, по волѣ случая, вышла замужъ, какъ разъ за виновника своего позора, причемъ ни онъ, ни она не узнали ³⁾ другъ друга и благодаря этому тайна ихъ первой встрѣчи осталась не вскрытой. Что же касается до дѣтей, порученныхъ Тибію, то Миррина не теряла ихъ изъ виду. Напротивъ того, она знала, гдѣ они находятся, тѣмъ болѣе, что Тибій жилъ по сосѣдству, но — уже на положеніи свободнаго человѣка, такъ какъ успѣлъ получить вольную отъ своихъ бывшихъ господъ. Впрочемъ, эта вольная, въ силу которой Тибій, какъ ἀπελεύθερος, вошелъ въ сословіе метиковъ, не отдѣлила его окончательно отъ семьи Миррины. Вѣдь, какъ ἀπελεύθερος, онъ долженъ былъ имѣть особаго попечителя, и этимъ попечителемъ былъ, конечно, Лахесъ, мужъ Миррины, какъ его прежній господинъ ⁴⁾. Такимъ образомъ связь между Тибіемъ и его бывшими хозяевами оставалась въ силѣ, чѣмъ и объясняется, что во время голода Тибій обратился какъ разъ къ Лахесу за вспомошествованіемъ, каковое и получилъ дважды. Объ одномъ только не зналъ Тибій, а именно, что Лахесъ и есть отецъ тѣхъ близнецовъ, которыхъ Тибій по всей округѣ выдавалъ за своихъ собственныхъ дѣтей (ср. argum. 4, а также стихъ 23).

1) Такъ считаетъ и Vollgraff (о. с., 57). Наоборотъ Menozzi (о. с., 10) думаетъ, что Тибій не зналъ, чьи дѣти сданы на его попеченіе, — предположеніе врядъ ли допустимое, ибо ему противорѣчатъ слова argumentum: ἔδοξεν ἐπιτρόπῳ τρέφειν, а также, повидимому, и то обстоятельство, что Тибій поселяется съ дѣтьми какъ разъ по близости отъ Миррины. Не доказываетъ ли это, наоборотъ, что Тибію была извѣстна тайна его госпожи?

2) Вѣдь женихъ въ лучшемъ случаѣ не согласился бы взять къ себѣ въ домъ двухъ незаконныхъ дѣтей, прижитыхъ его невѣстой, въ худшемъ же — отказался бы жениться на дѣвушкѣ, опозорившей себя вѣнчаемымъ сожителемъ. Ср., напр., въ Несуга Теренція разсужденія Памфила, не желающаго оставлять у себя жену ввиду того, что „eam sequitur alienus puer“.

3) То-же самое видимъ мы въ „Третьейскомъ судѣ“ Менандра и въ „Несуга“ Теренція.

4) См. Schoemann-Lipsius, Griechische Altertümer, I, 369; Beauchet, Histoire du droit privé de la république athénienne, II, 488 sq.

Итакъ, втеченіи цѣлаго ряда лѣтъ дѣти находились на рукахъ у Тибія. Но вотъ наступаетъ критическій моментъ: Тибій умираетъ и дѣти остаются одни. Съ этого момента происходитъ въ ихъ судьбѣ нѣкоторая, очень важная по послѣдствіямъ перемѣна: они попадаютъ въ домъ къ Лахесу и вотъ какимъ образомъ. Если вѣрить *argumentum*, то Тибій, занявъ деньги у Лахеса, занялъ ихъ подъ залогъ Плангò и Горгія, т. е., иными словами, „онъ отдалъ дѣтей въ кабалу“ (*ὑπέθετο*) своему хозяину. Спрашивается, допустимо ли это съ точки зрѣнія греческаго права? Мы знаемъ изъ Плутарха, что до Солона родители дѣйствительно имѣли право поступать такъ со своими дѣтьми, но что затѣмъ это право было уничтожено особымъ Солоновскимъ закономъ¹⁾. Какимъ же образомъ примирить этотъ фактъ съ заявленіемъ автора *argumentum*? Мнѣ кажется, что хорошій отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Vollgraff²⁾, по мнѣнію котораго законъ Солона врядъ ли могъ мѣшать отдачѣ дѣтей въ кабалу, коль скоро сами дѣти выражали на это согласіе. Наличие подобнаго согласія и можно было бы предполагать въ нашемъ случаѣ! Что же касается до самого Тибія, рискнувшаго на подобный шагъ, то его образъ дѣйствій будетъ вполне понятенъ, разъ мы считаемъ, что происхождение дѣтей было ему извѣстно. И дѣйствительно, закабаливая Плангò и Горгія, онъ вовсе не ставилъ ихъ въ опасное положеніе: вѣдь они, какъ ни какъ, сами того не подозрѣвая, попадали въ домъ къ своей родной матери!

Правда, ихъ положеніе въ этомъ домѣ было довольно унизительнымъ, ибо они дѣлались своего рода кабальными людьми, т. е., почти что рабами, натурой отработывающими ту сумму денегъ, которая была взята для нихъ Тибіемъ³⁾. Но всё таки для ихъ дальнѣйшей судьбы шагъ, сдѣланный ихъ названнымъ отцомъ, былъ безусловно полезенъ, а потому Тибій могъ умереть спокойно: онъ, какъ вѣрный рабъ, сдѣлалъ для Миррины всё, что только было въ его силахъ, — онъ не только сохранилъ для нея Плангò и Горгія, но и

1) Plut. Sol., 13 и 23. См. также Schoemann-Lipsius, o. c., I, 546.

2) Vollgraff, o. c., 57, 1.

3) Какъ на рабовъ, смотреть на близнецовъ и Давъ. Ср. его слова, касающіяся Плангò и служащія отвѣтомъ на вопросъ Геты: „Рабыня значить? Да?“ — „Нѣтъ, не совсѣмъ . . . отчасти“ (ст. 20).

передалъ ихъ передъ своей смертью въ ея полное распоряженіе ¹⁾. Итакъ, по моему мнѣнію, выраженіе *ὁπέθετο* — „отдалъ въ кабалу“ — надо понимать дословно и ни въ коемъ случаѣ не надо думать, что авторъ *argumentum* выразился не достаточно точно, или же, что Менандръ далъ намъ простую фикцію, не опирающуюся на дѣйствительность. Вѣдь хотя примѣры закабаленія дѣтей родителями и противорѣчатъ какъ будто греческой законодательной практикѣ ²⁾, всё таки трудно допустить, чтобы поэтъ, воспроизводившій жизнь, какъ она есть, — чтобы этотъ поэтъ, если бы примѣровъ закабаленія не было, сталъ говорить о нихъ, какъ о чемъ-то, имѣвшемъ иногда мѣсто въ жизни современнаго ему общества. А между тѣмъ онъ говоритъ объ этомъ, и говоритъ не только въ нашей пьесѣ, но и въ другой, какъ бы подчеркивая этимъ, что воспроизводимые имъ факты не есть его личная выдумка, подсказанная ему пустой фантазіей.

По крайней мѣрѣ, на подобный же случай съ дѣвушкой Антифилой, которую ея фиктивная мать оставила въ залогъ гетерѣ Бакхидѣ за невыплаченную сумму денегъ, указываютъ слѣдующіе стихи изъ *Heautontimorumenos* Теренція, — изъ пьесы, восходящей тоже къ Менандру (vv. 600 sqq.) ³⁾:

Sy. vâh, vide quod incéptet facinus. fuit quaedam anus Corinthia
 híc: huic drachumarum haéc argenti mille dederat mútuom.
 Ch. quíd tum? Sy. ea mortuást: reliquit filiam adulescéntulam.
 ea relicta huic árrabonist pro illo argento. Ch. intéllego.

Правда, весь этотъ рассказъ про Антифилу выдуманъ рабомъ Сиромъ для полученія денегъ съ Хремета, но изъ

1) Само собой разумѣется, что слова Геты, будто Тибій умеръ отъ голода, умеръ оттого, что не получилъ третьей мины, надо принимать *cum grano salis*. Эти слова являются только лишнимъ примѣромъ зубоскальства Геты, на которое Давъ, по свойственной ему простотѣ и недалекости, не умѣетъ дать надлежащаго отвѣта.

2) Ср. Wilamowitz-Moellendorf und Niese, *Staat und Gesellschaft der Griechen und Römer* (Berlin-Leipzig 1910), 189: Auffallender ist es, dass sich zwei Kinder eines Freigelassenen bei seinem früheren Herrn verdingen um eine Schuld ihres Vaters abzarbeiten.

3) *Eugraph. comment. Heautontimorumenou* (= *Ael. Don. comment. Terenti*, ed. Wessner, vol. III, 1, 153): *Heautontimorumenon Menandri esse manifestum est.*

того, что Хреметъ не относится съ недоувѣріемъ къ возможности такого факта, можно заключать, что подобные случаи бывали. Въ виду всего этого я не рѣшаюсь думать, чтобы мы имѣли дѣло съ простой выдумкой поэта, съ простой фикціей, не отвѣчающей дѣйствительности¹⁾. Это — повторяю еще разъ — не соответствовало бы обычной манерѣ Менандра, который при передачѣ серьезныхъ вопросовъ жизни не любитъ уходить въ область фантазіи и вымысла, но предпочитаетъ передавать ничѣмъ не скрашенную правду.

Какъ бы то ни было, дѣти, бывшія раньше вдали отъ матери, теперь, благодаря сложившимся обстоятельствамъ, оказались при ней, въ ея домѣ, т. е., иными словами, произошло то, на что Миррина не могла и надѣяться. Воспользовавшись этимъ, она прежде всего помѣстила Плангò поближе къ себѣ и такимъ образомъ получила возможность, не возбуждая ничьихъ подозрѣній, находиться въ обществѣ своей дочери. Menozzi какъ будто кстати указываетъ и на литературную параллель, которая до извѣстной степени подходила бы къ нашему случаю, а именно, на „Фазму“ Менандра²⁾. Непростительно только то, что, приводя эту параллель, онъ ограничивается словами одного Доната (Eunuch. prol. 9), забывая про существованіе отрывка изъ „Фазмы“, къ которому слова Доната являются какъ разъ комментариемъ. Правда, этотъ отрывокъ опубликованъ въ русскомъ трудѣ В. К. Эрнштедта „Порфирьевскіе отрывки изъ аттической комедіи“ (стр. 151 слл.)³⁾. Но если *rossica non leguntur*, то, по крайней мѣрѣ, *germanica legenda sunt!* А между тѣмъ Menozzi игнорируетъ и статью Коск'а въ „*Rheinisches Museum*“, 48, 231 слл.! Зато, если бы итальянскій

1) Ср. Legrand, о. с., 275.

2) Menozzi, о. с., 11, прим. 1.

3) Пользуюсь случаемъ, чтобы высказать здѣсь свой взглядъ на трактовку текста „Фазмы“ новѣйшимъ его издателемъ, А. Коерте (о. с., 137 sq.). В. К. Эрнштедтъ установилъ съ неопровержимой ясностью, что Порфирьевскій отрывокъ Ib, относясь къ „Фазмѣ“ Менандра, представляетъ собой прологъ, имѣющий форму монолога, а не діалогической сценки (о. с., 153). Но это не помѣшало Коерте стать именно на откинутую В. К. Эрнштедтомъ точку зрѣнія и, несмотря на отсутствіе въ отрывкѣ Ib всякихъ внѣшнихъ признаковъ чередованія лицъ, сдѣлать изъ монолога діалогъ, который ведется „a duobus vel deis vel daemonibus, sicut in *Turnumto Plautino Luxuria et Inopia inducuntur*“ (о. с., LIV). При этомъ Коерте

ученый просмотрѣлъ текстъ отрывка изъ „Фазмы“, онъ увидѣлъ бы, что сходство, которое бросилось ему въ глаза, будетъ чисто внѣшнимъ. Прежде всего въ „Фазмѣ“ мать, имѣющая незаконную дочь, извѣстна этой дочери. Далѣе, хотя бы и *furtim*, она сама воспитала своего ребенка. Наконецъ, о существованіи дочери знаетъ мужъ этой матери. Мало того, выходя замужъ за послѣдняго, мать вынуждена была разстаться съ дочерью, такъ какъ женихъ не соглашался взять ребенка къ себѣ въ домъ и легитимировать его. Тогда, вынужденная пожертвовать дочерью, мать тайкомъ продолжаетъ видѣться съ ней, и на почвѣ этихъ свиданій постепенно завязывается та интрига пьесы, которая и дала послѣдней заглавіе¹⁾. Отсюда ясно, что настоящаго сходства между нашей пьесой, если мы правильно ее реконструируемъ, и „Фазмой“ нѣтъ. Сходство заключается только въ томъ, что въ обѣихъ комедіяхъ матери не могутъ *открыто* признать своихъ дочерей и вынуждены утаивать отъ людей свое материнское чувство. Но эти частности слишкомъ недостаточны для сближенія пьесъ, а потому я думаю, что „параллель“, приведенная Menozzi, къ нашей пьесѣ не подходитъ и подойти не можетъ. Правильнѣе будетъ сказать, что ни

находить, что „*dialogi vestigia . . . satis certe deprenduntur*“, хотя и не говорить, въ чемъ эти „*vestigia*“ заключаются. Уже не думаетъ ли онъ, что они заключаются въ двухъ мѣстоименіяхъ 2 лица единственнаго числа (ст. 3: *αυτὸν* и ст. 7: *αυτοῦ*), а также въ императивной формѣ *πέει* (ст. 7)? Если да, то эти „слѣды діалога“ слишкомъ еще незначительны для того, чтобы придавать прологу видъ діалогической сценки. И дѣйствительно, мы знаемъ не малое число такихъ монологовъ, въ которыхъ персонажи, ихъ произносящіе, приводятъ въ прямой, а не въ косвенной рѣчи либо тѣ слова, съ которыми обращалось къ нимъ другое лицо, либо же разговоръ другпхъ лицъ, имъ извѣстный или ими подслушанный. Достаточно будетъ указать на монологъ Микіона въ *Adelphoe* Теренція, а также на монологъ Демеи изъ „Саміанки“ Менандра. Точно такимъ же монологомъ могъ быть и отрывокъ изъ „Фазмы“, передававшій между прочимъ разговоръ двухъ лицъ, вставленный въ монологъ, для оживленія разсказа, тѣмъ лицомъ, которое этотъ монологъ произносило.

Итакъ, н и к а к и хъ данныхъ для того, чтобы превращать отрывокъ въ діалогъ, у насъ нѣтъ, а потому можно только пожалѣть, что Koerte отошелъ отъ точки зрѣнія В. К. Ернштедта: въ погонѣ за оригинальностью онъ только испортилъ отрывокъ, но отнюдь не внесъ въ него улучшенія!

1) При изложеніи содержанія пролога „Фазмы“ я слѣдовалъ разсужденіямъ В. К. Ернштедта (о. с., 163 слл.), которыя кажутся мнѣ неопровержимыми.

на какую литературную параллель мы сослаться не въ состояніи. Да и развѣ это такъ необходимо? Я думаю, что нѣтъ.

Изъ исторіи дальнѣйшаго пребыванія дѣтей въ домѣ матери мы знаемъ, что Горгій, какъ истинный сынъ своего предполагаемаго отца, пастуха Тибія, *ἐπιμελεῖται τῶν προβάτων* (стихъ 26), тогда какъ Плангò „распоряжается по дому“ и помогаетъ Мирринѣ въ хозяйствѣ (стихъ 36). Считаюсь „почти что рабыней“ (ср. стихъ 20), она останавливаетъ на себѣ вниманіе Дава, и послѣдній, не на шутку влюбившись въ нее, обращается къ содѣйствию Лахеса, который и даетъ ему согласіе на его женитьбу на дѣвушкѣ¹⁾. Но предварительно Лахесъ долженъ переговорить, — съ кѣмъ? Конечно, не съ Плангò, ибо если въ Аѣинахъ при бракѣ свободной дѣвушки о ея личномъ согласіи не считали нужнымъ спрашивать, то тѣмъ паче не спросили бы о согласіи рабыню, хотя бы и не настоящую. Значитъ, Лахесъ долженъ былъ переговорить или со своей женой или съ братомъ Плангò, Горгіемъ. Спрашивается, чтò естественнѣе, а потому, какъ слѣдуетъ дополнять лакуну, идущую въ рукописи за словами *διαλεχθεῖς πρός* (стихъ 44)? Всѣ издатели, начиная съ Лефевра, ставятъ послѣ *πρός* слова *τὸν ἀδελφόν*. Только одинъ Menozzi²⁾ думаетъ, что надо читать *πρός γυναῖκα* — „colla moglie“, но, по моему мнѣнію, это невѣрно. Вѣдь какъ ни какъ, роль *κῆριος* дѣвушки принадлежитъ брату послѣдней, а слѣдовательно, съ братомъ и долженъ былъ говорить Лахесъ, но отнюдь не съ Мирриной, — тѣмъ болѣе, что ни Плангò, ни Горгій не являются настоящими рабами: они только на время стали какъ бы кабальными людьми.

Такимъ образомъ, дѣла Дава стали налаживаться, но какъ разъ въ этотъ моментъ Лахесъ уѣхалъ, — мотивъ, который примѣняется въ „новой“ комедіи преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда на причинахъ отъѣзда или отсут-

1) Ср. Wilamowitz-Moellendorf, o. c., 189: Die neu entdeckten Komödien Menanders haben uns in Athen Dinge gezeigt, die den Kundigen nicht überraschten, aber manchem doch das theoretisch Erfasste erst einleuchtend machten, die Sklavenehe als etwas Selbstverständliches, Freigelassene, die gleichwohl im Hause des früheren Herrn weiter dienen oder doch leben, Sklaven, die ihr Handwerk für sich treiben und nur regelmässig mit dem Herrn abrechnen.

2) Menozzi, o. c., 11.

ствія можно построить какія нибудь complicacіи. И дѣйствительно, за время отсутствія Лахеса произошло событіе, котораго Давъ не ожидалъ и которое можетъ разстроить всѣ его планы, а именно: ему стало вѣдомо, что Плангò подверглась насилію со стороны какого-то юноши. Правда, о томъ, что это случилось, мы узнаемъ не отъ Дава, а изъ *argumentum* (ст. 7 сл.). Но если судить по настроенію Дава, то можно думать, что это событіе ему извѣстно и что именно оно и привело его въ полное разстройство¹⁾. Недаромъ, онъ „хватается за голову“, „вздыхаетъ“, находится внѣ себя. А что его душевное состояніе бросается въ глаза, видно изъ словъ Геты, который, будучи пораженъ видомъ пріятеля, подозреваетъ Дава въ совершеніи какого-нибудь крупнаго проступка (ср. ст. 1: *καὸν τι Δαῖέ μοι δοκεῖς πεπονημένοι | πατιέγυθεις*), влекущаго за собой ссылку провинившагося раба на мельницу (ст. 2 сл.), — самое ужасное наказаніе, какое только можно было придумать, ибо оно состояло въ тяжелой ручной работѣ жерновомъ, съ закованными въ кандалы ногами²⁾. Отсюда ясно, что Давъ пришелъ въ разстройство не потому только, что онъ ждетъ не дождется Лахеса, замѣшкавшагося на Лемносѣ, но и потому, что его гнететъ какая-то мысль, отъ которой онъ не можетъ отдѣлаться, которую никому не можетъ повѣдать. Т. е., иными словами, Менандръ, не открывая пока самого факта, но лишь намекая на его наличность, старается этимъ подготовить зрителей къ воспріятію чего-то новаго, совсѣмъ для нихъ неожиданнаго, чтò будетъ играть въ пьесѣ важную роль, — особый, присущій Менандру пріемъ, который Донатъ въ приложеніи къ *alter ego* Менандра, Теренцію, обозначаетъ словомъ *praestructio*³⁾.

Своего рода „*praestructio*“ слѣдуетъ видѣть и въ той характеристикѣ, которую Давъ даетъ Плангò. Сама по себѣ эта характеристика не заключаетъ въ себѣ ничего лишняго

1) Такого-же мнѣнія держится и Carps, о. с., 8.

2) Недаромъ, лишь только Эвфилетъ, герой I рѣчи Лисія, пригрозилъ рабѣ, пособникѣ своей жены, отправкой на мельницу, она созналась ему во всемъ (Lys. or. contra Eratosth., 18). Ср. Liban. or. 57, 54 (ed. Förster, vol. IV, p. 173): *δεινὸν μὲν οὖν καὶ ἀπὸ τοῦτο καὶ οὐδαμῇ φορητὸν ἀπὸ μυλῶν ὄν καὶ ἐν αὐτοῖς ἀγροπλιῶν ἄγεσθαι τινας ἐπὶ δυνάμεις* (не надо ли на основаніи Менандровскаго *ἀγροπλιῶν* (ст. 2) вм. *ἀγροπλιῶν* читать *ἀγροπλιῶν*?).

3) Donat. Andr., I, 1, 92, 3.

или неподходящаго къ душевному состоянію Дава. Наоборотъ, всё, что Давъ говоритъ про Плангò, вполнѣ соотвѣтствуетъ его чувствамъ и его настроенію, — скажу больше, Давъ и не могъ бы говорить иначе, чѣмъ онъ говоритъ. Такимъ образомъ, его слова — вполнѣ на мѣстѣ въ его положеніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствуя такъ, какъ онъ дѣйствуетъ, Давъ, самъ того не вѣдая, подчиняется невидимой для него указкѣ Менандра, ибо, говоря словами Доната ¹⁾, „suave est nescire personas, quid agat poeta“. Поэтъ же, вкладывая въ уста Дава характеристику Плангò, преслѣдуетъ свою особую, довольно опредѣленную цѣль: словно мимоходомъ указывая на то, что дѣвушка поражаетъ всѣхъ своимъ барскимъ видомъ и своей чисто-барской выдержкой (ст. 40: *ἐλευθέριος καὶ κοσμία*), онъ этимъ самымъ какъ бы поднимаетъ её надъ уровнемъ ея яко-бы рабскаго происхожденія, которому какъ будто не къ лицу *κοσμιότης* и *ἐλευθεριότης*. Но развѣ мы не понимаемъ, для чего дѣлается это Менандръ? Онъ дѣлаетъ это для того, чтобы впослѣдствіи, когда выяснится настоящее происхожденіе Плангò, зрители поняли, откуда брались у нея тѣ качества, которыя такъ выдѣляли ее изъ ряда остальныхъ рабынь и такъ приближали къ представленію о свободнорожденной.

Подтверженіемъ же того, что я, говоря такъ, не ошибаюсь и что въ данномъ случаѣ дѣйствительно надо видѣть намѣренное „предуготовленіе“ эффекта, — подтверженіемъ этого служить аналогичный примѣръ, который можетъ быть хорошей параллелью къ нашему и который можно почерпнуть изъ *Andria* Теренція, изъ пьесы, сконтаминированной изъ *Ἀνδρία* и *Περικλῆς* Менандра. Въ этой пьесѣ, въ ея вводной сценѣ, въ діалогѣ между Симономъ и его вольноотпущенникомъ, Сосіей, Симонъ, характеризуя любовницу своего сына, Гликеру, недаромъ говоритъ про нее, что она отличается

voltu, Sosia,

adeó modesto, adeó venusto, ut níl supra,

и что она

erat fóрма praeter céteras

honésta ac liberali ²⁾.

1) Don. Eun., V, 5, 27 (v. 997).

2) Ter. Andr., 119 sqq.

Вѣдь Гликера, какъ это оказывается впослѣдствіи, есть дочь Хремета, нѣкогда имъ утерянная. Этимъ-то и объясняется, почему въ ней, несмотря на ея положеніе *meretrix*, такъ бросаются въ глаза всѣ признаки благороднаго происхожденія, а также и то, почему Симонъ даетъ ей въ началѣ пьесы такую теплую характеристику. Вѣдь эта характеристика имѣетъ своей цѣлью остановить на дѣвушкѣ вниманіе зрителей и какъ бы подготовить ихъ къ уясненію той роли, которая выпадетъ на долю Гликеры, когда она въ качествѣ невѣстки войдетъ въ домъ Симона.

Изъ всего сказаннаго ясно, что какъ въ *Andria Terentia*, такъ и въ начальной сценкѣ нашей пьесы отдѣльныя, словно мимоходомъ брошенныя слова являются на самомъ дѣлѣ очень важными по значенію деталями, которыя въ будущемъ, когда дѣйствіе разовьется во всю, должны войти въ общую картину, какъ нѣчто существенное, уясняющее и самое дѣйствіе, и роль нѣкоторыхъ персонажей, и даже характеры послѣднихъ, ихъ *ἦθος*. Но усматривая этотъ „подготовительный“ оттѣнокъ во многихъ частностяхъ нашей сценки, я никоимъ образомъ не могу видѣть его тамъ, гдѣ его видятъ Vollgraff¹⁾. Вѣдь по мнѣнію послѣдняго, улыбка, которой Гета встрѣчаетъ восторженный отзывъ Дава о Плангѣ (ст. 36 слл.), объясняется не тѣмъ, что Гетѣ смѣшонъ видъ влюбленнаго Дава, а тѣмъ, что ему, какъ рабу Фидія, извѣстно уже о насиліи, которое Фидій совершилъ надъ дѣвушкой²⁾. И вотъ зная объ этомъ, Гета и потѣшается надъ Давомъ, которому Плангѣ кажется *παίδισκι ἄκακος*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она — падшая женщина, не заслуживающая подобнаго эпитета.

Я не могу согласиться съ этимъ взглядомъ Vollgraff'a, и вотъ почему. Прежде всего, при такомъ пониманіи текста отчаяніе Дава будетъ для насъ не совсѣмъ понятнымъ, ибо причину его придется усматривать только въ долгомъ невозвращеніи Лакеса, что врядъ ли правдоподобно. Съ дру-

1) Vollgraff, о. с., 60.

2) У насъ нѣтъ достаточныхъ основаній для того, чтобы считать Гету рабомъ Фидія, какъ дѣлаетъ это Vollgraff. Если вѣрно наше предположеніе о томъ, что Гета есть *πρόσωλον προσηγορία*, то онъ вполне могъ бы играть такую же роль, какую играетъ Давъ въ *Phormio Terentia*, т. е., онъ могъ бы быть рабомъ, господинъ котораго неизвѣстенъ. Ср. Carps, о. с., 6.

гой же стороны мнѣ кажется, что улыбка Геты, которой онъ отвѣчаетъ на слова Дава въ достаточной степени объясняется его грубымъ отношеніемъ къ любви вообще и его полнымъ непониманіемъ романтическаго настроенія въ частности. Какъ грубый практикъ, онъ не можетъ не глумиться надъ сентиментальностью пріятеля, а потому и его улыбка, смущающая послѣдняго, является лишь естественнымъ послѣдствіемъ того полу-шутливаго, полу-циничнаго тона, въ которомъ онъ ведетъ весь разговоръ. Но разъ это такъ, то врядъ-ли нужно подыскивать для этой улыбки какое-нибудь иное обоснованіе, а тѣмъ болѣе такое невѣроятное, какъ предложенное Vollgraff'омъ!

3.

Почти всё, чего мы пока коснулись, относилось къ области событіи, имѣвшихъ мѣсто до начала наступленія дѣйствія нашей комедіи. Только одна любовь Дава и его волненія относятся къ настоящему, которое и должно было развертываться передъ зрителями вслѣдъ за начальной сценкой, своего рода введеніемъ къ недошедшему до насъ цѣлому. Но какъ въ этомъ цѣломъ развивалось дѣйствіе, черезъ какіе этапы проходило оно, мы, къ сожалѣнію, сказать не можемъ. Тотъ сухой остовъ пьесы, который дошелъ до насъ въ видѣ *argumentum*, если и говоритъ о чемъ, то очень кратко, почти что одними намеками. Поэтому, если на основаніи его мы и можемъ набросать какую-нибудь картину, то исключительно контурную, не заполненную живыми красками, не дающую живыхъ образовъ и лицъ, не рассчитывающую на близкую и вѣрную передачу утеряннаго оригинала. Достаточно будетъ и того, если она подойдетъ къ понятію *τὸ εἶδος*! Какова же будетъ эта картина?

О томъ, какимъ образомъ тайна Плангò сдѣлалась известной Даву, мы не знаемъ. Но мы можемъ думать, что это произошло по обычному трафарету „новой“ комедіи, а именно: или Давъ случайно подслушалъ крики Плангò, мучившейся родовыми потугами — подобный примѣръ мы имѣемъ въ *Πλόγιον* Менандра¹⁾ —, или же, какъ думаетъ это

1) Aul. Gell., 2, 23, 15: *servus bonae frugi quum pro foribus domi staret et propinquare partum herili filiae atque omnino vitium oblatum ignoraret, gemitum et ploratum audit puellae in puerperio enitentis.*

Саррs¹⁾, онъ видѣлъ входящую въ домъ *obstetrix*. Обо всемъ этомъ и обо всѣхъ, связанныхъ съ этимъ, переживаніяхъ Давъ могъ рассказывать зрителямъ въ особомъ монологѣ, ибо думать, чтобы онъ сообщалъ о происшедшемъ Гетѣ, врядъ ли возможно: это было бы невѣрной чертой, вносимой въ его характеръ, въ которомъ есть простодушіе, но нѣтъ ничего, присущаго *ἀδολέσχης* или *λάλος*. Какъ бы то ни было, проникнувъ въ тайну Плангò, Давъ не утратилъ своего прежняго расположенія къ дѣвушкѣ. Напротивъ того, ввиду происшедшаго съ ней несчастія, онъ рѣшился на новый, въ высшей степени благородный шагъ, а именно: чтобы спасти дѣвушку отъ позора, онъ, какъ говоритъ *argumentum* (ст. 9), рѣшился взять на себя вину въ совершеніи надъ нею насилія, т. е., въ совершеніи поступка, имъ на самомъ дѣлѣ несовершеннаго. Но если подобный шагъ былъ продиктованъ Даву его любовью къ Плангò и желаніемъ прикрыть ея грѣхъ, то поводомъ къ такому открытому выступленію въ качествѣ насильника могло служить только то, что фактъ насилія выходилъ наружу и дѣлался извѣстнымъ Мирринѣ. Возможно даже, что на Дава, который раньше добивался Плангò, и пали въ первую голову нѣкоторыя неясныя подозрѣнія, которыя онъ счелъ нужнымъ не только не разсѣивать, но наоборотъ подтвердить личнымъ признаніемъ. Изъ того же, что въ *argumentum*, вслѣдъ за словами:

взять на себя вину рѣшился рабъ,
непосредственно слѣдуетъ:

а мать,

не зная истины, разстроилась ужасно,

можно, кажется, заключать, и притомъ съ нѣкоторой правдоподобностью, что между Мирриной и Давомъ происходилъ особый діалогъ, во время котораго Давъ не только приноравливалъ повинную, но и старался въ возможно болѣе вѣроятномъ свѣтѣ представить всю, яко-бы происшедшую съ нимъ исторію. О томъ же, что этотъ, предполагаемый нами діалогъ отличался или долженъ былъ отличаться довольно страстнымъ характеромъ, — объ этомъ можно судить по словамъ *argumentum*: *ἄρα ἐδυσχέραυνε* (ст. 10), по словамъ, которыя

1) Саррs, о. с., 8, 3.

съ достаточной наглядностью отмѣчаютъ повышенное настроеніе Миррины. Что же касается до самой діалогической сценки, въ которой мать встрѣчалась съ предполагаемымъ насильникомъ ея дочери, то къ этой сценкѣ можно было-бы относить слѣдующій, очень характерный фрагментъ, извѣстный намъ раньше (fr. 209 Kock = fr. 2 Koerte²):

Не можетъ съ Эросомъ ничто сравняться въ силѣ!
И даже самъ Зевесъ, владыка всѣхъ боговъ,
Давленью Эроса всецѣло уступаетъ¹)!

Эти слова, сказанныя съ большимъ подъемомъ и одушевленіемъ, съ одной стороны показываютъ всю ту силу любви, которой одушевлено говорящее лицо, а съ другой — очень подходятъ къ нашему Даву, который, какъ видно изъ ст. 18—19, умѣетъ иногда брать чисто романтическія нотки. Доказательствомъ же того, что эти слова произносились именно Давомъ, а не соблазнителемъ Плангò, Фидіемъ, служить непереуведенное мной выраженіе *δέσποινα*, которое начинается собой первый стихъ и изъ котораго сверхъ того явствуетъ, что нашъ фрагментъ относился какъ разъ къ разговору Дава съ Мирриной, т. е., къ той сценкѣ, въ которой Давъ приносилъ повинную.

Само собой разумѣется, что эта повинная должна была, какъ я уже сказалъ выше, произвести сильное впечатлѣніе на Миррину и не столько раздражить её, сколько повергнуть въ отчаяніе. Вѣдь она, которая уже испытала на себѣ весь ужасъ вынужденнаго паденія, оказывалась теперь снова предъ лицомъ подобнаго же факта, поразившаго на этотъ разъ ея дочь, существо, которое она, поскольку могла, любила, о которомъ, поскольку могла, заботилась и судьба котораго оказывалась еще болѣе трагичной, чѣмъ ея собственная!

1) Та-же мысль о неодолимой силѣ Эроса, которому поддается даже Зевесъ, слѣдующимъ образомъ выражена Еврипидомъ въ его трагедіи „Иполитъ“ (fr. 431 Nauck², о. с., 493):

*Ἔρως γὰρ ἄνδρας οὐ μόνον ἐλέγεται
οὐδ' αὖ γυναῖκας, ἀλλὰ καὶ θεῶν ἄνω
ψυχὰς χαράσσει καὶ πόντον ἔρχεται·
καὶ τόνδ' ἀπείργειν οὐδ' ὁ παγκρατῆς σθένει
Ζεὺς, ἀλλ' ἐπείγει καὶ θέλων ἐγκλίνεται.*

О связи этого еврипидовскаго отрывка съ менандровскимъ см. Se h r t, о. с., 54.

Можно себѣ представить, какъ глубоко и тонко должны были передаваться Менандромъ эти ощущенія матери, страдающей и за себя и за дочь! Для поэта-психолога, какъ вымъ Менандръ и былъ по преимуществу, разработка подобнаго, чисто-психологическаго мотива должна была заключать въ себѣ особую прелесть, особый интересъ, и надо думать, что образъ Миррины, то и дѣло переходящей отъ одного остраго чувствованія къ другому, занималъ въ пьесѣ далеко не послѣднее, если только не первенствующее мѣсто. Достигнуть же этого поэту было нетрудно. Въдъ въ его распоряженіи имѣлась полная возможность ставить Миррину въ соприкосновеніе съ разными персонажами комедіи, чѣмъ могло только содѣйствовать выясненію волнующихъ Миррину чувствъ, а также ознакомленію зрителей съ ея планами и намѣреніями. Однимъ же изъ примѣровъ такого конфликта, носившаго приэтомъ довольно обостренный характеръ, является какъ разъ бесѣда Миррины съ Давомъ, о которой я только что говорилъ и которая, по мѣрѣ возможности, была мною разобрана и выяснена. Но помимо этой встрѣчи съ Давомъ Миррина должна была встрѣчаться еще съ Софронной, которой и могла повѣрять свою тоску, свое горе и отчаяніе, подобно тому, какъ дѣлаетъ это, напр., Миррина изъ „Земледѣльца“ предъ лицомъ преданной ей Филинны (см. гл. V). И мнѣ кажется, что слѣды такой сценки, содержащей въ себѣ разговоръ Миррины съ Софронной, мы имѣемъ передъ собой на одномъ изъ тѣхъ папирусныхъ обрывковъ, о которыхъ я упоминалъ выше (стр. 45).

Въ общемъ этотъ обрывокъ, δ-ε-ζ, состоящій изъ трехъ маленькихъ фрагментовъ, исписанныхъ съ обѣихъ сторонъ, заключаетъ въ себѣ остатки 14 неполныхъ стиховъ¹⁾. Изъ нихъ первые три, на verso, надо считать безусловно погибшими, ибо отъ нихъ сохранилось всего на всего нѣсколько буквъ. Но эти стихи и не могли относиться къ той сценкѣ, о которой я говорю. На это указываетъ непосредственно идущее за ними слово $\chi\omicron\omicron\omicron\upsilon\tilde{\nu}$, которое, согласно практикѣ „новой“ комедіи, знаменуетъ собой ничто иное, какъ конецъ одного акта и начало другого²⁾. Отсюда ясно, что упомя-

1) Lefebvre², о. с., XX; A. Koerte², о. с., 4 sq.

2) По этому поводу ср. то, что я говорю о хорѣ въ „Третьейкомъ судѣ“ (гл. II, 11).

нутые нами три стиха, какъ кончающіе актъ, не могли имѣть прямого отношенія къ тѣмъ 11 стихамъ, которые слѣдуютъ за словомъ $\chi\omicron\rho\omicron\upsilon$ и которые такимъ образомъ являются началомъ новаго акта, до насъ недошедшаго. Что же касается до этихъ 11 стиховъ, то три изъ нихъ, приходящіяся на verso, сохранились очень плохо, а потому и не могутъ имѣть для насъ особой цѣны. Ихъ главное значеніе заключается лишь въ томъ, что они, несмотря на свою плохую сохранность, ясно показываютъ намъ, что сценка, къ которой они нѣкогда принадлежали, носила діалогическую, а не монологическую форму. Общій же видъ этихъ стиховъ, отъ возстановленія которыхъ я отказываюсь, будетъ таковъ:

56]καθίσ' ἔα μ' ἀμάρ[τυρον
] . [.] σ . . μν ὄμῶ[ν
]μα[.

Не въ лучшей сохранности дошли до насъ и остальные 8 стиховъ, находящіеся на recto: отъ нихъ тоже остались лишь одни обрывки, имѣющіе слѣдующую форму:

[.]ον τρ[.]
 60 [.]ρ ἀνδρῖα[.]
 [.]αυτα[. . .] τυχω μ[. . .]
 [.]ασ υ[. .] ρβολας εχ[. . .]
 [.]παθος η γνώμη σφο[. . .] 5
 [.]ν εκ βιασ σε τις ποτε
 65 [.]ν ὑπονοε[. .] σ σσ[. . .]
 [.] . γη . [.]

Но къ счастью стихи 3—4 могутъ быть отождествлены, какъ это доказалъ Кёрте¹⁾, съ однимъ отрывкомъ, который приводитъ Стобей²⁾, указывающій приэтомъ, что онъ беретъ его изъ "Heros Менандра:

ὡς οἰκτρὸν, ἢ τοιαῦτα δυστυχῶ μόνη,
 ἃ μὴδὲ πιδανὰς τὰς ὑπερβολὰς ἔχει³⁾.

1) A. Koerte, Menanders Heros (= Berl. phil. Woch. 1911, col. 1421).

2) Stob. Flor. 104, 13 = fr. 211 Kock.

3) Эти стихи можно было бы передать по русски такъ:

Какъ это тяжело! Одной, — и столько горя,
 Невѣроятнаго, превыше всѣхъ скорбей!

Спрашивается теперь, кто из дѣйствующихъ лицъ пьесы скорѣе всего могъ произносить эти слова, полныя чувства безысходной тоски и отчаянія? Я думаю, что мы должны относить ихъ къ Мирринѣ, ибо они всего больше подходятъ къ ея положенію, къ положенію человѣка, который, подъ вліяніемъ выпавшихъ на его долю несчастій, чувствуетъ себя выбитымъ изъ колеи и какъ бы утратившимъ свое душевное равновѣсіе. Съ другой же стороны, эти слова являются, по-видимому, отвѣтомъ Миррины на какой-то вопросъ ея собесѣдника, задаваемый послѣднимъ въ стихѣ 2, который Кёрте дополняетъ такъ:

..... ὥστε]ο ἀνδρά[σ

Но мнѣ кажется, что при дополненіи этого стиха можно было бы пойти нѣсколько дальше и что весь стихъ могъ бы принять, приблизительно, такую форму:

[τί δ' οὖν ἄφωνος ὥστε]ο ἀνδρά[σ μένεισ].

Само по себѣ это соединеніе прилагательнаго ἄφωνος съ существительнымъ ἀνδρά[σ не представляетъ чего-либо необычнаго или неожиданнаго: достаточно вспомнить пословицу ἀνδράντος ἀφωνότερος! Но и въ приложеніи къ общей ситуациі, какъ я её себѣ представляю, мое дополненіе было бы, пожалуй, на мѣстѣ: вѣдь слова собесѣдника Миррины вызываются тѣмъ, что онъ не можетъ получить отъ Миррины отвѣта на какой-то предложенный имъ вопросъ. И вотъ, пораженный ея молчаніемъ, онъ и говоритъ ей съ нѣкоторымъ упрекомъ: „да, но почему же ты стоишь, словно безгласная статуя?“ Когда же у Миррины, вмѣсто отвѣта на эти слова, вырывается вопль отчаянія (ст. 3—4), то ея собесѣдникъ беретъ другой тонъ: онъ начинаетъ утѣшать её, и это утѣшеніе заключается въ стихѣ 5, который Кёрте дополняетъ слѣдующимъ образомъ:

[παρηγορήσει τὸ] πάθος ἢ γνώμη σφό[δρα]¹⁾.

Это дополненіе Кёрте надо признать безусловно удачнымъ, хотя мнѣ и думается, что слово παρηγορήσει лучше было бы замѣнить соотвѣтствующей формой глагола ἰάομαι, хотя бы по аналогіи съ выраженіемъ: ἰάσιμον γὰρ τὸ πάθος ἐστί, которое мы находимъ въ одномъ отрывкѣ изъ комедіи

1) Слово σφόδρα дополнено Лефевромъ (о. с., XX).

Алексида Λέβησ¹⁾. Ввиду этого я предложил бы читать весь стихъ такъ:

[ιάσεται σοῦ τὸ] πάθος ἢ γνώμη σφόδρα].

Но на какое-же горе (τὸ πάθος), постигшее Миррину, намекаетъ ея собесѣдникъ? На это какъ будто даютъ отвѣтъ стихи 6—7, которые подъ рукой Кёрте получаютъ слѣдующую форму:

[εἰ διεκόρησε]ν ἐκ βίας σέ τις ποτε
[.]ν ὑπονοε[ῖ]σ σο [. . . .].

Изъ этихъ стиховъ или, вѣрнѣе, изъ стиха 6 ясно, что собесѣдникъ Миррины объясняетъ себѣ ея отчаяніе вѣчной ея думой о томъ насиліи, которое нѣкогда было совершено надъ нею человѣкомъ, оставшимся ей неизвѣстнымъ: такъ, по крайней мѣрѣ, приходится думать и разсуждать на основаніи тѣхъ остатковъ, которые сохранились отъ словъ этого собесѣдника! Но разъ это такъ, то, значить, собесѣдникъ Миррины и не подозрѣваетъ о наличности новаго факта, приведшаго Миррину въ то состояніе, въ которомъ она находится, т. е., иными словами, зная о томъ, что нѣкогда было съ самой Мирриной, онъ не знаетъ еще о бѣдѣ, приключившейся съ Плангѳ.

Если это мое разсужденіе вѣрно, то выходитъ, что въ недошедшей до насъ части бесѣды рѣчь шла не о томъ событіи, которое въ данный моментъ главнымъ образомъ занимаетъ и волнуетъ Миррину, а о томъ, которое произошло съ нею много лѣтъ тому назадъ. Но противъ подобнаго взгляда можно выставить слѣдующее возраженіе. Число строкъ на каждой страницѣ папируса колеблется между 35—38. А такъ какъ на verso сохранилось 6 стиховъ (изъ нихъ три приходятся на конецъ акта, а остальные три на начало той сцены, о которой мы говоримъ), то, значить, между этими стихами и соответствующими 8 на recto окажется лакуна, приблизительно въ 28 стиховъ, или, говоря иначе, стиховъ, въ которыхъ затрогивался вопросъ о прошломъ Миррины, будетъ около 34. Спрашивается теперь, не является ли это число слишкомъ большимъ для трактовки

1) Alex. fr. 124, 4 (= Коск, о. с., II, 341).

вопроса, имѣющаго какъ будто второстепенный характеръ? Мнѣ лично кажется, что нѣтъ, и вотъ въ силу какихъ соображеній. Во-первыхъ, прошлое Миррины, хотя и играетъ въ пьесѣ роль простой детали, не больше, имѣетъ всё таки громадное значеніе не только для развязки, но и для хода самого дѣйствія. Отсюда ясно, что его надо было освѣтить надлежащимъ образомъ! Во-вторыхъ, собесѣдникъ Миррины, знавшій про это прошлое, повидимому, лишь въ общихъ чертахъ, долженъ былъ получить теперь болѣе точныя свѣдѣнія, которыя въ свою очередь оказывались необходимыми и для зрителей. Наконецъ, излагая подробно исторію своего паденія, Миррина могла высказывать и, надо думать, дѣйствительно высказывала кое-какія пришедшія ей въ голову подозрѣнія насчетъ того, ктò былъ ея насильникомъ. Не намекаетъ ли на это глаголь *ἔπλοοεῖν*, стоящій въ ст. 7? Однимъ словомъ, мнѣ кажется, что комплексъ 34 стиховъ не будетъ слишкомъ великъ для изложенія того, что, предшествуя дѣйствию пьесы, входило въ это дѣйствіе, какъ важный, хотя и вспомогательный элементъ.

Итакъ, я думаю, что первая часть бесѣды заключала въ себѣ данныя, касающіяся исторіи самой Миррины. Что же касается до дальнѣйшаго, то, повидимому, начиная со словъ (ст. 3—4):

Какъ это тяжело! Одной, — и столько горя,
невѣроятнаго, превыше всѣхъ скорбей,

бесѣда переходила къ другому вопросу, а именно, къ изложенію того, что случилось съ Плангò и что представляло для Миррины новую причину, содѣйствующую усилению ея тоски и отчаянія. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣло рисуется мнѣ, и хотя я знаю, что всё, мною сказанное, есть одна сплошная гипотеза, я думаю всё таки, что эта гипотеза имѣетъ подъ собой кое-какія основанія, заключающіяся въ остаткахъ тѣхъ стиховъ, о которыхъ мы только что говорили.

Но кто же въ разобранной нами сценкѣ былъ собесѣдникомъ Миррины? По мнѣнію Кёрте, этимъ собесѣдникомъ былъ Лахесь¹⁾. Однако, вѣрно ли это? Если судить по общему тону бесѣды, а также по тому отгѣнку конфи-

1) А. Коerte², о. с., XVII и 5.

ціальности, которымъ она проникнута, то невольно думается, что человѣкъ, говорящій съ Мирриной, играетъ по отношенію къ ней роль довѣреннаго лица, которому Миррина привыкла повѣрять свои мысли и который въ свою очередь относится къ ней, какъ старый другъ, привыкшій, рано или поздно, узнавать про всё, что томить ее и волнуетъ. Но если это мое наблюденіе правильно, то Лахесъ, мужъ Миррины, не могъ быть ея собесѣдникомъ. И дѣйствительно, типъ такого мужа, предъ лицомъ котораго жена вскрываетъ свою душу и который съ своей стороны совѣтуетъ ей не предаваться отчаянію изъ за думы о томъ, что надъ нею нѣкогда было совершено насиліе, — подобный типъ былъ бы въ репертуарѣ „новой“ комедіи чѣмъ-то необычнымъ и страннымъ¹⁾. Въдѣ роли утѣшительницъ, пособницъ и вообще довѣренныхъ лицъ играютъ въ комедіи вовсе не мужья, а рабыни и въ особенности рабыни-няни, такъ или иначе причастныя къ тайнамъ своихъ господъ. Ввиду этого мнѣ и кажется, что собесѣдникомъ Миррины въ нашей сценкѣ былъ вовсе не Лахесъ, а та самая Софрона, о которой намъ приходилось говорить выше и которая въ общихъ чертахъ могла напоминать собой Филинну изъ „Земледѣльца“. Съ этой Софроной и вела Миррина свой разговоръ, который, заключающій въ себѣ кое-какія подробности изъ прошлаго самой Миррины, могъ переходить затѣмъ на разсказъ о несчастіи, постигшемъ Плангò. Итакъ, согласно нашему представленію, у Миррины, помимо ея столкновенія съ Давомъ, была еще бесѣда съ Софроной, причемъ эта бесѣда могла или предшествовать той сценѣ, въ которой Давъ приносилъ повинную, или же — это, пожалуй, естественнѣе — слѣдовать за ней, какъ своего рода объяснительный комментарий къ удрученному состоянію Миррины, взволнованной мыслью о томъ, что ея дочь сдѣлалась жертвой простого раба.

1) Правда, въ *Περὶ ἧς* Менандра выводился мужъ, повѣрившій женѣ свои безпокойства насчетъ сына (Dop. Andr. prol. 14), но этотъ единственный примѣръ врядъ ли ослабляетъ сдѣланное мной заключеніе, тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ, въ какомъ тонѣ велась эта бесѣда. Вообще же отношенія мужей къ женамъ, какъ рисуетъ ихъ комедія, представляютъ собой мало утѣшительнаго и сводятся, по большей части, къ грубымъ нападкамъ и выходкамъ противъ женщинъ вообще, противъ женъ въ частности. Ср. Legrand, о. с., 151 слл.

Но недаромъ, какъ говорить Филéмонъ ¹⁾, *χρόνον τὰ πάντα γίνεται καὶ κρίνεται*. Прошло немного времени, и тотъ кошмаръ, подъ тяжестью котораго приходилось жить Мирринѣ, сталъ мало по малу разсѣиваться и таять. Такъ, прежде всего оказалось — мы не знаемъ, при какихъ обстоятельствахъ — что, по крайней мѣрѣ, одна часть опасеній Миррины, а именно, ея страхъ предъ возможностью изнасилованія Плангò Давомъ, не имѣла подъ собой никакихъ фактическихъ основаній и что настоящимъ виновникомъ позора дѣвушки былъ никто иной, какъ сосѣдъ Лакеса, юноша Фидій. Объ этомъ рассказываетъ намъ *argumentum* пьесы (ср. ст. 8 и 11), но онъ, къ сожалѣнiю, не упоминаетъ о тѣхъ подробностяхъ, при которыхъ произошло это событiе. Въ силу этого намъ опять приходится обращаться къ гипотезѣ, къ построению болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній, которыя въ общемъ могли бы свестись къ слѣдующему.

Если я не ошибаюсь, то всю исторiю Фидiя и Плангò можно было бы представлять себѣ такимъ образомъ. Фидiй вообще живетъ въ Аѣинахъ, на что, какъ будто, указываетъ одинъ фрагментъ, обращенный, надо думать, къ нему однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы (не Сангарiемъ ли, его рабомъ, имя котораго стоитъ на 7 мѣстѣ въ *τὰ τοῦ δραμάτος πρόσωπα*?) :

и въ горожанина ты снова превратишься ²⁾.

Но за чертой Аѣинъ у Фидiя есть вилла, которая находится по сосѣдству съ домомъ Лакеса. Сюда время отъ времени наѣзжаетъ онъ со своими прiятелями, чтобы отдохнуть на лонѣ природы и поохотиться, благо это считалось признакомъ хорошаго тона. Ср., напр., Long. Pastoral. IV, 11 (ed. Seiler): *ὁ μὲν δὴ "Αστυλος . . . περὶ θήραν εἶχε λαγῶν οἷα πλοῦσιος νεανίσκος καὶ τρυφῶν ἀεὶ καὶ ἀφινόμενος εἰς τὸν ἀγρὸν εἰς ἀπόλαυσιν ξένης ἡδονῆς* ³⁾. См. также слѣдующiй отрывокъ

1) Philem. fr. 204 (= Коск, о. с., II, 532).

2) Fr. 868 Коск = fr. 10 Коерте².

3) Вѣдь и Сирискъ въ „Третьейскомъ судѣ“ Мевандра считаетъ признакомъ *τῆς εὐγενείας* охоты. Ср. его слова (v. 105 sqq.) :

*εἰς δὲ τὴν αὐτοῦ φύσιν
ἤξασ ἑλεῖθερόν τι τολμήσει ποεῖν,
θῆρᾶν λέοντας, ὕπλα βαστάζειν, τρέχειν
ἐν ἀγῶσι.*

вокъ изъ нашей пьесы, который косвеннымъ образомъ подтверждаетъ мое предположеніе о наѣздахъ Фидія въ деревню (fr. 9 Koerte² = Lex. Sabbaitic., 4, ed. Papadopulo's-Keramеus):

охотникамъ, сюда изъ города прибывшимъ,
я груши дикія хотѣлъ бы показать.

Такъ вотъ я и думаю, что Фидій во время одного изъ своихъ посѣщеній, предшествовавшихъ его послѣднему наѣзду, случайно встрѣтился съ Плангò и, уступая *impulsus adulescentiae*, произвелъ надъ ней насиліе, причемъ, говоря словами Плавта (*Aulul.*, v. 29 sq.):

*is scit adulescens quae sit quam compresserit,
illa illum nescit*¹).

При этомъ, въ противоположность многимъ юношамъ комедіи, Фидій не забылъ свою жертву, какъ не забылъ и Ликонидъ изъ *Aulularia* ту Федрію, которую онъ обидѣлъ. Мысли о Плангò не оставляютъ его, любовь къ ней не охладѣваетъ, и онъ, на манеръ Фидія изъ „Фазмы“ Менандра, не знаетъ, куда дѣваться, а потому ищетъ утѣшенія у какого-нибудь близкаго ему лица (не у Сангарія ли, который могъ бы приходиться ему дядькой и для котораго Фидій былъ бы *τρῶφιμος*?). Если въ этомъ моемъ предположеніи есть хоть доля правды, то къ этой бесѣдѣ между тоскующимъ юношей и его дядькой можно было бы относить слѣдующій фрагментъ (fr. 213 Kock = fr. 5 Koerte²):

отдѣлался отъ чаръ, — и снова зачарованъ²),
равно какъ и приведенный мной выше:

и въ горожанина ты снова превратишься³).

Эти слова могъ бы говорить дядька, по мнѣнію котораго Фидію надо вернуться въ городъ и зажить прежнюю жизнью: тогда спадутъ съ него всѣ чары деревенской любви, тѣ чары, отъ которыхъ онъ еще недавно съумѣлъ отдѣлаться!

1) Такъ думаетъ Menozzi, о. с., 13.

2) Robert (*Der neue Menander*, 31) влагаетъ этотъ отрывокъ въ уста Геты, что, на мой взглядъ, далеко не правдоподобно.

3) По мнѣнію Volgraffa (о. с., 60) этотъ стихъ могъ произносить Горгій послѣ того, какъ онъ былъ признанъ своими родителями и долженъ былъ мѣнять деревенскую жизнь, жизнь *ἄροιστος*, на жизнь городскую.

Т. е., иными словами, вся бесѣда между Фидіемъ и его дядькой могла бы до извѣстной степени походить на тотъ разговоръ, который почти что по аналогичному поводу ведется въ „Фазмѣ“. Но слова дядьки не вліяли на Фидію: онъ оставался въ деревнѣ, а между тѣмъ дѣйствіе, постепенно двигаясь впередъ, неожиданно, благодаря стеченію разныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, вступало въ такой фазисъ развитія, когда Фидій оказывался предъ необходимостью сознаться въ совершенномъ имъ поступкѣ. Эта сцена сознанія юноши предъ лицомъ Миррины и, вѣроятно, Софроны, могла происходить на манеръ того, какъ происходитъ подобная же сцена въ *Eunuchus* Теренція (vv. 840 sqq.). Т. е., и Миррина и, въ особенности, Софрона должны были осыпать Фидію упреками, выдвигая на первый планъ какъ самый фактъ насилія, такъ и то, что онъ свершенъ надъ свободной дѣвушкой, ибо Плангò — рабыня только *de pomine* ¹⁾. Къ этой сценѣ, и въ частности къ рѣчи Миррины, могъ бы относиться нижеслѣдующій фрагментъ, извѣстный намъ раньше (fr. 210 Kock = fr. 3 Koerte ²⁾):

1) Среди мелкихъ фрагментовъ Каирскаго кодекса, про которые нельзя сказать съ полной опредѣленностью, къ какой комедіи Менандра они принадлежали, есть два, обозначаемые Лефевромъ буквами η и θ (*Lefebvre* ²⁾, о. с., XIX sq.; Koerte ²⁾, о. с., 99 sq.). Оба эти фрагмента заключаютъ въ себѣ въ общей сложности остатки 16 стиховъ, изъ которыхъ 10 приходятся на η и 6 — на θ. Что же касается до вишняго вида фрагментовъ, то, по словамъ Лефевра (о. с., XX), они напоминаютъ собой въ этомъ отношеніи отрывокъ δ-ε-ζ. Отсюда ясно, что ихъ можно было бы относить къ нашей комедіи. Но, къ сожалѣнію, они до такой степени пострадали, что опредѣлить съ точностью, о чемъ шла въ нихъ рѣчь, почти невозможно. Тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ обратить вниманіе на стихи 2—3 фрагмента θ:

ἡσχυν[εθ'] ἐπ[ὶ]δ

Ἀλλ'ἄσ' Ἀθάνασ[σ]

изъ которыхъ второй былъ намъ уже извѣстенъ раньше изъ Прокула, комментатора Гесіода (*Procul. ad Hes. op. 491 = Kock*, о. с., III, 247, fr. 967). Въ этихъ стихахъ говорилось, повидимому, о какой-то дѣвушкѣ, подвергшейся насилію, причѣмъ эта дѣвушка сравнивалась, какъ думаетъ Koerte ²⁾, (о. с., 100), съ Авгой, изнасилованной Геракломъ въ храмѣ Аѳины Алеи. Если же отрывки η и θ, дѣйствительно, относились къ комедіи „*Ἠρώσ*“, то очень возможно, что дѣвушка, о которой шла рѣчь, есть наша Плангò, причѣмъ изъ наличности параграфа видно, что стихи входили нѣкогда въ диалогическую сценку. Не къ бесѣдѣ ли Миррины и Софроны принадлежали они раньше или, можетъ быть, къ разговору Миррины съ Фидіемъ?

тому, кто чистъ душой, тому и быть бы знатнымъ¹⁾.

Но негодуя на Фидія, но выясняя ему всю низость его поступка, Миррина всё-таки должна была чувствовать себя спокойнѣе, чѣмъ при недавнемъ объясненіи съ Давомъ: вѣдь насильникомъ оказался не рабъ, а человѣкъ свободный! Поэтому она, какъ и Файда изъ *Eupuchus*, могла бы, если и не сказать, то, по крайней мѣрѣ, подумать про себя:

non adeo inhumano ingenio sum, Pheidia,
neque ita inperita, ut quid amor valeat nesciam.

А что такое настроеніе могло быть у Миррины, — это какъ будто подтверждается однимъ изъ нашихъ фрагментовъ, который могъ бы подходить къ концу сцены сознанія, т. е., къ тому моменту, когда утихали страсти и когда слѣдующія слова (fr. 214 Kock = fr. 6 Koerte²⁾):

такъ знай же, что и я тебѣ твой грѣхъ прощу,

явились бы вполне кстати своего рода примирительнымъ аккордомъ³⁾.

Такъ хотѣлось бы мнѣ конструировать приблизительный ходъ дѣйствія нашей комедіи, въ которой именно Миррина должна была, думается мнѣ, занимать одно изъ центральныхъ мѣстъ и по преимуществу приковывать къ себѣ вниманіе зрителей, тѣмъ болѣе, что она по характеру лежащей на ней роли могла въ значительной степени вліять и на поступательное движеніе пьесы по пути къ развязкѣ. И мнѣ кажется, что оцѣнивая такъ роль Миррины, я не ошибаюсь. По крайней мѣрѣ, въ мою пользу говорятъ и *argumentum* и большинство разобранныхъ мною отрывковъ и наконецъ остатки одной сценки, къ которой мы можемъ перейти теперь и которая представляетъ собой бесѣду Миррины съ Лакесомъ.

Неполные 9 стиховъ этой сценки, находящіеся на *recto* и на *verso* обрывка О, сдѣлались намъ извѣстны уже изъ первой публикаціи Лефебра³⁾. Однако, благодаря своей не-

1) Этотъ стихъ Робертъ (*Der neue Menander*, 31) влагаетъ въ уста Лакеса, а *Vollgraff* (о. с., 60) — въ уста Горгія.

2) По мнѣнію Роберта (*Der neue Menander*, 31) этотъ стихъ могъ произносить мужъ Миррины, Лакесь.

3) *Lefebvre*, о. с., 215; *A Koerte*, о. с., 8—9. Четыре изъ этихъ стиховъ приходятся на *recto* и пять — на *verso*.

полнотѣ и отрывочности, они не могли быть оцѣнены по достоинству и не могли дать вѣрнаго представленія о томъ, къ какой сценкѣ и, въ частности, къ какимъ персонажамъ пьесы они нѣкогда относились. Но за послѣднее время Лефевру удалось найти еще одинъ новый обрывокъ папируса, — онъ обозначилъ его буквою γ —, исписанный также съ обѣихъ сторонъ и являющийся продолженіемъ обрывка *O*, а именно, правой его стороною на recto и лѣвой — на verso¹⁾. Такимъ образомъ, получилось 9, приблизительно, цѣлыхъ стиховъ и кромѣ того въ достаточной степени выяснилось, что сценка, къ которой они принадлежали, представляла собой бесѣду Миррины съ Лахесомъ, но отнюдь не съ Давомъ, какъ думали это раньше²⁾. Наконецъ, кромѣ упомянутыхъ 9 стиховъ, обрывокъ γ сохранилъ еще остатки другихъ 8; но къ сожалѣнію эти остатки не могутъ принести намъ большой пользы, ибо они сводятся по бѣльшей части къ отдѣльнымъ словамъ, изъ которыхъ врядъ ли можно сдѣлать какой нибудь опредѣленный выводъ. Во всякомъ случаѣ всѣхъ стиховъ на обрывкѣ *O* + γ будетъ 17, изъ коихъ 8 приходятся на recto и 9 на verso. А такъ какъ число стиховъ на каждой страницѣ папируса колеблется между 35—38, то, значитъ, между стихами на recto и соотвѣтствующими на verso окажется лакуна вмѣстимостью въ 25—27 стиховъ, не меньше. Съ другой же стороны, если мы обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что стихи, начинающіе сценку въ ея теперешнемъ, неполномъ видѣ, не являются ея настоящимъ началомъ, но заставляютъ предполагать, что имъ раньше предшествовали другіе, нынѣ утерянные, то окажется, что вся сценка отличалась довольно большими размѣрами, что и понятно: вѣдь она, какъ мы это сейчасъ увидимъ, заключала въ себѣ данныя, которыя должны были не только раскрыть полностью тайну с а м о й Миррины передъ лицомъ Лахеса, но и выяснить послѣднему тайну происхожденія Плангò и Горгія, которые до сихъ поръ были въ его глазахъ ничѣмъ инымъ, какъ дѣтьми вольноотпущенника Тибія. Я не буду останавливаться на первыхъ трехъ стихахъ лицевой стороны обрывка

1) Lefebvre², о. с., IV sq.; A. Koerte², о. с., 5 sq.

2) Lefebvre, о. с., 215; C. Robert, Der neue Menander, 31; Церетели, Комедія Менандра Герой, 25.

Ο + γ, ибо всё, что отъ нихъ сохранилось, сводится къ слѣдующему :

.....]ι γε συ
] . οτι
]ρεστατον :

Только изъ двоеточія, замыкающаго третій стихъ, ясно, что этимъ стихомъ заканчивалась рѣчь одного изъ говорящихъ лицъ, на которую другое давало реплику въ стихѣ 4, имѣющемъ въ настоящее время такой видъ :

70] προῶτον λέγει.

Что же касается до дальнѣйшихъ стиховъ на recto, представляющихъ собой продолженіе діалога, то они подъ рукой Koerte принимаютъ слѣдующую форму :

Α. ἔτη' στιν ὀκτώ καὶ δέκ'. Β. οὐκ ἔστιν μόνη 5
 [.]στ'. ἔστω δὲ τοῦτ', εἰ σύ <γε> λέγεις[ισ].
 [ἀσαφέ]σ τὸ προῶγμα γίνεται . πῶσ λανθάνει
 [σὸς υ]ἱὸς ὦν σε ; πῶσ δ' ἄπεστ', ἐπὶν ἴ[δη]σ

Теперь намъ остается еще привести in extenso стихи, находящіеся на оборотной сторонѣ папируснаго обрывка, и тогда въ нашемъ распоряженіи окажется всё, что сохранилось отъ интересующей насъ сценки, къ разбору и посильному толкованію которой мы затѣмъ и обратимся :

..... σ . . α[.]
 76 τούτῳ: π . [.] 10
 μᾶλλον δε[.]
 τὴν Θραῦτ[αν]

Α. σὺ πάλαινα φ[α]νεροῶσ νῆ Δί' ὃ γύναι. Β. τί <γάρο>;

Α. ἔσ κόρακας · ἐξέστηκας · οἶα γὰρ λέγεις¹⁾.

81 Β. ἃ καὶ ποιῶσ καὶ δέδοκται μοι πάλαι. 15

Α. ἰδρῶσ ἀπορρεῖ, νῆ Δί' . εἴγ' ὃ Μυροῖνη.

ἐπ' ἐμαντόν ἔλαβον ποιμέν', ὃσ βληχῶμενον

Какъ это явствуетъ изъ стиха 16, однимъ изъ лицъ, подающихъ реплики, является Миррина (ст. 16: εἴγ' ὃ Μυρο-

1) Въ папирусь интерпункція иная, а именно :

ἐσ κόρακας ἐξέστηκας: οἶα γὰρ λέγεις :

Т. е., иными словами, восклицаніе: οἶα γὰρ λέγεις отнесено въ папирусь къ тому лицу, которое мы обозначаемъ буквою Β. Въ уста Α вкладывается это восклицаніе Wilamowitz-Moellendorf, которому мы и слѣдуемъ.

οίτη). Лицомъ же бесѣдующимъ съ нею, будетъ, вѣ всякаго сомнѣнія, ея мужъ, Лахесъ. По крайней мѣрѣ, въ пользу этого говорить не только самый тонъ бесѣды, но также слова *ὁ γυναι* (ст. 13) и въ особенности стихъ 17, который въ устахъ другого персонажа, кромѣ Лахеса, былъ бы не совсѣмъ на мѣстѣ. И дѣйствительно, кто, какъ не Лахесъ, могъ говорить: „взялъ я къ себѣ пастуха, дабы онъ за блеющимъ < стадомъ смотрѣлъ >“, причемъ подъ „пастухомъ“ слѣдуетъ, по всей вѣроятности, разумѣть Горгія, о которомъ, какъ о пастухѣ, идетъ рѣчь въ бесѣдѣ Дава и Геты (см. ст. 26). Итакъ, для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что дѣйствующими лицами нашей сценки были Лахесъ и Миррина.

Но если рѣшеніе этого вопроса не представляетъ для насъ никакихъ трудностей, то совершенно иначе обстоитъ дѣло съ пониманіемъ самой сценки, ибо здѣсь на каждомъ шагу мы наталкиваемся на массу неяснаго и недосказаннаго, на массу такого, въ чемъ трудно отдать себѣ ясный отчетъ и относительно чего врядъ ли можно говорить съ полной опредѣленностью. Во всякомъ случаѣ, я хотѣлъ бы разсуждать слѣдующимъ образомъ. Насколько можно судить по контексту, Лахесъ уже знаетъ о быломъ паденіи Миррины и о томъ, что она родила двухъ близнецовъ, мальчика и дѣвочку. Но, повидимому, онъ не знаетъ еще, что виновникомъ этого паденія былъ никто иной, какъ онъ самъ¹⁾. По крайней мѣрѣ, изъ его словъ какъ будто нельзя сдѣлать другого вывода. Равнымъ образомъ, Миррина еще не успѣла или, что вѣроятнѣе, не пожелала сообщить ему о дальнѣйшей судьбѣ близнецовъ, т. е., о томъ, что они не только не были брошены ею на произволь судьбы, но наоборотъ были отданы на воспитаніе Тибію. Такъ приходится думать на основаніи стиховъ 7—8 (ср. также ст. 17), которые были бы не на мѣстѣ, если бы Миррина уже успѣла посвятить Лахеса въ эти подробности своей тайны. Итакъ, Лахесъ знаетъ о паденіи Миррины, о рожденіи дѣтей, но не подозрѣваетъ еще, что эти дѣти находятся тутъ же, въ его домѣ.

Между тѣмъ Миррина, по преимуществу занятая мыслью о необходимости освободить Плангò отъ грозящей ей свадьбы съ Давомъ, на которую Лахесъ уже далъ свое со-

1) Ср. Lefebvre², о. с., V и A. Koerte², о. с., XVIII.

гласіе, и не желая вмѣстѣ съ тѣмъ до поры до времени вскрывать своего настоящаго отношенія къ такъ называемымъ дѣтямъ Тибія, говоритъ какъ бы ввидѣ предположенія, что Плангò могла бы быть ея дочерью. При этомъ въ качествѣ доказательства, подтверждающаго это предположеніе, она ссылается на возрастъ дѣвушки, совпадающій съ тѣмъ временемъ, когда надъ самой Мирриной было совершено насиліе (ст. 5). Этотъ доводъ Миррины кажется страннымъ Лахесу, и онъ старается опровергнуть его въ стихахъ 5—6, которые я хотѣлъ бы дополнять такъ:

*οὐκ ἔστιν κόρη*¹⁾

[ἔτη τὸσαύτ'.

Т. е., иными словами, Лахесъ, удивленный тѣмъ, что Миррина выдвигаетъ въ пользу своего предположенія слишкомъ уже несостоятельный доводъ, говоритъ ей: „да, но не одной же Плангò столько лѣтъ“. Мало того, зная изъ разсказа Миррины, что у нея было двое дѣтей, и припомнивъ сверхъ того, что братомъ Плангò является Горгій, Лахесъ, не понимающій, почему Миррина, говоря о дѣвушкѣ, ни слова не говоритъ о юношѣ, и задаетъ ей слѣдующій вопросъ (ст. 6—8): „но положимъ, что всё обстоитъ такъ, какъ ты говоришь. Всё таки кое-что остается непонятнымъ. И дѣйствительно, какимъ образомъ неизвѣстно тебѣ, что Горгій, братъ Плангò, приходится тебѣ сыномъ“? Это вполнѣ логичное замѣчаніе Лахеса могло имѣть своимъ послѣдствіемъ только одно, а именно: оно должно было побудить Миррину къ сознанию въ томъ, что и Плангò и Горгій — ея дѣти, что они оба были отданы ею на воспитаніе Тибію и что, рѣшаясь на такой шагъ, она хотѣла спасти ихъ отъ гибели. Изложенію этихъ подробностей и могли быть посвящены тѣ стихи, которые нѣкогда слѣдовали за стихами на *gesto*. Что же касается до имѣющихся въ нашемъ распоряженіи стиховъ на *verso*, то въ нихъ, какъ мнѣ кажется, отчасти выражается то впечатлѣніе, которое произвели на Лахеса слова Миррины, отчасти же подготавливается переходъ къ новому эффекту, а именно, къ открытію того, что отцомъ Плангò и Горгія, а слѣдовательно, и насильникомъ Миррины, былъ никто иной,

1) *κόρη* — Wilamowitz, *κόρη* — папирусъ, Koerte.

какъ самъ Лахесъ. Правда, при настоящемъ состояніи текста трудно придти къ какому нибудь положительному выводу. Но всё таки изъ отдѣльныхъ восклицаній Лахеса можно видѣть, что онъ находится въ довольно приподнятомъ настроеніи и что слова Миррины дѣйствуютъ на него удручающе. Достаточно будетъ указать на стихи 13, 14 и 16!

Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать съ точностью, одинъ ли рассказъ Миррины подѣйствовалъ такъ на Лахеса, или же, помимо этого, имѣется на лицо еще другая, не менѣе серьезная причина, которая и заставляетъ Лахеса говорить (ст. 16):

ἰδρῶσ ἀποροεῖ, νῆ Δί'. εὖγ' ὦ Μυροίνη.

Мнѣ лично думается, что такая причина есть и что она заключается между прочимъ въ словахъ Миррины (ст. 15):

ἄ καὶ ποιῶ καὶ δέδοκται μοι πάλα,

на которыя Лахесъ отвѣчаетъ стихомъ 16, только что нами приведеннымъ.

Но каково будетъ содержаніе этой пугающей Лахеса причины, сказать довольно трудно. Можно, впрочемъ, думать, что Миррина хочетъ привести въ исполненіе какой-то пришедшій ей въ голову планъ, надъ которымъ она, какъ это видно изъ ея словъ, уже не разъ думала и для выполненія котораго она поджидала только подходящаго момента. Но въ чемъ же могъ заключаться этотъ планъ и кого по преимуществу онъ долженъ былъ касаться? Надо полагать, что онъ касался Плангò и Горгія. Содержаніе же его могло заключаться между прочимъ въ томъ, что Миррина предъявляла къ Лахесу требованіе легитимировать близнецовъ и ввести ихъ такимъ образомъ въ семью въ качествѣ законныхъ наслѣдниковъ. Не это ли требованіе Миррины и приводитъ Лахеса въ ужасъ, причемъ, какъ человѣкъ добродушный и слабый, онъ не рѣшается прямо отказать своей настойчивой и энергичной женѣ въ исполненіи ея желанія, хотя это желаніе и кажется ему чѣмъ-то уродливымъ и невыполнимымъ? Мнѣ думается, что ничего невѣроятнаго въ этомъ предположеніи нѣтъ.

Наоборотъ, я полагаю, что косвеннымъ подтвержденіемъ его служить стихъ 17:

ἐπ' ἔμαντόν ἔλαβον ποιμέν', ὃσ βληχώμενον,

который я хотѣлъ бы переводить такъ: „взялъ я къ себѣ пастуха, дабы онъ за блеющимъ < стадомъ смотрѣлъ >“. Спрашивается теперь, про какого пастуха, взятаго къ себѣ Лахесомъ, идетъ рѣчь? Скорѣе всего — про Горгія, о которомъ, какъ о пастухѣ, говорится въ бесѣдѣ Дава и Геты. Но разъ это такъ, то весь смыслъ стиха 17 былъ бы приблизительно таковъ: Лахесъ, предъ которымъ Миррина хлопочетъ о легитимированіи своихъ незаконныхъ дѣтей, приходитъ въ отчаяніе при мысли о томъ, что ему придется дать права сына какому-то пастуху, котораго онъ взялъ къ себѣ въ качествѣ полу-раба, полу-наемника и который оказывается ребенкомъ Миррины, неизвѣстно отъ кого ею прижитымъ.

Таково въ общихъ чертахъ было бы мое предположеніе, на правильности котораго я, конечно, не могу настаивать, но которое кажется мнѣ вполне возможнымъ и допустимымъ. Но даже если это предположеніе и невѣрно, всё таки изъ словъ Миррины и соотвѣтствующихъ восклицаній Лахеса мы должны заключать, что Миррина намѣрена сдѣлать какой-то шагъ, который не находитъ себѣ одобренія у Лахеса и который приводитъ послѣдняго въ состояніе полной растерянности, выражающейся въ такихъ восклицаніяхъ, какъ *ἰδρῶσ ἀπορροεῖ* (ст. 16), а также:

εἶς κόρακας · ἐξέστηκας · οἶα γὰρ λέγεισ.

Разобранными нами отрывками ограничивается почти всё, что дошло до насъ отъ комедіи Менандра „Герой“. Правда, существуетъ еще нѣсколько маленькихъ фрагментовъ, извѣстныхъ намъ раньше; но всё они до такой степени кратки и отрывочны, что врядъ ли могутъ принести какую нибудь пользу при попыткѣ реконструировать пьесу и выяснить значеніе и роль выступавшихъ въ ней персонажей¹⁾. Ввиду этого я оставляю ихъ въ сторонѣ, какъ матеріалъ, который нельзя утилизировать, и если на чемъ я считаю нужнымъ остановиться, то только на фигурѣ Горгія, роль котораго была, повидимому, хотя и не первенствующей, но тѣмъ не менѣе очень важной для развязки пьесы. Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи уяснить еѣ себѣ надлежащимъ

1) Этими отрывками будутъ тѣ, которые стоятъ у Koerte² подъ номерами 4, 7 и 8.

образомъ, ибо къ ней можно относить всего на всего одинъ, довольно ничтожный отрывокъ, если только онъ дѣйствительно произносился Горгіемъ, а не какимъ либо другимъ персонажемъ. Этотъ отрывокъ (я уже ссылался на него выше) гласитъ слѣдующее:

охотникамъ, сюда изъ города прибывшимъ,
я груши дикія хотѣлъ бы показать.

Спрашивается, какое изъ дѣйствующихъ лицъ скорѣе всего могло говорить эти слова? Я лично думаю, что Горгій. Въдъ такимъ образомъ онъ могъ бы мотивировать свое первое появленіе на сценѣ, тѣмъ болѣе необходимомъ, что этого появленія требовалъ какъ разъ ходъ дѣйствія, уже успѣвшаго захватить въ большей или меньшей степени почти всѣхъ причастныхъ къ нему лицъ. Но во всякомъ случаѣ Горгій долженъ былъ появляться на сценѣ нѣсколько раньше Лахеса. Это явствуется изъ того, что его имя стоитъ въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ на предпоследнемъ мѣстѣ, тогда какъ Лахесъ занимаетъ послѣднее. А разъ это такъ, то, значить, зрители должны были сперва ознакомиться съ Горгіемъ и уже затѣмъ съ Лахесомъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній, по характеру лежавшей на немъ роли, былъ настоящей „*persona ad catastropham machinata*“, т. е., лицомъ, которое кладетъ конецъ всякимъ тревоженіямъ и неопредѣленностямъ и приводитъ такимъ образомъ пьесу *ad iucundos exitus*. Въ нашемъ же случаѣ всѣ эти неопредѣленности и тревоженія должны были прекращаться съ того момента, когда оказывалось, что отцомъ близнецовъ былъ никто иной, какъ Лахесъ, еще недавно, въ своей бесѣдѣ съ Мирриной, приходившій въ ужасъ отъ одной мысли объ этихъ внѣбрачныхъ дѣтяхъ своей жены, неизвѣстно отъ кого ею прижитыхъ. И вотъ, по волѣ *Τύχη*, бесѣда, въ которой Миррина волей-неволей принуждена была вскрывать передъ Лахесомъ тайну своей прежней жизни, превращалась подъ конецъ, благодаря разспросамъ Лахеса, въ обвинительный актъ противъ него самого, въ нѣчто такое, чего онъ не ожидалъ и что тѣмъ не менѣе помогало ему благополучно разрѣшить вопросъ, еще недавно казавшійся неразрѣшимымъ.

Мы не знаемъ, путемъ вскрытія какихъ подробностей достигался этотъ неожиданный для Лахеса результатъ; но мнѣ

думается, что дѣло могло обойтись и безъ наличности *τα υιοίσιματα*, играющихъ обыкновенно такую большую роль въ практикѣ и въ репертуарѣ „новой“ комедіи. Вполнѣ мыслимо, что одни простые разспросы мало по малу привели Лакеса къ убѣжденію въ томъ, что Миррина — его бывшая жертва, а Горгій и Плангò — его дѣти, отъ нея прижитыя. Но какимъ бы образомъ ни происходило открытіе этого факта, съ помощью ли „вещественныхъ доказательствъ“, или же путемъ простыхъ намековъ и разспросовъ, результатомъ открытія было то, что, говоря словами *argumentum*:

когда открылось всё, отецъ призналъ дѣтей
и въ жены дѣвушку охотно взялъ насильникъ.

Итакъ, Плангò и Горгій, еще недавно жившіе въ домѣ своего отца на положеніи кабальныхъ людей, сдѣлались полноправными гражданами, защищенными закономъ отъ разнаго рода непріятныхъ случайностей, что въ особенности ясно сказалось на Плангò. Вѣдь теперь, съ установленіемъ факта ея свободнаго происхожденія, ея недавній обидчикъ Фидій долженъ былъ жениться на ней, что онъ дѣйствительно и дѣлалъ, да притомъ „съ охотой“, какъ говоритъ *argumentum*. Однимъ словомъ, наступало общее благополучіе и если кто-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ оставался неудовлетвореннымъ, то — только одинъ Давъ: его неудачная любовь и начинала и кончала собой пьесу!

4.

Затронувъ и разобравъ приблизительно всѣ наиболѣе важные вопросы, связанные либо съ дѣйствіемъ пьесы, либо съ характерами ея персонажей, мы не затронули еще одной проблемы, касающейся вопроса о томъ, *какая* роль лежала на самомъ *ήρωα* и *τις* именно представлялъ онъ собою. По мнѣнію Лефебра¹⁾, „il est sans doute plus simple et plus exact de voir en lui un des héros éponymes des tribus athéniennes“. Что же касается до его роли въ пьесѣ, то, по мнѣнію того же Лефебра²⁾, „il suffirait qu'il y eût paru, qu'il eût rempli une scène de sa présence, amené le dénouement, par exemple“,

1) Lefebvre, o. c., 4.

2) Lefebvre, o. c., 4.

— мысль, которую французскій ученый развиваетъ нѣсколько ниже слѣд. образомъ; „à ce moment, l'action paraissant sans issue, le poète devait faire intervenir le "Heros, véritable θεός ἀπὸ μηχανῆς" 1).

Я не могу согласиться ни съ первымъ, ни со вторымъ предположеніемъ Лефевра. По моему, видѣть въ "Heros одного изъ героевъ-эпонимовъ филь невозможно потому, что тогда къ слову ἦρος было бы присоединено какое-нибудь собственное имя, точнѣе его опредѣляющее, чего мы въ нашей пьесѣ не видимъ. Равнымъ образомъ, немисливо думать, чтобы "Heros игралъ въ пьесѣ роль deus ex machina, ибо этому противорѣчитъ вся практика „новой“ комедіи. И дѣйствительно, несмотря на всю зависимость послѣдней отъ Еврипида, мы все-таки не можемъ установить въ ней ни одного случая, гдѣ бы ἐπιφάνεια божества выводила дѣйствіе изъ тѣхъ тисковъ безвыходности, въ которые оно попало благодаря разнымъ осложненіямъ 2). Сверхъ того на неестественность второго предположенія Лефевра указываетъ и списокъ дѣйствующихъ лицъ, въ которомъ "Heros занимаетъ третье мѣсто, т. е., мѣсто лица, произносящаго прологъ послѣ вводной сценки, какъ видимъ мы это въ Περίχειρομένη Менандра, въ Cistellaria и Miles gloriosus Плавта 3). Итакъ, гипотеза Лефевра о томъ, что такое "Heros и о его роли въ комедіи не можетъ быть принята.

Но въ одинаковой мѣрѣ неприемлемо и то, что по поводу вмѣшательства "Heros въ дѣйствіе говоритъ Б. В. Варнеке въ своей книгѣ „Новыя комедіи Менандра“ (стр. 13—14), — тѣмъ болѣе неприемлемо, что въ словахъ Б. В. Варнеке замѣчается какое-то странное противорѣчіе. И въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ мѣстѣ своей книги (о. с., 14) Б. В. Варнеке, опираясь на argumentum, высказываетъ ту мысль, что божество появлялось на сценѣ вслѣдъ за вводной сценкой, какъ Auxilium въ Cistellaria Плавта (значить, какъ прологъ?), въ другомъ же

1) Lefebvre, о. с., 5.

2) Amphitruo Плавта не можетъ служить примѣромъ, опровергающимъ наши слова, ибо эта комедія обрабатываетъ особый мифологическій сюжетъ, гдѣ deus былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ.

3) Ср. Donat. praef. ad Phorm. 11 : officium prologi ante actionem quidem rei semper est, verumtamen et post principium fabulae inducitur, ut apud Plautum in Milite glorioso et apud ceteros magnaе autoritatis veteres poetas.

мѣстѣ (о. с., 13) онъ предполагаетъ, что „въ минуту наивысшаго обостренія страстей дѣйствующихъ лицъ *εμφανιζατο* божество (*Ἡρώς*), давшее имя пьесѣ, и своимъ рассказомъ развязывало весь узелъ недоразумѣній“. Отсюда слѣдуетъ, что *Ἡρώς* не только игралъ роль *προλογα*, но былъ еще чѣмъ-то вродѣ *deus ex machina*, т. е., былъ тѣмъ, о чемъ молчить практика „новой“ комедіи и что напомнило бы Юпитера въ Amphitruo Плавта. Но это немисливо! Впрочемъ, надо думать, что все противорѣчіе заключается просто въ недостаточно точной формулировкѣ, тѣмъ болѣе, что въ своей статьѣ „Герой Менандра“¹⁾ Б. В. Варнеке говоритъ вполне ясно, что *Ἡρώς* выступалъ въ пьесѣ вмѣсто пролога.

Значить, нами пока установлено, что *Ἡρώς* не представлялъ собой „un véritable θεὸς ἀπὸ μηχανῆς“, но былъ просто на просто прологомъ или, иначе, персонажемъ, который выступалъ послѣ вводной сценки. Что же касается до характера той рѣчи, которую произносилъ *Ἡρώς*, то нѣкоторое представленіе о ней могла бы дать рѣчь *Ἄρρωια* изъ *Περικλεισομένη*, т. е., иными словами, *Ἡρώς*, на манеръ *Ἄρρωια*, долженъ былъ выяснять въ своей рѣчи тѣ событія, которыя могли имѣть мѣсто до наступленія дѣйствія пьесы и знать которыя зрителямъ было необходимо для пониманія дальнѣйшаго. Такая, чисто-освѣдомительная рѣчь, базировавшаяся на знаніи того, что было, вполне соотвѣтствовала фигурѣ *Ἡρώς*. И дѣйствительно, кто, кромѣ существа высшаго порядка, могъ знать всѣ закоулки минувшаго, могъ провидѣть будущее, могъ выяснить цѣль, ради которой все происходитъ и которой люди по близорукости своей не видятъ? Недаромъ богиня Невѣдѣнія (*Ἄρρωια*) говоритъ въ своемъ прологѣ:

для счастья въ будущемъ я заварила кашу.

Недаромъ старается она показать зрителямъ, что все происходящее направлено лишь къ тому,

чтобъ вскрылась истина;

недаромъ, наконецъ, знаетъ она во всѣхъ деталяхъ то, что нѣкогда было: вѣдь все, и минувшее и настоящее и будущее, открыто передъ ней, а потому зрители, слушая ея прологъ,

1) Гермесъ, 2 (1909), 126.

могутъ быть спокойны за то, что они будутъ освѣдомлены надлежащимъ образомъ и что никакого обмана не будетъ. Въ всякаго сомнѣнія, приблизительно такой же характеръ носила и недошедшая до насъ рѣчь "Hρωσ. Но само собой разумѣется, что, выступая на сцену, "Hρωσ прежде всего долженъ былъ познакомить публику съ собой, долженъ былъ открыть ей, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Такъ именно поступаетъ Lar familiaris, выступающій въ Aulularia (v. 1 sq.)¹⁾:

ne quis miretur qui sim, paucis eloquar.
ego Lar sum familiaris ex hac familia
unde exeuntem me aspexistis.

Такъ дѣйствуетъ и Auxilium въ Cistellaria, смѣняющее на сценѣ сводницу (v. 152 sqq.):

quod si tacuisset, tamen
ego eram dicturus, deus, qui poteram planius.
nam mihi Auxilio est nomen.

Наконецъ, подобнымъ же образомъ, хотя и въ болѣе пышной формѣ, мотивируетъ свой выходъ 'Aήρ, выступавшій въ одной комедіи Филемона (fr. 91 Kock):

ὄν οὐδὲ εἰς λέληθεν οὐδὲ ἐν ποιῶν
οὐδ' αὖ ποιήσων, οὐδὲ πεποιηθῶς, πάλα,
οὔτε θεός οὔτ' ἄνθρωπος, οὔτός εἰμι' ἐγὼ,
'Aήρ, ὃν ἄν τις ὀνομάσειε καὶ Δία.²⁾

На основаніи этихъ примѣровъ, число которыхъ при желаніи можно увеличить, слѣдуетъ думать, что и "Hρωσ, появляясь передъ зрителями, называлъ себя по имени, да сверхъ того въ точности опредѣлялъ свое значеніе, а можетъ быть, и ту связь, которая существовала между нимъ и нѣкоторыми пер-

1) Плавта я цитую по изданію Lindsay, T. Macci Plauti comoediae, Oxonii.

2) Не менѣе пышно характеризовалъ себя и "Eλεγχος, бывшій прологомъ въ одной изъ пьесъ Менандра, если судить объ этомъ по слѣдующимъ словамъ Лукіана, представляющимъ собой, повидному, перифразъ начальныхъ словъ "Eλεγχος (Luc. Pseudolog. 4): μάλλον δὲ παρακλητέος ἡμῖν τῶν Μενάνδρου προλόγων εἰς ὃν "Eλεγχος, φίλος ἀληθείας καὶ παροχσίας, θεὸς οὐχ ὁ ἀσημῶτατος τῶν ἐπὶ τῆν σκητῆν ἀναγκαινόντων, μόνοις ἡμῖν ἐχθρὸς τοῖς δεδιόσι τῆν γλῶτταν αὐτοῦ πάντα καὶ εἰδότος καὶ σαφῶς διεξιόντος, ὅποσα ἡμῖν σύννοθε.

сонажами комедіи, — на манеръ того, какъ дѣлаетъ это *Luxuria* въ *Trinummus* или *Lar familiaris* въ *Aulularia*. Но каково же было значеніе *Ἥρωσ*? На этотъ вопросъ van Leeuwen въ первомъ изданіи комедій Менандра отвѣтилъ словами „neque Heros ille quid egerit satis apparet“¹⁾. Но во второмъ изданіи тотъ же van Leeuwen уже даетъ очень опредѣленный отвѣтъ, говоря, что „fuit *Ἥρωσ θεὸς ἐκεῖνος genius tutelaris domus, quem Larem familiarem vocavit Plautus initio fabulae Aululariae*“²⁾. Одновременно съ van Leeuwen’омъ къ подобной же мысли пришелъ и Fr. Leo³⁾, который тоже сопоставилъ *Ἥρωσ* съ *Lar familiaris* и тоже усмотрѣлъ въ немъ „божество — покровителя семьи“. А затѣмъ вышеуказанный взглядъ установился въ литературѣ предмета и, насколько мнѣ извѣстно, ни въ комъ не возбуждалъ сомнѣнія въ своей правильности, пока противъ него не выступилъ Б. В. Варнеке въ особой статьѣ „Герой Менандра“, и не постарался доказать, что *Ἥρωσ* является вовсе не покровителемъ семьи, но наоборотъ злымъ гениемъ послѣдней⁴⁾.

Спрашивается, какое изъ этихъ двухъ мнѣній правильно? Обычный взглядъ на *Ἥρωσ*, какъ на добрую, благожелательную силу, которая содѣйствуетъ устраненію семейныхъ неурядицъ, покоится, какъ я уже говорилъ выше, на отождествленіи *Ἥρωσ* съ *Lar familiaris*, выступающимъ у Плавта въ *Aulularia*. Въ пьесѣ Плавта *Lar*, какъ ему и подобаетъ, оказывается лицомъ, которому не безразлична жизнь семьи, которое посвящено во всѣ ея тайны и которое регулируетъ свои дѣйствія, сообразуясь съ тѣмъ, какъ къ нему относятся. Поэтому тайна сокровища, ввѣренная ему однимъ изъ членовъ семьи, не вскрывается имъ сыну послѣдняго въ виду того, что этотъ сынъ, какъ говоритъ *Lar* (v. 18 sq.),

minu’ minusque impendio
curare minu’ que me impertire honoribus.

Зато, когда внучка этого лица стала окружать *Lar*’а заботами, божество смягчилось и обогатило отца дѣвушки съ тайной цѣлью,

1) van Leeuwen, *Menandri quatuor fabularum fragmenta nuper reperta* (Lugd. Batav. 1908), 6.

2) van Leeuwen², о. с., 2.

3) Leo, *Der neue Menander* (= *Hermes*, 43 (1908), 127).

4) *Гермесъ*, 2 (1909), 124 сл.

quo illam facilius nuptum, si vellet, daret.

Мало того, Лаг, дабы устроить свою любимицу, принялъ участіе и во многомъ другомъ, подготовивъ исподволь рядъ событій, которыя должны были повести къ свадьбѣ дѣвушки. Такимъ образомъ, Лаг оказался настоящимъ благодѣтелемъ семьи, готовымъ заботиться о выгодахъ послѣдней, но подъ условіемъ, что и къ нему будутъ относиться съ любовью и уваженіемъ.

Этотъ образъ Лага-благодѣтеля невольно просится на сопоставленіе его съ образомъ *Ἡρώεσ*. Но возможно ли это? Правда, относительно *Ἡρώεσ* мы знаемъ, что они стояли не только во главѣ отдѣльныхъ родовъ, какъ предки-покровители, но что сверхъ того у любой семьи могъ быть (и дѣйствительно бывалъ) свой собственный *Ἡρώεσ*, котораго почитали, какъ своего генія-хранителя, и который имѣлъ свой частный культъ¹⁾. Далѣе, мы знаемъ, что *Ἡρώεσ*, какъ всякое хтоническое божество, могли быть и добрыми и злыми и что, наконецъ, очень легко было навлечь на себя ихъ гнѣвъ: стоило только отнестись къ нимъ съ недостаточнымъ почтеніемъ или не выказать надлежащаго вниманія ихъ культу²⁾. Но наряду съ этимъ представленіемъ о *Ἡρώεσ* было и другое, суть котораго заключалась въ слѣдующемъ: отъ *Ἡρώεσ* нельзя ожидать ничего хорошаго; они исключительно злая сила, готовая вредить всѣмъ и каждому, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Поэтому къ нимъ надо относиться съ большой осторожностью, надо умилоствлять ихъ всякими *μειλίγματα* и вообще стараться чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь ихъ не обидѣть. Это второе, неблагоприятное для *Ἡρώεσ* представленіе отразилось и въ литературѣ, причемъ всего характернѣе выражено оно въ 63 баснѣ Бабрія, передающей о томъ, какъ одинъ *Ἡρώεσ*, котораго почиталъ и ублажалъ какой-то благочестивый человѣкъ, предсталъ передъ нимъ ночью и обратился къ нему съ такими словами (vv. 7 sqq.):

1) Cp. Callim. epigr. 24 (ed. Wilamowitz-Moellendorf):

*Ἡρώεσ Αἰετῶνος ἐλίσταθμος Ἀμφιπόλιτεω
Ἰδρυμα μικροῦ μικροῦ ἐπὶ προθύρωι.*

2) См. Roscher, Ausführliches Lexikon der griech. und römisch. Mythologie, I, 2474—2478, s. v. Heros.

*ἀγαθὸν μὲν' εἶπεν, οὐδ' ἂν εἶς τις ἠρώων
ὦ τῶν παρὰ σοι ταῦτα τοὺς θεοὺς αἶτει
κακῶν δὲ πάντων, ἄτε σύνεστιν ἀνθρώποις
δοτῆρες ἡμεῖς, τοιγὰρ εἰ κακῶν χοῆξις,
εὔχων· παρέξω πολλὰ, κἄν ἐν αἰτήσῃσ'.¹⁾*

Какому же изъ этихъ двухъ представлений слѣдоваль, или вѣрнѣе, могъ слѣдовать Менандръ при выведеніи на сцену "Ἦρωσ θεός? Большинство ученыхъ (ср. выше) полагаютъ, что — первому, которое могло бы сблизжать "Ἦρωσ съ *Lar familiaris*. И только одинъ Б. В. Варнеке держится противоположнаго мнѣнія, считая его единственно приемимымъ. Но само собой разумѣется, что при высказываніи этой мысли онъ основывается не только на томъ, что на ἤρωεσ смотрѣли иногда, какъ на „злыхъ духовъ“, приносящихъ горе. Почва, на которой стоитъ Б. В. Варнеке, другая: она восходитъ къ Менандру! Среди недошедшихъ до насъ комедій послѣдняго значится одна, носившая заглавіе *Συνέφηβοι*. Каково было ея содержаніе, мы не знаемъ, такъ какъ отъ нея не сохранилось ни одного фрагмента. Только пареміографъ Зенобій (=Коск, III, р. 131), приводя пословицу *οὐκ εἰμὶ τούτων τῶν ἠρώων*, говоритъ по ея поводу: *αὕτη τέτακται ἐπὶ τῶν βουλομένων εὖ ποιεῖν· οἱ γὰρ ἤρωεσ κακοῦν ἐτοιμοὶ μᾶλλον ἢ εὐεργετεῖν, ὡς φησι Μένανδρος ἐν Συνεφήβοις*. Сверхъ того мы имѣемъ еще слѣдующее свидѣтельство схолиаста къ „Птицамъ“ Аристофана (ст. 1490): *οἱ ἤρωεσ δὲ δυσόρηγοι καὶ χαλεποὶ τοῖς ἐμπελάξουσι γίνονται, καθάπερ Μένανδρος ἐν Συνεφήβοις²⁾*. Изъ обоихъ текстовъ вполне очевидно, что и Зенобій и схолиастъ имѣютъ въ виду одну и ту же пьесу Менандра, *Συνέφηβοι*, а не двѣ разныхъ, какъ думаетъ почему-то Б. В. Варнеке, говорящій, будто „у насъ нѣтъ основаній утверждать“, что свидѣтельство схолиаста „относится къ той же самой пьесѣ, о которой говоритъ и Зенобій“³⁾. Основанія у насъ есть, а заключаются они въ томъ, что оба автора, говоря о Менандрѣ,

1) Цитую по изданію Rutherford, Babrius (London 1883), 63.

2) Послѣ *Συνεφήβοις* въ схоліи лакуна, а затѣмъ идетъ другая схолія, которая начинается словами: *ὅτι ἀγαθὸν γάμον χειμῶνος* и которая съ первой схоліей не имѣетъ никакой связи. См. Dübner, Scholia graeca in Aristophanem, 242.

3) О. с., 125.

прибавляютъ одинаковое „ἐν Συρέῳ ἡβόισ“. Но это не важно. Гораздо важнѣе другое, а именно: можно ли на основаніи двухъ приведенныхъ нами мѣстъ утверждать, какъ дѣлаетъ это Б. В. Варнеке, что Менандръ смотрѣлъ на ἦρωσ, какъ на злую силу? Прежде всего врядъ ли возможно, чтобы у Менандра было двѣ пьесы, въ которыхъ безымянный ἦρωσ выступалъ въ качествѣ дѣйствующаго лица, и притомъ такъ, что въ одной — онъ только дѣйствовалъ, а другой — давалъ сверхъ того и заглавіе. Я лично считаю это недопустимымъ или, по крайней мѣрѣ, мало вѣроятнымъ. Но если у Менандра была лишь одна пьеса съ ἦρωσ въ качествѣ дѣйствующаго персонажа, то, значитъ, въ Συρέῳ ἡβόισ о божествѣ могли *только* разговаривать по тому и другому неизвѣстному намъ поводу. При этомъ мы не знаемъ, въ чьи уста могъ вкладывать поэтъ разсужденія о ἦρωσ. Возможно, что въ уста какого-нибудь *δεισιδαίμων*, — суевѣрнаго человѣка, трепещущаго передъ всѣми явленіями и существами не здѣшняго, но потусторонняго міра. Наконецъ, изъ того, что какой-нибудь персонажъ говорилъ о ἦρωσ, какъ о лицѣ, котораго надо опасаться въ виду его злобности, еще нельзя выводить, что Менандръ *вообще* приписывалъ ἦρωσ такое отрицательное значеніе. Однимъ словомъ, предположеніе Б. В. Варнеке, несмотря на всю свою кажущуюся завлекательность, не удовлетворяетъ меня и я, несогласный съ нимъ, не могу принять и слѣдующаго, сдѣланнаго изъ него вывода: „ἦρωσ, выступившій вмѣсто пролога, какъ Auxilium въ Cistellaria Плавта, могъ разсказывать о себѣ не какъ о благодѣтелѣ семьи, а какъ объ источникѣ тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ персонажей пьесы спасалъ ἀναγνώρισμός. Если такъ, то надо этого ἦρωσ сравнивать не съ Lar familiaris изъ Aulularia Плавта, . . . а съ Luxuria изъ его Trinummus (v. 12)“.

Итакъ, я остаюсь при прежнемъ, обычномъ взглядѣ на ἦρωσ, какъ на своего рода Lar familiaris, и продолжаю думать, что въ своемъ прологѣ ἦρωσ послѣ изложенія событий, имѣвшихъ мѣсто до начала пьесы, указывалъ еще, какъ благодѣтельный геній семьи, и на тѣ мѣры, которыя приняты имъ для обезпеченія счастья Миррины и ея дѣтей, Плангò и Горгія. Но въ чемъ заключались эти мѣры, мы сказать не можемъ. Мы знаемъ только, что онѣ сбывались по мѣрѣ развитія дѣйствія пьесы и что въ концѣ концовъ на мѣсто

прежнихъ тревоженій и безпокойствъ выдвигалось счастье, по поводу неожиданнаго появленія котораго и Миррина и ея дѣти могли бы съ полнымъ правомъ сказать словами Филѣмона:

*ὡς ἠδέωσ μοι γέγονε τὰ πρότερον κατὰ
εἰ μὴ τότε' ἐπόνου, νῦν ἂν οὐκ εὐφραίνομην.*

II.

Третейскій судъ.

1.

Если при реконструкціи комедіи Менандра „Герой“ намъ приходилось вращаться почти исключительно въ области чистыхъ гипотезъ, то въ нѣсколько иномъ положеніи находимся мы по отношенію къ другой пьесѣ того же автора, идущей въ Каирской рукописи вслѣдъ за „Героемъ“ и носившей заглавіе „Третьейскій судъ“ (*Ἐπιτρέποντες*). Дѣло въ томъ, что хотя и эта пьеса не дошла до насъ въ цѣлости, хотя и она богата лакунами, нарушающими и затемняющими ходъ дѣйствія, всё таки оперировать съ ней гораздо легче, такъ какъ отъ нея въ общей сложности сохранилась, приблизительно, половина. Въдѣ „Третьейскій судъ“ въ своемъ настоящемъ видѣ занимаетъ въ рукописи одинъ, почти цѣлый, кватерніонъ, у котораго не достаётъ двухъ страницъ вначалѣ и въ котормъ сверхъ того сильно пострадали предпоследній и послѣдній полу-листы, т. е., 3—4 страницы второго и перваго листовъ ¹⁾. Благодаря этому вмѣсто 490 стиховъ (число строкъ на каждой страницѣ папируса колеблется между 35—38), которые должны были стоять на 14 страницахъ кватерніона, осталось въ наличности 431. Но изъ нихъ въ безусловно-хорошемъ состояніи находится только 365, тогда какъ остальные 66 (начиная отъ стиха 365) представляютъ собой жалкіе обрывки. Отъ второго же кватерніона сохранилось 8 неполныхъ страницъ, изъ которыхъ двѣ относились къ первому листу кватерніона, четыре — составляли его третій листъ (т. е., страницы 5—6, 11—12), а двѣ остальныхъ были пер-

1) Общій видъ перваго кватерніона будетъ таковъ: $\langle R_{1-2} \rangle$, D_{1-2} , C_{1-2} , B_{1-2} , V_{3-4} , C_{3-4} , D_{3-4} ($= N + T + M$), R_{3-4} ($= Y + R$). См. LeFebvre², о. с., III; Koerte², о. с., XVIII.

въ пользу сравнительной извѣстности нашей комедіи, такъ что намъ остается только благодарить Случай за предоставленіе въ наши руки хотя бы нѣкоторой части „Третейскаго суда“. Впрочемъ, я долженъ оговориться. Въ рукописи заглавіе пьесы не сохранилось: оно исчезло вмѣстѣ съ началомъ комедіи. Но тѣмъ не менѣе, фиксировать пьесу опредѣленнымъ заглавіемъ оказывается дѣломъ не труднымъ: достаточно указать на то, что стихи 2—3, 15—18, 102, 120, 298, 428—429 и 544—546 уже были извѣстны намъ раньше изъ другихъ авторовъ, какъ относящіеся къ „Третейскому суду“ (= fr. 183, 173, 180, 181, 182, 177, 174 Коск). Такимъ образомъ, въ нашемъ распоряженіи находится дѣйствительно „Третейскій судъ“, т. е., та самая комедія Менандра, которой восхищалась древность и по поводу содержанія которой еще очень недавно строились самыя невѣроятныя гипотезы¹⁾.

Гораздо труднѣе рѣшить другой вопросъ, связанный съ нашей пьесой, а именно, вопросъ о томъ, сколько стиховъ пропало вообще и сколько изъ ихъ числа приходилось на долю недошедшаго до насъ начала комедіи. Первый издатель рукописи, Лефевръ²⁾, оставляя въ сторонѣ вопросъ объ общемъ количествѣ погибшихъ стиховъ, предполагалъ по поводу утраченнаго начала пьесы, что не достаётъ одного полулиста, т. е., двухъ страницъ. А такъ какъ число строкъ на каждой страницѣ папируса колеблется между 35—38, то по расчетамъ Лефевра выходило, что не хватаетъ около 70 строкъ, изъ которыхъ 20, если судить по аналогіи съ началомъ комедіи „Герой“, заключали въ себѣ заглавіе пьесы, краткій стихотворный *argumentum* и списокъ дѣйствующихъ лицъ. На долю же утеряннаго начала комедіи приходились бы остальные 50 строкъ, не больше. Но, кажется, правильнѣе будетъ считать вмѣстѣ съ Кёрте³⁾, что общее число погибшихъ стиховъ было гораздо больше 50 и что, съ другой стороны, приблизительные размѣры всей пьесы были нѣкогда таковы.

1) Такъ, напр., Le grand въ „Revue des études grecques“, XV (1902), 357—369 старался доказать, что „Третейскій судъ“ есть оригиналь *Aulularia* Плавта. Гораздо правильнѣе рассуждалъ Geffken, *Studien zu Menander*, I сл., полагавшій, что въ основѣ *Aulularia* лежитъ *Λύσζολοσ* Менандра.

2) Lefebvre, о. с., 25, 2.

3) Koerte²⁾, о. с., XIX. Ср. также Robert, *Der neue Menander*, 5 и 25.

Ввиду того, что заключительная сценка комедіи (ст. 522—591) приводитъ насъ почти что къ концу дѣйствія, надо думать, что число стиховъ, нѣкогда слѣдовавшихъ за ней и до насъ не дошедшихъ, не могло быть значительнымъ ¹⁾. А такъ какъ заключительная сценка заполняетъ собой третій листъ второго кватерніона (или иначе, страницы 11—12), то значить, „Третейскій судъ“ не могъ занимать всего второго кватерніона полностью или, точнѣе, не могъ заходить за начало 13 страницы. Слѣдовательно, число всѣхъ стиховъ на 12 страницахъ второго кватерніона врядъ ли превышало 420. Что же касается до перваго кватерніона, то на дошедшихъ до насъ 14 страницахъ его было нѣкогда 490 стиховъ. Значить, число всѣхъ стиховъ на указанномъ нами пространствѣ рукописи равнялось круглымъ счетомъ 910. Если же теперь, слѣдуя расчетамъ Лефевра, мы прибавимъ къ этимъ 910 стихамъ еще 50, начинавшихъ собой пьесу, то окажется, что объемомъ всего „Третейскаго суда“ равнялся 960 стихамъ.

Конечно, само по себѣ это количество могло бы быть признано достаточнымъ. По крайней мѣрѣ, многія пьесы Плавта и Теренція не превышаютъ указанной нами нормы. Ср. напр., *Truculentus*, *Stichus*, *Andria*, *Adelphoe* и др. Но, несмотря на это, естественнѣе будетъ думать, что начало комедіи заключало въ себѣ больше 50 стиховъ или, иначе, что „Третейскій судъ“ начинался не съ утерянныхъ двухъ страницъ, но захватывалъ еще одну или двѣ страницы и того кватерніона, который нѣкогда предшествовалъ нашему первому. Въ такомъ случаѣ весь объемъ „Третейскаго суда“ равнялся бы или 1030 или 1110 стихамъ, что ввиду нѣкоторыхъ соображеній, касающихся экономіи пьесы, представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ и правильнымъ, чѣмъ сведеніе всей пьесы на 960 стиховъ съ небольшимъ. И дѣйствительно, мнѣ кажется, что трудно было бы умѣстить въ 50 стихахъ всю ту вводную часть, которая начинала собой комедію, — тѣмъ болѣе трудно, что въ этой вводной части, какъ увидимъ мы это ниже, должно было участвовать три лица, изъ которыхъ одно выступало сверхъ того съ монологомъ.

1) По мнѣнію Croiset, *Ménandre l'Arbitrage* (Paris 1908), 93, не хватаетъ всего на всего одного стиха, съ чѣмъ я никоимъ образомъ не могу согласиться.

Спрашивается теперь, нельзя ли на основаніи извѣстныхъ раньше отрывковъ нашей комедіи возстановить съ приблизительной точностью содержаніе этой утраченной вводной части?

Что она должна была заключать въ себѣ нѣкоторыя данныя, необходимыя для пониманія дальнѣйшаго, это само собой разумѣется. По крайней мѣрѣ, Менандръ, насколько можно судить по сохранившимся частямъ комедіи, старался, путемъ постепеннаго вплетенія деталей, мало по малу достигать того, что картина, имъ набрасываемая, развертывалась во всю ширину, причемъ каждый мазокъ былъ такъ рассчитанъ, что необходимо вносилъ какое нибудь уясненіе для читателя. Значить, и въ недошедшей до насъ вводной части должно было заключаться нѣчто подобное.

Изъ раньше извѣстныхъ намъ отрывковъ комедіи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій (fr. 600 Kock = fr. 1 Koerte²):

А. Онисимъ, правда ли, что баринъ молодой
Недавно въ бракъ вступилъ, и ужъ завелъ арфистку,
Габротононъ, и съ ней живетъ? — В. Да, это — такъ!

Что эти слова могли стоять въ началѣ пьесы, очень вѣроятно. Они вполне подходятъ къ тому, чтобы открывать дѣйствіе, а фактъ, ими сообщаемый, сразу скидываетъ завѣсу съ жизни тѣхъ лицъ, которыя будутъ играть въ комедіи важную роль. Изъ этихъ словъ мы узнаемъ, что между молодыми супругами, слугой которыхъ является Онисимъ, не все обстоитъ благополучно и что неурядица, имѣющая мѣсто въ семьѣ, сдѣлалась уже предметомъ глухихъ толковъ и пересудъ. Съ другой же стороны ясно, что тотъ, кто обращается съ вопросомъ къ Онисиму, незнакомъ еще со всѣми подробностями этой неурядицы. Онъ, надо думать, человѣкъ пришлый, которому интересно поразузнать обо всемъ, чтобы затѣмъ вволю посплетничать. Но кто же этотъ человѣкъ, спрашивающій Онисима? Фр. Лео въ своей превосходной статьѣ „Der neue Menander“¹⁾ предполагаетъ и, кажется, не

1) Hermes, 43 (1908), 130. Это предположеніе Лео нашло себѣ откликъ почти у всѣхъ издателей „новыхъ“ комедій Менандра, а именно, его принимаютъ: Robert, о. с., 2; Croiset, о. с., 9; Koerte², о. с., XX, отчасти van Leeuwen², о. с., 16, 3, и только одинъ Carrs, о. с., 26 сл.,

безъ основанія, что лицо, задающее вопросы, ни кто иной, какъ поварь, котораго Онисимъ только что привелъ съ рынка¹⁾. Этотъ поварь, нанятый для приготовленія обѣда, о которомъ не разъ упоминается въ пьесѣ (ср. стихъ 165), отличается, повидимому, рѣдкой болтливостью и любопытствомъ, на манеръ повара, выступающаго въ „Саміанкѣ“ Менандра (ст. 68 слл.), или тѣхъ поваровъ, которые играютъ роль въ *Aulularia* Плавта. Вѣдь недаромъ Аѳиней (VII, 290 В) говоритъ про поваровъ „новой“ комедіи: *ἀλαζονικόν ἐστὶ πᾶν τὸ τῶν μαγειρῶν γένος*. При этомъ, подобно тому, какъ Стробилъ изъ *Aulularia* въ своей бесѣдѣ съ поварами самымъ подробнымъ образомъ описываетъ существующіе и несуществующіе недостатки старика Эвкліона, такъ, надо думать, и Онисимъ давалъ волю своему языку для удовлетворенія любопытства своего собесѣдника. По крайней мѣрѣ, за это могъ бы говорить слѣдующій фрагментъ, отнесенный къ нашей пьесѣ Legrand'омъ (fr. 849+850 Kock = fr. 2+3 Koerte²⁾:

А. Онисимъ, ты мнѣ любь! И ты свой носъ повсюду
Суешь! — В. Всезнайкой быть пріятнѣе всего . . .³⁾

Изъ этого фрагмента видно, что Онисимъ при случаѣ тоже не прочь посплетничать и что ему пріятны разнаго рода

дѣлаетъ почему-то собесѣдникомъ Онисима раба Дава, который выступаетъ потомъ въ сценѣ суда (ст. 1 слл.) и на котораго *Capps* хочетъ смотрѣть, какъ на своего рода *πρόβολον προταγόν*.

1) На рынокѣ у поваровъ было свое особое мѣсто, которое находилось тамъ, гдѣ продавалась посуда и которое называлось *κέραιοσ*, какъ явствуетъ это изъ Дифила, fr. 43, 28—33 (=Kock, о. с., II, 553) и Алексиды, fr. 257 (=Kock, о. с., II, 391). Туда именно и обращался всякій, кто нуждался въ услугахъ повара, причемъ нанятый поварь приносилъ обыкновенно съ собой и свою посуду, какъ видно это изъ „Саміанки“ Менандра (ст. 150) и *Aulularia* Плавта (ст. 445). О роли поваровъ въ „новой“ комедіи см. Rankin, *The rôle of the μαγειροὶ in the life of the ancient Greeks* (Chicago 1907), а также Legrand, *Daos. Tableau de la comédie grecque* (Lyon — Paris 1910), 125 слл.

2) Legrand, *Les nouveaux fragments de Ménandre* (= *Revue des études anciennes* X (1908), 13, 2). Ср. также van Leeuwen², о. с., 164; Robert, о. с., 64; Croiset, о. с., 10; Sudhaus, *Menandri reliquiae nuper repertae*, 22.

3) Въ *Pseudolus* Плавта (ст. 790 слл.) тоже выводится недурной типъ болтливаго повара, котораго леновъ *Ballio* характеризуетъ какъ

multiloquum, gloriosum, insulsum, inutilem.

мелкіе пересуды по поводу его господъ и уклада ихъ жизни. Но надо думать, что поваръ оказывался слишкомъ уже назойливымъ, и тогда Онисимъ, видя, что онъ вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ, предпочитаетъ наводить разныя справки насчетъ семейной хроники того дома, въ который попалъ, обрывалъ его слѣдующимъ суровымъ окрикомъ (fr. 4 Koerte²):

А про обѣдъ забылъ? Вѣдь баринъ ужъ давно
Томится за столомъ въ напрасномъ ожиданьи¹).

Наконецъ сюда же, къ окрикамъ Онисима, можно было бы относить и еще одинъ фрагментъ, въ которомъ тоже заключается выпадъ по адресу лѣнтяевъ (fr. 175 Kock = fr. 5 Koerte²):

Здоровый лежебокъ куда вреднѣе будетъ
Больного: онъ вѣдь ѣстъ безъ толка за двоихъ²).

Но, повидимому, окрики Онисима не производили особаго впечатлѣнія на повара, который парировалъ ихъ разными шуточками, вродѣ слѣдующей, представляющей собой, можетъ быть, отвѣтъ повара на сдѣланные ему упреки въ лѣности (fr. 178 Kock = fr. 6 Koerte²):

къ соленой рыбѣ
подбавилъ на авось немного соли я³).

1) См. Reitzenstein, Der Anfang des Lexiconis des Photios, 83, s. v. ἄλλοσ. — Capps (o. c., 100) относитъ этотъ отрывокъ къ одной изъ слѣдующихъ сценъ; но это объясняется тѣмъ, что поваръ не играетъ у него никакой роли въ началѣ комедіи, о чемъ я уже упоминалъ выше (см. стр. 111, 1).

2) Этотъ отрывокъ Robert (o. c., 88) относитъ почти къ концу пьесы и влагаетъ его въ уста Хэрестрата, одного изъ тѣхъ персонажей, отъ роли котораго ничего не сохранилось. Что касается до Croiset (o. c., 93), то онъ оставляетъ фрагментъ безъ всякаго примѣненія; зато Capps (o. c., 100), хотя и считаетъ его принадлежащимъ къ числу репликъ повара, относитъ его къ одной изъ слѣдующихъ сценъ вмѣстѣ съ тѣмъ фрагментомъ, о которомъ мы только что говорили (см. прим. 1).

3) По мнѣнію Vollgraff'a (o. c., 75) эти слова не могли произноситься поваромъ, ибо „quis vero coquus unquam sal salsamento asperget“? Ввиду этого они могутъ обозначать только одно, а именно: „si hoc ita est, ignem igni addidi“. Это замѣчаніе Vollgraff'a, конечно, остроумно, но мнѣ кажется, что оно не можетъ помѣшать намъ понимать отрывокъ дословно. И дѣй-

Однимъ словомъ, вводная діалогическая сценка, благодаря присутствію въ ней комическаго персонажа, въ лицѣ повара, носила, надо думать, шуточный характеръ, и очень можетъ быть, что именно къ ней и относятся слѣдующія слова Аѳиня (XIV, 659 b): *μάλιστα γὰρ εἰσάγονται οἱ μάρτυροι σκωπτικοί τιτες, ὡς παρὰ Μενάνδρῳ ἐν Ἐπιτρέπουσιν*¹⁾. Что же касается до содержанія сценки, то хотя въ ней и заключались, безъ сомнѣнія, кое-какіе объяснительные намеки, всё таки я не думаю, чтобы они выясняли зрителямъ основную причину размолвки между бариномъ Онисима, Харисіемъ, и его женой, Памфилой. Вѣрнѣе, что разговоръ Онисима съ поваромъ только подготовлялъ зрителей къ пониманію дальнѣйшаго и, не открывая самой тайны, только намекалъ на ея наличность, т. е., иными словами, загадка, предложенная поэтомъ, всё еще оставалась загадкой. Въ дальнѣйшую же фазу дѣйствіе вступало, по всей вѣроятности, вслѣдъ за уходомъ повара въ тотъ домъ, въ которомъ проживалъ Харисій²⁾. Очень возможно, что Онисимъ, отославъ повара, оставался еще на сценѣ и произносилъ монологъ, въ которомъ разъяснялъ причину размолвки между Харисіемъ и Памфилой. Такой монологъ былъ бы, думается мнѣ, вполне на мѣстѣ, ибо потребность въ разъясненіи уже чувствовалась³⁾,

ствительно, изъ того, что „повара не солятъ соленаго“, еще не слѣдуетъ, что этого нельзя сказать въ шутку. Здѣсь же мы имѣемъ дѣло съ шуткой, при помощи которой болтливый и лѣнивый поваръ хсчетъ отдѣлаться отъ нападокъ своего собесѣдника.

1) Возможно, впрочемъ, что замѣчаніе Аѳиня относится не къ вводной части комедіи, а къ той сценѣ, которая слѣдуетъ за ст. 408 и въ которой мы снова видимъ передъ собой повара, разговаривающаго на этотъ разъ съ тестемъ Харисія, Смикриномъ. Такъ, между прочимъ, думаетъ Sgoiset (о. с., 61). Но не менѣе возможно и то, что Аѳиней, говоря о *σκωπτικός μάρτυρος* въ „Третьемъ судѣ“, имѣлъ ввиду всю роль повара, во всей цѣлости, а не по отношенію къ одной опредѣленной сценкѣ.

2) Этимъ домомъ, какъ мы увидимъ ниже, является не домъ самого Харисія, а домъ его пріятеля Хэрестрата, въ которомъ Харисій и проживаетъ, дабы не находится подъ одной кровлей со своей женой, Памфилой, отъ которой онъ временно отдалился.

3) Robert (о. с., 2), который тоже думаетъ, что за вводной сценкой долженъ былъ слѣдовать монологъ Онисима, указываетъ на то, что подобное же устройство видимъ мы въ „Героѣ“ и въ „Отрѣзанной кость“ Менандра, т. е., иными словами, въ вводной сценкѣ поэтъ ставилъ передъ зрителями загадку, въ монологѣ же, шедшемъ за сценкой, эта загадка до нѣко-

а между тѣмъ помѣщать это разъясненіе въ бесѣду Онисима съ постороннимъ ему лицомъ значило бы вносить въ характеръ Онисима черты, ему не присущія. Вѣдь Онисимъ, несмотря на всю свою *περιεργία*, врядъ ли нашель бы для себя удобнымъ выбалтывать предъ лицомъ перваго встрѣчнаго всю подоплеку той семейной исторіи, въ которой и онъ сыгралъ не маловажную роль (ср. ст. 205 слл., а также ст. 357 сл.), тѣмъ болѣе, что его отношенія къ Харисію проникнуты чувствомъ глубокой преданности и доброжелательства¹⁾. Съ другой же стороны, выясненіе этой подоплеку должно было имѣть мѣсто до начала дѣйствія, ибо въ послѣдствіи Онисимъ не говоритъ о ней, какъ бы предполагая, что она уже извѣстна. Ввиду этого я думаю, что за вводной діалогической сценкой слѣдовалъ особый монологъ Онисима, во время котораго на сценѣ появлялся новый персонажъ, а именно Смикринъ, тестъ Харисія²⁾.

Съ Смикриномъ мы встрѣчаемся въ самомъ началѣ сохранившейся части комедіи, гдѣ онъ играетъ важную по своимъ послѣдствіямъ роль третейскаго судьи. Но надо думать, что онъ выступалъ уже раньше, ибо въ противномъ случаѣ для зрителей было бы неясно, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло: вѣдь рабы, споромъ которыхъ начинается пьеса въ ея настоящемъ видѣ и которые выбираютъ Смикрина третейскимъ судьей, ни разу не называютъ его по имени — онъ для нихъ лицо неизвѣстное (ср. ст. 5) —, а обращаются къ нему съ словами *βέλτιστε* (ст. 7) и *πάτερ* (ст. 14, 79). Отсюда ясно, что Смикринъ былъ для зрителей уже знакомымъ лицомъ, раньше выступавшимъ передъ ними. Но въ такомъ случаѣ единственная сцена, гдѣ онъ могъ выступить, должна была идти непосредственно вслѣдъ за монологомъ Онисима,

торой степени разгадывалась. Но въ такомъ случаѣ „das geht auf die alte Komödie zurück, in der der Anfang des Prologs ein wunderliches Bild bringt, über das sich die Zuschauer den Kopf zerbrechen sollen, bis ein Schauspieler, meistens ein Sklave, sie aufklärt“.

1) Са r p s (о. с., 28, 1) очень кстати указываетъ на то, что Теофрастовскій *περιεργος* говоритъ и дѣйствуетъ тоже *μετ' ἐννοίας*. См. Theophr., Character. 13, 1: *ἀμέλει ἢ περιεργία δόξει εἶναι προσποίησις τισ λόγων καὶ πράξεων μετὰ ἐννοίας*.

2) L e o, Der neue Menander (=H e r m e s, 43 (1908), 131), а также v a n L e e u w e n², о. с., 16 и дрүгіе.

съ которымъ Смикринъ, выходявшій, надо думать, изъ дома Харисія, гдѣ жила Памфила, и вступалъ въ разговоръ¹⁾.

Конечно, благодаря отсутствію фрагментовъ, которые можно было бы относить къ діалогу между Смикриномъ и Онисимомъ, трудно сказать, чего касался этотъ діалогъ, переходившій, можетъ быть, подъ конецъ въ монологъ одного Смикрина²⁾. Но коль скоро въ ст. 360 слл. Онисимъ высказываетъ предположеніе, что возвращающійся изъ города Смикринъ могъ и именно въ городѣ узнать объ истинной причинѣ всего происшедшаго, то ясно, что въ первой сценѣ Смикринъ еще не зналъ объ этой причинѣ, а потому могъ только разспрашивать Онисима, который врядъ ли давалъ ему опредѣленные отвѣты. Такимъ образомъ, если Смикринъ и узнавалъ что либо отъ Онисима, то во всякомъ случаѣ не очень существенное, благодаря чему та неопредѣленность и неизвѣстность, въ которой онъ находился раньше, оставалась при немъ и послѣ его разспросовъ. Поэтому-то онъ и оказывался въ послѣдствіи вынужденнымъ отправиться въ городъ, вѣроятно, для собиранія дополнительныхъ и болѣе

1) Предполагать, что Смикринъ приходилъ изъ города, нельзя, думается мнѣ, потому, что немного ниже онъ какъ разъ направляется въ городъ, откуда возвращается послѣ стиха 362. Причиною же его ухода въ городъ было, какъ это явствуетъ изъ ст. 362—363, желаніе навести справки о зятѣ и постараться проникнуть въ тайну страннаго отношенія Харисія къ его женѣ, Памфилѣ.

2) Правда, къ этому діалогу Croiset (о. с., 11 слл.) и Robert (о. с., 3 и 65 сл.) относятъ отрывокъ R, который Koerte ставитъ вслѣдъ за ст. 408 (=frg. M) и который заключаетъ въ себѣ ст. 409—431, т. е., иными словами, оба вышеуказанныхъ ученыхъ смотрятъ на этотъ отрывокъ, какъ на остатки двухъ первыхъ страницъ перваго кватерніона, тогда какъ Koerte видитъ въ нихъ остатки двухъ послѣднихъ страницъ (т. е., R₃₋₄). Но этотъ взглядъ Croiset и Robert'a опровергается ново-найденнымъ отрывкомъ Y. Дѣло въ томъ, что этотъ отрывокъ, тѣсно примыкающій къ отрывку R, а слѣдовательно, принадлежавшій нѣкогда къ тѣмъ же страницамъ, къ которымъ принадлежалъ и отрывокъ R, упоминаетъ объ одномъ фактѣ, который, будучи неизвѣстенъ въ началѣ дѣйствія, могъ выходить наружу только послѣ исполненія того, о чемъ говорится въ стихахъ 295 слл. При этомъ Смикринъ, выступающій въ діалогической сценкѣ, остатки которой сохранены фрагментами Y + R, оказывается освѣдомленнымъ и о поведеніи своего зятя и о многихъ другихъ подробностяхъ. А между тѣмъ, какъ это явствуетъ изъ ст. 362 сл., онъ могъ узнавать обо всемъ этомъ только въ послѣдствіи, но никакъ не въ началѣ. Отсюда ясно, что мнѣніе Croiset и Robert'a должно быть откинуто, какъ невѣрное.

точныхъ свѣдѣній о поведеніи своего зятя, а также для обсужденія вопроса о томъ, какъ ему поступать. Но этотъ уходъ Смикрина въ городъ относится къ дальнѣйшему. Что же касается до конца діалога между нимъ и Онисимомъ, то діалогъ могъ обрываться на томъ, что Онисимъ уходилъ къ Харисію, куда его призывали заботы о готовящейся пирушкѣ (ср. стихъ 165). Смикринъ же, оставаясь на сценѣ, могъ высказывать еще нѣсколько горькихъ истинъ насчетъ Харисія и судьбы приданаго Памфилы, что вполнѣ подходило бы къ его *σμηρολογία*, а затѣмъ собирался тоже оставить сцену, на которой въ данный моментъ ничто его не задерживало¹⁾.

Итакъ, вся не дошедшая до насъ вводная часть комедіи могла, какъ мнѣ кажется, состоять изъ двухъ діалогическихъ сенокъ, отдѣленныхъ одна отъ другой монологомъ, который и заключалъ въ себѣ наибольшее количество цѣнныхъ указаній, необходимыхъ для уясненія дальнѣйшаго. Но само собой разумѣется, что эти указанія отнюдь не исчерпывали всей причины, которая послужила основнымъ толчкомъ къ распрѣ между молодыми супругами, тѣмъ болѣе, что Онисимъ, который произносилъ разъяснительный монологъ, могъ знать, да и на самомъ дѣлѣ зналъ только нѣкоторыя подробности изъ семейной жизни своихъ господъ. Другія же подробности, имѣвшія мѣсто до женитьбы Харисія на Памфилѣ, были ему неизвѣстны, — о нихъ знали иныя лица, а именно няня Памфилы, Софрона, и флейтистка Габротононъ, не говоря уже о самомъ Харисіи и его женѣ. Такимъ образомъ, всѣ эти подробности оставались и послѣ монолога Онисима тайной для зрителей: выйти наружу они могли только по мѣрѣ развитія дѣйствія пьесы, ибо на нихъ и сосредоточивалась главная интрига послѣдней.

1) Robert (о. с., 3) думаетъ, что, помимо разговора съ Онисимомъ, Смикринъ вѣдь еще бесѣду со своимъ зятемъ, Харисіемъ; но мнѣ это предположеніе кажется мало правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что столкновение тестя съ зятемъ происходитъ нѣсколько ниже, а именно, послѣ стиха 431^{об}, гдѣ оно гораздо больше къ мѣсту. Во всякомъ случаѣ, заслуга Роберта заключается въ томъ, что только онъ одинъ изъ всѣхъ остальныхъ издателей сумѣлъ угадать, что въ пьесѣ дѣйствительно происходила бесѣда Смикрина съ Харисіемъ: вѣдь отрывокъ V + X, содержащій остатокъ этой бесѣды, сталъ извѣстенъ только послѣ второй публикации Лефевра. Значитъ, Робертъ ошибся лишь въ одномъ, а именно, въ опредѣленіи мѣста для сценки.

Спрашивается теперь, въ чемъ же заключались эти подробности? Онѣ заключались въ слѣдующемъ. Незадолго до своей женитьбы Харисій въ пьяномъ видѣ, не сознавая, что онъ дѣлаетъ, вломился на ночное бдѣніе женщинъ, бывшее во время праздника Таврополій (ст. 234 слл.), и тамъ изнасиловалъ Памфилу, которую онъ не зналъ раньше и лица которой онъ не запомнилъ. Единственной же уликой противъ Харисія былъ перстень, который, повидимому, упалъ съ его руки и который былъ поднятъ и взятъ Памфилой¹⁾. Но Памфила тоже не успѣла разглядѣть того человѣка, жертвой котораго она сдѣлалась, и ей оставалось одно: скрыть отъ отца происшедшее съ ней несчастье, благо о немъ знала только ея няня, Софрона, да флейтистка Габротононъ, которая тоже была на бдѣніи (ср. ст. 260 слл.) и которую Памфила потеряла потомъ изъ вида. Спустя нѣкоторое время Памфила, не зная, что она выходитъ замужъ за человѣка, ея изнасиловавшаго, вступила въ бракъ съ Харисіемъ²⁾, который, надо думать, вскорѣ послѣ свадьбы уѣхалъ куда-то по дѣламъ³⁾. Въ его отсутствіе Памфила родила мальчика, который и былъ, вѣроятно, при содѣйствіи Софроны, а можетъ быть, и ею лично, брошенъ въ лѣсу. Но всё это не укрылось отъ Онисима, который, по возвращеніи своего барина, передалъ ему о происшедшемъ (ст. 205 слл.), и результатомъ этого доноса было то, что взбѣшенный Харисій отдалился отъ своей жены, и въ вихрѣ разгульной жизни началъ заглушать свое горе, ибо въ сущности онъ продолжалъ любить свою жену и тяготился разлукой съ ней. Эти изложенныя нами подробности, часть которыхъ оставалась еще неизвѣст-

1) Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло въ Несуга Теренція: вѣдь тамъ юноша, совершающій насиліе надъ дѣвушкой, похищаетъ у нея и ея перстень. См. v. 572 sqq.:

*Nam quom compressast gnata, forma in tenebris nosci non quitast,
Neque detractum ei est quicquam, qui post possit nosci qui siet;
Ipse eripuit vi, in digito quem habuit, virgini abiens a n u l u m.*

2) Въ „Героѣ“ Менандра и въ Несуга Теренція мы видимъ подобную же ситуацію: въ обѣихъ пьесахъ молодые люди женятся на обиженныхъ ими дѣвушкахъ, не подозрѣвая того, что эти дѣвушки были ихъ жертвами.

3) Ср. Несуга Теренція, гдѣ молодой мужъ тоже уѣзжаетъ вскорѣ послѣ свадьбы, а по возвращеніи тоже находитъ причину, которая заставляетъ его отдалиться отъ жены, хотя онъ и любитъ эту жену по прежнему.

ной для зрителей, а другая часть уже была выяснена въ недошедшихъ до насъ вводныхъ сценахъ, и представляли собою ту канву, на которой должно было набрасываться дѣйствіе комедіи.

Но вѣрно ли возстановляемъ мы содержаніе недошедшихъ до насъ сенокъ и дѣйствительно ли среди разныхъ отрывковъ изъ комедій Менандра нѣтъ, кромѣ привлеченныхъ нами, другихъ, которые могли бы относиться къ „Третейскому суду“ и въ частности къ тѣмъ первымъ сценамъ, о которыхъ намъ приходилось судить только съ бѣльшей или меньшей вѣроятностью? Этотъ вопросъ стѣдитъ того, чтобы мы его затронули, прежде чѣмъ переходить къ сохранившимся частямъ пьесы, — тѣмъ болѣе, что онъ не разъ трактовался въ научной литературѣ и до сихъ поръ еще не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ.

Впервые поднялъ его van Leeuwen¹⁾, предположившій, что весь первый актъ нашей пьесы пропалъ; что та сцена, которая открываетъ „Третейскій судъ“ въ его теперешнемъ видѣ, не принадлежала къ первому акту, а была началомъ второго, и что наконецъ весь первый актъ надо реконструировать слѣдующимъ образомъ. Сперва шла вводная сцена, въ которой выступали Онисимъ и поваръ²⁾, а затѣмъ, во время ихъ разговора, появлялся на сценѣ Смикринъ, тестъ Харисія, уже ознакомленный съ поведеніемъ зятя и являвшійся для того, чтобы вступиться за свою дочь, Памфилу. О чемъ говорилъ Смикринъ съ находившимися на сценѣ персонажами, мы не знаемъ; но мы можемъ, по мнѣнію van Leeuwen'a, думать, что конецъ этого разговора и вмѣстѣ съ тѣмъ конецъ перваго акта заключается въ Порфирьевскомъ отрывкѣ II b, который вмѣстѣ съ другими Порфирьевскими фрагментами Менандра былъ опубликованъ В. К. Ернштедтомъ въ его превосходной работѣ „Порфирьевскіе отрывки изъ аттической комедіи“ (стр. 204 сл.). Отрывокъ этотъ, въ которомъ, какъ предполагалъ В. К. Ернштедтъ, выступаютъ три лица, имѣетъ такую форму³⁾:

1) J. van Leeuwen², о. с., 16 sq.

2) Въ этомъ пунктѣ van Leeuwen сходитъ съ Leo (о. с., 130) и съ другими (см. стр. 111).

3) Я привожу текстъ отрывка приблизительно въ томъ видѣ, какой приданъ ему В. К. Ернштедтомъ (о. с., 217), но кое-гдѣ вмѣсто коньектуры

- Γ. οὕτως ἀγαθόν τί σοι γένοιτο. — Β. μὴ λέγε¹⁾
 ταῦτ' ὧ φίλ'.] — Γ. οὐκ εἰς κόρακας; οἰμώξει μακροά²⁾. —
- (25) Α. ἀλλ' εἴμι νῦν εἶσω σαφῶς τε πνθόμενος,
 ὅπως ἔχει] τὰ τῆς θυματροῦς, βουλεύσομαι³⁾,
 ὄντινα τῆρόπον πρὸς τοῦτον ἤδη προσβαλῶ⁴⁾. — 5
- Β. φράσωμεν αὐτῷ τοῦτον ἦζοντ' ἐνθάδε⁵⁾; —
 Γ. φράσωμεν. — Β. οἶον κίραδος · οἰκίαν ποεῖ
 ἀνάστα]τον⁶⁾. — Γ. πολλάς ἐβουλόμην ἄμα. —
- (30) Β. πολλάς; — Γ. μίαν μὲν τὴν ἐφεξῆς. — Β. τὴν ἐμὴν; —
 Γ. τὴν στήν γ'. ἴωμεν δεῦρο πρὸς Χαοῖσιον. — 10
- Β. ἴωμεν, ὡς καὶ μειρακυλίων ὄχλος
 εἰς τὸν τόπον τὸς ἔρχεθ' ὑποβεβρεγμέν[ων],
 (35) οἶος μ[η] ἐνοχλεῖν εὐκαιρον εἶν[α]ί μο[ι] δοκεῖ⁷⁾.

[χο]ρ[ου]⁸⁾

- Γ. ἐπι[σφαλῆ μὲν] πάντα τὰνθ[ρόπων · ἐμοί],
 οἶμα[ι, πόλις ἐστὶ καὶ καταφυγὴ καὶ νόμος] 15
 καὶ τοῦ [δικαίου τοῦ τ' ἀδίκου παντὸς κριτῆς]
 ὁ δεσπ[ότης] · πρὸς τοῦτον εἶνα δεῖ ζῆν ἐμέ].
 (40) ὁ γέρω[ν]
 οὐδὲ λό[γον] ἡμῶν οὐδ' ἐπιστροφὴν ἔχων⁹⁾.

В. К. Ернштедта я принимаю конъектуры другихъ ученыхъ, которыя кажутся мнѣ либо болѣе удачными, либо ближе подходящими къ рукописному преданію.

1) οὕτως ἀγαθόν τι Leeuwen; . . . / θοῦτι Jernstedt. Слова οὕτως—γένοιτο Koerte² (о. с., 144) относитъ къ В.

2) ταῦτ' ὧ φίλ' Jernstedt; μηδὲν σί γ' Leeuwen. Весь пассажъ отъ μὴ λέγε до μακροά произносить у Koerte и van Leeuwen'a А.

3) ὅπως ἔχει Koerte; τὰ πράγματ' εἶ Jernstedt; ἤδη τὸ πᾶν μετὰ Leeuwen.

4) ὄντινα τῆρόπον Leeuwen; φέρε τοῦ τόπον Jernstedt, вкладывающій этотъ стихъ въ уста Γ, который произносить у него также ст. 6 и начало ст. 7.

5) φράσωμεν Koerte; εἴπωμεν Leeuwen; ἴν' ἐκεῖθεν Jernstedt.

6) Λῖος ἄβαστον Jernstedt; ἀνάστατον Kock.

7) οἶος μὴ Leeuwen; ἡ μὴν Jernstedt, который относитъ весь стихъ къ Γ.

8) Стихи, идущіе за χοροῦ — ихъ шесть — и начинающіе собою новый актъ, van Leeuwen оставляетъ въ сторонѣ, думая, вѣроятно, что они стоятъ на другомъ обрывкѣ папируса. Они дополнены В. К. Ернштедтомъ на основаніи Stob. floril. 62, 34.

9) На то, что стихъ 19 можно было бы возстановлять на основаніи fr. 836 (= Kock, о. с., III, 225), указалъ еще В. К. Ернштедтъ (о. с., 239, прим. 1). Такимъ образомъ, Carps напрасно считаетъ это за свое „открытие“ (о. с., 291, 41).

Выписанный мною отрывокъ ясно показываетъ намъ, что онъ содержитъ въ себѣ не только конецъ одного акта, но и начало другого: за первое говорить слово *χοροῦ*¹⁾, за второе — стихи 14—19, открывающіе монологъ какого-то раба²⁾. Но разъ это такъ, то гипотеза van Leeuwen'a падаетъ сама собою. И дѣйствительно, не обративъ должнаго вниманія на то, что текстъ, сохраненный Порфирьевскимъ отрывкомъ, вовсе не обрывается на словѣ *χοροῦ*, van Leeuwen попалъ въ довольно странное положеніе. Вѣдь, согласно его мнѣнію, сцена „суда“, которая начинается нашу пьесу въ ея теперешнемъ видѣ, есть первая сцена второго акта, тогда какъ концомъ перваго должны быть стихи 1—13 Порфирьевскаго отрывка II b. Но куда же въ такомъ случаѣ надо относить идущіе за ними стихи 14—19? Тоже къ началу? Или, можетъ быть, въ нихъ надо усматривать часть монолога, которымъ нѣкогда начинался второй актъ, тогда какъ сцена „суда“ слѣдовала за этимъ монологомъ и была, такъ сказать, вторымъ явленіемъ второго акта? Но всё это надо еще доказать или, по крайней мѣрѣ, обставить болѣе или менѣе правдоподобно.

Такова одна слабая сторона гипотезы. van Leeuwen'a. Другая же заключается въ слѣдующемъ. Исходя изъ невѣрнаго предположенія, что Порфирьевскій отрывокъ II b стоитъ самъ по себѣ, безъ всякой внутренней и внѣшней связи съ отрывкомъ II a, van Leeuwen отдѣлилъ ихъ одинъ отъ другого и, отнеся первый къ „Третейскому суду“, соединилъ второй съ Порфирьевскимъ отрывкомъ I a, который, какъ доказалъ это В. К. Эрнштедтъ (о. с., 167 сл.), принадлежитъ къ „Фазмѣ“ Менандра³⁾ и который van Leeuwen относитъ почему-то къ комедіи того же автора „Киѳаристъ“ (о. с., 165, 1). Между тѣмъ отрывокъ II b, занимающій verso того-же пергаменнаго листка, на recto котораго находится отрывокъ II a, стоитъ, какъ это опять таки доказано В. К. Эрнштедтомъ (о. с., 218 сл.), въ непосредственной связи съ послѣднимъ,

1) По поводу значенія ремарки *χοροῦ* см. ниже (гл. II. 11).

2) Этого раба можно, кажется, отождествлять съ Г, выступающимъ въ стихахъ 1—13. См. Эрнштедтъ, о. с., 238 сл. Иначе думаетъ Koerte² (о. с., 144), который смотритъ на него, какъ на новое лицо, въ силу чего и обозначаетъ его буквою А.

3) Какъ и слѣдовало ожидать, гипотезу В. К. Эрнштедта принимаетъ во всей ея полнотѣ Koerte, по мнѣнію котораго правильность этой гипотезы стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія (о. с., L^v).

являясь ничѣмъ инымъ, какъ его продолженіемъ ¹⁾. Отсюда ясно, что если мы будемъ смотрѣть на отрывокъ II b, какъ на часть „Третьякаго суда“, то точно такую же частью этой комедіи придется намъ считать и отрывокъ II a или, иначе, оба отрывка не отдѣлимы, — фактъ, съ которымъ, подобно van Leeuwen'у, не желаетъ считаться и Croiset (о. с., 62 слл.), оставляющій въ сторонѣ отрывокъ II a и относящій, въ отличіе отъ van Leeuwen'a, отрывокъ II b не къ первому акту пьесы, а къ концу второго.

Выпишемъ теперь отрывокъ II a, о которомъ мы только что упоминали и который всего лучше изданъ В. К. Ернштедтомъ (о. с., 175 слл.), а затѣмъ перейдемъ къ разбору еще одной гипотезы, нами пока не затронутой. Авторомъ этой гипотезы является Carps ²⁾; сущность же ея заключается въ томъ, что къ „Третьякому суду“ относятся оба Порфирьевскихъ отрывка, т. е., II a и II b, что, по крайней мѣрѣ, должно быть признано вполне логичнымъ и правильнымъ, коль скоро оба отрывка входили нѣкогда въ составъ одной и той же сценки.

II a

(A.) ἀνθρωπος οἶνον, αὐτὸ τοῦτ' ἐκπλήτ[τομαι] ³⁾
 ἔρωγ' ἕπερ <δὲ> τοῦ μεθύσκε<σ>θ' οὐ λέγω·
 ἀπιστία γὰρ ἔσθ' ὁμοιον τοῦτο γε ⁴⁾,
 εἰ καὶ βιάζεται κατ'ὄλην τις τοῦ ὀβολοῦ ⁵⁾

1) Я не считаю нужнымъ опровергать дикое мнѣніе Humpers'a, высказанное имъ въ статьѣ „L'intrigue de l'Arbitrage de Ménandre“ (= Musée Belge, 20 (1910), 345 sqq.), — мнѣніе, сущность котораго сводится къ тому, что Порфирьевскіе отрывки II a и II b или, какъ ихъ называетъ Humpers, fragment de Tischendorf и fragment de Jernstedt, относятся къ разнымъ пьесамъ, ибо между ними нѣтъ достаточно тѣсной связи. Мало того, прія къ этой удивительной мысли, Humpers считаетъ возможнымъ примкнуть къ давно забытой гипотезѣ Кока и, слѣдуя ей, снова воскресить нелѣпое предположеніе о томъ, что Порфирьевскіе отрывки принадлежали не къ кодексу, содержащему цѣлыя комедіи Менандра, а всего на всего къ хрестоматіи, къ florilegium.

2) Carps, The plot of Menander's Epitrepontes (= American Journal of philology, XXIX (1908), 410—431; XXX (1910), 22—37, а также Carps, Four plays of Menander, 34 sqq.

3) ἐκπλήττομαι Cobet.

4) ἀπιστία рук.; ἀπιστία Wilamowitz. О ненужности этой поправки см. В. К. Ернштедтъ, о. с., 184: ἀπιστία ὁμοιον = ὁμοίως ἀπιστον.

5) ὀβολοῦ Wilamowitz.

- (5) ὠνούμενος πίνειν ἑαυτόν. (B.) τοῦτ' ἐ[γὼ] ¹⁾ 5
 προσέμενον · οὗτος ἐμπεσὼν διασκ[εδᾶ] ²⁾
 τὸν ἔρωτα. (Γ) τί δέ μοι τοῦτο; πάλιν οἰμώ[ξομαι] ³⁾
 (A.) προῖκα δὲ λαβὼν τάλαντα τέτταρ' ἀργύρου]
 οὐ τῆς γυναικὸς νενόμχ' αὐτόν οἰκετ[ην], ·
 10) ἀπόκοιτός ἐστι, πορνοβοσκῶ δώδεκα 10
 τῆς ἡμέρας δραχμὰς δίδωσι. (Γ.) δώδεκα.
 [ἐπίστα]τ' ἀκ[ρι]βῶς οὐτοσί τὰ πράγματα ⁴⁾.
 (B.) [τί δ'εἶ]σ δι[ατ]ροφήν ἀνδρὶ καὶ πρὸς ἡμερῶν ⁵⁾
 [χρεῖας] λ[ε]λ[ό]γισται; (Γ.) δὴ ὀβολοῦς τῆς ἡμέρας ⁶⁾.
 15) (B.) [. . .]ντ . . σω πεινῶν τι τι τις . . . ποτε ⁷⁾; 15
 (Γ.) [οὐκ ἔσθ' ὅπ]ωσ ο[ἴ]σ προσμένει Χαιρέ[στρατον] ⁸⁾.
 (B.) [τίς ὅδ' ἐσ]τι [δὴ], γλνκντάτε; (Γ.) ὁ τῆς ν[ύμφης] πατῆρ ⁹⁾.
 (B.) [.]ων ὡς ἄθλιός τις [.] ¹⁰⁾
 (A.) [.] ὁ] τρὶς κακοδαίμων ψάλ]τριαν

1) ἐγὼ Cobet; ἔτι Leeuwen. Ст. 5—15 Carps влагаеть тоже въ уста А, но этому противорѣчить рукопись: находящіеся въ ней знаки препинанія, въ видѣ параграфа и промежутковъ съ точкою (ст. 6 и 8; ст. 5, 7, 11 и 14), ясно указываютъ на смѣну лицъ. Слѣдовательно, монологъ невозможенъ.

2) διασκεδᾶ Cobet.

3) οἰμώξομαι Cobet; οἰμώζεται Wilamowitz; οἰμωζέτω Koerte. Слова τί δέ—μοι οἰμώξομαι Koerte относить къ В, но противъ этого говорить рукопись: въ ней послѣ ἔρωτα стоитъ точка, т. е., есть указаніе на смѣну лицъ.

4) ἐπίστατ' Cobet; πέπυστ' Leeuwen.

5) τί δ' Jernstedt; ἀλλ' Koerte. ημερων рук.; ἡμέραν Leeuwen.

6) χρεῖας Jernstedt; μίαν Leeuwen; πᾶς τις Wilamowitz и Koerte, который напрасно относить слова: δὴ ὀβολοῦς τῆς ἡμέρας къ лицу, произносящему ст. 13: этому мѣшаетъ промежутокъ съ точкою послѣ λελόγισται; ὀρεῖν Carps.

7) ποῦ δ' ἐντρόγῳ πεινῶν τι; τί τις . . . ποτέ Jernstedt; ἂν δ' ἐντρόγῳ πεινῶν ἔτι πτίσων ποτέ Leeuwen; τελεῖν πλέω πεινῶντι τίς λόγος ποτέ Carps; ἰκανόν τι τῶ πεινῶντι τι τις . . . σ ποτέ Koerte, который совершенно напрасно влагаеть этотъ стихъ, какъ и стихъ 14, въ уста А: послѣ ἡμέρας (ст. 14) стоитъ въ рукописи точка, т. е., есть опять таки указаніе на смѣну лицъ.

8) οὐκ ἔσθ' ὅπως οὐ προσμένει Χαιρέστρατον Cereteli; ὄρω τιν' ὅσ σε προσμένει, Χαιρέστρατε Carps; Χαρίσιός σε προσμένει, Χαιρέστρατε J. Carps; Χαρίσιός σε προσμένει. — χαῖρ', ἀλλὰ τίς Koerte, который раздѣляетъ стихъ между двумя лицами (В и Γ), что невозможно ввиду отсутствія въ рукописи какихъ бы то ни было указаній на смѣну лицъ; . . . σ . . . προσμένει Χαιρέστρατον Jernstedt.

9) τίς ὅδ' ἐστί δὴ Jernstedt; ὅδ' ἐστί δὴ Koerte; νύμφης πατῆρ Kock.

10) Стихи 18—20 я оставляю въ томъ видѣ, въ какомъ даетъ ихъ Ернштедтъ, ибо коньектуры Wilamowitz'а, Koerte и Carps'а меня не удовлетворяють.

- (20) [.]σαι γουαῖχα [.] 20
 [.]οι
 [.]σ

Итакъ, соединивъ оба отрывка (II а и II б) вмѣстѣ и предположивъ между ними наличность лакуны, приблизительно въ 15 строкъ¹⁾, Carps начинаетъ оперировать съ отрывками, какъ съ частью „Третьскаго суда“, причеъъ представляетъ въ пользу своего предположенія слѣдующіе доводы. Какъ видно изъ текста, въ сценкѣ участвуютъ три лица (А, В и Г), изъ которыхъ одно называется Харестратомъ, если только правильно дополняется Carps'омъ стоящее въ концѣ стиха 16 слово *χαρστ*[.], да сверхъ того въ ней идетъ рѣчь еще о двухъ другихъ персонажахъ, а именно, о какой-то флейтисткѣ (II а 19) и юношѣ Харисіи (II б 10). Что же касается до отдѣльныхъ чертъ, присущихъ этимъ лицамъ, то надо замѣтить, что А имѣетъ разительное сходство съ Смикриномъ. И дѣйствительно, въ лицѣ А мы видимъ передъ собой ворчливаго и скупого тестя, который негодуетъ на поведеніе своего зятя, отдалившагося отъ жены, дочери А (II а 10, II б 4, ср. также II а 17), проводящаго время въ дорого-стоющихъ кутежахъ (II а 1—4) и развлекающагося сверхъ того съ арфисткой, за которую онъ платитъ порнобоску по 12 драхмъ ежедневно (II а 10, 19). При этомъ А не столько горюетъ о положеніи своей дочери, сколько объ ея приданомъ (II а 8), — новая черта, сближающая А съ Смикриномъ, который рисуется въ „Третьскомъ судѣ“, какъ человѣкъ расцетливый (ст. 541: *λογιστιζός*), тяжелый (ст. 539: *χαλεπός*) и притомъ всё время думающій о деньгахъ, данныхъ въ приданое за дочерью (ст. 525 и 539). Однимъ словомъ, выходитъ, что въ А мы должны какъ будто видѣть Смикрина, а въ невѣрномъ мужѣ — Харисіи, тѣмъ болѣе, что имя „Харисій“ упоминается въ II б 10. Далѣе, Carps хочетъ усматривать Онисима въ томъ лицѣ, которое мы обо-

1) Carps, *Four plays of Menander*, 97. Определить въ точности величину лакуны невозможно, ибо для этого у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Но если мы примемъ во вниманіе разсужденія В. К. Эрнштедта (о. с., 15) объ очень небольшомъ форматѣ рукописи, то лакуну придется считать меньше, чѣмъ въ 15 строкъ. Такимъ образомъ, ближе къ истинѣ, чѣмъ Carps, стоитъ Koerte² (о. с., 143), определяющій лакуну въ 10 строкъ. Возможно, впрочемъ, что она была еще незначительнѣе.

значаемою буквою Г и которое представляет собою раба, преданнаго своему господину и старающагося спасти послѣдняго отъ опасности, грозящей ему со стороны тестя, т. е., А (II b 14 слл., а также II a 6). Наконецъ, Carps убѣжденъ и въ томъ, что третьимъ лицомъ, — оно обозначено у насъ буквою В — выступающимъ въ сценкѣ, будетъ Хэрестратъ, съ которымъ Онисимъ (т. е., Г) ведетъ разговоръ (II b 6 слл.; II a 16) и который является собственникомъ одного изъ находящихся на сценѣ домовъ, какъ это явствуетъ изъ II b 9. Таковы въ общихъ чертахъ основные доводы Carps'a, съ которыми я не могу согласиться въ силу слѣдующихъ соображеній.

Прежде всего коснемся вопроса о тождествѣ имени, которое, повидимому, импонируетъ Carps'у, хотя и не относится имъ къ числу главныхъ доводовъ, на которыхъ онъ строить свою гипотезу. Изъ одного того, что имена „Харисій“ и „Хэрестратъ“ встрѣчаются и въ „Третьейскомъ судѣ“ и въ Порфирьевскихъ отрывкахъ, еще нельзя, думается мнѣ, сдѣлать какого-нибудь опредѣленнаго вывода, говорящаго въ пользу принадлежности отрывковъ II a и II b къ нашей пьесѣ, — тѣмъ болѣе, что, по словамъ самого Carps'a ¹⁾, „мы не должны забывать, что Менандръ очень часто примѣняетъ одни и тѣ-же имена для характеристики сходныхъ типовъ“. И дѣйствительно, ради примѣра, можно указать на то, что Горгій, какъ *adulescens*, выступаетъ въ „Героѣ“ и „Земледѣльцѣ“; что Фидій играетъ такую-же роль въ „Героѣ“, въ „Колакѣ“ и въ „Фазмѣ“, а Мосхionъ — въ „Отрѣзанной косѣ“, въ „Саміанкѣ“, въ „Киѳаристѣ“, въ „Подкидышѣ“ (*Ἐπιβολισαῖος*) и можетъ быть, въ „Земледѣльцѣ“; что Миррину мы встрѣчаемъ не только въ „Героѣ“, но также и въ „Земледѣльцѣ“ и что, наконецъ, цѣлый рядъ другихъ персонажей съ одними и тѣми-же именами Лахеса и Демеи, Софроны и Дориды, Плангò и Габротононъ, Геты и Дава то и дѣло попадаетъ намъ на глаза не только въ разныхъ комедіяхъ самого Менандра ²⁾, но и въ пьесахъ его alter ego, Теренція ³⁾. Изъ всего этого вытекаетъ, что наличность имени

1) Carps, The plot of Menander's Epitrepontes (= *American Journal of philology*, XXIX (1908), 416).

2) Подробнѣе говорить объ этомъ А. Коерте ² (о. с., XXI sq.).

3) Такъ юноша Антиpho выступаетъ въ Eunuchus и Phormio, P a m -

Харисія и Хэрестрата въ Порфирьевскихъ отрывкахъ и въ „Третейскомъ судѣ“ еще не можетъ служить показателемъ того, что отрывки дѣйствительно относились къ „Третейскому суду“, а не къ какой либо другой пьесѣ Менандра, заглавіе которой намъ неизвѣстно.

Обратимся теперъ къ вопросу о сходствѣ ситуации. Я не отрицаю и не хочу отрицать того, что на первый взглядъ это обстоятельство кажется весьма знаменательнымъ. Скажу больше, мнѣ самому нѣкогда приходила въ голову мысль объ идентичности Порфирьевскихъ отрывковъ съ „Третейскимъ судомъ“ : до такой степени подѣйствовало на меня это сходство! Но и въ данномъ случаѣ намъ не слѣдуетъ упускать изъ вида слѣдующихъ безусловно вѣрныхъ словъ Carps'a¹⁾: „мы не должны забывать и того, что нерѣдко сходные мотивы входятъ у Менандра въ составъ интриги различныхъ пьесъ“. Это замѣчаніе въ высшей степени правильно, и хорошимъ подтвержденіемъ ему можетъ служить та близость между фабулой „Героя“ и фабулой „Земледѣльца“, на которую уже обратилъ вниманіе Коерте²⁾ и которая не разъ должна была наблюдаться и въ другихъ произведеніяхъ „новой“ комедіи³⁾. И въ самомъ дѣлѣ, какъ въ „Героѣ“, такъ и въ

philus — въ Несуга и Andria, Phaedria — въ Eunuchus и Phormio, старикъ Хреметъ — въ Несуга, Andria и Phormio, Лахесъ — въ Несуга и Eunuchus, нянька Софрона — въ Eunuchus и Phormio, рабъ Давъ — въ Andria и Phormio и т. д.

1) Carps, о. с., 416.

2) А. Коерте²⁾, о. с., XXII.

3) Въдѣ если греческая трагедія вращалась въ области однихъ и тѣхъ-же мифовъ, перерабатываемыхъ поэтами на разные лады, то и греческая комедія ко времени Менандра находилась приблизительно въ такомъ-же положеніи. Цикль ея сюжетовъ уже сложился, главные мотивы были намѣчены, основные типы выработаны, и она, подобно трагедіи, могла варьировать только однѣ частности. Комедія уже забыла про то переходное время, когда, послѣ Аристофана, ей, отказавшейся отъ роли политической сатиры, пришлось пролагать новые пути, вырабатывать новое направленіе, находить новые сюжеты. Для поэтовъ „новой“ комедіи были уже непонятны жалобы Антифана на трудности комического жанра и на тяжелое положеніе комиковъ, которымъ

*πάντα δεῖ
εὐρεῖν, ὀνόματα καινὰ, τὰ διωκόμενα
πρότερον, τὰ νῦν παρόντα, τὴν καταστροφὴν,
τὴν εἰσβολήν* (fr. 191 = Коск, о. с., II, 90).

„Земледѣльцѣ“ мы не только встрѣчаемся съ двумя женщинами, носящими одно и то-же имя Миррины, но видимъ сверхъ того поразительное сходство между ихъ судьбой, и притомъ не только въ общемъ, но и въ частности. А между тѣмъ, несмотря на всё кажущееся тожество фабулы и разныхъ мелкихъ подробностей, обѣ пьесы рѣзко отличаются другъ отъ друга: базируясь на схожемъ фундаментѣ, онѣ вовсе не схожи со стороны своего внутренняго устройства и характеровъ выступающихъ въ нихъ персонажей. Но отсюда слѣдуетъ, что и то сходство ситуации, которое поражаетъ насъ въ Порфирьевскихъ отрывкахъ и въ „Третьейскомъ судѣ“, еще не можетъ считаться достаточнымъ основаніемъ для отождествленія отрывковъ съ интересующей насъ пьесой.

Я, впрочемъ, согласенъ съ тѣмъ, что всѣ приведенные пока доводы носятъ нѣсколько предположительный характеръ, вовсе не исключаящій возможности того, что если Порфирьевскіе отрывки могли не принадлежать къ „Третьейскому суду“, то съ такимъ же правомъ они могли и входить въ составъ послѣдняго. Для того, чтобы разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ, нужно привести другія, болѣе существенныя доказательства, и эти доказательства, думается мнѣ, имѣются въ нашемъ распоряженіи. Но въ чемъ же они заключаются? Они заключаются въ томъ, что въ отрывкахъ, при наличности большого внѣшняго сходства съ „Третьейскимъ судомъ“, замѣчается не малое количество такихъ частныхъ, которыя сводятъ это сходство на нѣтъ. Къ выясненію этихъ частныхъ намъ и слѣдуетъ теперь обратиться.

Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе слѣдующее. Изъ „Третьейскаго суда“, какъ мы увидимъ это ниже, явствуетъ, что флейтистка, которой обзавелся герой пьесы, Харисій, вовсе не берется имъ на прокатъ у порнобоска (II а 10), а куплена имъ и находится такимъ образомъ въ его полномъ распоряженіи (ср. ст. 323, а также ст. 513 слл., изъ которыхъ видно, что Габротононъ выпускается на волю). Далѣе, эта флейтистка живетъ вмѣстѣ съ Харисіемъ въ томъ

Въ общихъ чертахъ всё это было уже готово, такъ что для творчества каждаго отдѣльнаго поэта оставалось только разнообразить основу, вплетая въ нее новыя неожиданныя детали и придавая трафаретнымъ сценическимъ типамъ, уже знакомымъ публикѣ по тѣмъ условнымъ маскамъ, которыя они носили, черты индивидуальныхъ характеровъ.

домъ, который онъ занимаетъ и которымъ является домъ Хэрестрата (ср. ст. 194). Между тѣмъ невѣрный мужъ, вступающій въ Порфирьевскихъ отрывкахъ, кутить — это вытекаетъ изъ текста — не у себя и не въ домъ своего пріятеля, — нѣтъ, мѣстомъ его кутежа служить домъ порнобоска (ср. II b 8 слл.). Мало того, этотъ порнобоскъ, согласно остроумному замѣчанію В. К. Ернштедта (о. с., 212), тоже участвуетъ въ сценкѣ, а именно онъ и есть тотъ самый персонажъ, который мы обозначаемъ буквою *B*. Но вѣрно ли это? ¹⁾ По мнѣнію Carps'a въ *B* надо усматривать Хэрестрата. Однако противъ подобнаго предположенія говорить слѣдующее. Во-первыхъ, *G*, какъ видно изъ текста, относится къ *B*, какъ къ существу ему равному, и притомъ относится довольно презрительно, тогда какъ *B* всё время передъ нимъ заискиваетъ. Во вторыхъ, совершенно немислимо, чтобы *B*, если онъ дѣйствительно Хэрестратъ, обращаясь къ *G*, т. е., къ рабу, говорилъ ему *ἡλικότατε* (II a 17), ибо это обращеніе предполагаетъ одинаковость соціальнаго положенія, чего при гипотезѣ Carps'a нѣтъ. Въ третьихъ, если бы *B* на самомъ дѣлѣ представлялъ собой Хэрестрата, то *G*, въ которомъ Carps видитъ Онисима, т. е., раба, врядъ ли бы могъ сказать ему, что онъ желаетъ, чтобы домъ *B* „сгинулъ“ (II b 8 слл.). Правда, Carps думаетъ, что это странное, чтобы не сказать больше, пожеланіе *G* объясняется тѣмъ, что домъ *B* „is occupied by the lepo who owns Nabrotonon“ ²⁾, но это надо еще доказать, чего Carps однако не дѣлаетъ, да и не можетъ сдѣлать. Наконецъ, какъ правильно отмѣчаетъ Koerte ³⁾, если бы мы допустили, что Carps разсуждаетъ правильно, намъ пришлось бы удивляться на порнобоска, который „non in urbe, sed ruri lupanar instituit“, ибо дѣйствіе „Третьскаго суда“ происходитъ не въ городѣ, а въ деревнѣ. Предчувствуя, вѣроятно, подобное

1) Ср. В. Вагнеске, Menandrea (= Журн. Мин. Нар. Просв., 1909, февраль, отд. класс. филол., 70 сл.), который считаетъ, что Порфирьевскіе отрывки могли бы относиться къ „Третьскому суду“, если бы этому не мѣшала фигура порнобоска, не игравшая будто бы — такъ думалъ Maix (см. Kretschmar, De Menandri reliquiis, 72) — никакой роли въ комедіяхъ Менандра.

2) Carps, Four plays of Menander, 98, 31.

3) Koerte², о. с., XXIII.

возраженіе Capps старается парализовать его замѣчаніемъ, что „it was not the practice of wild Athenian youth to introduce their mistresses into their homes, but to visit them at the house of the Ieno“¹⁾. Но во-первыхъ, это замѣчаніе Capps'a ни на чемъ не основано, а во-вторыхъ, если мы будемъ раздѣлять его, то намъ придется думать, что Хэрестратъ отдалъ свой домъ въ наемъ порнобоску лишь для того, чтобы его пріятель Харисій имѣлъ возможность жить съ арфисткой, — предположеніе, по меньшей мѣрѣ, странное, чтобы не сказать больше. Итакъ, коль скоро мы примемъ гипотезу Capps'a во всей ея полнотѣ, то мы на каждомъ шагу будемъ наталкиваться на разныя противорѣчія, которыя никоимъ образомъ нельзя будетъ примирить съ дѣйствіемъ и съ содержаніемъ „Третейскаго суда“.

Но помимо всѣхъ этихъ, приведенныхъ мной соображеній, я хотѣлъ бы указать еще на одну частность, которая касается II a 16 и которая, на мой взглядъ, еще одинъ лишній разъ доказываетъ, что Порфирьевскіе отрывки не имѣютъ ничего общаго съ „Третейскимъ судомъ“ Менандра.

Согласно Capps'у стихъ 16 Порфирьевскаго отрывка II a надо читать такъ :

[ὄρω τιν'] ὅσ σ[ε] προσμένει Χαίρε[στρατε],

при каковомъ дополненіи наличность Хэрестрата на сценѣ будетъ стоять внѣ всякаго сомнѣнія²⁾. Очень близко къ конъектурѣ Capps'a подходит и конъектура Jda Kapp³⁾, которая хочетъ придать всему стиху слѣдующую форму :

[Χαίρσι]ός σ[ε] προσμένει Χαίρε[στρατε],

думая, значить, вмѣстѣ съ Capps'омъ, что Хэрестратъ есть одинъ изъ участвующихъ въ сценкѣ персонажей. Наконецъ, Koerte⁴⁾, который считаетъ, что въ рукописномъ *χαίρε* [. . .] вовсе не скрывается собственное имя „Хэрестратъ“, дѣлитъ весь стихъ 16 между двумя лицами и читаетъ его такъ :

Г. [Χαίρσι]ός σ[ε] προσμένει. — В. χαῖρ',[ἀλλὰ τίς].

1) Capps, o. c., 44.

2) Capps, o. c., 96.

3) J. Kapp, Zu den Epitrepontes des Menander (= Hermes, 47 (1912), 318).

4) Koerte², o. c., 143.

Но подобная трактовка стиха не может выдержать серьезной критики, ибо ей противорѣчитъ рукопись, въ которой нѣтъ никакихъ намековъ на смѣну лицъ, т. е., на то, что стихъ 16 произносится двумя персонажами (см. стр. 123,8), а не однимъ. Да, наконецъ, помимо этой чисто формальной причины, дополнение Коерте кажется мнѣ довольно нелѣпымъ и съ точки зрѣнія простого смысла. И дѣйствительно, къ словамъ: „Харисій тебя поджидаетъ“ какъ-то не подходятъ отвѣтныя слова: „здравствуй, но что это, мой голубчикъ, за человѣкъ?“ Такимъ образомъ, дополнение Коерте должно быть откинуто, какъ безусловно неудачное и несуразное. Что же касается до возстановленій Carps'a и Carr, то они тоже кажутся мнѣ недостаточно обоснованными, и вотъ почему: у Carps'a его дополнение стоитъ въ тѣсной связи съ невѣрнымъ взглядомъ на первые 15 стиховъ отрывка II а, какъ на монологъ, который произноситъ А (по Carps'у, Смикринъ). Такимъ образомъ, діалогъ начинается у Carps'a только съ 16 стиха, причѣмъ этотъ стихъ произноситъ у него Г (т. е., Онисимъ), который входитъ на сцену вмѣстѣ съ В (т. е., съ Хэрестратомъ) и который, замѣтивъ А, обращается къ В со словами:

ὄρῳ τι' ὅς σε προσμένει, Χαίρεστρατε.

Но противъ подобнаго распредѣленія стиховъ говоритъ рукопись, въ которой параграфы и промежутки съ точкой¹⁾ ясно указываютъ на то, что смѣна лицъ начинается уже въ ст. 5. А разъ это такъ, то, значить, дополнение Carps'a теряетъ всю свою силу и должно быть признано за неподходящее наравнѣ съ дополненіемъ Коерте²⁾.

1) По поводу знаковъ препинанія въ Порфирьевскихъ отрывкахъ, на которые ни одинъ изъ новѣйшихъ издателей не обратилъ должнаго вниманія, см. все то, что говоритъ В. К. Ернштедтъ (о. с., 28—45).

2) Къ какимъ натяжкамъ и разнаго рода нелѣпымъ объясненіямъ текста приводитъ Carps'a его непремѣнное желаніе видѣть въ ст. 1—15 монологъ, доказываетъ, между прочимъ, интерпретація ст. 6, въ частности словъ: *οὐτος ἐμπεδὼν διασχεδῆ τὸν ἔρωτα*. Carps переводитъ ихъ такъ: „he'll scatter affection to the winds, i. e. his wife's love“, и ввиду того, что подобный переводъ кажется ему нѣсколько страннымъ, онъ, ничтоже сумняшеся, предполагаетъ въ рукописи ошибку и готовъ вм. *διασχεδῆ τὸν ἔρωτα* читать *διασπλαγῆ τὰ πατῆρα!* Любопытно, что Ниперс (о. с., 349), опровергающій гипотезу Carps'a, не находитъ ничего страннаго въ переводѣ, который и воспроизводится имъ безъ всякихъ замѣчаній!

Какъ распредѣляетъ стихи Jda Carr, я не знаю. Но если судить по ея дополненію, она, подобно Koerte, думаетъ, что *Г* выступаетъ на сцену только послѣ стиха 16, что опять таки невозможно, ибо промежутокъ съ точкой, находящійся въ рукописи послѣ словъ *τὸν ἔρωτα* (начало ст. 7), ясно свидѣтельствуемъ въ пользу того, что стихъ 7 произносится не тѣмъ же лицомъ, которое говоритъ ст. 5—6, а другимъ, или, иначе, что *Г* вступаетъ въ діалогъ непосредственно вслѣдъ за *В*, а вовсе не въ ст. 16. Въ силу этихъ соображеній дополненіе Carr тоже не можетъ быть принято, тѣмъ болѣе, что оно, какъ и дополненіе Carrs'a, теряетъ свой *raison d'être*, коль скоро *Г* находится на сценѣ съ самаго начала разговора. И дѣйствительно, слова: *Χαρίσιός σε προσμένει Χαίρεστρατε*, вполнѣ естественныя въ устахъ того лица, которое только что выходитъ на сцену, становятся очень неестественными, разъ это лицо, уже находившееся на сценѣ и уже говорившее съ *В*, только теперь находитъ нужнымъ сказать своему собесѣднику, что его поджидаетъ какой-то Харисій.

Итакъ, я не могу принять ни одного изъ приведенныхъ мной возстановленій ст. 16, который я лично хотѣлъ бы объяснить и возстановлять слѣдующимъ образомъ. Въ то время, какъ *В* въ ст. 15 реагируетъ какой-то шуточкой на слова *Г* въ ст. 14, *Г*, не обращая на него никакого вниманія, высказываетъ, надо думать, свое опасеніе насчетъ того, что *А* стоитъ у дома своего зятя съ тайною мыслью выждать послѣдняго и затѣмъ наброситься на него съ упреками. Это свое опасеніе *Г* могъ бы высказывать приблизительно въ такой формѣ: „внѣ всякаго сомнѣнія, онъ поджидаетъ моего барина“, что можно было бы передать по гречески такъ:

[*οὐκ ἔσθ' ὅπ*]ωσ *ο[ὗ]* προσμένει Χαίρε[στρατον] ¹⁾.

Но если это мое дополненіе правдоподобно, то оно исключаетъ всякую возможность принадлежности отр. II а и

1) Рукопись не противорѣчитъ моему возстановленію ст. 16. И дѣйствительно, передъ конечнымъ *σ* замѣтны остатки круглой буквы, которая могла быть не только *ο*, но и *ω*, скорѣе даже послѣднимъ. За окончаніемъ же *ωσ* идетъ опять таки круглая буква, не то *ο*, не то *σ*. Наконецъ, что касается до самого выраженія: *οὐκ ἔσθ' ὅπλωσ οὐ*, то ср. Aristoph. Plut., 871: *κοὐκ ἔσθ' ὅπλωσ οὐκ ἔχετε μου τὰ χοήματα*, а также Ran., 640: *οὐκ ἔσθ' ὅπλωσ οὐκ εἰ σὺ γεννάδας ἀνήρ*.

II в кѣ „Третьейскому суду“, ибо оказывается, что невѣрный мужъ Порфирьевскихъ отрывковъ называется не Харисіемъ, а Хэрестратомъ¹⁾. Этому-то Хэрестрату и могла принадлежать въ той пьесѣ, къ которой относились отрывки, роль *jeune premier*, влюбленнаго въ арфистку и отдалившагося ради нея отъ своей жены, — фактъ, который вполне подходилъ бы къ типу Хэрестрата, какимъ рисуется онъ въ комедіи Менандра: вѣдь въ послѣдней основной чертой этого типа было, по словамъ Хорикія²⁾, то, что онъ *ψαλτρίασ ἐραῖ*³⁾. А какую же роль могъ играть въ такомъ случаѣ Харисій, упоминаемый въ II в 20? Онъ могъ быть либо братомъ, либо другомъ Хэрестрата, подобно тому, какъ Хэрестратъ — мы увидимъ это ниже — является другомъ юноши Харисія въ „Третьейскомъ судѣ“.

Итакъ, на основаніи всѣхъ приведенныхъ мною доводовъ, я считаю доказаннымъ, что Порфирьевскіе отрывки не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого отношенія къ „Третьейскому суду“ и что всѣ попытки включенія ихъ въ эту пьесу надо признать за безусловно неудавшіяся, независимо отъ того, будемъ ли мы вслѣдъ за van Leeuwen'омъ относить отрывки къ концу перваго акта, или вслѣдъ за Croiset — къ концу втораго, или же, какъ дѣлаетъ это Carps, къ концу четвертаго. Отъ перемѣны мѣста здѣсь ничего не зависитъ, ибо отрывки II а и II в, какъ относящіяся къ другой пьесѣ, только въ ней и могли бы найти себѣ настоящее примѣненіе!

Но исключая Порфирьевскіе отрывки изъ состава „Третьейскаго суда“, мы тѣмъ самымъ сводимъ нашу пьесу къ тому, что осталось отъ нея въ Каирской рукописи, и къ тѣмъ фрагментамъ, которые были извѣстны намъ раньше. Изъ этихъ фрагментовъ нѣкоторые уже были привлечены нами къ вводной сценкѣ (стр. 111 сл.), до насъ недошедшей и реконструированной нами лишь приблизительно; другіе же,

1) Такъ думалъ уже В. А. Ернштедтъ (о. с., 240): я повторяю такимъ образомъ только его мысль.

2) Choric. apol. mim., 9 (= Oeuvres de Charles Graux, II, 57) См. стр. 108, 6.

3) Въ качествѣ любителя арфистокъ Хэрестратъ выводился между прочимъ въ *Ἐννοῦχος* (см. schol. ad Pers. sat. 5, 161) и въ *Ἐποβολμαῖος*, гдѣ его братомъ былъ Мосхіонъ, про типъ котораго тотъ же Хорикій (см. стр. 108, 6) говорить, что его отличительной чертой было „*παρθένουσι βιάζεσθαι*“.

пока еще не утилизированные, относятся безусловно не къ началу пьесы, и вообще не къ первому ея акту, а потому и оставлены пока въ сторонѣ. Что же касается до самой реконструкціи начальной части комедіи, той части, которая, согласно нашему мнѣнію, состояла или могла состоять изъ двухъ діалогическихъ сенокъ, раздѣленныхъ монологомъ (стр. 117), то эта реконструкція, коль скоро мы отказываемся отъ мысли о принадлежности Порфирьевскихъ отрывковъ къ „Третейскому суду“ и въ частности къ первому его акту, — эта реконструкція, говорю я, остается во всей своей силѣ и, пока что, оказывается наиболѣе правдоподобной и естественной.

Значить, мы считаемъ, что „Третейскій судъ“ начинался съ діалога между поваромъ и Онисимомъ; за этимъ діалогомъ шель монологъ Онисима, содержавшій въ себѣ, говоря словами Лукіана, *σύμματα τοῦ δράματος τὸν λόγον*¹⁾, а за нимъ слѣдовалъ снова діалогъ между Онисимомъ и Смикриномъ, персонажемъ, который впервые появлялся передъ зрителями и который оставался на сценѣ послѣ ухода Онисима къ Харисію. Мотивомъ же этого замедленія на сценѣ было желаніе Смикрина отправиться въ городъ для полученія необходимыхъ ему свѣдѣній о зятѣ, которыхъ онъ не могъ получить ни отъ дочери, ни отъ Онисима. Но въ то время, какъ Смикринъ приготовлялся къ отходу, въ дѣйствіе пьесы внезапно вплеталась новая, неожиданная деталь, которая временно задерживала Смикрина и которая сверхъ того поворачивала всё дѣйствіе на новую дорогу. Деталью же этой, играющей въ нашей комедіи такую первостепенную роль, было появленіе на сценѣ двухъ рабовъ, Дава и Сириска, оживленнѣмъ разговоромъ которыхъ и начинается „Третейскій судъ“ въ его настоящемъ видѣ.

2.

Дѣйствіе первое.

Явленіе четвертое.

[Сцена представляетъ собой деревенскій ландшафтъ, на фонѣ котораго находятся два дома, тѣсно примыкающіе другъ къ другу. Одинъ домъ принадлежитъ Харисію, другой — Хэрестрату. Около

1) Lucian. Pseudolog. 4.

дома Харисія, въ которомъ проживаетъ дочь Смикрина, Памфила, стоитъ Смикринъ, приготовляющійся къ уходу въ городъ. Въ этотъ моментъ, сильно жестикулируя, вбѣгаютъ на сцену Давъ и Сирискъ, за которыми слѣдуетъ жена Сириска съ ребенкомъ на рукахъ. Оба раба одѣты въ козухи (*διφδέρα*), но, въ отличіе отъ Сириска, Давъ, какъ пастухъ, держитъ въ рукъ кривую палку и имѣетъ при себѣ суму (*πίρα*). Что же касается до Сириска, то его профессія угольщика тоже охарактеризована въ достаточной степени какъ костюмомъ, такъ и маской¹⁾.

С и р и с к ъ (продолжая начатый споръ).

Д₁ Нарушилъ право ты!

Д а в ъ.

Ну, это врешь, бездѣльникъ!

С и р и с к ъ.

Чужимъ добромъ владѣть не слѣдъ тебѣ! Пускай
Насъ разберетъ судья!

Д а в ъ.

Готовъ... Давай судиться!

С и р и с к ъ.

Но у кого?

Д а в ъ.

По мнѣ годится всякъ, терплю

(5) Я по грѣхамъ... Къ чему съ тобою я дѣлился? 5

С и р и с к ъ (указывая на Смикрина).

Возьмемъ его судьей.

Д а в ъ.

Что-жъ, въ добрый часъ.

С и р и с к ъ (обращаясь къ Смикрину).

Отецъ,

Минуточку одну ты удѣлить намъ можешь?

1) Переводъ слѣланъ по изданію А. Koerte², Menandrea (Lipsiae 1912), 9 sqq. Во вниманіе приняты также: Sudhaus, о. с., 3 sqq.; van Leeuwen², о. с., 18 sqq.; Croiset, о. с., 14 sqq.; Bodin-Mazon, Extraits d'Aristophane et de Ménandre, 290 sqq.; Robert, Der neue Menander, 67 sqq.; Carps, Four plays of Menander, 48 sqq. и др.

С м и к р и н ъ.

Минутку, вамъ? Зачѣмъ?

С и р и с к ъ.

Затѣяли мы споръ...

С м и к р и н ъ.

А я то тутъ причемъ?

С и р и с к ъ.

Намъ раздобыть бы надо

(10) Судью третейскаго. Такъ вотъ, коль не спѣшишь, 10
Ты разсуди-ка насъ.

С м и к р и н ъ.

Ахъ, чтобъ вамъ пусто было!

Туда же, — судятся, а сами — въ кожихахъ!¹⁾

С и р и с к ъ.

Но всё таки — дѣльцо одинъ пустякъ, не больше,
И трудности въ немъ нѣтъ! — будь милостивъ, отецъ!

(15) Ужь снизойди до насъ... Самъ знаешь, правосудье 15
Во всемъ, всегда должно брать верхъ и перевѣсъ,
И кто бы ни былъ тутъ, пещись о немъ обязанъ
По мѣрѣ силъ своихъ. Таковъ ужъ нашъ удѣлъ!

Д а в ъ (въ сторону).

А онъ — куда рѣчишь! Къ чему я съ нимъ дѣлился?

С м и к р и н ъ (заинтересованный).

(20) Мой приговоръ блюсти согласны вы?²⁾

1) Великолѣпнымъ комментариемъ къ этой выходкѣ Смикрина служатъ слѣдующія слова Б. В. Варнеке: „*Λιφθήρα* есть названіе одежды, свойственной исключительно сельскимъ жителямъ... Между тѣмъ, сельскіе жители отличаются отъ городскихъ, въ особенности отъ аѳинянъ, своей нелюбовью къ судамъ, какъ это подчеркиваетъ схолиастъ къ Аристофану (Птицы, 111): *οἱ ἄγροικοὶ μόνοι εἰδὲν οἱ μὴ φιλοδικασταί, ὡς ἀλλήλων ὄντων τῶν μισοδίκων καὶ τούτων ἀγροίκων*. Такимъ образомъ, Смикринъ какъ бы хочетъ сказать, указывая на ихъ одежды: и вы, деревенщина, тянетесь за аѳинянами, поддавшись тому же пороку, что и городъ, гдѣ теперь (какъ позднѣе (ст. 201) въ той же пьесѣ признаетъ Сирискъ) всѣмъ приходится *δίκασ μελετᾶν διὰ τοῦτ᾽ πάντα νυνὶ σώζεται*“. Б. В. Варнеке, Костюмъ актеровъ римской комедіи (= Журн. Мин. Нар. Просв. 1910, мартъ, отд. класс. филолог., 103 сл.).

2) Каждый частный третейскій судья только въ томъ случаѣ могъ брать на себя разрѣшеніе данной тяжбы, если обѣ тяжущіяся стороны, об-

Сирискъ.

О, да. 20

Смикринъ.

Ну, что-жь, послушаемъ. Не къ спѣху мнѣ.

(обращаясь къ Даву).

Сначала

Ты будешь говорить, — ты, не раскрывшій рта.

Давъ.

Я свой рассказъ начну не прямо съ нашей ссоры,

А издали, — тогда ты толкомъ всё поймешь.

(25) Въ кустарникѣ густомъ, рукой подать отсюда, 25

Я пасъ свои стада, — пожалуй, тридцать дней

Тому назадъ, — одинъ, и вотъ нашелъ случайно

Ребенка малаго: онъ тамъ подкинуть былъ.

При немъ лежалъ браслетъ и разныя вещички, —

(30) Дрянцо.

Сирискъ.

Объ нихъ и споръ!

Давъ.

Мѣшаетъ говорить. 30

Смикринъ (обращаясь къ Сириску).

Коль перебьешь еще, вотъ этой самой палкой¹⁾

Я по тебѣ пройдуся.

Давъ.

И по дѣломъ!

Смикринъ.

Ну, дальше.

Давъ.

Ребенка поднялъ я, принесъ къ себѣ домой,

Хотѣлъ воспитывать: такъ я рѣшилъ сначала.

ращавшіяся къ нему за содѣйствіемъ, соглашались подчиняться его приговору — *τοῖς γνωσθεῖσιν ἐμμένειν*. Ср. Dem. 27,1: *εἰ μὲν ἐβούλετο* "Аφοροσ, ὃ ἄνθρωπος δίκασται, τὰ δίκαια ποιεῖν ἢ περὶ ὧν διαφερόμεθα τοῖς οἰκείοις ἐπιτροπέειν, οὐδὲν ἄν ἔδει δικῶν οὐδὲ πραγμάτων ἀλέχρη γὰρ ἄν τοῖς ἐπ' ἐκείνων γνωσθεῖσιν ἐμμένειν. По поводу третейскихъ судей см. Pauly - Wissowa's Real Encyclopädie, V, 313 s. v. *διαίτηται*, а также Schoemann-Lipsius, Griechische Altertümer, I, 515.

1) Необходимой принадлежностью каждаго старика въ комедіи была, между прочимъ, палка. Ср. Poll. IV, 119: *γερόντων δὲ φόρημα ἱμάτιον, καμπύλην*.

- (35) Но за ночь мысль пришла — со всѣми такъ бываетъ — 35
И сталъ я про себя иное говорить :
- D₂ „Къ лицу ли мнѣ дитя ? Ну, мнѣ ли съ нимъ возиться ?
Гдѣ деньги на прокормъ ? Къ чему заботы мнѣ ?“
- (40) Такъ думая¹⁾, съ зарей я снова выгналъ стадо,
А тутъ (указывая на Сирииска).
и онъ пришелъ — онъ угольщикъ — себѣ 40
Дровъ напилить : мы съ нимъ друзьями раньше были,
Любили поболтать. Замѣтилъ онъ, что я
Задумчивъ, и спроси : „ты, Давъ, съ чего же это
(45) Повѣсилъ голову ?“ — „Да полонъ ротъ хлопотъ“²⁾, 45
Отвѣтилъ я ему, и выболталъ всё сразу,
Какъ я дитя нашель, какъ поднялъ. Кончить рѣчь
Я не успѣлъ, какъ онъ давай просить да клянчить :
„Отдай ты мнѣ дитя“, и повторять притомъ
На разные лады : „дай богъ тебѣ удачи !
(50) Да вкусишь радости ! Да будешь вольнымъ ты !“ 50
„Есть женка у меня“ — онъ продолжалъ — „недавно

1) Такъ перевожу я рукописное *τοιουτοσί τις ἦν*, считая вмѣстѣ съ Croiset (о. с., 19, 39), что оно равняется *οὕτω πῶς εἶγον*. Leeuwen² (о. с., 22), какъ мнѣ кажется, безъ достаточныхъ на то оснований, мѣняетъ это чтеніе рукописи на *τοιουτοσί τις ὄν*, но понимаетъ всё выраженіе не иначе, чѣмъ Croiset, Lefebvre, Robert и Sudhaus. Однако, противъ подобнаго пониманія высказывается Vollgraff (о. с., 60 sq.), по мнѣнію котораго *τοιούτος ἦν* можетъ значить только „*talis erat*“, но не „*haec mihi mens erat*“, т. е., иными словами, *τοιούτος ἦν* или *ὄν* указываетъ не на душевное состояніе, а на матеріальное положеніе Дава. Ввиду этого Vollgraff, слѣдуя совѣту Wilamowitz'a и принимая вмѣстѣ съ тѣмъ поправку van Leeuwen'a придаетъ стихамъ 37—39 такой видъ :

*πόθεν δ' ἐγώ
τοσαῦτ' ἀναλώσω — τί φροντίδων ἐμοί; —
τοιουτοσί τις ὄν;*

причемъ Vollgraff'у слѣдуетъ и Koerte² (о. с., 10). Но мнѣ подобное переустройство стиховъ кажется довольно неуклюжимъ, а самое пониманіе *τοιούτος τις ἦν* въ смыслѣ „*talis erat*“ нѣсколько ригорознымъ, почему я и остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи, считая, что *τοιούτος τις ἦν* можно переводить и черезъ „находясь въ такомъ состояніи“, „думая такъ“.

2) Vollgraff (о. с., 61 sq.) находитъ, что слова „*περίεργος εἶμι*“ не значать : *sollicitus sum* (или, какъ перевожу я : полонъ ротъ хлопотъ), и что весь пассажъ, примѣнительно къ обычному значенію слова *περίεργος*, надо переводить такъ : „*cur tristis est*“ inquit, „*Davus meus? cur tandem?*“ *ego natura περίεργος sum itaque rem ei narro, ut puerulum repperissem et sustulissem*. Я согласенъ, что при такомъ переводѣ *περίεργος* сохраняетъ

Она мнѣ родила, но умерло дитя“.
(Подъ жenkой разумѣль онъ ту, что здѣсь съ ребенкомъ).

С м и к р и н ъ (обращаясь къ Сириску).
Такъ ты просиль, Сирискъ?

С и р и с к ъ.
Просиль.

Д а в ъ.

Сплошь цѣлый день
(55) Онъ приставаль, молилъ... Я обѣщаль, я отдалъ 55
Ему дитя, а онъ, мнѣ кучу разныхъ благъ
Понасуливъ, ушелъ... поцѣловавъ мнѣ руку.

С м и к р и н ъ (обращаясь къ Сириску).
Ты руку цѣловаль?

С и р и с к ъ.
Да, цѣловаль.

Д а в ъ.

Ушелъ
Съ женою онъ, и вдругъ, со мной случайно встрѣтятся,
Онъ требуетъ теперь отдачи тѣхъ вещицъ, 60
Что были кинуты съ ребенкомъ, — вещи эти
(60) Такъ... пустячки одни, не больше. Говорить,
Что вещи — не мои, что я его обидѣль,
Не отдавая ихъ, считая за свои.
А я ему въ отвѣтъ: „скажи спасибо лучше 65
За то, что, просьбѣ внявъ, я принялъ въ часть тебя“.
А если я чего не додалъ, онъ не въ правѣ
(65) Учитывать меня. Вотъ если бы со мной
Наткнулся онъ на кладъ и этотъ кладъ случайный
Находкой общей былъ, — владѣль бы онъ однимъ, 70

свое обычное значеніе; но тѣмъ не менѣе, мнѣ думается, что контекстъ требуетъ иного, можетъ быть, и необычнаго толкованія, а также и другой интерпункціи, чѣмъ та, которую даетъ Vollgraff. Поэтому я остаюсь при своемъ переводѣ, хотя и знаю, что толкуя *περφευος* такъ, какъ я его толкую, я даю ему новый смыслъ, который только съ большой натяжкой можно вывести изъ обычнаго.

- А я — другимъ. Но онъ со мною вмѣстѣ не былъ, —
 Нашель вѣдь я одинъ! За что же всё тебѣ,
 (70) А мнѣ ни капельки? Итакъ, по доброй волѣ
 Я уступилъ тебѣ частицу своего.
 Коль нравится она, владѣй ей на здоровье, 75
 А коль не по душѣ, верни её назадъ.
 С₁ Самъ насъ не обижай, — и мы тѣснить не будемъ!
 (75) Но всё прибрать къ рукамъ, — гдѣ силой, гдѣ мольбой,
 Ну, это, братъ, шалишь. (Къ Смикрину)
 Я рѣчь свою окончилъ.

Си р и с к ѣ .

Онъ кончилъ?

С м и к р и н ѣ .

Ты оглохъ? Да, кончилъ.

Си р и с к ѣ .

Хорошо. 80

- Такъ, значитъ, мой чередъ. Ребенка онъ нашель,
 Одинъ, — онъ въ этомъ правъ, всё было такъ, отецъ.
 (80) Тутъ спорить не о чемъ. Его просилъ я слезно,
 Дитя я выпросилъ. Онъ въ этомъ тоже правъ. —
 Но вотъ одинъ пастухъ, собрать его по службѣ, 85
 Съ его же словъ сболтнулъ, что будто Давъ нашель
 При маленькомъ еще какія-то вещички.
 (85) Чтобъ ихъ потребовать, малютка — здѣсь, отецъ!
 Дай мнѣ его, жена (женщина подаетъ ребенка).

Примѣтъ и ожерелья

- Съ тебя онъ требуетъ и такъ лепечеть, Давъ: 90
 „Всѣ вещи — мой надѣлъ, но — не твоя добыча“.
 А я, какъ опекунъ, я за дитя стою:
 (90) Мнѣ эту должность ты вручилъ, отдавъ малютку! —
 Теперь же, батюшка, — такъ мнится мнѣ — твой долгъ
 Рѣшить, должно ли намъ припрятать для ребенка, 95
 Пока онъ не взростетъ, какъ и хотѣла мать,
 (Кто бъ ни была она!) и золотыя вещи
 (95) И всё, что будетъ тамъ, иль вору ихъ отдать,
 Хотя бы первымъ онъ нашель добро чужое? —
 Но почему же я, ребенка взявъ, не сразу 100
 Сталъ вещи требовать? Я права не имѣлъ!
 Я и теперь вѣдь здѣсь не для своей корысти,

- (100) Не своего ищу. А „общая находка?“
 Нѣтъ слова „я нашель“ тамъ, гдѣ дитя страдаетъ!
 Здѣсь не „находка“, нѣтъ, я вижу здѣсь грабежъ! 105
 Подумай-ка, отецъ. Вѣдь, можетъ быть, малютка
 Знатнѣ насъ. Вскормясь средь подневольныхъ рукъ,
- (105) Онъ взглянетъ свысока когда нибудь на рабство
 И, сердцу слѣдуя, возьметса за дѣла,
 Что баричамъ къ лицу: за львиную охоту, 110
 За дротикъ, иль за бѣгъ на играхъ. Ты бываль,
 Небось, въ театрѣ? Да. Такъ штуки эти знаешь! 1)
- (110) Какой-то козопасъ, какъ я, н о с и в ш и й ш к у р у²⁾,
 С₂ Нашель Нилея разъ и Пелія. Когда
 Узналъ онъ, что они — не то, что онъ... почище, 115
 Онъ рассказалъ имъ всё, — какъ поднялъ, какъ нашель,
 И сумку отдалъ имъ съ примѣтами. Они же,
- (115) Узнавъ такимъ путемъ про всё, что ихъ касалось,
 Царями сдѣлались, а были... пастухи.
 Но если бъ онъ, какъ Давъ, распродаль всё вещицы, 120
 Чтобъ выручить себѣ, ну, хотъ двѣнадцать драхмъ,
 Въ безвѣстности глухой они бъ остались оба,
- (120) Они-то, славные, да знатные притомъ!
 Ну, значить, мой отецъ, не будетъ вовсе толка,
 Коль я возьму дитя, чтобъ воспитать, а Давъ 125
 Затретъ тѣмъ временемъ пути къ его спасенью!
 Вѣдь съ помощью примѣтъ одинъ сестры не взялъ

1) Изъ словъ Сирика видно, что онъ большой любитель театра, что онъ хорошо знаетъ сценической репертуаръ и при случаѣ не прочь щегольнуть этимъ фактомъ, какъ своего рода показателемъ его образованности и того, что онъ, несмотря на всю свою бѣдность, все таки причастенъ цивилизации. Ср. Philostr. epist. 7 (vol. II, ed. Kayser, p. 227): *ἔτιδε πρόσ τὸ θεάτρον· πενήτων ὁ δῆμος*.

2) Слова „αἰπόλος ἔχων ὄϊαν ἐγὼ νῦν διφθέραν“ сказаны Сирикомъ не спроста. Въ нихъ заключается отвѣтъ на презрительный возгласъ Смиринна въ началѣ сценки (ст. 12):

*δίχα λέγοντες περιπατεῖτε, διφθέρα σ
 ἔχοντες.*

Т. е., Сирикъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что иногда и человѣкъ, одѣтый въ простой кожухъ, оказывается достойнымъ уваженія, коль скоро онъ поступаетъ благородно, на манеръ козопаса, спасшаго Пелія и Нилея, героевъ Софокловской драмы *Τρωίς*.

- (125) Себѣ въ супружницы, другой спасъ мать, а третій,
Тотъ брата вызволилъ ¹⁾. Вѣдь наша жизнь, отецъ,
Куда какъ сбивчива, и мы должны задолго 130
Провидѣть многое, чтобъ горя избѣжать. —
Но Давъ сказалъ : „верни, коль не по нраву“. Этимъ
- (130) Онъ мыслить одолѣть меня въ своихъ дѣлахъ.
Но это — не законъ, чтобъ ты, себѣ присвоивъ,
Имѣнье дѣтское, присвоилъ и дитя, 135
И на свободѣ вновь вредить ему бы началъ,
Растративъ тѣ дары, что спасены судьбой.
- (135) Я все сказалъ. Теперь постанови рѣшенъе.

С м и к р и н ъ.

Да, вѣдь, рѣшить легко. Что при ребенкѣ, — то
Принадлежитъ ему. Таковъ мой судъ.

Д а в ъ.

Чудесно! 140

Ну, а ребенокъ? Онъ — ?

С м и к р и н ъ.

Его я отдаю,

Конечно, не тебѣ: ты — татъ, а вотъ ему,

- (140) Что защищалъ дитя отъ нападеній вора.

С и р и с к ъ.

Да вкусишь счастье ты!

Д а в ъ.

Спаситель мой, Зевесъ!

Что за неправый судъ! Я отыскалъ, — и что-же? 145
Обобранъ до-чиста, а тотъ, кто не искалъ,
Владѣетъ всѣмъ! Отдать?

1) Мы не знаемъ, въ какой трагедіи братъ, благодаря своевременному предъявленію *тῆ υφορίστια*, не женился на своей сестрѣ. Но мы знаемъ, что два другихъ факта, приводимые Сирискомъ, имѣли между прочимъ мѣсто, одинъ въ „Антиопѣ“ Еврипида, гдѣ Зетъ и Амфіонъ избавляли отъ смерти свою мать, Антиопу, а другой — въ „Ифигеніи Таврической“, гдѣ Ифигенія спасала Ореста.

С м и к р и н ъ.

Отдай.

Д а в ъ.

Неправый судъ!

(145) Пусть лопну, если лгу!

С и р и с к ъ.

Давай же, да скорѣе.

Д а в ъ.

Геракль, обиженъ я!

С и р и с к ъ.

Снимай свою суму,

Да покажи ее: ты въ ней вѣдь вещи носишь! 150

(къ Смикрину).

В₁ Минутку подожди, пожалуйста.

Д а в ъ.

Зачѣмъ

Я взялъ его судьей?

С и р и с к ъ.

Давай суму, негодникъ!

Д а в ъ.

(150) Обиженъ, оскорбленъ!

С м и к р и н ъ (къ Сириску).

Все тутъ?

С и р и с к ъ.

Какъ будто, все.

А впрочемъ, можетъ быть, въ неправдѣ уличенный,

Пока я рѣчь держалъ, — онъ кое-что слизнулъ! 155

Д а в ъ.

И не подумалъ бы!

С и р и с к ъ (уходящему Смикрину).

Спасибо дорогой!

Такихъ бы судей намъ!

Д а в ъ .

Ну, нѣтъ. Клянусь Геракломъ,
(155) Обидчикъ, — не судья! Что за неправый судъ!

С и р и с к ъ .

И дрянъ же ты!

Д а в ъ (въ бѣшенствѣ).

Самъ дрянъ! Смотри теперъ ты въ оба,
Чтобъ дѣтское добро мнѣ въ цѣлости хранить! 160
Знай напередъ: стеречь тебя я не устану!

С и р и с к ъ (презрительно).

Проваливай, — влетить! Ну, а теперъ, жена,
(160) Ребенка отнеси ты къ барчуку въ покои.
Сегодня переждемъ мы Хэрестрата здѣсь ¹⁾,
А завтра за дѣла опять съ тобой возьмемся, 165
Свой уплативъ оброкъ ²⁾. — А впрочемъ, нужно намъ
Сперва пересчитать всѣ вещи. Есть корзина?
(165) За пазуху клади, коль нѣтъ ея.

1) При переводѣ ст. 160—161 я слѣдую той интерпункции, которую даютъ Leeuwen, Robert и Koerte, а именно:

*λαβοῦσα πρὸς τὸν τρόφιμον ἐνθάδ' εἴσφερε.
Χαιρέστρατον νῦν γὰρ μενοῦμεν ἐνθάδε.*

Наоборотъ Agniet, за нимъ Sudhaus (о. с., 8), Croiset (о. с., 32) и Карр (о. с., 318) ставятъ точку послѣ *Χαιρέστρατον*, дѣлая изъ этого слова опредѣленіе къ *τρόφιμον*. При этомъ Карр находитъ, что „die herkömmliche Verbindung... ist an sich gezwungen“, а Croiset говорить: „il paraît indispensable que Syriscos nomme ici son maître pour instruire le public, que la désignation vague *τρόφιμος* n'aurait pas suffisamment éclairé“.

2) Изъ этихъ словъ Сирииска видно, что онъ живетъ на сторонѣ, на оброкъ, почти что на положеніи *οἱ χωρὶς οἰκοῦντες*, и, добывая самъ себѣ пропитаніе, обязанъ только время отъ времени уплачивать своему хозяину опредѣленную оброчную сумму. По поводу такихъ оброчныхъ рабовъ ср. Aesch. с. Timarch., 97: *χωρὶς δὲ οἰκέτας δημοτρογῶν τῆς σκντοτομικῆς τέχνης ἐννεα ἢ δέκα, ὧν ἕκαστος τοῦτω δὲ ὀβολοῖς ἀποφορὰν ἔφερε τῆς ἡμέρας*. См. также Schœmann-Lipsius, Griech. Altertümer, I, 367.

Явленіе пятое.

[Изъ дома Хэрстрата выходитъ Онисимъ и медленно направляется въ сторону Сириска и его жены, не замѣчая ихъ сначала. Они же, занятые разглядываніемъ вещей, тоже не видятъ его. Видъ у Онисима озабоченный.]

Онисимъ (про себя).

Не поварь,
А просто размазня! Вчера мы въ это время
За выпивку взялись —

Сирискъ (разбирая вещи и передавая женѣ).

Вотъ это... пѣтушокъ... 170
Какъ будто, да. Возьми. Ишь ты, какой тяжелый¹⁾!
Вещичка съ камешкомъ! А вотъ тебѣ сѣкира!

Онисимъ (замѣтивъ Сириска, про себя).

(170) Что это?

Сирискъ (не замѣчая Онисима).

Перстень... да... желѣзный, съ позолотой²⁾,
На немъ печатка: быкъ, а можетъ и козелъ.
Ну, гдѣ тутъ разобрать? Какимъ-то Клеостратомъ 175
Онъ сдѣланъ, какъ о томъ мнѣ буквы говорятъ.

Онисимъ (подойдя вплотную).

Дай посмотрѣть.

Сирискъ (протягивая перстень).

Смотри. Ты кто?

1) Такъ перевожу я слово *στριφνός*, которое можетъ значить и „крѣпкій“. Ср. Hesych. s. v. *στριφνός* · *σφιγνός*, *πυγνός*, *στερεός*. Всѣ, упоминаемыя здѣсь, вещицы представляютъ собой частью амулеты — такъ, напр., пѣтушокъ, имѣвшій значеніе *ἀποτροπαίου* —, частью и грушки, частью, наконецъ, предметы воспоминанія. Всѣ же вмѣстѣ они и есть тѣ *γυφοίματα*, которыя клались при выкидываемыхъ дѣтяхъ и которыя Лонгъ (Pastor. III, 24, ed. Seiler) характеризуетъ, какъ своего рода *ἐν τᾷ φιλία*.

2) Въ текстѣ *ἐλόχρυσος*. Vollgraff (o. c., 63) приравниваетъ это слово къ греч. *ἐποχρυσωμένον* и къ лат. *subauratus*. По русски *ἐλόχρυσος* можно передать черезъ выраженіе „позолоченный“ или „съ позолотой“. Наоборотъ, *ἐπίχρυσος*, *ἐπίαργυρος* указываютъ, повидимому, на накладное золото и серебро.

Он ис имъ.

Вотъ этотъ самый!

Си рис къ.

(175) Кто этотъ?

Он ис имъ.

Перстень.

Си рис къ.

Чей? Тебя я не пойму.

Он ис имъ.

Харисій, баринъ мой, — хозяинъ перстня.

Си рис къ.

Брешешь!

Он ис имъ.

Онъ обронилъ его —

Си рис къ.

Отдай кольцо, треклятый. 180

Он ис имъ.

Тебѣ дать наше? Нѣтъ, скажи мнѣ, гдѣ нашель?
Гдѣ подняль?

Си рис къ.

Аполлонъ и вы, другіе боги!

(180) Ну, чистая бѣда! Попробуй-ка спастъ
Сиротское добро! Кому не лѣнь, — всякъ тащитъ.
Дай перстень, говорю.

Он ис имъ.

Ты, видно, очумѣль! 185

В₂ Кольцо — Харисія, клянусь я Аполлономъ!

Си рис къ.

Зарѣжусь раньше я, чѣмъ уступлю тебѣ,
(185) Хотъ въ чемънибудь. Бери, но знай, судиться буду
Со всѣми: что въ сумѣ, то — не мое, — дитяти!
(къ женѣ, продолжая разбирать вещи)

Что это за уборъ? Возьми. Лоскутъ пурпурный! ¹⁾ 190
 Теперь ступай домой. (Обращаясь къ Онисиму.)
 Что скажешь?

О н и с и м ъ.

Я скажу:

Кольцо — Харисія! Его онъ обронилъ,
 (190) Когда былъ выпивши.

С и р и с к ъ.

А я — рабъ Хэрестрата.

Коль хочешь, береги ты перстень у себя,
 А то мнѣ передай, я сохраню.

О н и с и м ъ.

Нѣтъ, буду 195

Я самъ его беречь.

С и р и с к ъ

Мнѣ это всё равно.

Вѣдь мы съ тобой идемъ въ одно и то же мѣсто,
 (195) Сюда, не правда ли? (указываетъ на домъ Хэрестрата).

О н и с и м ъ.

У насъ сейчасъ приемъ ²⁾,

1) Bodin-Mazon, Extraits d'Aristophane et de Ménandre, 305, 1 правильно указываютъ на то, что подь „пурпурнымъ лоскутомъ“ надо разумѣть „un lambeau du vêtement que Pamphilé portait à la fête de Taurophilies (ср. ст. 271 слл.) et qui avec l'anneau servira à la reconnaissance“.

2) Въ текстѣ *νῦν . . . συνάγουσι*. Я передаю эти слова черезъ: „у насъ сейчасъ приемъ“, хотя и знаю, что подобный переводъ не исчерпываетъ всего значенія глагола *συνάγουσι*. И дѣйствительно, *συνάγουσι* можетъ значить „собираются на пиръ (и въ частности на пиръ въ складчину)“, т. е., можетъ соотвѣтствовать выраженію, употребленному мной въ моемъ переводѣ: „у насъ сейчасъ приемъ“ = „у насъ сейчасъ собираются (на пиръ) гости“. Этотъ же смыслъ имѣеть глаголь *συνάγειν* и въ Men. fragm. 158 (= Коск, о. с., III, 46):

καὶ νῦν ἐπὲρ τούτων συνάγουσι κατὰ μόνας.

Наконецъ, не иначе хотѣлъ бы я толковать *συνάγω* и у Theophr. Charact. 30, 18: *ἀμέλει δὲ καὶ συναγόντων παρ' αὐτῶν, ἐπιθεῖναι τῶν παρ' ἑαυτοῦ δεδομένων ξύλων καὶ φακῶν καὶ ὄζων καὶ ἄλων καὶ ἐλαίου τοῦ εἰς τὸν λύχνον*. Но, помню значенія „собраться“, *συνάγω*, въ приложеніи къ пиру, можетъ имѣть и другой смыслъ, а именно: „пировать въ складчину“. Ср. Athen. VIII, 365 с: *ἔλεγον δὲ συνάγειν καὶ τὸ μετ' ἀλλήλων πίπειν*. Далѣе, если во всѣхъ этихъ случаяхъ при *συνάγω* можно и не до-

Такъ, значить, барину докладывать не время.
Я завтра доложу. (Уходить).

Сирискъ.

До завтра подождемъ! 200

Ну, а насчетъ судьи, — бери, кого захочешь,
Не буду спорить я! (Въ сторону):

Опять мнѣ повезло!

(200) А право, не пора ль, оставивъ всё, заняться
Судебнымъ ремесломъ? Имъ нынѣ всё спасешь!

[Уходить, какъ и Онисимъ, въ домъ Хэрестрата, а тѣмъ временемъ на сценѣ появляется хоръ, который занимаетъ мѣсто въ оркестрѣ и приступаетъ къ пѣнію, сопровождая его пляской].

Музыкальная интермедія.

Дѣйствіе второе.

Явленіе первое.

[Изъ дома Хэрестрата выходитъ Онисимъ. Въ рукахъ у него тотъ перестень, который онъ взялъ у Сирика. Видъ у него задумчивый и мрачный].

бавлять слова *συμπόσιον*, то это слово является не лишнимъ, когда глаголь получаетъ значеніе „устраивать пиръ въ складчину“. Ср. Diphil. fr. 43, 28: ἀπὸ συμπόλων συνάγοντα (i. e. τὸ συμπόσιον), а также Poll. VI, 8: συναγαγεῖν συμπόσιον, συστήσαι, πληροῦσαι, συζροτῆσαι συναθροῦσαι, συγκαλέσαι. Наконецъ, *συνάγειν* можетъ значить: „собирать, созывать на пиръ“. Ср. Theophr. charact. 27, 11: καὶ ἐν δεκαδισταῖς συνάγει τοὺς μεθ' αὐτοῦ συναΐξοντασ, а также Men. fr. 450 (= Коск, III, 129):

ἀστεῖον τὸ μὴ
συνάγειν γυναῖκας μὴδὲ δειπνίζειν ὄχλον.

Изъ всѣхъ этихъ значеній наиболѣе подходящимъ къ нашему мѣсту я считаю одно, а именно: „собираться на пиръ“ (ср. А. Koerte, *Χορον* = Hermes 43 (1908), 303), и никоимъ образомъ не могу согласиться съ Croiset (o. c., 39) и съ Bodin-Mazon (o. c., 305, 5), которые переводятъ *συνάγουσι* черезъ „они пируютъ, они сидятъ за столомъ“. Ср. также Bethe, *Der Chor bei Menander* (= Ver. über die Verh. der sächs. Ges. der Wiss. zu Leipzig, phil.-hist. Cl., 60 (1908), 212), который тоже понимаетъ *συνάγουσι* въ смыслѣ: „jetzt sind sie bei Tisch“. По поводу того, имѣетъ или не имѣетъ слово *συνάγουσι* отношеніе къ появленію хора, будетъ сказано ниже (II, 11).

Онисимъ.

- Я барину разъ пять, а то и больше, перстень 205
 Всѣ показать хотѣлъ. Нѣтъ, нѣтъ да подойдешь
 Близехонько, — стоишь совсѣмъ къ нему вплотную,
 (205) Да и опять назадъ. Эхъ, старый мой доносъ!
 И каюсь же я въ немъ! Твердитъ мой баринъ часто:
 „Зевсъ разрази того, кто эту язву вскрылъ 210
 На горе мнѣ“. — Боюсь, что, примирясь съ женою,
 Меня, наушника, онъ въ порошокъ сотретъ
 (210) За то, что знаю всё! Поостеречься надо
 И къ старой кутерьмѣ не подбавлять другой!
 Намъ хватить стараго: и въ немъ бѣды не мало! 215

Явленіе второе.

[Изъ дома Хэрестрата выбѣгаетъ вся въ слезахъ флейтистка Габротононъ, отбиваясь отъ гостей Харисія, которые хотятъ ее удержатъ].

Габротононъ.

- Не трогайте меня . . . прошу . . . не приставайте. —
 Ослѣпла, видно, я и вотъ сама себя
 (215) Поставила теперь въ смѣшное положенье!
 В₃ Я мнила, любить онъ, а вышло, что ко мнѣ
 Въ немъ ненависть кипить, — совсѣмъ не человѣчья¹⁾. 220
 Не позволяетъ мнѣ съ нимъ рядомъ возлежать,
 Велитъ поодаль быть!

Онисимъ (про себя, не видя Габротононъ).

А не вернуть ли перстень
 Опять тому рабу? Нѣтъ смысла!

Габротононъ.

Дурачокъ!

- (220) Къ чему онъ тратитъ зря такую уйму денегъ?
 Благодаря ему вѣдь я теперь могла бъ, 225
 Какъ дѣвушка, идти съ кошницею священной:²⁾

1) Ср. Ter. Nec. 179: miris modis odisse coepit Sostratam.

2) Ср. Aristoph. Lys., 646:

*κατανυφόρον ποτ' οὔσα παῖς καλλί' ἄριστ'
 ἰσχυίδων ὀρμαθόν,*

Я третій день уже чиста отъ „брачныхъ узъ“,
Какъ люди говорятъ —

Он ис имъ (про себя).

Скажите, ради бога,

(225) Скажите, какъ бы мнѣ . . .

Явленіе третье.

[На сцену поспѣшно вбѣгаетъ Сирискъ. Онъ, повидимому, кого-то ищетъ и находится въ сильномъ волненіи].

Сирискъ.

Ищу его, ищу . . .

Повсюду . . . зря. (Замѣтивъ Онисима):

Вотъ онъ! Отдай-ка мнѣ, любезный, 230

Кольцо, иль покажи, кому ты тамъ хотѣлъ.

Намъ нуженъ бы судья. Пора мнѣ въ путь-дорогу!

Он ис имъ (въ замѣшательствѣ).

Дѣлцо то — чистый грѣхъ . . . Навѣрняка я знаю:

(230) Харисій, баринъ мой, — хозяинъ перстня. Но . . .

Боюсь я показать. Коль я отдамъ, то сразу 235

Харисій нашъ отцомъ тому ребенку станеть,

Съ кѣмъ перстень былъ найденъ.

Сирискъ (съ недоумѣніемъ).

Ишь ты, куда загнулъ!

Он ис имъ.

На Таврополіяхъ, при бдѣніи ночью,

(235) Гдѣ были женщины, онъ обронилъ свой перстень.

Ты пораскинъ умомъ, и выйдетъ: онъ дѣвицу 240

Тамъ изнасиловалъ, она же родила

И кинула дитя. — Найти-бъ ея сначала,

Да ей бы перстень дать, все вышло бы на свѣтъ!

(240) Пока же — тутъ одна лишь смута, да волненье!

а также Schol. ad v. 646: *ταῖς πομπαῖς ἐκνηφόρον αἱ παρθένοι· ἐφόρον δὲ καὶ λοπάδας τινὰς ὀλοχρῦσσον.* [Ср. еще Luc. Mer. dial. 7,4: *οὐκοῦν ἀνέραστος σὺ μενεῖς διὰ τοῦτο καὶ σωφρονήσεις καθάπερ οὐχ ἑταῖρα, τῆς δὲ Θεσμοφόρον ἱερείᾳ τισ οὔσα.*

Сирискъ.

Самъ обсуди! Но знай: коль хочешь запугать¹⁾, 245
 Въ надеждѣ получить за перстень отступного, —
 Ты плохо разсчиталъ! Дѣлиться я ни съ кѣмъ
 И не подумаю!

Онисимъ.

Мнѣ не нужна дѣлежка!

Сирискъ.

(245) Вотъ какъ! — Я здѣсь на часъ: я въ городъ ухожу,
 А тамъ, когда вернусь, подумаю, что дѣлать! 250
 (Уходить).

Явленіе четвертое.

[На сценѣ — Онисимъ и Габротононъ. Онисимъ стоитъ молча, Габротононъ же, которая раньше внимательно прислушивалась къ разговору Онисима съ Сирискомъ, смотритъ теперь на окно въ домъ Хэрестрата, въ которомъ видна жена Сириска, кормящая ребенка].

Габротононъ.

Нашъ угольщикъ нашелъ то самое дитя,
 Которое теперь его жена пѣствуетъ?

Онисимъ.

Да, по его словамъ . . .

Габротононъ (съ нѣжностью).

Какой прелестный крошка!

Онисимъ.

(250) И перстень барина: онъ при ребенкѣ былъ!

1) Въ текстѣ *εἰ δ' ἀνασείεις*, выраженіе, которое я передаю словами: „коль хочешь запугать“, ибо *ἀνασείω* вполне соотвѣтствуетъ нашему: „наводить страхъ, запугивать“. Ср. Dem. Contra Aristog., 47: *τὴν κατὰ Δημοκλέουσι εἰσαγγελίαν ἀνασείσασ ποτ' ἔτροψεν*; Т. е., Сирискъ хочетъ сказать: „если ты думаешь застрашать меня именемъ Харисія и воображаешь, что я, напуганный возможностью разнаго рода осложнений, соглашусь откупиться отъ тебя, лишь бы получить обратно перстень, то ты горько ошибаешься: я на это не пойду“.

Габротононъ.

В₄ И ты, чудовище, — коль это — твой барченокъ, 255
Допустишь, чтобъ его растили, какъ раба?
Повѣсить бы тебя!

Онисимъ.

Да мы пока не знаемъ,
Кто мать?

Габротононъ.

А перстень свой Харисій потерялъ
(255) На Таврополіяхъ?

Онисимъ.

Онъ пьянъ былъ, по рассказамъ
Съ нимъ бывшего раба.

Габротононъ.

Онъ на ночное бдѣнье, 260
Гдѣ были женщины, должно быть, ворвался; —
Однажды и при мнѣ была такая штука . . .

Онисимъ (пораженный).

Какъ это при тебѣ?

Габротононъ.

А въ прошломъ-то году,
(260) На Таврополіяхъ! Играла я на арфѣ
Тогда для дѣвушекъ, рѣзвилась, какъ онъ: 265
Вѣдь я мушинъ тогда еще совѣмъ не знала! —¹⁾
(Онисимъ дѣлаетъ жестъ недовѣрія).

Клянусь Кипридою!

1) Въ текстѣ стоитъ: οὐδ' ἐγὼ τότε | οἶπα γὰρ ἄνδρ' ἤδειν τί ἐστι,
καὶ μάλα. Насколько можно судить по рукописи, слова: καὶ μάλα должны
быть относимы къ Габротононъ. По крайней мѣрѣ, они отдѣлены отъ пред-
шествующей имъ фразы не двумя точками, а одной, указывающей лишь на
паузу, но не на смѣну лицъ. Ввиду этого Коerte совершенно напрасно
влагаетъ эти слова въ уста Онисима: къ Онисиму они совѣмъ не подхо-
дятъ. Зато въ устахъ Габротононъ они вполне кстати, ибо они являются
какъ бы отвѣтомъ гетеры на жестъ недовѣрія, который дѣлаетъ Онисимъ.

Онисимъ.

А знаешь, кто была
Та дѣвушка?

Габротононъ.

Спрошу! Она была подругой
(265) Тѣмъ, кто привезъ меня.

Онисимъ.

Слыхала, кто отецъ?

Габротононъ.

Не слышала. Зато её бы я признала, — 270
Вотъ только бѣ увидать! Красавица она,
Да и богатая!

Онисимъ.

Такъ не она ли это?

Габротононъ.

Не знаю. — Ну, такъ вотъ, на время насъ оставивъ,
(270) Ушла она, и вдругъ бѣжитъ одна въ слезахъ,
Терзая волосы. Мы смотримъ: платье въ клочьяхъ, 275
Изорвано совсѣмъ, а было хотъ куда, —
Такое нѣжное: вѣдь прямо изъ Тарента!

Онисимъ.

А перстень былъ у ней?

Габротононъ.

Возможно, но она —
(275) Не буду лгать — его не показала.

Онисимъ.

Что-же

Мнѣ дѣлать-то теперь?

Габротононъ.

Самъ думай! Но коль ты 280
Не глупъ и вѣришь мнѣ, то перстень господину
Ты покажи. Къ чему, коль крошка отъ свободной,
Мы будемъ истину отъ барина таить?

Онисимъ.

- (280) Сперва, Габротононъ, поищемъ мать малютки,
И въ этомъ ты должна мнѣ помощь оказать! 285

Габротононъ.

- Ну, это — не легко, пока не знаю точно,
Кто былъ насильникомъ. Я, видишь ли, боюсь
Такъ, не подумавши, раскрыть глаза знакомымъ.
(285) Кто знаетъ, можетъ быть, онъ перстень заложилъ
С₃ Пріятелю, а тотъ его посѣялъ. Или,
Быть можетъ, при игрѣ, при складчинѣ въ залогъ 290
Онъ далъ свое кольцо, иль объ него побился,
Да проигралъ пари и отдалъ перстень. Часто
(290) Такіе случаи бываютъ на пирахъ!
Пока обидчика не знаю я, не стану
Искать я дѣвушки, и раскрывать глаза, 295
На что бы ни было.

Онисимъ.

Ты складно говоришь!

Но что же дѣлать мнѣ?

Габротононъ.

Подумай-ка, Онисимъ,

- (295) Не по душѣ ль тебѣ, что мнѣ взбрело на умъ. —
Я на себя возьму всё дѣло . . . Этотъ перстень
Ты мнѣ отдашь, и я, держа его въ рукахъ, 300
Съ нимъ къ барину пойду —

Онисимъ.

Ты продолжай! Я началъ

Какъ будто понимать.

Габротононъ.

Онъ видитъ: я — съ кольцомъ.

- (300) „Гдѣ ты взяла кольцо?“ — „Взяла еще дѣвицей
На Таврополіяхъ“. Я выдамъ за свое,
Что было съ той: онѣ почти-что мнѣ извѣстно! 305

Онисимъ.

Извѣстно лучше всѣхъ!

Г а б р о т о н о н ъ .

Ну, если тотъ грѣшокъ
Имъ вправду совершенъ, онъ самъ пойдетъ на встрѣчу
(305) Уликамъ всяческимъ, и такъ какъ выпилъ онъ,
То первымъ скажетъ всё, — съ наскока. Я же буду
Поддакивать ему, но первой не начну, 310
Чтобъ не провратся вдругъ.

О н и с и м ъ .

Чудесно, вотъ-те Гелій!

Г а б р о т о н о н ъ .

Для осторожности, жеманясь, я начну
(310) Обычное болтать: „ты былъ такимъ безстыднымъ,
Такимъ неистовымъ“.

О н и с и м ъ .

Чудесно!

Г а б р о т о н о н ъ .

„Ты меня
Вразъ повалилъ! Мое совсѣмъ пропало платье! 315
О я несчастная!“ — Да, передъ этимъ я
Ребеночка возьму, начну ласкать и плакать,
(315) А женщинѣ скажу: „Гдѣ тышла?“

О н и с и м ъ .

Геракль!

Г а б р о т о н о н ъ .

А подъ конецъ всего я крикну: „вотъ — твой мальчикъ!“
И тутъ найденыша я протяну ему. 320

О н и с и м ъ .

Ай, да Габротононъ, какъ это зло и ловко!

Г а б р о т о н о н ъ .

Когда же выйдетъ все наружу, и отцомъ
(320) Себя признаетъ онъ, мы на досугѣ съедемъ
Ту дѣвушку.

Онисимъ (съ ироніей).

С₁ Но ты забыла объ одномъ:
Свободной станешь ты! Какъ матери ребенка,
Онъ вольную тебѣ безъ замедленья дастъ! 325

Габротононъ.

Не знаю, но хочу!

Онисимъ.

Такъ ты о томъ не знаешь? —

(325) А благодарность мнѣ, — ты какъ на этотъ счетъ?

Габротононъ.

Клянусь богинями¹⁾! Тебя считать я буду
Виновникомъ всего²⁾!

Онисимъ (недовѣрчиво).

А если ты нарочно 330

Дѣвицу не найдешь и, обманувъ меня,
Оставишь на бобахъ, — какъ быть тогда?

Габротононъ.

Несчастный!

(330) Какой мнѣ въ этомъ толкъ? Иль я дѣтей хочу?
О боги, я хочу одной свободы, только, —
Какъ платы за труды!

Онисимъ (убѣжденно).

Свобода при тебѣ! 335

Габротононъ (радостно).

Такъ, значитъ, ты со мной?

1) Т. е., Деметрой и Корой.

2) Въ текстѣ *πάντων ἑμάντη σ' αἴτιον | ἠγήσομαι τούτων*. Въмѣсто *πάντων* Vollgraf предлагаетъ читать *πάντως* (о. с., 65). Но на мой взглядъ эта поправка, которую принимаетъ и Koerte² (о. с., 23), не нужна. Габротононъ хочетъ сказать: „за все это, т. е., за всѣ благія послѣдствія, которыя будетъ имѣть мой шагъ, я буду благодарна тебѣ, ибо ты своимъ согласіемъ оказалъ мнѣ значительную помощь“. Так. обр., *πάντων* — вполнѣ на мѣстѣ.

Онисимъ.

Отъ всей души! Но если
Ты въ сторону вильнешь, тогда съ тобой сражусь.
(335) На это хватить силъ! Пока же мы посмотримъ,
Чтò выйдеть у тебя!

Габротононъ (радостно).

Такъ, значить, по рукамъ?

Онисимъ.

Да по рукамъ.

Габротононъ.

Тогда отдай мнѣ этотъ перстень. 340

Онисимъ.

Бери.

Габротононъ.

Теперь, Пиѳъ, лети на помощь мнѣ¹⁾
И рѣчь мою направь, какъ я того желаю. (Уходить).

Явленіе пятое.

[На сценѣ находится одинъ Онисимъ, погруженный въ свои мысли, которыя не отличаются, повидимому, веселымъ характеромъ. По крайней мѣрѣ, Онисимъ выглядитъ мрачнымъ и озабоченнымъ].

Онисимъ.

(340) Хитра на выдумки!²⁾ Почуявъ, что нельзя
Любовью выманить себѣ свободы право,
Что дѣло сорвалось, — она на новый путь 345
Вступила и пошла. (Съ горечью):

А я всю жизнь пробуду

1) Croiset (о. с., 56) правильно отмѣчаетъ, что воззваніе къ *Πειθώ* объясняется со стороны Габротононъ тѣмъ, что „la déesse Peitho faisait partie du cortège d'Aphrodité“, но въ такомъ случаѣ „с'est donc une déesse amie pour Nabrotonon“, которая, какъ куртизанка, въ особенности должна была почитать *'Αφροδίτη πάνδημος*.

2) Ср. Eurip., J. T., 1032:

δεινὰ γὰρ αἰ γυναῖκες ἐδρίσκων τεχνάς.

Изъ за чего у насъ < сыръ-боръ весь загорѣлся > ? 365
Убраться бы скорѣй, чтобъ не мозолить глазъ¹⁾!

(Уходить).

3.

Монологомъ²⁾ Онисима заканчивается первая, наиболѣе хорошо сохранившаяся часть „Третьейскаго суда“, которая, благодаря отличному состоянію текста и полному отсутствію лакунъ, не заключаетъ въ себѣ никакихъ затрудненій для пониманія какъ хода самого дѣйствія, такъ и характеровъ выступающихъ въ пьесѣ персонажей. Зато послѣ монолога Онисима мы оказываемся предъ наличностью однихъ только обрывковъ, всё время прерываемыхъ лакунами, и притомъ такихъ обрывковъ, въ которыхъ цѣлые стихи попадаютъ лишь ввидѣ исключенія. По болѣшей же части намъ приходится имѣть дѣло либо съ начальными, либо съ конечными словами стиховъ, а иногда и просто съ отдѣльными буквами, — обстоятельство, которое приводитъ насъ къ необходимости судить о многомъ лишь относительно, безъ всякой увѣренности въ томъ, что наши выводы и предположенія дѣйствительно вѣрны и правильны. И тѣмъ не менѣе, мы не можемъ отказаться отъ необходимости реконструировать эту сильно пострадавшую часть нашей комедіи, — не можемъ отказаться потому, что въ противномъ случаѣ многое изъ дальнѣйшаго будетъ для насъ безусловно непонятнымъ и неяснымъ.

Часть пьесы, о которой мы говоримъ, представляетъ собой комплексъ или, вѣрнѣе, остатки 132 стиховъ, изъ которыхъ 17 (= ст. 366—383) приходятся на монологъ Смикрина, непосредственно слѣдовавшій за монологомъ Онисима³⁾.

1) За ст. 365 шелъ въ рукописи еще одинъ стихъ, который тоже принадлежалъ къ монологу Онисима и который теперь имѣетъ такую форму:

προ [. α]ί με δεῖ.

Wilamowitz хочетъ возстановлять его слѣдующимъ образомъ:

πρότερον γὰρ Ἀρρότονον τί δεῖ γινῶναι με δεῖ.

2) Послѣ монолога Онисима Zuretti, Menandro. Scene e frammenti, 96, готовъ былъ бы помѣстить Порфирьевскіе отрывки II a—II b. См. однако стр. 119 слл.

3) Эти стихи стоятъ на лицевой сторонѣ обрывка M, представляющаго собой непосредственное продолженіе лицевой стороны обрывковъ NT, на

О приближеніи Смикрина оповѣщаль зрителей уже Онисимъ передъ своимъ уходомъ со сцены, причемъ онъ указываль даже на то, что Смикринъ находится въ раздраженномъ состояніи (ст. 360 сл.):

Смикринъ къ намъ жалуеть, изъ города вернулся,
Разсерженъ чѣмъ-то онъ.

Такимъ образомъ, зрители еще до прихода Смикрина узнавали о его приподнятомъ настроеніи, которое, конечно, должно было выразиться и въ тѣхъ словахъ, съ которыми онъ выступаль на сцену. Недаромъ, Онисимъ считаетъ для себя за лучшее не попадаться на глаза раздраженному старику, который, согласно его предположенію, успѣль навести кое-какія справки насчетъ поведенія своего зятя, тѣмъ болѣе, что для этой именно цѣли онъ и отправился въ городъ въ началѣ перваго акта.

Но къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать съ точностью, чего касался Смикринъ въ своемъ монологѣ, ибо отъ этого монолога сохранились только начальныя слова, да и то не всегда полныя. Можно, впрочемъ, предполагать, что Смикринъ начиналь свою рѣчь съ жалобъ на Харисіа, — на то, что онъ обманулся¹⁾ въ своемъ зятѣ: онъ считаль его за чловѣка серьезнаго²⁾, а между тѣмъ этотъ зять оказался чловѣкомъ распущеннымъ и „транжирой“ (ст. 367: ἄσωτ[οσ]). Возможно даже, что Смикринъ отзывался о Харисіи приблизительно такъ, какъ отзывается, неизвѣстно о комъ, какое-то лицо въ Menandr. fr. 615 (= Kock, o. s., III, 185):

ἐγὼ δ' ἀνόητος, εὐτελεῖς ὑπερβολῆ,
ὁ δ' ἄσωτος, πολυτελεῖς, θρασὺς σφόδρα.

которой находятя конечныя стихи монолога Онисима, начиная отъ словъ (ст. 358)

περιεργασμένον ἢ λαλήσαντ' ἐκτεμεῖν

и кончая словами (ст. 365):

προφ α/ι με δεῖ.

См. Lefebvre²⁾, o. s., 14 (табл. XXXVII).

1) Ср. ст. 366: ἐξή./ /, въ началѣ котораго Sarrs (o. s., 90) хочеть видѣть глагольную форму ἐξηπατήθη.

2) Въ качествѣ чловѣка серьезнаго, да притомъ занимающагося философскими вопросами, выступает Харисій и въ своемъ монологѣ (ст. 487 сл.): по крайней мѣрѣ, такимъ Харисій казался даже самому себѣ до обнаруженія факта насилія, произведеннаго имъ на Таврополіяхъ.

Что же касается до *ἀσωτία* Харисія, то она въ первую голову выражается въ томъ, что Харисій пьянствуетъ (ст. 372: *πίνειν*), — фактъ, который Смикрину доподлинно извѣстенъ (ст. 371: *σαφῶς*). Мало того, Харисій является супругомъ Памфила, дочери Смикрина, только „по имени“ (ст. 373: *τοῦνομα*), ибо онъ живетъ вдали отъ нея вотъ уже нѣсколько дней (ст. 375: *πλέον ἡμε[ρῶν?]*). Ср. слова Габротононъ (ст. 223): *ἀγνή γάμων γὰρ, φασίν, ἡμέραν τρίτην*, откуда явствуетъ, что разрывъ Харисія съ Памфилой произошелъ дня за четыре до начала дѣйствія пьесы). Всѣ эти факты удручаютъ Смикрина. На минуту приходитъ ему въ голову мысль о необходимости примирить мужа съ женой (ст. 376: *αὐτὸν διαλλάξαι?*), но онъ сейчасъ же оставляетъ еѣ: она кажется ему несвоевременной (ср. ст. 377: *οἴμοι, τάλας*), тѣмъ болѣе, что все поведеніе Харисія, насчетъ котораго Смикринъ наводилъ справки (ст. 381: *πυνθανόμενος*), исключаетъ, повидимому, возможность какихъ бы то ни было примирительныхъ шаговъ.

Такъ можно было бы понимать тѣ жалкіе обрывки, которые сохранились отъ монолога Смикрина, — отъ монолога, который не ограничивался первыми 17 стихами, но шелъ на протяжении еще приблизительно 10 стиховъ, какъ предполагаетъ это Koerte¹⁾. Въ настоящее же время на мѣстѣ этихъ стиховъ тянется лакуна, послѣ которой начинается новое явленіе и выводится новый персонажъ²⁾. Этимъ же новымъ персонажемъ будетъ, согласно остроумному предположенію Sudhaus'a³⁾, никто иной, какъ тотъ самый поварь, съ которымъ мы встрѣчались уже въ началѣ пьесы и который выходилъ теперь изъ дома Хэрестрата на улицу, вѣроятно, въ

1) Предположеніе Koerte основано на слѣдующемъ: обрывки NTM, составлявшіе нѣкогда одну страницу, заключаютъ въ себѣ въ общемъ 25 стиховъ (ст. 358—383). Между тѣмъ количество строкъ на каждой страницѣ папируса колеблется между 35—38. Отсюда ясно, что maximum пропавшихъ стиховъ будетъ 10.

2) Первые 25 стиховъ этого новаго явленія (ст. 384—408) приходятся на обратную сторону обрывковъ NTM. См. Lefebvre², о. с., 15 (табл. XXXVII).

3) См. Jensen, De Menandri codice Cairensi (= Rheinisches Museum, 56 (1910), 549, 1): Sudhausius haec fere mecum communicavit: E domo exit coquus interrogans servos: *οὐδέϊσ υ—ῶ ἔτερος ἔμιν*, nempe desiderat suppellectilem ampliozem.

надеждѣ найти здѣсь нужнаго ему Онисима¹⁾. Предполагая, что Онисимъ стоитъ на улицѣ, поваръ сразу обращается къ нему съ вопросомъ (ст. 384): *οὐδεὶς ἐ[χ]ί[ν]ο[σ] ἔτερος ὑμῖν*, т. е.: „а нѣтъ ли у васъ другой большой миски?“ Но на эти слова онъ не получаетъ никакого отвѣта, если не считать сдѣланнаго à part возгласа Смикрина (ст. 384—385): *ποικίλον | ἄριστον ἀριστώσιν*, т. е.: „а завтракъ у нихъ, видно, на славу“. Тогда, не замѣчая еще стоящаго въ сторонѣ Смикрина, — подробность, то и дѣло имѣющая мѣсто въ „новой“ комедіи — и не видя вмѣстѣ съ тѣмъ Онисима, поваръ слѣдующимъ образомъ начинаетъ жаловаться на свою судьбу (ст. 385 сл.):

ὦ τρισάθλιος

386 *ἐγὼ κατὰ πολλ[ά] · νῦν μὲν οὖν οὐκ οἶδ' ὅπως*

δ[ι]αφκεδᾶ ν . . .]οκ . οσ, ἀλλ' ἐὰν πάλιν

π[ε]ριδεξιὸν χρεία μαγείρου [τι]σ τύχη²⁾

390 *[ὕμ]ιν [ποτ', ὦ μακάριε, [β]αλεῖτ' εἰς μακαρίαν³⁾.*

Т. е.: „о я, несчастный, трижды несчастный по многимъ причинамъ! Въ данный моментъ не знаю, ужъ какъ <...>, но если еще когданибудь понадобятся вамъ мои услуги, услуги свѣдущаго повара, то я, любезный, (просто скажу): убирайтесь по добру, по здорову“.

Но этимъ жалобамъ и угрозамъ повара, говоримымъ безъ отношенія къ стоящему въ сторонѣ Смикрину и направленнымъ по адресу отсутствующаго Онисима, клало конецъ выступленіе Смикрина, который завязывалъ разговоръ съ поваромъ или сразу послѣ стиха 390, или же, что, пожалуй, вѣроятнѣе, нѣсколько ниже. Во всякомъ случаѣ, сказать съ точностью, какое изъ этихъ двухъ предположеній правильнѣе, нельзя, ибо въ рукописи, сохранившей только самые концы стиховъ, нѣтъ на это никакихъ указаній. Какъ бы то ни было, изъ остатковъ стиховъ видно, что въ нихъ говорилось, между прочимъ, объ арфисткѣ (ст. 396: *φαλ[τ]ρίασ*), о какихъ-то деньгахъ, вѣроятно, о приданомъ

1) Точно также мотивируется выходъ повара и въ *Σαμία* Менандра, гдѣ поваръ появляется на сценѣ въ поискахъ за нужнымъ ему ради кулинарныхъ цѣлей рабомъ Парменономъ (ст. 142 слл.)

2) *περιδεξιὸν χρεία* Croiset.

3) *ὑμῖν* Croiset; *ποτ' ὦ μακάριε* Cereteli.

Памфилы, истрачиваемыхъ на разныя непотребныя вещи (ст. 401: *τὰ χοήματα*; ст. 398: *μῆλαρά γε*) и что, наконецъ, упоминалась и сама Памфила, если только къ ней относились слова *δέσποινα οἰκίας* (ст. 404). Наконецъ, въ ст. 405 мы находимъ собственное имя *Σμικρίας*, которымъ, какъ думаетъ Koerte, назывался поваръ, причѣмъ это-же имя скрывается, повидимому, и въ буквѣ *Σ[.]*, стоящей на поляхъ съ лѣвой стороны стиха 420₅¹⁾, отмѣченнаго къ тому же параграфомъ. Но если это такъ, то можно думать, что въ стихѣ 405 поваръ называлъ себя Смикрину²⁾ и что именно съ этого стиха и начинался настоящій діалогъ между обоими персонажами, тогда какъ до ст. 405 говорилъ одинъ Смикринъ, къ словамъ котораго поваръ дѣлалъ только реплики. Впрочемъ, говоря такъ, я говорю лишь предположительно, безъ всякой увѣренности въ правильности своихъ словъ: мнѣ кажется только, что это возможно и что заключительные стихи 405—408 могли бы быть вкладываемы въ уста повара, а не Смикрина.

Но если по поводу распредѣленія стиховъ 384—408, занимающихъ *verses* обрывковъ NTM, мы принуждены говорить съ большой неопредѣленностью, то въ нѣсколько лучшемъ положеніи находимся мы по отношенію къ стихамъ 408₁ сл., которые занимаютъ *verses* обрывковъ YR³⁾ и которые, послѣ лакуны въ 10 стиховъ⁴⁾, идутъ вслѣдъ за стихами 384—408, какъ ихъ продолженіе. И дѣйствительно, въ этихъ стихахъ мы имѣемъ несомнѣнную діалогическую сценку, участниками которой являются тѣ-же персонажи, что и выше, т. е., Смикринъ и поваръ. При этомъ изъ словъ повара — ими начинается обрывокъ YR — видно, что, во-первыхъ, поваръ принимаетъ Смикрина за одного изъ гостей Харисія (ст. 408₁: *ὄμῶν ἐταῖρος οὗτος*) и что, во-вторыхъ, его слова ни въ коемъ случаѣ не являются словами, которыми откры-

1) Слово *Σμικρίας*, какъ имя повара, скрывается, повидимому, — такъ думалъ Dindorf — и въ испорченномъ *σημίας* Men. fr. 518,5 (= Kock, o. c. III, 148): *τί σοι διαφέρει τοῦτο; παρ' ἑσέσ' σημίας*.

Ср. Meineke, *Fragm. com. att.*, IV, 223, который хочетъ читать весь стихъ такъ: *τί σοι διαφέρει τοῦτο; πέρουε Σμικρία*.

2) Точно также называетъ себя и Парменонъ въ *Σμικρία* Менандра (ст. 302).

3) См. Lefebvre², o. c., V sqq., а также 16—17 (табл. С и В).

4) Ср. стр. 160, прим. 1.

валась его бесѣда съ Смикриномъ. Наоборотъ, эти слова ясно показываютъ намъ, что бесѣда начиналась гораздо раньше (съ ст. 405, какъ предположили мы это выше) и что главнымъ предметомъ ея былъ какъ разъ Харисій. По крайней мѣрѣ, поваръ упоминаетъ о немъ, какъ о лицѣ, про которое уже шла рѣчь: такъ, не называя его по имени, онъ обозначаетъ его просто на просто словомъ *οὗτος* (ст. 408₁). Что же касается до болѣе детального содержанія бесѣды, то изъ сохранившихся стиховъ видно, что поваръ, уже раньше говорившій о Харисіи, переходитъ теперь къ наиболѣе существенной подробности изъ жизни послѣдняго, а именно, къ исторіи съ кольцомъ и съ найденышемъ. „Мнѣ сдается“ — говоритъ поваръ — „что этому пріятелю вашему не везетъ“ (ст. 408₁: *ὑμῶν ἐταῖρος οὗτος ἀ[τυχ]ῆσ φαίνεται*). Не везетъ же ему потому, что у него оказался „ребенокъ, прижитый отъ уличной швали“ (ст. 408₂: *παῖδαρι[ον] ἐκ πόρνης*), — ребенокъ, котораго онъ „взялъ“ къ себѣ (ст. 409: *ἔληφεν*), такъ какъ, благодаря „приходу“ кого-то (ст. 408₃: *προσῶν*) и предъявленію кольца (?), ему пришлось признать ребенка, за своего собственнаго¹⁾. Какъ реагировалъ Смикринъ на эти слова повара, мы не знаемъ, ибо отъ его реплики, идущей вслѣдъ за словами повара, почти ничего не сохранилось, если не считать выраженій *μᾶλα* (ст. 411), *βίου* (ст. 413) и относящагося къ Харисію возгласа *τοῦ δυστυχῆσ* (ст. 414). Но можно думать, что эта реплика носила достаточно энергичный характеръ, вполнѣ соотвѣтствовавшій и характеру самого Смикрина и тому раздраженному состоянію, въ которомъ онъ находился. По крайней мѣрѣ, его дальнѣйшія слова (ст. 416—420₁) вполнѣ оправдываютъ это предположеніе. И дѣйствительно, сдѣлавъ сперва какой-то рѣзкій выпадъ противъ Харисія, Смикринъ начинаетъ затѣмъ разсуждать о необходимости принятія серьезныхъ мѣръ противъ

1) Изъ этихъ словъ повара ясно, что Габротононъ уже успѣла привести въ исполненіе свой планъ и что этотъ планъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, причемъ вѣсть о найденышѣ, разнесшаяся по всему дому, дошла и до ушей повара. — Koerte² (о. с., 28) готовъ *exempli gratia* дополнить ст. 408₂ слл. такъ:

*παῖδαριον ἐκ πόρνης γεγονὸς αὐτῷ ποτε,
προσῶν ἀπέδειξε δακτύλιόν τι, τοῦτο δὲ
ἔληφεν εἰς τὴν οἰκίαν.*

своего зятя, — мѣръ, которыя онъ формулируетъ такъ (ст. 416 сл.):

ἀλλ' ἴσως ἐγώ
πολυπραγμ[ονῶ πλείω] τε πράττω τῶν ἐμῶν;
κατὰ λόγον · ἐξὸν [μ' ἀπαγαγεῖν] τὴν θυγατέρα ¹⁾
λαβόντα, τοῦτο μ[ὲν ἀνα]σεῖσω καὶ σχεδὸν ²⁾
420 *δεδογμένον μ[οι καταμ]εῖνει · μαρτύρομαι ³⁾*
420₁ *ὑμᾶς δ' ὁμο[ίως] ?]*
μεθ' ὧν ἐ[κείνο]ς]
θυγατέρα[.]
δειξ. ' ν[.]

Т. е.: „скажутъ, пожалуй, что я сую свой носъ повсюду, что я превышаю свои права? Какъ бы не такъ! — коль скоро я имѣю право взять свою дочь и увести ее къ себѣ, я этимъ и припугну, и это рѣшеніе почти что принято мной. Васъ же, съ которыми мой зять, я призываю въ свидѣтели того, что < я возьму > свою дочь“. Этими словами Смикринъ въ достаточной степени выяснялъ повару настоящій характеръ своихъ отношеній къ Харисію, и поваръ, понявъ свою недавнюю оплошность и видя сверхъ того, что Смикринъ находится внѣ себя отъ гнѣва, — не находилъ ничего лучшаго, какъ сказать ему (ст. 420₅—420₆)

μηδέ σ[ν]]
καρτερο[ικὸς ἴσθι]]

Т. е.: „не < гнѣвайся такъ >, сдержись < лучше >“.

Этими словами повара замыкается оборотная сторона обрывка ΥR, и мы снова оказываемся передъ лакуной, приблизительно, въ 14 стиховъ, чтобы затѣмъ на лицевой сторонѣ того-же обрывка найти продолженіе той-же бесѣды Смикрина съ поваромъ. Но эта заключительная часть бесѣды сохранилась еще хуже, чѣмъ та, о которой мы только что говорили. И дѣйствительно, въ безусловно хорошемъ состояніи находится только одинъ начальный стихъ 420₇; всѣ же остальные стихи, вплоть до стиха 427, представля-

1) *μ' ἀπαγαγεῖν* Croiset.

2) *τοῦτο μὲν ἀνασεῖσω* Cereteli. Ср. то, что я говорю по поводу *ἀνασεῖω* на стр. 150, 1.

3) *μοι καταμείνει* Cereteli.

ютъ собой жалкіе обрывки, изъ которыхъ врядъ ли можно сдѣлать какой нибудь опредѣленный выводъ. Стихъ же 420₇, произносимый поваромъ, звучитъ такъ:

μοσεῖ τὸν ἠδὸν λεγόμενον τοῦτον βίον.

Т. е.: „онъ ненавидитъ эту, такъ называемую, веселую жизнь“.

Спрашивается теперь, къ кому скорѣе всего могутъ относиться эти слова? Само собой разумѣется, что къ Харисію. Для этого достаточно вспомнить всё то, что говорила про Харисія Габротононъ. Вѣдь изъ ея словъ вполне ясно, что Харисій, надѣявшійся найти утѣшеніе въ вихрѣ разгульной жизни, не нашель его тамъ; что, наоборотъ, эта разгульная жизнь пришлась ему не по душѣ и что, наконецъ, та самая арфистка, которую онъ купилъ для своего удовольствія, возбудила въ немъ одно лишь отвращеніе, не больше (ст. 215 слл.). Но разъ это такъ, то слова повара являются очень хорошимъ дополненіемъ къ словамъ Габротононъ: они еще разъ подчеркиваютъ тотъ знаменательный фактъ, что Харисій, о транжирствѣ и распущенности котораго такъ много говорить и думаетъ Смикринъ, — что этотъ Харисій тяготится своимъ образомъ жизни, ибо эта жизнь не удовлетворяетъ его: онъ просто на просто топить въ ней свое горе! Только такой выводъ, думается мнѣ, можно сдѣлать изъ приведенныхъ нами словъ повара, — независимо отъ того, были ли они сказаны серьезно или же, что также возможно, въ шутку. Во всякомъ случаѣ, эти слова, къ которымъ поваръ дѣлалъ въ послѣдующихъ стихахъ какія-то дополненія, для насъ несомнѣнно ясныя (ст. 420₈: *ἐκεῖνος ἔσχεν ἐσπέρας*)¹⁾, врядъ ли могли успокоить Смикрина и отвлечь его отъ принятаго имъ рѣшенія взять дочь къ себѣ и разъ навсегда покончить съ зятемъ, который осмѣлился ввести въ свой домъ гетеру. Къ сожалѣнію, слова Смикрина, являвшіяся репликой на разсужденія повара, дошли до насъ въ такомъ обрывочномъ видѣ, что мы не можемъ сдѣлать изъ нихъ никакого вывода. Равнымъ образомъ, очень трудно сказать, что дѣлалъ поваръ

1) Если бы мы не знали отъ Габротононъ, что она „уже три дня, какъ чиста отъ брачныхъ объятій“ (ст. 223), то слова повара можно было бы относить къ факту обладанія ея Харисіемъ. Ср. Ter. Andr., 85: *dic sodes quis Chrysidem habuit.*

послѣ ст. 420₉, т. е. оставался ли онъ на сценѣ или же уходилъ въ домъ. Мнѣ лично кажется, что послѣднее болѣе правдоподобно, а потому я думаю, что стихи 420₉—427 Смикринъ произносилъ уже одинъ, безъ повара, причемъ въ этихъ стихахъ, для насъ навсегда утраченныхъ, онъ могъ говорить только объ одномъ, а именно, о своемъ зятѣ, главной причинѣ его гнѣва и главнымъ предметѣ его постоянныхъ размышлений.

Итакъ, если всѣ отмѣченные нами обрывки истолкованы и оцѣнены правильно, мы получаемъ довольно любопытную картину того, какъ постепенно шагъ за шагомъ становятся извѣстны Смикрину разныя тайны его зятя, яко бы имѣвшія мѣсто въ дѣйствительности. Еще недавно Смикринъ могъ упрекать Харисію лишь за кутежи, да за то, что онъ, не обращая вниманія на жену, обзавелся арфисткой. Теперь же оказалось, что провинности Харисію гораздо серьезнѣе: выяснилось, что у него есть ребенокъ, прижитый имъ отъ гетеры и что этого ребенка онъ взялъ къ себѣ въ домъ, или, иначе, призналъ за своего. Однимъ словомъ, получилась такая ситуація, при которой Смикринъ уже могъ, конечно, съ согласія своей дочери, взять еѣ къ себѣ и затѣмъ начать дѣло о разводѣ¹⁾. Но предварительно надо было повидаться съ Харисіемъ и серьезно переговорить съ нимъ обо всемъ происшедшемъ. Такимъ образомъ, свиданіе тестя съ зятемъ являлось вполне назрѣвшей потребностью, и это свиданіе дѣйствительно происходитъ передъ нами послѣ стиха 427, на что между прочимъ указываетъ *nota marginalis* Χαρ (т. е., Χαρίσιος), стоящая на поляхъ рукописи и отмѣчающая появленіе новаго персонажа²⁾.

1) Введеніе въ домъ любовницы было достаточнымъ поводомъ для того, чтобы жена могла начать противъ своего мужа дѣло о разводѣ передъ архонтомъ. См. [Andoc.], Contr. Alcib., 14: *λαβὼν δὲ τσαυτήν προῖκα ὄσσην οὐδέεις τῶν Ἑλλήνων, οὕτως ἐβριστήσ ἦν ἐπεισάγων εἰς τὴν αὐτὴν οἰκίαν ἐταίρας καὶ δοῦλας καὶ ἐλευθέρους, ὅστ' ἠνάγκασε τὴν γυναῖκα σωφρονεστάτην οἶσαν ἀπολιπεῖν, ἐλθεῖσαν πρὸς τὸν ἄρχοντα κατὰ τὸν νόμον.*

2) Lefebvre², о. с., VII и IX, хочеть читать *nota marginalis*, какъ Χαρ, и видѣтъ въ этомъ неполномъ написаніи имя Χαίρ(εστρατος). При этомъ, по Лефевру выходитъ, что партнеромъ Смикрина, начиная отъ ст. 408₁, былъ не поварь, а Хэрестратъ. Но я, вслѣдъ за Koerte, думаю, что это — невѣрно, и вотъ почему. Во первыхъ, отмѣтку на поляхъ я могу прочесть только, какъ Χαρ (т. е. Χαρίσιος); во-вторыхъ, мнѣ неясно, о чемъ могъ говорить Хэрестратъ, если онъ дѣйствительно выступалъ на сценѣ, послѣ того, какъ поварь уже сдѣлалъ передъ Смикриномъ нѣкоторыя разо-

Этому новому персонажу и могла принадлежать вторая половина ст. 427 послѣ словъ Смикрина: *ἡμῖν κекηδενκῶσ*, причемъ то, что говорилось этимъ персонажемъ, непосредственно вслѣдъ за его выходомъ на сцену, могло сводиться только къ какому нибудь восклицанію, ибо послѣ стиха 427 — на это указываетъ параграфъ — идетъ снова рѣчь Смикрина. Но разъ это такъ, то надо думать, что Харисій, выйдя изъ дома, направился въ сторону, противоположную той, на которой стоялъ Смикринъ, и, не замѣчая послѣдняго — подробно, не разъ встрѣчающаяся у Менандра (ср. ст. 165 слл.; 213 слл.; 432 слл.)¹⁾ — говорилъ свои вступительныя слова. Мало того, оба, находившіяся на сценѣ лица продолжали не замѣчать другъ друга и послѣ, произнося каждый свой монологъ, т. е., иными словами, вся сценка могла быть построена приблизительно такъ-же, какъ построено начало второго акта, гдѣ Онисимъ и Габротононъ сперва ведутъ каждый свою линію, а затѣмъ вступаютъ другъ съ другомъ въ оживленную бесѣду (см. ст. 213 слл.). Итакъ, послѣ вступительныхъ словъ Харисія, которыя не дошли до насъ, снова начиналъ говорить Смикринъ, причемъ отъ его монолога, заканчивающаго собой лицевую сторону обрывка ΥR, сохранилось въ общей сложности 9 стиховъ, лишь отчасти поддающихся разбору и имѣющихъ слѣдующую форму (ст. 428—431₅):

ὄψηλὸς ὢν τις [οὗτος οὐκ οἶ]μώξεται;
καταφθαρεῖσ τ'ἔ[ν] ματρὸς]λείω τὸν βίον
 430 *μετὰ τῆσ καλῆσ [γυν]αικὸσ, ἦν ἐπέισαγει,*
βιώσεθ' ἡμᾶσ δ' [οὐ]δέ γνώσκειν δοκῶν;
 431₁ [.] ἤξει λαβῶν
 [.] δ]ηλαδῆ
 [.] ἐμοὶ δοκεῖ
 [.] . . ν
 431₅ [.] ἔστι μοι.

Т. е.: „Неужели этому гордецу такъ-таки ничего и не будетъ? Неужели, сгноивъ себѣ въ развратѣ, будетъ онъ

блаченія, и, въ третьихъ, я считаю, что за пониманіе *nota marginalis* такъ, какъ понимаетъ еѣ Koerte, говорить еще и то обстоятельство, что нѣсколько ниже мы дѣйствительно присутствуемъ при разговорѣ Смикрина съ Харисіемъ (ст. 431₂: *Χα/ρίσιε*, ст. 431₃₃: *Χαρ.*, и въ особенности ст. 431₅₄: *Χα-ρ/ισιε/*). См. Lefebvre², о. с., 17 (табл. С).

1) См. Koerte², о. с., XXVIII.

жить, да поживать съ той красавицей, которую онъ ввелъ къ себѣ въ домъ, и воображать, что мы ничего не знаемъ, не вѣдаемъ“ ?¹⁾—Приведенными словами Смикрина заканчивается гесто обрывка YR, и мы снова оказываемся предъ наличностью лакуны, которая, по расчетамъ Koerte, равняется, приблизительно, 28 строкамъ, не менѣе²⁾. А затѣмъ начинается новый обрывокъ VX³⁾, бывший нѣкогда во второмъ кватернионѣ двумя первыми страницами его перваго листа⁴⁾. Но этотъ обрывокъ — онъ имѣетъ форму длинной и узкой полосы — включаетъ въ себѣ еще больше трудностей, чѣмъ фрагменты, затронутые нами выше, ибо всё его содержаніе сводится — на гесто къ концамъ стиховъ, а на verso — къ началамъ, или, иначе, къ отдѣльнымъ, часто неполнымъ словамъ и рѣченіямъ.

Что касается до гесто обрывка, то, по остаткамъ стиховъ на немъ, довольно трудно сказать, имѣемъ ли мы дѣло съ монологомъ или съ діалогомъ. Тѣмъ не менѣе, я думаю, что правильнѣе будетъ предполагать діалогъ, ибо врядъ ли возможно, чтобы оба персонажа, т. е., Смикринъ и Харисій, могли говорить, не замѣчая другъ друга, на протяженіи болѣе, чѣмъ 30 строкъ (ст. 427—431₅ + лакуна въ 28 строкъ) :

1) Возможно, конечно, что ст. 431₁—431₅ могли говориться не Смикриномъ, но Харисіемъ, и представлять собой его реплику à part. Но пока доказать этого мы не можемъ, а предпочитаю видѣть въ нихъ продолженіе рѣчи Смикрина.

2) Лицевая сторона обрывка YR включаетъ въ себѣ 20 строкъ. Значитъ, ей до полной страницы не хватаетъ 15 строкъ, ибо обычное число строкъ на каждой страницѣ папируса равняется 35. Лицевая же сторона обрывка VX, представляющая собой нижнюю часть листа, включаетъ въ себѣ 23 строки. Отсюда ясно, что ей до полной страницы не хватаетъ 12 строкъ. Итакъ, вся лакуна между YR и VX, дѣйствительно, вмѣщаетъ въ себѣ отъ 27 до 28 строкъ.

3) См. Lefebvre, о. с., IX sqq., а также 15 (табл. XLI).

4) О томъ, почему нельзя видѣть въ отрывкахъ VX непосредственнаго продолженія отрывковъ NTM, см. Lefebvre², о. с., XI—XIII. Ср. также Koerte², о. с. XVIII, 1. За самое послѣднее время вопросъ о томъ, что отрывки VX представляютъ собой продолженіе отрывковъ NTM, снова поднялся въ литературѣ. Ему посвящены статьи: Robert, Zu den Epitrepontes des Menander (= Sitzungsber. der Kön. preuss. Akad. der Wiss., phil.-hist. Kl. (1912), 404 sqq. и Sudhaus, Zu den neuen Bruchstücken der Epitrepontes (Hermes, 48 (1913), 14 sqq.). Несогласный съ доводами обоихъ ученыхъ, я остаюсь при своихъ взглядахъ, а подробный разборъ статей Robert'a и Sudhaus'a привожу въ „Приложеніи“.

чего либо подобнаго мы въ „новой“ комедіи и, въ частности, въ комедіи Менандра еще не встрѣчали. Да наконецъ и само по себѣ такое явленіе было бы въ достаточной степени неправдоподобнымъ и неестественнымъ. Въ силу этого я полагаю, что *gesto* обрывка VX представляетъ собой остатки діалога, который, впрочемъ, начинался не на *gesto*, а захватывалъ, надо думать, и часть той лакуны въ 28 строкъ, о которой мы упоминали выше. Однако, остатки этого діалога слишкомъ ничтожны для того, чтобы по нимъ можно было судить объ его содержаніи. Можно предполагать только, что Смикринъ нападалъ на Харисію, ставя ему на видъ, какъ его легкомысленное поведеніе вообще, такъ и его пристрастіе къ арфисткѣ въ частности: по крайней мѣрѣ, на пространствѣ стиховъ 431₆—431₂₈ слово „арфистка“ попадаетъ дважды (ст. 431₉: *τῆσ]ψαλτοῖασ*; ст. 431₂₀: *καὶ ψάλτοῖα*). Но помимо арфистики упоминается еще и „игра въ кости“ (ст. 431₂₁: *κύβου τύχῳ*), къ которой Харисій питалъ, повидимому, большое пристрастіе и которая, конечно, была особенно не по душѣ скупному и разсчетливому Смикрину. О томъ, какъ реагировалъ Харисій на эти, заслуженные имъ упреки, мы не знаемъ, ибо очень трудно сказать, какія слова произносились имъ и какія — Смикриномъ. Мы можемъ предполагать только, что онъ старался какъ нибудь оправдать свое поведеніе, что было для него довольно затруднительно, ибо онъ не могъ открыть тестю настоящую причину своего отдаленія отъ жены. Вѣдь это была его тайна, и онъ, подобно Памфилу изъ „Несуга“ Теренція, долженъ былъ пускаться на разнаго рода увертки, которыя могли привести только къ одному, а именно, къ усиленію гнѣва въ Смикринѣ.

И дѣйствительно, когда послѣ лакуны въ 8 стиховъ мы оказываемся передъ продолженіемъ разговора Смикрина съ Харисіемъ, — передъ продолженіемъ, которое занимаетъ *verso* того же обрывка VX (ст. 431₂₉ — 431₅₅), мы видимъ, что разговоръ тестя съ зятемъ успѣлъ принять еще болѣе оживленный характеръ, косвеннымъ подтвержденіемъ чего служатъ довольно часто попадающіеся параграфы, — своего рода указаніе на частую смѣну одного говорящаго лица другимъ. Приэтомъ, насколько можно судить по тексту, Харисій находится въ положеніи побѣжденнаго. По крайней мѣрѣ, онъ говоритъ про себя: „я погибъ“ (ст. 431₄₆: *ἔρωγ' ἀπόλωλα*),

„я оробѣлъ“ (ст. 431₄₇: *ὀκνηρόσ*). Но что же могло завести его въ подобный тупикъ, изъ котораго нѣтъ настоящаго выхода? Я думаю, что объяснить это могутъ слѣдующія слова Смикрина: „она родила“ (431₅₀: *τέτοκε*), — слова, которыя станутъ для насъ понятны, если мы припомнимъ тотъ пассажъ изъ бесѣды Смикрина съ поваромъ, въ которомъ поваръ говоритъ о ребенкѣ, яко-бы рожденномъ арфисткой отъ Харисіа (ст. 408₁—409).

Итакъ, надо думать, что Смикринъ, который сначала упрекалъ Харисіа за разные второстепенные недочеты въ его жизни, подъ конецъ ставилъ ему на видъ и его главный грѣхъ, а именно, наличность незаконнорожденнаго ребенка, — фактъ, который вмѣстѣ съ принятіемъ въ свой домъ гетеры являлся для Смикрина достаточнымъ поводомъ къ уводу Памфила отъ ея мужа. Само собой разумѣется, что предъ лицомъ подобнаго обвиненія, правильность котораго Харисій не могъ опровергнуть, ему оставалось одно, — впасть въ отчаяніе. Но въ такомъ случаѣ, слова: „я погибъ“, „я оробѣлъ“ будутъ для насъ вполне понятны: они служатъ вполне естественнымъ отвѣтомъ Харисіа на страшную для него угрозу Смикрина, противъ которой у него не было никакихъ средствъ къ защитѣ. И я полагаю, что этой угрозой Смикрина и кончался, въ сущности говоря, его діалогъ съ Харисіемъ, ибо если даже этотъ діалогъ и продолжался еще послѣ ст. 431₅₅, то въ немъ уже не могло заключаться ничего существеннаго и важнаго: всё важное было сказано, — оставалось подводить итоги! Ввиду этого мы, думается мнѣ, имѣемъ полное право считать, что стихъ 431₅₅ является своего рода заключеніемъ какъ діалога, такъ и всего второго акта, который долженъ былъ замыкаться тѣмъ, что Смикринъ входилъ въ домъ къ Харисію, гдѣ жила Памфила, а Харисій, — тотъ удалялся въ домъ Хэрестрата, гдѣ находилась Габротононъ съ ребенкомъ, котораго она, по соглашенію съ Онисимомъ, выдала, для извѣстныхъ ей цѣлей, за своего собственнаго.

4.

Итакъ, согласно нашему представленію, разговоромъ Смикрина съ Харисіемъ заканчивался второй актъ пьесы, за которымъ, какъ и за первымъ, должна была идти музыкаль-

ная интермедія, указывавшая на паузу въ дѣйстви и, внѣ всякаго сомнѣнія, отмѣченная въ рукописи традиціонной ремаркой *χοροῖ*. Но о томъ, какъ начинался новый актъ, т. е., какого рода сценки, монологическія или діалогическія, открывали его, мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, ибо вслѣдъ за стихомъ 431₅₅, замыкающимъ обрывокъ VX, идетъ лакуна, и на этотъ разъ довольно значительная. По крайней мѣрѣ, согласно расчетамъ Koerte ¹⁾, которые я считаю за безусловно пріемлемые, размѣры этой лакуны доходятъ до 70 строкъ или, говоря иначе, послѣ обрывка VX не хватаетъ, приблизительно, двухъ страницъ, бывшихъ третьей и четвертой страницами второго кватерніона ²⁾. Само собой разумѣется, что при такомъ значительномъ прорывѣ въ рукописи мы не имѣемъ никакой возможности возстановить, хотя бы въ общихъ чертахъ, содержаніе утраченной части, а также опредѣлить съ точностью, какіе персонажи участвовали въ ней: мы можемъ разсуждать объ этомъ только гадательно, причѣмъ разсужденія наши будутъ таковы.

Мы уже видѣли, что въ концѣ второго акта Смикринъ намѣревался идти къ Памфилѣ, дабы убѣдить её въ необходимости развода съ Харисіемъ, --- развода, который онъ считалъ за нѣчто неизбѣжное послѣ разоблаченій повара и своего разговора съ зятемъ. Между тѣмъ, въ той сценкѣ, которая идетъ за лакуной и о которой намъ еще придется говорить ниже, выступаетъ передъ зрителями сама Памфила ³⁾, причѣмъ по всему видно, что она уже участвовала въ дѣйстви и что ея нахожденіе на сценѣ вызвано какимъ-то обстоятельствомъ, сущности котораго мы не знаемъ. Но разъ это такъ, то, значитъ, Памфила была однимъ изъ тѣхъ персонажей, которые играли роль въ самомъ началѣ акта или, точнѣе, въ той его части, на мѣстѣ которой находится въ настоящее время лакуна. Спрашивается теперь, чтò могло быть поводомъ къ появленію Памфилы на сценѣ? Наиболѣе естественнымъ отвѣтомъ на это будетъ, на мой взглядъ, мнѣніе Koerte, согласно которому новый актъ открывался выхо-

1) А. Koerte², о. с., XVIII.

2) Ср. стр. 108, 1.

3) Это доказалъ Jensen (о. с., 549) своей удивительной по результатамъ колящей страницы H₁, содержащей сценку свиданія Габротононъ съ Памфилой.

домъ Смикрина и его дочери ¹⁾. И дѣйствительно, подобный выходъ находился бы въ отличномъ соотвѣтствіи съ намѣреніемъ Смикрина взять дочь къ себѣ, т. е., съ его желаніемъ увести еѣ отъ мужа. Правда, самый разговоръ на эту тему, какъ явствуетъ это изъ ст. 464 слл., происходилъ за сценой и не былъ, такъ сказать, частью дѣйствія, протекавшаго передъ лицомъ зрителей. Но зато Смикринъ, выходявшій изъ дома съ дочерью, которая, какъ мы узнаемъ изъ дальнѣйшаго (ст. 499 слл.), не хотѣла слѣдовать совѣту отца, могъ просто на просто приводить еще какіе нибудь доводы въ пользу своего предложенія, чтобы поколебать такимъ образомъ упорство дочери и устроить дѣло по своему. И очень возможно, что правъ Robert ²⁾, считающій, что къ подобному разговору отца съ дочерью могъ бы относиться Men. fr. 566 (= Kock, o. c., III, 173):

*χαλεπὸν, Πамφίλη,
ἐλευθέρῳα γυναικὶ πρὸς πόροντι μάχη.
πλείονα κακουροῦεῖ, πλείον' οἶδ', αἰσχύνεται
οὐδὲν, κολακεύει μᾶλλον.*

Т. е.: Свободной женщинѣ, Памфила, не легко
бороться съ той, чьи прелести продажны:
она искуснѣе и опытнѣй, стыда
въ ней вовсе нѣтъ, зато на лесть она горазда!

Но если этотъ фрагментъ дѣйствительно относился къ нашей пьесѣ ³⁾ и, въ частности, къ интересующей насъ сценкѣ, то въ немъ можно было бы видѣть отвѣтъ Смикрина на слова Памфилы, и притомъ на такія слова, въ которыхъ выражалась надежда на то, что со временемъ Харисій оставитъ арфистку и снова вернется къ своей женѣ. Вѣдь Памфила, какъ и Харисій, находилась передъ Смикриномъ въ нѣсколько стѣсненномъ положеніи: она тоже не могла открыть отцу истинной причины страннаго поведенія своего мужа и тоже должна была

1) A. Koerte ²⁾, o. c., XXVIII.

2) Robert, Der neue Menander, 3 и 79. Ср. J. van Leeuwen ²⁾, o. c., 164. Въ уста Софроны вкладываютъ фрагментъ Croiset (o. c., 67) и Carps (o. c., 104).

3) Сомнѣваются въ принадлежности отрывка къ „Третьейскому суду“ Б. В. Варнеке, Новая комедія Менандра, 99 и A. Koerte ²⁾, o. c., XXVIII, 2. За послѣднее время въ пользу принадлежности отрывка къ нашей пьесѣ высказался и Vollgraff. См. Berl. phil. Wochenschrift. Sonderheft, (1912), 1595.

говорить довольно уклончиво! Разводиться же съ мужемъ она не хотѣла потому, что любила его, причѣмъ случай съ ребенкомъ былъ ей, въ сущности говоря, только на руку: вѣдь въ виду того, что и Памфила и Харисій оказывались въ одинаковомъ положеніи, можно было надѣяться, что Харисій смягчится и что разрывъ мужа съ женой окажется только временнымъ, а не постояннымъ!

Но слова Памфилы, каковы бы они ни были и чего бы они не касались, должны были приходиться не по душѣ Смикрину, и можно поэтому думать, что весь разговоръ отца съ дочерью велся, по крайней мѣрѣ, со стороны отца въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ, тѣмъ болѣе, что Смикринъ, насколько можно судить по его разговору съ Софроной (ст. 522 слл.), а также по бесѣдѣ съ поваромъ, не умѣлъ выражаться мягко: вѣдь недаромъ Онисимъ называетъ его *χαλεπός*! Итакъ, начальная сценка, открывавшая третій актъ, могла представлять собой діалогъ между отцомъ и дочерью, — діалогъ, который скорѣе всего обрывался на томъ, что Смикринъ уходилъ въ городъ съ цѣлью привести оттуда для окончательнаго убѣжденія Памфилы ея няню, Софрону, которая вмѣстѣ съ Смикриномъ и появлялась передъ зрителями послѣ ст. 520 слл.¹⁾; Памфила же, послѣ ухода отца, оставалась еще на сценѣ и могла произносить особый монологъ, къ которому я хотѣлъ бы относить Мен. fr. 184 (= Коск, III, 53):

*ἔξετάρην μὲν οὖν
κλαίονσα.*

Т. е.: „я выплакала свои глаза (отъ горя“²⁾). А что монологъ этотъ, въ которомъ Памфила могла выражать волнующія еѣ чувства тоски и скорби, долженъ быть отличаться грустнымъ характеромъ, — на это указываютъ между прочимъ слѣдующія слова Памфилы, стоящія въ началѣ той сценки, которая идетъ за лакуной (ст. 434):

Кто изъ боговъ меня, бѣдняжку, пожалѣетъ?

1) Такъ думаетъ и Коерте² (о. с., XXVIII).

2) Carps (о. с., 103) и Croiset (о. с., 67, 1) вкладываютъ эти слова въ уста Софроны. Такъ же поступаетъ и Robert (о. с., 84).

Такимъ образомъ, можно считать безусловно пріемлемымъ, что Памфила принимала участіе въ дѣйствии или, иначе, что Менандръ, въ противоположность своимъ латинскимъ подражателямъ, Плавту и Теренцію, не останавливался передъ выведеніемъ на сцену самой *vitiata virgo* (въ нашемъ случаѣ *νεόρατος*), — фактъ, который еще недавно отрицался всѣми учеными, кромѣ Robert'a¹⁾.

Значить, согласно нашему мнѣнію, утраченное начало третьяго акта состояло изъ діалогической сценки и слѣдовавшаго за ней монолога; а уже за этимъ монологомъ шла, непосредственно примыкая къ нему, та діалогическая сцена, которая дошла до насъ и которая имѣетъ такую форму.

Дѣйствіе третье.

Явленіе третье²⁾.

[На сценѣ, передъ домомъ Харисія, стоитъ Памфила, только-что окончившая свой монологъ. Въ этотъ моментъ изъ дома Херестрата выходитъ Габротононъ держащая на рукахъ плачущаго ребенка.]

Габротононъ.

Н₁ Съ ребенкомъ выхожу... Онъ, глупенькій, всё плачетъ,
И ужъ давно! — Что съ нимъ, никакъ не разберу!

Памфила.

Кто изъ боговъ меня, бѣдняжку, пожалѣетъ?

Габротононъ.

(435) О боги милые, < онъ, видно, мать зоветъ : >
< Соскучился по ней! >

1) Въ своей книгѣ „Die Masken der neueren attischen Komödie“, 41, 2, Robert очень кстати указываетъ на то, что выведеніе на сцену изнасилованной дѣвушки не было, повидимому, чѣмъ-то необычнымъ въ практикѣ „новой“ комедіи. По крайней мѣрѣ, среди комическихъ масокъ, перечисляемыхъ Поллуксомъ (IV 152), фигурируютъ двѣ маски для *ψευδοζόου*. См. Poll. IV, 152: *ἡ δὲ ψευδοζόου λευγότερα τῆρ χοοῖν καὶ περὶ τὸ βόρυμα δέδεται τὰς τρίχας καὶ ἔοικε νεογόνῳ · ἡ δὲ ἕτερα ψευδοζόου διαγνώσζεται μόνῳ τῷ ἀδικοῦντι τῆρ χοοῖν.*

2) Очень хорошо и тонко разобрана эта сценка Vollgraff'омъ въ его рецензії на второе изданіе Koerte. См. Berl. phil. Wochenschrift. Sonderheft, (1912), 1594.

Памфила.

Пойду къ себѣ . . .

435

Габротононъ (замѣчая Памфилу).

Немного

Повремени-ка здѣсь!

Памфила.

Меня зовешь?

Габротононъ.

Тебя.

Памфила (про себя).

Кто это? (Обращаясь къ Габротононъ):

Я съ тобой какъ будто не знакома!

Габротононъ (вглядываясь).

Она и есть! Ее я узнаю! — Привѣтъ

(440) Тебѣ, голубушка! Не уходи, — дай руку!

<Припомни,> милая: ты годъ тому назадъ

440

На Таврополіяхъ <со мной свела знакомство!>

Памфила (смотря на ребенка).

Скажи мнѣ, женщина, откуда у тебя . . .

Ребенокъ?

Габротононъ (показывая на ожерелье,
надѣтое на шейку ребенка).

Ты на немъ не видишь ли вещицы,

(445) Знакомой для тебя? — Да незачѣмъ робѣть!

Памфила.

Такъ ты ему . . . не мать?

Габротононъ.

Я ею назвалась,

445

Не съ цѣлью матери законной повредить,

А чтобъ найти ее при случаѣ! И нынѣ

Я эту мать нашла: вѣдь ты передо мной,

Какъ и въ былые дни!

Памфила.

А кто . . . отецъ ребенка?

Габротононъ.

(450) Харисій!

Памфила.

Милая, а тутъ . . . ошибки нѣтъ?

450

Габротононъ.

Нѣтъ, дѣло — ясное! — Вѣдь ты его супруга?
Ты здѣсь живешь?

Памфила.

О, да¹⁾.

Габротононъ.

Счастливица! Тебя

Богъ, видно, пожалѣлъ! (Прислушиваясь).

Какъ будто, у сосѣдей

Дверь хлопнула. Шаги . . . сюда идутъ! Къ себѣ

(455) Возьми-ка ты меня, чтобъ я про остальное

455

Тебѣ повѣдала подробно, не спѣша.

(Уходятъ въ домъ Харисіа).

Явленіе четвертое.

[На сцену изъ дома Хэрестрата выходитъ Онисимъ. На немъ
лица нѣтъ, онъ чѣмъ-то напуганъ].

Онисимъ.

Бѣснуется во всю, клянуся Аполлономъ!

Въ него вселился бѣсъ! Онъ бѣсится, о боги!

Онъ — это баринъ мой, Харисій . . . Разлилась

(460) Въ немъ, видно, желчь, иль что-то въ этомъ родѣ, — 460

Другого не могу представить я себѣ!

1) Слова: „о, да“, въ подлинникѣ: „*vaiçi*“, отданы въ рукописи Памфилъ. Несмотря на это Koerte² (о. с., 33) вкладываетъ ихъ въ уста Габротононъ, съ чѣмъ я никоимъ образомъ не могу согласиться. Ср. по этому поводу разсужденія Vollgraff'a въ „Berl. phil. Wochenschrift. Sonderheft“, (1912), 1594.

- Сначала у дверей ¹⁾ стоялъ онъ долго, въ щель
Украдкою смотря и слухъ свой напрягая ²⁾.
А за дверьми отецъ его жены въ сердцахъ ³⁾
- (465) Ей что-то говорилъ, сдается мнѣ. Нашъ баринъ 465
Блѣднѣль, краснѣль, да какъ, — противно вспоминать!
Н. Потомъ онъ простоналъ: „о свѣтъ моихъ очей!
Что слышу отъ тебя!“ И вдругъ съ ужасной силой
Себя по головѣ ударивъ, произнесъ,
- (470) Минуту погодя: „И я съ такой женою 470
Несчастливымъ мнилъ себя, негодникъ!“ Наконецъ,
Прослушавъ рѣчь жены, онъ въ домъ взошелъ и началъ
Рвать волосы, стонать, ну, впрямь, сходить съ ума ⁴⁾!
„Такъ низко пасть, какъ я“, онъ повторялъ, „ребенка
(475) Прижить на сторонѣ, и за такой же грѣхъ 475
Жены не пощадить, не сжалиться надъ бѣдной!
Да я совѣмъ дикарь! Гдѣ сердце у меня!“
Такъ онъ себя бранилъ, безъ жалости, а очи, —
Тѣ кровью налились, и былъ онъ — виѣ себя!

1) Для того, чтобы понять, въ чемъ тутъ дѣло и какимъ образомъ Харисій, бывший у Хэрестрата, могъ подслушать слова Памфилы, находившейся въ другомъ домѣ, — для этого надо сдѣлать слѣдующее предположеніе. Повидимому, оба дома, тѣсно примыкавшіе другъ къ другу, были со стороны двора соединены особымъ переходомъ черезъ садъ, — подробность часто фигурирующая въ „новой“ комедіи. Ср. Plaut. Cas., 613:

abi et aliud cura, ego jam per hortum iussero
meam istuc transire uxorem ad uxorem tuam.

Plaut. Stich., 614: non metuo: per hortum transibo, non transibo
in publicum.

При наличности подобнаго сообщенія Харисію нетрудно было подойти къ выходящей въ садъ двери того дома, гдѣ была Памфила, и подслушать весь разговоръ, оставаясь притомъ незамѣченнымъ.

2) При переводѣ я слѣдую конъектурѣ Agnina: *ἐν/εταζὼς τ' ἀχοῶς πάνυ*. Koerte принимаетъ теперь конъектуру Robert'a: *ἐνδ/έτροιβεν ἄφλοος*.

3) Я принимаю конъектуру Wilamowitz'a: *περὶ/οργῶς πάνυ*. Koerte же, слѣдую Sudhau's'y, пишетъ: *περὶ [τῆς συμφορᾶς]*.

4) Въ текстѣ *ἔστασις*. Къ тѣмъ примѣрамъ на употребленіе этого слова разными авторами, которые приводитъ Bruhn, Ueber den Wortschatz des Menander (Diss. Jena 1910), 33, можно прибавить еще Philostr. epist. 25 (ed. Kayser, vol. II, p. 238): *τοῦτον δὲ αἴτιον ἢ τοῦ θυμοῦ ἔστασις ἀκριβῶς σου συγγέρονσα τὴν τοῦ προσώπου χάριν*.

- (480) Струхнулъ порядкомъ я! Я весь отъ страха высохъ! 480
 Вѣдь если бѣшенный меня увидитъ онъ,
 Меня, доносчика, — того гляди, прикончитъ.
 Вотъ почему тайкомъ я проскользнулъ сюда!
 Куда дѣваться мнѣ? Что выдумать? (Прислушивается).
 Ой, лихо!
- (485) Подходить смерть! Дверьми онъ хлопнулъ: онъ идетъ! 485
 Спаситель мой, Зевесъ, спаси меня, коль можешь!
 (Кидается въ сторону).

Явленіе пятое.

[Изъ дома выбѣгаетъ Харисій. Видно, что онъ внѣ себя: его одежда — въ безпорядкѣ, на его лицѣ написано отчаяніе и полное презрѣніе къ самому себѣ].

Харисій (указывая на себя).

- Вотъ — онъ, кто безъ грѣха, кто доброй славы ищетъ,
 Кто благо и порокъ умѣетъ различать,
 На комъ ни пятнышка, кто въ жизни безупреченъ! — 1)
- (490) Недурно божество расправилось со мной, — 490
 Такъ мнѣ и слѣдуетъ! Оно мнѣ подсказало:
 „Безумецъ, не забудь! Ты — тоже человѣкъ!
 Ты смѣешь пыжиться, ты съ высоты вѣщаешь!
 Невольный грѣхъ жены тебѣ невыносимъ!
 А самъ — я покажу — въ такой же грѣхъ впадаешь! 495
- (495) И вотъ когда съ тобой она мягка, топтать
 Ты смѣешь въ грязь еѣ? Пускай же всѣ увидятъ,
 Что ты — слѣпецъ, дикарь, негодный человѣкъ! —
 Небось, она отцу совсѣмъ не то сказала,
 Что ты воображалъ, — сказала: „если съ нимъ 500
- (500) Пришла я жизнь дѣлать, съ нимъ раздѣлю и горе,
 Его постигшее“. А ты — пустой гордецъ!“

* * *

1) Въ текстѣ *ἀνεπίπληκτος αὐτὸς τῷ βίῳ*. Ср. Bekker, Anecd. gr., 398, 7: *ἀνεπίπληκτος ᾧ οὐδεὶς ἐπιπλήσσει ἁμαρτάνοντι. Ἐὐπολις*, а также Eur. Or., 920: *ἀζήρμιος, ἀνεπίπληκτον ἡσυχῶς βίον*.

На этомъ обрывается въ рукописи монологъ Харисіа, и мы снова оказываемся передъ лакуной, приблизительно, въ 20 строкъ. Но я думаю, что погибшая часть монолога не могла занимать всей лакуны: по крайней мѣрѣ, идущій за лакуной обрывокъ U даетъ намъ уже не монологъ, а остатки діалогической сценки. Отсюда какъ будто слѣдуетъ, что на долю монолога приходилось всего на всего нѣсколько строкъ, тогда какъ всё остальное ихъ количество должно было относиться къ началу новаго явленія, т. е., къ діалогической сценкѣ.

Конечно, на основаніи сохранившейся части монолога (ст. 487 слл.), мы не можемъ опредѣлить, чего касалась его погибшая часть, но я полагаю, что къ ней можно было бы относить, напр., слѣдующій фрагментъ, про который Стобей говоритъ, что онъ взятъ имъ изъ „Третейскаго суда“¹⁾.

*ἐλευθέρω τὸ καταγελάσθαι <γὰρ> πολὺ
αἰσχιστόν ἐστι, τὸ δ' ὀδυνᾶσθ' ἀνθρώπινον.*

Т. е.: Нѣтъ хуже, если сталъ свободный человѣкъ
посмѣшищемъ для всѣхъ, страдать же люди вправѣ!

И дѣйствительно, эти слова вполне подходили бы къ ситуациі Харисіа, который благодаря наличности ребенка, яко бы прижитого имъ отъ арфистки, оказывался въ довольно униженномъ положеніи: ему грозила опасность сдѣлаться притчей во языцѣхъ, что ввиду присущей Харисію гордости (ср. ст. 501 и 428) было для него наиболѣе чувствительнымъ ударомъ. Итакъ, я полагаю, что отмѣченный мной фрагментъ могъ бы быть на мѣстѣ въ конечной части монолога, и притомъ, какъ мнѣ кажется, съ бѣльшимъ правомъ, чѣмъ относимый сюда же Саппс'омъ²⁾ fr. adesp. 221 (= Коск, о. с., III, 450):

οἶαν ἀδικῶ γυναιχ' ὁ δυσδαίμων ἐγώ,

который былъ бы ничѣмъ инымъ, какъ дублетомъ ст. 469 сл.:

οἶαν λαβόν

γυναιχ' ὁ μέλεος ἠτύχημα.

Спрашивается теперь, между какими персонажами пьесы происходилъ тотъ діалогъ, остатки котораго сохранились на

1) Stob. floril. 89, 5 (= Коск, о. с., III, 51, fr. 176).

2) Саппс, о. с., 114.

оборотной сторонѣ¹⁾ обрывка U? Однимъ изъ этихъ персонажей былъ, внѣ всякаго сомнѣнія, Харисій, выступающій, между прочимъ, въ качествѣ дѣйствующаго лица и въ той діалогической сценкѣ, которая находится на verso обрывка Q, идущаго за обрывкомъ U. Но кто же былъ его партнеромъ? И Croiset (о. с., 76) и Carrs (о. с., 114) думаютъ, что имъ былъ Онисимъ, — мнѣніе, съ которымъ я считаю возможнымъ согласиться въ силу слѣдующихъ соображеній. Мнѣ кажется, что изъ хода дѣйствія какъ будто вытекаетъ, что встрѣча Онисима съ Харисіемъ являлась вполне назрѣвшей потребностью: слишкомъ уже сильно боялся этой встрѣчи Онисимъ и слишкомъ уже глубоко былъ онъ замѣшанъ въ интригѣ, направленной противъ Памфилы! Ввиду этого вполне мыслимо, что именно на него и долженъ былъ обрушиваться первый ударъ со стороны раздраженнаго Харисія и что первая діалогическая сценка, шедшая за монологомъ, представляла собой какъ разъ столкновение между этими двумя персонажами.

Что же касается до содержанія этого столкновения, то Croiset²⁾ думаетъ, что послѣднее происходило приблизительно такъ. Харисій подъ конецъ своего монолога замѣчалъ притаившагося въ сторонѣ Онисима и набрасывался на него. Онисимъ же, напуганный этимъ и понимающій, что приведенная въ исполненіе хитрость Габротононъ можетъ имѣть дурныя послѣдствія какъ разъ для него самого, вскрывалъ настоящую подоплеку дѣла и выдавалъ такимъ образомъ Габротононъ, результатомъ чего могло быть только одно, а именно, личное объясненіе Харисія съ арфисткой. Къ сожалѣнію, изъ остатковъ діалога на verso обрывка U трудно сдѣлать какой нибудь выводъ, подтверждающій или опровергающій гипотезу Croiset: слишкомъ уже незначи-

1) См. Lefebvre²⁾, о. с., XIII sq. и 21 (табл. XLI). — Обрывки U и Q, входившіе нѣкогда въ составъ одной и той-же страницы и отдѣленные въ настоящее время одинъ отъ другого небольшимъ прорывомъ, заключаются на каждой своей сторонѣ, т. е., на verso и на recto, U—6 стиховъ, Q—9 стиховъ. А такъ какъ каждая страница папируса содержитъ въ себѣ отъ 35 до 38 строкъ, то, значить, отрывкамъ U и Q не хватаетъ до полной страницы около 20 строкъ.

2) Croiset, о. с. 76.

тельны эти остатки, сводящіеся къ однимъ концамъ стиховъ и имѣющіе такую форму:

U ₂	<i>Jέγώ μέν οὐ :</i>	501 ₁
	<i>νή τ]όν Δία</i>	
	<i>Jaῦθ' οὔτω σφόδρα</i>	
	<i>Jωσ ὁμολογῶ :</i>	
	<i>οὐ? πρὸ]σ ἐμὲ βλέπει</i>	501 ₃
	<i>έταιρίδ[ιον?] αιε . . . ε</i>	

Я думаю, впрочемъ, что если слово *έταιρίδιον* въ ст. 501₆ восстановлено мной вѣрно, то какъ этотъ стихъ, такъ и предшествующій ему ст. 501₅ *οὐ? πρὸ]σ ἐμὲ βλέπει*, можно было бы считать за слова Онисима, говорящаго про Габротононъ. Ничего же другого, болѣе опредѣленнаго и точнаго, изъ ст. 501₁ слл. вывести невозможно, тѣмъ болѣе, что за ст. 501₆ снова идетъ лакуна, на этотъ разъ, впрочемъ, небольшая¹⁾. Послѣ же лакуны начинается новый обрывокъ Q, на оборотной сторонѣ котораго находится девять, приблизительно, полныхъ стиховъ, воспроизводящихъ передъ нами опять таки разговоръ Харисія, но уже не съ Онисимомъ, а съ Габротононъ. Отсюда ясно, что Габротононъ появлялась на сценѣ вскорѣ послѣ ст. 501₆, причемъ ея появленіе должно было быть неожиданностью для Харисія, не говоря уже о томъ, что нѣсколько загадочнымъ представлялся ему и самый фактъ выхода Габротононъ отъ Памфилы, съ которой, насколько онъ зналъ, она до сихъ поръ не была знакома. Что же касается до Онисима, то очень возможно, что онъ, подъ вліяніемъ разговора съ своимъ бариномъ, разговора, который врядъ ли велся со стороны Харисія въ спокойномъ тонѣ, такъ же поспѣшно и въ такомъ же ужасѣ удалялся со сцены, какъ дѣлаетъ это Парменонъ въ „Саміанкѣ“, спасающійся бѣгствомъ отъ Демеи, пригрозившаго ему наказаніемъ (ст. 109).

Но какъ и съ чего начинался разговоръ между Габротононъ и Харисіемъ, мы не знаемъ, такъ какъ *verso* обрывка Q, содержащее этотъ разговоръ, вводитъ насъ прямо *in medias res*. Отсюда слѣдуетъ, что начало разговора, до насъ не дошедшее, имѣло мѣсто до ст. 502, открывающаго собой *verso* обрывка Q или, иначе, что оно падало какъ

1) См. стр. 180, 1.

разъ на ту маленькую лакуну, которая отдѣляетъ Q отъ U. Что же касается до ст. 502, то отъ него сохранилось только одно слово *ἐπειράδης*, за которымъ слѣдуетъ отвѣтъ Габротононъ, обращенный къ Харисію. Но изъ этого еще нельзя вывести, что ст. 502 произносился Харисіемъ и что въ словѣ *ἐπειράδης* заключался упрекъ по адресу арфистки, которая „пыталась“ направить Харисія на ложный путь. Столь же возможно, что весь стихъ принадлежалъ какъ разъ къ репликѣ Габротононъ и что ст. 503 представлялъ собой его непосредственное продолженіе, какъ думаетъ это, напр., Stoiset (о. с., 78). Однимъ словомъ, по данному вопросу мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго; но зато вся остальная часть разговора не заключаетъ въ себѣ никакихъ трудностей и можетъ быть переведена такъ:

Габротононъ.

Q₂ Сейчас узнаешь всё, клянусь Аполлономъ.

Харисій.

Зачѣмъ томишь меня, негодница?

Габротононъ.

Глупышъ,

(505) Ужь ты не спорь со мной. Пойми: твоя супруга 505
Ребенка родила: онъ не чужой тебѣ!

Харисій.

О, если бъ было такъ!

Габротононъ.

Да, такъ, клянусь Деметрой!

Харисій.

Что ты сказала? Что?

Габротононъ.

Сказала только правду!

Харисій.

Такъ, значитъ, то дитя Памфилой рождено?

Габротононъ.

(510) Памфилой и тобой.

Харисій.

Памфилоу? Напрасной,
Габротононъ, прошу, надежды не сули!

510

Стихомъ 511 заканчивается разговоръ Харисія съ Габротононъ въ его теперешнемъ, неполномъ видѣ, и передъ нами снова открывается лакуна, приблизительно, въ 20 строкъ, которая отдѣляетъ конечный стихъ на verso обрывка Q отъ начального стиха, стоящаго на recto обрывка U. Благодаря этому мы не знаемъ ни того, какъ развивалась дальше бесѣда Харисія съ арфисткой, ни того, что слѣдовало за ней, какъ ея непосредственное продолженіе. Во всякомъ случаѣ, стихъ 511 не могъ быть заключительнымъ стихомъ бесѣды. Изъ него видно, что Габротононъ должна была дать еще кое-какія дополнительные разъясненія, послѣ чего только и могла наступить полная реализація всякаго рода неизвѣстностей и неопредѣленностей, среди которыхъ до сихъ поръ вращался Харисій. Отсюда ясно, что бесѣда Харисія съ Габротононъ продолжалась и послѣ стиха 511; но о томъ, какъ далеко заходила она, сказать трудно.

Равнымъ образомъ, трудно рѣшить вопросъ и насчетъ того, какъ дѣйствоваль Харисій послѣ окончанія своего разговора съ Габротононъ. Впрочемъ, если я вѣрно понимаю ходъ дѣйствія пьесы, то можно думать, что вслѣдъ за открытіемъ, сдѣланнымъ Харисію арфисткой, послѣдній долженъ былъ искать немедленнаго примиренія со своей женой. По свойственной ему пылкости, да къ тому же измученный продолжительной душевной борьбой между любовью къ женѣ и нежеланіемъ ее простить, Харисій долженъ былъ поступать стремительно, поступать такъ, какъ этого требоваль его несдержанный характеръ. Повинуясь движенію своего сердца, онъ долженъ былъ немедленно послѣ бесѣды съ Габротононъ броситься къ женѣ, чтобы вымолить у нея прошеніе, причемъ вмѣстѣ съ нимъ могла уходить и Габротононъ. А затѣмъ, послѣ удаленія Харисія и арфистки, въ дѣйствіи могла наступать пауза или, иначе, уходъ вышеуказанныхъ персонажей могъ обозначать собой конецъ акта, который и замыкался выступленіемъ хора, этого своеобразнаго дѣйствующаго лица, не причастнаго къ дѣйствію комедіи. Такимъ образомъ, согласно нашему мнѣнію, бе-

сѣда Харисія съ Габротононъ могла быть послѣднимъ явленіемъ акта; самый же актъ я хотѣлъ бы назвать актомъ „неожиданныхъ открытій“, тѣмъ болѣе, что онъ дѣйствительно приводилъ къ полному выясненію той тайны, которая до сихъ поръ служила причиной отдаленія Харисія отъ Памфилы. Но разъ это такъ, то бесѣда Харисія съ Габротононъ есть ничто иное, какъ настоящая сценка „признанія“, настоящій *ἀναγνώρισμός*, безъ котораго не можетъ обойтись ни одна пьеса „новой“ комедіи.

5.

Спрашивается теперь, какъ развивалось дѣйствіе дальше, и можно ли на основаніи того, что осталось въ рукописи отъ послѣдующихъ сенокъ, реконструировать новый актъ, который, какъ намъ это кажется, начинался послѣ діалога Харисія и Габротононъ. Я не буду скрывать, что попытка подобной реконструкціи заключаетъ въ себѣ еще больше трудностей, чѣмъ реконструкція третьяго акта, гдѣ, несмотря на массу прорывовъ и лакунъ, всё таки можно установить приблизительный ходъ дѣйствія и намѣтить, хотя бы въ общихъ чертахъ, возможную смѣну лицъ и явленій. Причина же тѣхъ трудностей, съ которыми сопряжено возстановленіе четвертаго акта, объясняется отчасти тѣмъ, что въ немъ выступаетъ новое лицо, съ которымъ мы раньше не встрѣчались, если только вѣрно возстановляется учеными начало ст. 512, отчасти же тѣмъ, что въ хорошемъ видѣ дошла до насъ только вторая половина акта (ст. 521—591), тогда какъ отъ первой сохранилось всего на всего 15 неполныхъ стиховъ, за которыми слѣдуетъ лакуна, приблизительно, въ 70 строкъ съ небольшимъ. Но, при наличности подобныхъ условій, очень трудно составить себѣ ясную картину того, какъ развивалось дѣйствіе, черезъ какіе этапы оно прошло и съ какими подробностями было оно связано. Естественнымъ же результатомъ подобной неопредѣленности является то, что и вся реконструкція получаетъ абсолютно гадательный характеръ, причемъ единственное, чего она можетъ достигнуть, это — бѣльшей или меньшей степени вѣроятности.

Мы уже сказали выше, что часть той лакуны въ 20 строкъ, которая отдѣляетъ verso обрывка Q отъ recto

обрывка U, шла на окончание бесѣды Харисія съ Габротононъ. Другая же часть лакуны, и притомъ, надо думать, бѣльшая, падало на начало новаго акта, причеь къ этому же началу относятся и тѣ остатки діалогической сценки, которые занимають гесто обрывковъ U и Q.

Что касается до гесто обрывка U, то оно даетъ намъ остатки 6 стиховъ, изъ которыхъ четыре снабжены знакомъ параграфа, — ясное указаніе на то, что мы дѣйствительно имѣемъ передъ собой діалогъ, и притомъ довольно оживленнаго характера, ибо частые параграфы могутъ указывать только на одно, а именно, на частую смѣну дѣйствующихъ лицъ. Но кто же былъ въ діалогѣ этими дѣйствующими лицами? Однимъ изъ нихъ, какъ это явствуетъ изъ *nota marginalis* ON (т. е., *Ὀνήσιμος*), стоящей противъ ст. 510₄, былъ никто иной, какъ Онисимъ. Что же до другаго, то онъ остается для насъ лицомъ неизвѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что имя его въ рукописи не обозначено. Далѣе, относительно содержанія разговора, который ведутъ между собою Онисимъ и его партнеръ, трудно сказать что нибудь опредѣленное, ибо рукопись сохранила только начала стиховъ, сводящіяся къ отдѣльнымъ словамъ, не больше. И дѣйствительно, общій видъ сохранившейся части діалога будетъ таковъ:

U ₁	<i>ἐπάρχου[.]</i>	510 ₁
	<i>ὄντως ἀβ[.]</i> ¹⁾	
	<i>ἀλλ' ἐξάπατ[.]</i>	
On.	<i>ἀπέσωσε συμ[.]</i> ²⁾	
	<i>ἔγωγε προσ[.]</i>	510 ₅
	<i>. . αν[.]</i>	

Сдѣлать изъ этихъ жалкихъ обрывковъ какой нибудь точный выводъ, конечно, немисливо. Тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что діалогъ, бѣльшая часть котораго приходится на лакуну въ 20 строкъ, оканчивался ст. 510₃, послѣ чего собесѣдникъ Онисима удалялся, а самъ Онисимъ произносилъ монологъ, въ начальныхъ стихахъ котораго (ст. 510₄ слл.) онъ говорилъ, повидимому, о Габротононъ, какъ о своей союзницѣ и, притомъ, какъ о человѣкѣ, содѣйствовавшемъ

1) *Ἀρχότορον* Lefebvre; *ἀβέλτερον* Koerte.

2) *συμπαροῦσα* ἐμοί Koerte; *συμπαροῦσα* Lefebvre.

такъ что общій видъ всего отрывка (я привожу его въ обработкѣ Koerte) будетъ таковъ:

(Ον.) [.]νωκ[.]
X[αι]ρ[έστο]ατ' · (Χαι.) ἦδε τὸ μετὰ τα[ῦτα φροντιεῖ]
ὄπωσ [δια]μενεῖσ ὄν Χαρισίω [σύ γε]
οἴοσπερ ἦσθα πιστός · οὐ γάρ ἐστ['] ἄφρον]
ἑταιρίδιον τοῦτ' οὐδὲ τὸ τυχόν [ἐπλάσατο], 515
σπονδῆ δὲ καὶ παιδάριον ἦδ' ἐ[γνώρισε]ν.]
 (Ον.) *ἐλεύθερος, πάξ · μὴ βλέποι[μ', εἰ προσεδόκων.]*
 (Χαι.) *κ[α]ῖ πρότον αὐτόν κατὰ μόνα[σ δρᾶν θέλω]*
τὸν φίλτατον καὶ τὸν γλυκύτατ[ον] ἰδοῦν].

Я оставляю въ сторонѣ оцѣнку самихъ дополненій, которыя, на мой взглядъ, по большей части, очень удачны. Въ настоящій же моментъ меня интересуетъ другое, а именно, превращеніе отрывка въ діалогъ и выведеніе на сцену, въ качествѣ собесѣдника Онисима, Хэрестрата, персонажа, съ которымъ мы еще не встрѣчались.

По мнѣнію Koerte¹⁾, Хэрестратъ есть никто иной, какъ отецъ Харисія, т. е., *γέρον*. Но, какъ совершенно правильно замѣчаетъ Croiset²⁾, если бы Хэрестратъ дѣйствительно былъ отцомъ Харисія, то можно было бы удивляться на то, что Сирискъ, являющійся его рабомъ, во первыхъ, не знаетъ Онисима, принадлежащаго къ той же familia, а во вторыхъ, хочетъ судиться съ сыномъ своего хозяина (ст. 185, 198). На это Robert³⁾ и другіе отвѣчаютъ, что незнакомство Сирика съ Онисимомъ надо объяснять просто тѣмъ, что Сирискъ живетъ на сторонѣ, тогда какъ Онисимъ постоянно находится при Харисіи, — странное объясненіе, какъ будто исключающее всякую возможность того, что Сирискъ при своихъ посѣщеніяхъ Хэрестрата могъ видѣть Онисима, хотя бы мелькомъ. Но еще страннѣе то, что имя Харисія, упоминаемое Онисимомъ (ст. 176, 189, 230), не производитъ на Сирика никакого впечатлѣнія, — настолько не производитъ, что Сирискъ продолжаетъ упорно стоять на своемъ, чего думается мнѣ, онъ бы не сдѣлалъ, если бы Харисій былъ,

1) Koerte², о. с., XIX, 3. Такъ же думаютъ: van Leeuwen², о. с., 12, 3; Robert, о. с., 1 sq. и Carps, о. с., 29 sq.

2) Croiset, о. с., 8. См. также Humphers, о. с., 355 sqq.

3) Robert, о. с., 2; Carps, о. с., 29.

какъ это полагаетъ Koerte, его „барченкомъ“, его *τροφιμοσ*. Однимъ словомъ, получается такое впечатлѣніе, точно въ лицѣ Сириска и Онисима мы имѣемъ рабовъ, принадлежащихъ разнымъ господамъ, и притомъ господамъ, которые не находятся другъ съ другомъ въ родственныхъ отношеніяхъ. Впрочемъ, я готовъ согласиться съ тѣмъ, что всѣ приведенныя мной возраженія еще не являются неопровержимымъ доказательствомъ того, что Хэрестратъ не могъ быть отцомъ Харисія и что ввиду этого не надо приводить другихъ, болѣе серьезныхъ доводовъ. Но подобные доводы у насъ есть, причемъ сводятся они къ слѣдующему¹⁾. До сихъ поръ намъ было извѣстно, что имя „Хэрестратъ“ прилагалось „новой“ комедіей и, въ частности, Менандромъ исключительно къ юношамъ. По крайней мѣрѣ, Хэрестратъ, какъ *adulescens*, выступалъ въ „Евнухѣ“ и въ „Подкидышѣ“ (*Ἐπιβολιμαῖοσ*) Менандра²⁾, да сверхъ того это-же имя встрѣчается и въ Горанскихъ комическихъ отрывкахъ, гдѣ носителемъ его опять таки является юноша, а не старикъ (ст. 107, 165 и 168)³⁾. Мало того, изъ Хорикія Газейскаго, на котораго мы уже имѣли случай сослаться (см. стр. 108, 6), мы знаемъ, что отличительной чертой Хэрестрата, какъ типа *adulescens*, было то, что онъ *παλτροῖοσ ἐρῶ*, причемъ именно въ качествѣ такого любителя арфистокъ онъ и выступалъ въ „Евнухѣ“, какъ явствуетъ это изъ Персія (Sat. V, 161) и изъ слѣдующихъ словъ Персіевскаго схолиаста: *hunc locum de Menandri Eunucho traxit, in quo Davum servum Chaerestratus adulescens alloquitur, tamquam amore Chrysidis derelictus, idemque tamen ab ea revocatus ad illam redit.*

Но въ „новой“ комедіи существовало своего рода правило, согласно которому опредѣленныя имена играли роль опредѣленной и притомъ несмѣняемой этикетки, позволявшей узнавать сразу и къ тому же безошибочно, съ кѣмъ

1) Впервые привелъ эти доводы Legend въ „Revue des études grecques“, X (1909), 208, а затѣмъ ихъ развилъ Nutters (о. с., 357 слл.). Ср. также Karr, Zu den Epitrepontes des Menander (= Hermes, 47 (1912), 318).

2) См. Kock, о. с., III, 53—54 и 137.

3) Горанскіе отрывки были впервые опубликованы Jouguet въ „Bulletin de correspondance hellénique“, XXX (1906), 103 sqq. См. также Koerte, Die Komödienparody von Ghran (= Hermes, 43 (1908), 38 sqq).

зрители имѣють дѣло, т. е., иными словами, имена юношей никогда не отдавались старикамъ, равно какъ имена дѣвухъ — зрѣлымъ женщинамъ, а имена рабовъ и рабынь — людямъ свободнымъ. И насколько мнѣ извѣстно, нельзя указать ни одного случая, гдѣ это своеобразное правило, получившее силу особаго закона, было бы нарушено или не соблюдено въ достаточной степени¹⁾. Но разъ это такъ, то желаніе нѣкоторыхъ ученыхъ дѣлать изъ Хэрестрата старика оказывается шагомъ довольно рискованнымъ и притомъ не имѣющимъ подъ собой никакихъ солидныхъ основаній, а слѣдовательно, и должно быть откинуто, какъ нѣчто, противорѣчащее практикѣ „новой“ комедіи и къ тому же нарушающее ея законы. Итакъ, если Хэрестратъ выступалъ въ „Третьемъ судѣ“ въ качествѣ дѣйствующаго лица, онъ долженъ былъ играть роль юноши, пріятеля Харисія, но отнюдь не могъ быть отцомъ послѣдняго²⁾.

Такъ и смотритъ на Хэрестрата Croiset³⁾, удѣляющій ему мѣсто въ началѣ третьяго акта, тамъ, гдѣ, согласно нашему мнѣнію, происходитъ діалогъ между Смикриномъ и Памфилой (стр. 171 слл.). Но это и будетъ въ реконструкціи Croiset единственное мѣсто, гдѣ появляется Хэрестратъ, на обязанности котораго лежитъ утѣшать Харисія и который затѣмъ въ дальнѣйшемъ ходѣ пьесы уже не принимаетъ никакого участія, — гипотеза, которая кажется мнѣ нѣ-

1) Только въ „Евнухѣ“ Теренція имя „Хреметъ“, которое обыкновенно прилагается къ старикамъ, приложено къ молодому человѣку. Но и это исключеніе станетъ для насъ вполне понятнымъ, если мы вспомнимъ, что Хреметъ, выступающій въ „Евнухѣ“, вовсе не является юношей и во всякомъ случаѣ не юношей, годнымъ на роль *jeune premier*. Его любовная пора уже миновала и онъ стоитъ, такъ сказать, на границѣ между юношей и зрѣлымъ человѣкомъ.

2) Bodin-Mazon, о. с., 302, 2 хотя бы видѣтъ въ Хэрестратѣ хозяина „d'un de ces hôtels ou cabarets (*καπηλεία, πανδοχεία*) dans lesquels, déjà à l'époque d'Isocrate (Isoc., VII, 49; XV, 287), les jeunes gens se réunissaient pour faire la fête“. Однако я думаю, что противъ подобнаго предположенія говоритъ прежде всего та роль, которая возлагалась обыкновенно на носителя имени „Хэрестратъ“ въ „новой“ комедіи (см. стр. 188). А во-вторыхъ, если бы мы приняли объясненіе французскихъ ученыхъ, то намъ пришлось бы допустить, что въ нашемъ случаѣ „золотая молодежь“, вмѣсто того, чтобы кутить въ городѣ, перебиралась въ деревенскую харчевню. Въ дѣйствіе „Третьякаго суда“ происходитъ въ деревнѣ!

3) Croiset, о. с., 65.

сколько странной, ибо при ней роль Хэрестрата оказывается безусловно излишней и ничѣмъ не оправдываемой.

Значитъ, пока нами установлено, что Хэрестратъ, во-первыхъ, не могъ изображать старика, а во-вторыхъ, врядъ ли могъ появляться въ началѣ третьяго акта. Переходимъ теперь къ тому возстановленію обрывка Q, которое даетъ Koerte. Послѣдній, какъ мы уже видѣли, усматриваетъ въ Хэрестратѣ отца Харисія, — предположеніе, признаваемое нами невозможнымъ. Что же касается до того участія въ дѣйствіи, которое, согласно Koerte, выпадало на долю Хэрестрата, то оно сводилось къ тому, что Хэрестратъ, появляясь въ началѣ четвертаго акта, сперва давалъ свободу Онисиму и Габротононъ, а затѣмъ уводилъ арфистку съ собой въ городъ¹⁾. Но подобная реконструкція, независимо даже отъ того, что Хэрестратъ не могъ быть отцомъ Харисія, сама по себѣ не выдерживаетъ серьезной критики, ибо и при ней появленіе Хэрестрата будетъ абсолютно необоснованнымъ. Правда, въ „новой“ комедіи мы можемъ указать не мало случаевъ, когда то или другое лицо выступаетъ передъ зрителями только подъ самый конецъ дѣйствія, какъ, напр., Критонъ въ *Andria* Теренція. Но всякое подобное выступленіе бываетъ обыкновенно обставлено какими нибудь серьезными причинами, а самый персонажъ, выходящій на сцену подъ конецъ пьесы, не рѣдко играетъ роль настоящаго *deus ex machina*, развязывающаго слишкомъ туго затянувшійся узелъ интриги, какъ видимъ мы это опять таки на примѣрѣ Критона. Въ нашемъ же случаѣ ничего подобнаго нѣтъ, ибо завязка оказывается уже распутанной къ приходу Хэрестрата, и ему остается одно — давать свободу Онисиму и Габротононъ, какъ будто этого не могла сдѣлать сама Памфила или Харисій.

Однимъ словомъ, я считаю, что Хэрестратъ, другъ Харисія, въ домѣ котораго послѣдній временно проживаетъ, во все не участвовалъ въ дѣйствіи нашей пьесы: онъ былъ отсутствующимъ лицомъ²⁾, имя котораго понадобилось поэту

1) Koerte², о. с., XXIX. Что касается до Jensen'a (о. с., 553), то онъ думаетъ, что Хэрестратъ не только отпускаетъ на волю Онисима и Габротононъ, но и связываетъ ихъ узами брака. Такъ же думаетъ теперь и Vollgraff. См. *Berl. phil. Wochenschrift. Sonderheft*, (1912), 1594.

2) Впервые предположилъ это Б. В. Варнеке, *Новыя комедіи Менандра*, 98, а затѣмъ ту-же мысль развилъ Nitzs, о. с., 354 sqq.

лишь для того, чтобы объяснить, къ кому и за чѣмъ пришелъ Сирискъ, персонажъ играющій важную роль въ комедіи, а также для того, чтобы помѣстить подъ кровлей Хэрестрата Харисія, временно отдалившагося отъ своей жены, Памфилы. На случай же, если эти мои соображенія покажутся недостаточно убѣдительными, я могу сослаться на слѣдующее. Не каждое собственное имя, приводимое въ той или другой комедіи, указываетъ на то, что персонажъ, его носящій, принималъ непремѣнное участіе въ дѣйствіи. Такъ, напр., въ самомъ концѣ „Отрѣзанной косы“ Менандра (ст. 447) упоминается Филинъ, на дочери котораго Патэкъ хочетъ женить своего сына, Мосхіона. Но это вовсе не значитъ, что Филинъ игралъ какую нибудь роль въ пьесѣ. Равнымъ образомъ, въ концѣ *Neautontimorumenos* Теренція (ст. 1065) Хреметъ говоритъ Клиніи, что онъ нашелъ для него невѣсту въ лицѣ дочери нѣкоего Архонида. Однако этотъ Архонидъ нигдѣ въ пьесѣ не выступаетъ: его имя взято просто на просто, какъ первое попавшееся имя, нужное поэту для его цѣлей. Наконецъ, въ „Евнухѣ“ того-же Теренція юноша Херея говоритъ рабу Парменону (ст. 327), что ему при выслѣживаніи приглянувшейся дѣвушки помѣшалъ родственникъ и однолѣтокъ его отца, Архименидъ, — лицо, которое не появляется въ пьесѣ и о которомъ больше нигдѣ не говорится. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ ясно, что и Хэрестратъ могъ быть такимъ же отсутствующимъ лицомъ, вовсе не замѣшаннымъ въ дѣйствіе пьесы и въ ней отнюдь не выступавшимъ.

Но коль скоро я держусь подобнаго мнѣнія, я не могу, конечно, согласиться и съ тѣмъ, что слово, начинающее собой стихъ 512, надо читать, какъ *X[ai]q[é]στ[ο]γ[α]τ'*. Въдѣ съ такимъ же правомъ могло стоять здѣсь и *χ[α]ρί[ε]στ[ο]γ[α]τ'*, какъ думаетъ это Croiset¹⁾. Итакъ, дополненіе, предложенное Sudhans'омъ, я считаю недостаточно обоснованнымъ, а для себя лично и совсѣмъ неприемлемымъ. Съ другой же стороны я не могу раздѣлить и обычнаго взгляда на г е s t o обрывка Q, какъ на остатки діалога, ибо прежде, чѣмъ насиловать рукописное преданіе, говорящее противъ этого, нужно еще убѣдиться въ томъ, что это преданіе, дѣйствительно оши-

1) Croiset, o. c., 82.

бочно, чего я, напр., не вижу. Къ тому же нѣсколько страннымъ кажется мнѣ и то, что рукопись, которая съ рѣдкой послѣдовательностью проводитъ принципъ обозначенія смѣны дѣйствующихъ лицъ черезъ параграфы и двоеточіе, — что эта рукопись почему-то измѣнила своему принципу какъ разъ по отношенію къ тексту обрывка Q, превративъ его такимъ образомъ изъ діалога въ монологъ! Однимъ словомъ, я, вслѣдъ за Croiset¹⁾, смотрю на текстъ, сохраненный обрывкомъ Q, какъ на остатки монолога; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ противоположность французскому ученому, я не могу видѣть въ этихъ остаткахъ слова Памфилы, обращенныя ею къ Онисиму, ибо противъ подобнаго взгляда говоритъ, во-первыхъ, грубоватый тонъ монолога, а во-вторыхъ, его заключительныя слова, изъ которыхъ, если брать дополнение Croiset²⁾, какъ будто слѣдуетъ, что Памфила хочетъ не то повидать, не то перенести къ себѣ ребенка, какъ будто всего этого она не могла сдѣлать раньше (ср. ст. 443—456).

Что же касается до меня, то, на мой взглядъ, лицомъ, произносящимъ монологъ, будетъ никто иной, какъ Онисимъ³⁾, разсуждающій самъ съ собой о томъ, что выпало на его долю благодаря благополучному окончанію дѣла съ кольцомъ и съ найденышемъ. А такъ какъ лакуна между обрывками U и Q можетъ быть лишь очень и очень незначительной, то я думаю, что ст. 511 слл. (recto обр. Q) является своего рода продолженіемъ ст. 510₄—510₆ (recto обр. U), или, иначе, что съ этихъ послѣднихъ стиховъ начинался повѣствовательный монологъ Онисима, переходившій затѣмъ послѣ лакуны на обрывокъ Q.

Но разъ мы думаемъ такъ, намъ придется внести кое-какія измѣненія и въ самый текстъ отрывка, причемъ эти измѣненія сведутся къ очень немногому и почти не затро-

1) Croiset, о. с., 82.

2) Ср. Croiset, о. с., 82:

*καὶ πρῶτον αὐτὴν κατὰ μόν[ασ λαβοῦσ' ἐγὼ]
τὸν φίλιππον καὶ τὸν γλυκῦτα[τον παιδ' ἐμοῦ]
[φέρειν σὲν αὐτῇ βούλομαι εἰς τὴν οἰκίαν].*

3) Carrs (о. с., 116) тоже вкладываетъ ст. 511—516 въ уста Онисима, но затѣмъ у него начинаетъ говорить Хэрестратъ который и произноситъ ст. 517—519.

нуть дополненій Koerte, если не считать того, что діалогъ долженъ будетъ принять форму слѣдующаго монолога:

[ὦ, νῆ τὸν Ἀπόλλω καὶ θεοὺς, πόλλ' εἶπέ μοι] ¹⁾
 χαριέστατ' ἦδε · τὸ μετὰ ταῦτα φροντιῶ] ²⁾
 ὅπως [δια]μενεῖς ὦν Χαρισίῳ [σύ γε] ³⁾
 οἴσπερ ἦσθα πιστός . οὐ γὰρ ἐσ[τ' ἄφρον] ⁴⁾
 ἔταιρίδιον τοῦτ' οὐδὲ τὸ τυχὸν [ἐπλάσατο.] ⁵⁾ 515
 σπουδῇ δὲ καὶ παιδάριον ἦδ' ἐ[γνώρισεν.] ⁶⁾
 ἐλεύθερος, πάξ · μὴ βλέποι[μ', εἰ προσεδόκων.] ⁷⁾
 καὶ πρῶτον αὐτὸν κατὰ μόνα[σ ὄρᾶν θέλω] ⁸⁾
 τὸν φίλτατον καὶ τὸν γλυκύτετα[τον δεσπότην.] ⁹⁾

Т. е.:

Клянусь богами я, клянуся Аполлономъ,
 Не мало сладкихъ словъ сказала мнѣ она:
 „Отнынѣ буду я смотрѣть за тѣмъ, чтобъ вѣренъ
 Ты былъ Харисію, какъ раньше былъ“. — Ей, ей,
 Гетера не глупа, придумала все складно, 515
 Такъ дѣло сладила, что признано дитя! —
 Ишь ты, свободенъ я! Не ожидалъ, ей богу! —
 Страсть какъ мнѣ хочется сейчасъ наединѣ
 Увидѣть барина, голубчика, родного! ¹⁰⁾

Итакъ, мы считаемъ, что эти слова говорилъ Онисимъ

1) ὦ, νῆ τὸν Ἀπόλλω Robert; καὶ θεοὺς, πόλλ' εἶπέ μοι Cereteli.

2) χαριέστατ' Croiset; φροντιῶ Cereteli.

3) σύ γε Sudhaus.

4) οἴσπερ par.: ἦσθα Arnim; ἄφρον Koerte.

5) ἐπλάσατο Koerte.

6) ἐγνώρισεν Hense.

7) βλέποιμ', εἰ προσεδόκων Koerte.

8) ὄρᾶν θέλω Koerte; αὐτὸν par.: αὐτόν Lefebvre.

9) δεσπότην Cereteli.

10) За послѣднее время ст. 512 слл. подверглись новой трактовкѣ со стороны Vollgraff'a, который, подобно остальнымъ ученымъ, видитъ въ нихъ діалогъ Хэрестрата и Онисима, съ чѣмъ я согласиться не могу. Равнымъ образомъ не могу я одобрить и слѣдующаго дополненія ст. 514—516:

οὐ γὰρ ἐσ[θ' ἄπλωσ]
 ἔταιρίδιον τοῦτ' οὐδὲ τὸ τυχὸν [παίγνιον],
 σπουδῇ δὲ καὶ παιδάριον ἦδε [θρόψεται].

Особенно же подозрительно мнѣ слово *παίγνιον*, которое Vollgraff переводитъ черезъ „(nettes Ding), an dem man eine Weile seine Freude haben mag“. См. Vollgraff, Berl. phil. Wochenschrift. Sonderheft (1912), 1594 сл.

и говорилъ ихъ притомъ одинъ, такъ какъ его собесѣдникъ уходилъ со сцены послѣ стиха 510₃. Но кто же былъ собесѣдникомъ Онисима, если имъ не могли быть ни Хэрестратъ, ни Памфила? Мнѣ кажется, что этимъ собесѣдникомъ была Габротононъ, выходявшая въ началѣ четвертаго акта отъ Харисіа и сообщавшая Онисиму, который въ этотъ моментъ вступалъ на сцену, о томъ, что все уладилось, что она сама получила вольную и что такая же вольная ждетъ и Онисима, — извѣстіе, по поводу котораго Онисимъ и произносилъ свой монологъ, чтобы затѣмъ идти къ Харисію, находившемуся при Памфилѣ и ея ребенкѣ.

Я не знаю, конечно, убѣдительно ли послѣдняя часть моей гипотезы и подходит ли она подъ понятіе *τὸ εἶκόσ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ я увѣренъ, что ст. 511 слл. могутъ быть разсматриваемы только, какъ часть монолога Онисима и что, съ другой стороны, Хэрестратъ не игралъ и не могъ играть никакой роли въ нашей пьесѣ, какъ думали это раньше.

Значить, согласно нашему мнѣнію, четвертый актъ начинался съ діалогической сценки, которая переходила затѣмъ въ монологическую, причемъ дѣйствующими лицами въ этихъ сценкахъ были Онисимъ и Габротононъ. Но этимъ предположеніемъ и ограничивается всё, что мы можемъ сказать по поводу начала акта, ибо вслѣдъ за ст. 519 снова открывается лакуна и, притомъ, очень значительная, равняющаяся, какъ думаетъ Koerte, 70 строкамъ или, иначе, двумъ страницамъ. Ввиду громадности лакуны, а также благодаря полному отсутствію какихъ бы то ни было данныхъ, на которыя можно было бы опереться, мы принуждены отказаться отъ всякой попытки возстановленія утраченной части акта. Мы можемъ предположить только, что она должна была заключать въ себѣ цѣлый рядъ дополнительныхъ эпизодовъ, являвшихся своего рода прелюдіей къ стихамъ 521 — 591, въ которыхъ выступалъ Смикринъ, единственный персонажъ комедіи ¹⁾, еще не посвященный во всё происшедшее. И дѣйствительно, послѣ своего разрыва съ зятемъ и столкно-

1) Что касается до Сириска, то мыслимо, конечно, что на его долю выпадала какая нибудь роль въ утраченной части четвертаго акта, хотя съ другой стороны нельзя не отмѣтить и того, что его появленіе здѣсь вовсе не было чѣмъ-то обязательнымъ. Насколько я понимаю, роль этого персонажа могла ограничиваться только первой частью пьесы, а именно, частью

венія съ дочерью, онъ какъ бы отсталъ отъ поступательнаго движенія событій, и они успѣли разыгратъ во всю прежде, чѣмъ онъ вернулся изъ города и принялъ въ нихъ участіе. Такимъ образомъ, только онъ одинъ продолжалъ находиться во власти гнѣва на Харисіа и страха за свои деньги, т. е., во власти прежнихъ ощущеній, которымъ, казалось, не предвидѣлось и конца. Что же касается до всѣхъ остальныхъ, то они уже не стояли передъ лицомъ неизвѣстности: всѣ ихъ волненія кончились, и они могли спокойно дожидаться возвращенія Смикрина, который и не подозрѣвалъ о возможности того, что случилось, ибо слухи объ этомъ еще не успѣли дойти до него.

Правда, Croiset²⁾ думаетъ, что Харисій и Памфила, дабы наказать ворчливаго старика, отправляли за нимъ Софрону, которая должна была рассказать о томъ, что Харисій взялъ къ себѣ свою жену, и которая въ то-же время должна была посовѣтовать ему не раздражаться на это. То есть, иными словами, Croiset предполагаетъ, что Памфила и Харисій устраивали противъ Смикрина настоящій заговоръ и что изложенію этого заговора была посвящена одна изъ сенокъ въ самомъ началѣ акта. Но это предположеніе кажется мнѣ довольно неестественнымъ и слишкомъ уже придуманнымъ, тѣмъ болѣе, что противъ него говоритъ, повидимому, и самый текстъ, идущій за лакуной, въ частности же стихи 522—530. И дѣйствительно, изъ этихъ стиховъ вовсе не видно, чтобы Смикринъ былъ ознакомленъ съ фактомъ нахождения Памфилы у Харисіа. По крайней мѣрѣ, онъ не упоминаетъ объ этомъ и если говорить о чемъ, то лишь о своемъ намѣреніи увести дочь отъ ея расточительнаго мужа. Да и вообще вся сценка, въ которой Смикринъ обращается къ Софронѣ, производитъ такое впечатлѣніе, точно онъ ведетъ Софрону изъ своего дома и притомъ съ очень опредѣленной цѣлью: она должна убѣ-

подготовительной, той частью, гдѣ возникаетъ исторія съ кольцомъ и съ найденышемъ. Для дальнѣйшаго же развитія дѣйствія Сирискъ являлся лицомъ ненужнымъ, и если снѣ все таки выступалъ въ четвертомъ актѣ, то только для того, чтобы, наравнѣ съ Онисимомъ и Габротономъ, получить свободу и убѣдиться въ томъ, что ребенокъ, котораго онъ спасъ, на самомъ дѣлѣ знатнѣе его, какъ онъ и предполагалъ это раньше.

2) Croiset, о. с., 83.

дить Памфилу согласиться на разводъ. Ввиду этого гораздо проще думать такъ, какъ думаетъ Koerte, а именно, что въ началѣ третьяго акта Смикринъ уходилъ въ городъ, дабы привести оттуда Софрону; въ четвертомъ же актѣ онъ возвращался съ нею, причемъ изъ его словъ ясно, что по дорогѣ Софрона старалась отговорить его отъ принятаго имъ плана, что приводило его въ раздраженіе и было причиной тѣхъ рѣзкостей и угрозъ, которыми онъ и осыпаетъ старуху, не отвѣчающую ему ни слова. Итакъ, я оставляю въ сторонѣ гипотезу Croiset, хотя и понимаю, почему онъ долженъ былъ ее выставить. Въдѣ у него Софрона принимаетъ участіе въ дѣйствіи пьесы¹⁾ и между прочимъ ведетъ тотъ самый разговоръ съ Габротононъ (ст. 452 сл.), который, какъ это доказано теперь Jepsen'омъ, ведетъ на самомъ дѣлѣ не она, но Памфила. А такъ какъ, съ другой стороны, изъ стиховъ 522 сл. вытекаетъ, что Смикринъ приходитъ какъ разъ съ Софроной, то Croiset и надо было предварительно отослать Софрону къ нему, чтобы объяснить этимъ ихъ совместное появленіе въ концѣ комедіи, что въ противномъ случаѣ было бы не совсѣмъ ясно. Я же считаю, что Софрона не принимала участія въ дѣйствіи пьесы вплоть до ея послѣдняго акта и что она была лицомъ, нужнымъ только для развязки, но вовсе не нужнымъ для того, чтобы выступать раньше въ качествѣ болѣе или менѣе отвѣтственнаго персонажа. Въ подобномъ же взглядѣ на Софрону укрѣпляетъ меня между прочимъ и то обстоятельство, что съ уничтоженіемъ возможности ея выхода въ сценкѣ съ Габротононъ, исчезаетъ, кажется, всякій поводъ къ ея выходу въ послѣдствіи, если не считать заключительнаго акта, гдѣ она появляется въ качествѣ спутницы Смикрина, чтобы своими словами, словами лица особенно близкаго къ Памфилѣ²⁾, разсѣять послѣднія сомнѣнія старика и поставить, такъ сказать, точку надъ всѣмъ, что когда-то было (ст. 583 сл.).

1) См. Croiset, о. с., 66 sqq.

2) Robert (о. с., 1) совершенно напрасно хочетъ видѣть въ Софронѣ жену Смикрина. Гораздо правильнѣе будетъ считать ее за няню Памфила, т. е., за рабыню, тѣмъ болѣе, что имя „Софрона“, какъ имя *τροφῶσα*, встрѣчается въ Euphuchus и Phormio Теренція, а также въ *Ἡρώσ* Менандра и въ Pastoralia Лонга (IV, 21, ed. Seiler). См. стр. 64, 2, а также Б. В. Варнеке, о. с., 98.

Переходимъ теперь къ сохранившейся части четвертаго акта, которая начинается съ двухъ стиховъ, стоявшихъ, по-видимому, въ тѣсной связи съ тѣмъ текстомъ, на мѣстѣ котораго тянется теперь вышеупомянутая нами лакуна въ 70 строкъ (ст. 520—521):

*σώφρονα · τῶν αὐτῶν γὰρ οὐκ ἀπέσχετ' ἄν
ἐκείνος ἐν τοῦτ' οἶδ' , ἐγὼ δ' ἀφέξομαι.*

По мнѣнію Koerte¹⁾, Robert'a²⁾ и Capps'a³⁾ эти слова, произносимыя уходящимъ со сцены Хэрестратомъ, имѣютъ въ виду Габротононъ, а потому и должны быть переводимы, приблизительно, такъ: „онъ не сумѣлъ бы воздержаться отъ подобной женщины, я же сумѣю“⁴⁾. Такой переводъ былъ бы, конечно, вполне правиленъ, если бы только мы могли быть увѣрены въ томъ, что при *τῶν αὐτῶν* надо подразумевать *γυναικῶν*, ибо глаголь *ἀπέσχεσθαι* очень часто ставится въ эротическомъ смыслѣ, въ смыслѣ лат. *manus abstinere*, какъ правильно отмѣчаетъ это Capps (о. с., 118, прим.). Но, помимо этого specialнаго значенія, онъ имѣетъ и другое, болѣе широкое, а именно: „воздерживаться отъ чего либо“, будь то мысли, поступки, настроенія и т. д., причемъ очень возможно, что какъ разъ такой смыслъ и былъ приданъ ему въ ст. 520—521, которые въ своемъ настоящемъ, изолированномъ положеніи остаются для насъ несомнѣнно ясными. Ясно только одно, что ихъ произносилъ персонажъ, оставлявшій сцену; но опредѣлить съ точностью, кто былъ этимъ персонажемъ и къ кому относились его слова, безусловно немыслимо⁵⁾. Я упомяну только для полноты изложенія, что, по

1) Koerte², о. с., XXIX и 38.

2) Robert, о. с., 91.

3) Capps, о. с., 118.

4) Отмѣчу только, что если относить стихи 520—521 къ Хэрестрату, то получается довольно курьезная ситуація, а именно: Хэрестратъ уводитъ съ собой Габротононъ, дабы спасти Харисію отъ возможности впасть въ искушеніе!

5) Я отказываюсь отъ своего прежняго мнѣнія, согласно которому ст. 520—521 должны были произноситься Софронией: это мнѣніе покоится на невѣрномъ пониманіи текста и на невѣрномъ его переводѣ! См. Цетели, Новооткрытая комедія Менандра *Ἐπιφλοποντες* (= Журн. Мин. Нар. Просв., 1908, октябрь, отд. класс. фил., 39, отд. отт.).

мнѣнію Croiset ¹⁾, эти слова говорилъ Харисій, желавшій выразить ту мысль, что хотя онъ и могъ бы отплатить своему тестю за всѣ его оскорбленія, онъ рѣшился воздержаться отъ этого, чего на его мѣстѣ Смикринъ бы ни въ коемъ случаѣ не сдѣлалъ. Какъ бы то ни было, когда лицо, говорившее загадочные для насъ стихи 520—521, уходило со сцены, на ней появлялся Смикринъ, сопровождаемый Софроной, и появлялся, конечно, въ своемъ обычномъ, т. е. раздраженномъ состояніи, волнуемый притомъ вѣчными думами о деньгахъ, яко-бы расточаемыхъ Харисіемъ, и о необходимости увести Памфилу, дабы такимъ образомъ спасти хотя бы остатки ея приданого. Этимъ приходомъ Смикрина и открывалось новое явленіе, которое сохранилось въ рукописи полностью и которое можно было бы перевести такъ :

Смикринъ.

- Н₃ Коль я не разобью башки твоей, Софрона,
 Пусть пропаду совсѣмъ! Ты будешь мнѣ читать
 Нравоученья? Ты, негодная старуха?
 Съ увозомъ дочери я, видишь ли, спѣшу! 525
- (525) Иль ждать, по твоему, пока зятекъ почтенный
 Приданого не съѣлъ? Иль о своемъ добрѣ
 Балясы съ нимъ точить? И лѣзть съ такимъ совѣтомъ!
 Нѣтъ, лучше мнѣ спѣшить! Ни слова, а не то —
 Завоешь у меня! — И я съ Софроной спорю! 530
- (530) Увидишь дочь мою, — изволь уговорить!
 А какъ пойду домой — пусть счастья мнѣ не будетъ,
 Коль я — ты видѣла болото на пути? —
 Коль я не продержу тебя всю ночь въ болотѣ!
 Тамъ и скапутишься! Заставлю я тебя 535
- (535) Не возражать ни въ чемъ, не спорить! (Про себя).
 Постучаться
 Мнѣ надо въ дверь: она закрыта! (Стучить къ Харисію).
 Рабъ, рабы,
 Ну, отпирайте мнѣ! Рабы, оглохли что-ли?

1) Croiset, о. с., 84:

*Λαο. [Τιμωρίαν δ'ἀφείδω ἴσθην δείξω με δὲ]
 σόφρονα : τοιαυτοῖ γὰρ οὐκ ἐπέσχετ' ἄν
 ἐκείνος, εὖ τοῦτ' οἶδ' ἔγω δ'ἀφέξομαι.*

[Дверь дома медленно отворяется и на порогъ ея показывается Онисимъ. Въ немъ не замѣтно прежней растерянности; онъ спокоенъ, важенъ и торжествененъ; видно, что буря, которой онъ боялся, не принесла ему ни малѣйшаго вреда, и что онъ снова обрѣлъ свою прежнюю самоувѣренность.]

О н и с и м ъ.

Кто это въдверь стучить? — Ахъ, это самъ Смикринъ,
Сердитый, жалуется за дочерью свою 540
(540) И . . . за приданымъ!

С м и к р и н ъ.

Да, треклятый!

О н и с и м ъ.

Что-жь, тому,

Кто деньгамъ счетъ ведетъ и разумомъ блистаетъ,
Къ лицу весь этотъ спѣхъ . . .

С м и к р и н ъ.

Гераклъ, вѣдь и разбой¹⁾

Совсѣмъ особенный! О демоны, о боги!

О н и с и м ъ.

Неужли у боговъ есть время для того, 545
(545) Чтобъ каждый день имѣть про каждаго въ запасѣ
Добро и зло, Смикринъ?

С м и к р и н ъ (недоумѣвающе).

Что хочешь ты сказать?

О н и с и м ъ (наставительно).

Я поясню сейчасъ. — Всѣхъ городовъ примѣрно
Найдется съ тысячу. А въ каждомъ тысячь тридцать

1) Въ текстѣ стоитъ: *τὸ δ' ἑποισσι, 'Νοῦκλεισι, | θανταστὸν οἶον*. Эти слова van Leeuwen² (о. с., 67), Carps (о. с., 121) и Vollgraff, Berl. phil. Wochenschrift, Sonderheft (1912), 1595, вкладываютъ, вопреки указанію рукописи, въ уста Онисима, причемъ Vollgraff, какъ мнѣ кажется, безъ достаточныхъ на то оснований, усматриваетъ въ нихъ „einen spottenden Top“, яко бы не подходящій къ раздраженному Смикрину. Что же касается до пониманія слова *ἑποισσι*, то я вслѣдъ за Bodin-Mazon (о. с., 311) и Legrand (о. с., 221) перевожу его словомъ „разбой“, и вижу въ немъ ни что иное, какъ намекъ со стороны Смикрина на расточительность Харисія.

Живеть людей. И вотъ приходится богамъ 550
 (550) Губить и миловать всѣхъ безъ остатка...

Смикринъ.

Враки! ¹⁾

Вѣдь выйдетъ, что у нихъ не жизнь, а вѣчный трудъ!

Онисимъ.

„Но если не они заботятся, то — кто же?“

Ты спросишь. — Въ каждаго внѣдрили нравъ они

Начальникомъ. Однихъ онъ въ порошокъ стираетъ, 555

(555) Коль худо съ нимъ они обходятся, другихъ —

Блюдетъ и милуетъ. Нашъ нравъ — вотъ кто

нашъ богъ!

Н₄ И счастье и бѣда, — всё отъ него зависить,

Его и ублажай, не дѣлая притомъ

Ни зла, ни глупости, коль хочешь быть счастливымъ! 560

Смикринъ.

(560) Такъ, стало быть, теперь мой нравъ дурить, подлецъ?

Онисимъ.

Нѣтъ, губить онъ тебя . . .

Смикринъ.

Ты что-то разошелся!

Онисимъ.

А развѣ хорошо, что дочь свою, Смикринъ,

Отъ мужа ты берешь?

Смикринъ.

Я говорить не стану,

Что это хо-ро-шо! Такъ нужно!

Онисимъ.

Вотъ-те на!

565

1) Ст. 550—551 я, согласно рукописи, считаю за слова Смикрина. Напротивъ того, Koerte ² (о. с. 39), слѣдую указанію Richards'a, относить ихъ къ рѣчи Онисима, что между прочимъ рекомендуется и Vollgaff'омъ въ его „Melandrea“, 70, 1.

- (565) Онъ нужнымъ зло призналъ! Ну, кто иной толкаетъ
 Къ погибели его, какъ не безумный нравъ!
 На этотъ разъ тебя, хоть ты задумалъ злое,
 Случайность сберегла, и въ домѣ ты найдешь
 И миръ и тишину и прекращенье ссоры. 570
- (570) Но берегись, Смикринъ, чтобъ не попасться вновь
 На прежней глупости! Сегодня же прощаемъ
 Мы всѣ твои грѣхи. Входи . . . и поласкай
 Внученка своего!

С м и к р и н ъ.

Внученка? Подлый рабъ!

О н и с и м ъ.

- Считался умникомъ, а вышелъ крѣпколобымъ! 575
- (575) Дочь зрѣлую держалъ онъ подъ замкомъ, — и вотъ,
 О чудо изъ чудесъ! У насъ явился крошка,
 Да пятимѣсячный!

С м и к р и н ъ.

Я не пойму!

О н и с и м ъ.

Зато

Старуха поняла, навѣрное! — Мой баринъ
 На Таврополіяхъ —

С м и к р и н ъ.

Софрона!

О н и с и м ъ.

Овлаждѣль

580

- (580) Твоей красавицей, вдали отъ хорова
 Бродившей, — въ толкъ берешь мои слова?

С м и к р и н ъ.

Беру.

О н и с и м ъ.

И вотъ она его . . . признала, онъ — её,
 И всё наладилось.

Смикринъ (обращаясь къ Софронѣ).

О чемъ онъ это, вѣдьма?

Онисимъ (торжественно).

„Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно! 585
(585) Удѣль жены родить“.

Смикринъ.

Дуракъ, да что съ тобою?

Онисимъ.

Коль не поймешь меня, тебѣ прочту, Смикринъ,
Изъ „Авги“ монологъ¹⁾.

Смикринъ.

Вся кровь во мнѣ вскипаетъ
Отъ тона этого. — Должно быть, знаешь ты,
Про чтѣ онъ говорить?

Софрона.

О да, конечно знаю! 590
Старуха поняла, въ чемъ дѣло, раньше всѣхъ!

Смикринъ.

(590) Сплошныя чудеса! Но если это — правда,
То счастья бѣльшаго и въ мѣрѣ не найти!

1) При распредѣленіи ст. 585—588 между дѣйствующими лицами я слѣдую van Leeuwen'у, который влагаетъ цитату изъ Еврипида (ст. 585 сл.), а также угрозу прочесть монологъ изъ „Авги“ въ уста Онисима. Что до Koerte, то онъ относитъ всё это къ Софронѣ. Но мнѣ кажется, что это не вѣрно, ибо, какъ говоритъ Vollgraff, „wie sollte eine Amme eine *ῥήσις* aus Euripides auswendig wissen?“ Наоборотъ, въ устахъ Онисима всякія цитаты и поученія будутъ вполне на мѣстѣ: вѣдь онъ представляетъ собой чело- вѣка „образованнаго“, знакомаго даже съ философіей Эпикура! Зато я сомнѣваюсь въ необходимости дѣлить ст. 582 и 586 такъ, какъ дѣлитъ ихъ Vollgraff. А именно, Vollgraff думаетъ, что въ ст. 582 слова: *αἰσθάνει γε*, а въ ст. 586 слово: *τί* надо относить къ Смикрину, тогда какъ слова: *ναί* (ст. 582) и *μῦθος εἶ* (ст. 586) произносятся Софроной. Правда, при такомъ дѣленіи стиховъ діалогъ получаетъ больше живости, да сверхъ того Софронѣ удѣляется въ немъ больше мѣста, но мнѣ кажется, что одного этого еще недостаточно, а потому я считаю возможнымъ удержать при переводѣ то распредѣленіе, котораго держится Koerte. См. Vollgraff, Berl. phil. Wochenschrift, Sonderheft (1912) 1595.

Пьеса въ своемъ настоящемъ видѣ обрывается этимъ радостнымъ восклицаніемъ Смикрина, который, откинувъ свою прежнюю мрачность и злость, начинаетъ превращаться въ нѣжнаго дѣдушку и, повидимому, готовъ исполнить недавній совѣтъ Онисима, предлагавшаго ему поласкать внука.

Такимъ образомъ, мы стоимъ почти у самага конца пьесы. Недостаетъ, по всей вѣроятности, какой нибудь маленькой заключительной сценки, которая могла быть выдержана, приблизительно, въ томъ же духѣ, въ какомъ выдержана соотвѣтствующая сцена въ „Отрѣзанной кося“, и которая представляла собой ничто иное, какъ торжественный моментъ общей радости, общаго восторга. Всѣ только что пережитыя тревоженія забывались, всё темное и скучное уходило на задній планъ, и недавніе враги, тестъ и зять, снова дѣлались друзьями благодаря ребенку, который изъ бѣднаго найденыша превращался въ желаннаго для всѣхъ продолжателя рода и въ законнаго наслѣдника всѣхъ Смикриновскихъ сокровищъ. Однимъ словомъ, колесо Судьбы поворачивалось въ сторону счастья, котораго еще недавно не ожидало ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы и начало которому положилъ, самъ того не вѣдая, Смикринъ, присудившій ребенка и всѣ его *γυωρίσματα* Сириску!

6.

Намѣтивъ въ общихъ чертахъ возможный ходъ дѣйствія пьесы и приложивъ въ переводѣ сохранившуюся часть ея текста, мы выполнили первую половину нашей задачи. Теперь намъ нужно переходить къ разбору цѣлаго ряда другихъ вопросовъ, а именно: къ характеристикѣ выступающихъ въ пьесѣ персонажей, къ выясненію частичной зависимости „Третьскаго суда“ отъ трагедіи, къ тѣмъ социальнымъ и философскимъ взглядамъ, которые въ немъ затронуты и, наконецъ къ нѣкоторымъ подробностямъ его структуры, въ частности же къ той роли, которую игралъ въ немъ и вообще въ „новой“ комедіи хоръ.

Обратимся сперва къ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ и начнемъ эту характеристику съ женскихъ типовъ, среди которыхъ наиболѣе оригинальнымъ и интереснымъ будетъ типъ арфистки Габротононъ, — типъ обычной гетеры, рассмотрѣнный однако не съ обычной точки зрѣ-

нія и превращенный благодаря этому въ нѣчто новое, намъ до той поры неизвѣстное.

Гетера, какъ одинъ изъ комическихъ персонажей, начинаетъ свое выступленіе со временъ древней комедіи, въ частности, со временъ Аристофана. Однако, если судить по сохранившимся пьесамъ послѣдняго, то роль гетеры, будь то арфистка или простая *metrix*, не принадлежала къ числу первенствующихъ ролей, на которыхъ сосредоточивалось главное дѣйствіе той или другой пьесы. Гетера, какъ такая, выступала обыкновенно въ качествѣ дополнительнаго аксессуара, необходимаго для участія въ заключительныхъ сценахъ фривольнаго характера, въ сценахъ, которыя давали картинку ничѣмъ не сдерживаемой грубой чувственности. По крайней мѣрѣ, такое мѣсто отводится гетерамъ въ „Ахарнянахъ“, гдѣ Дикэополь показывается передъ зрителями въ сопровожденіи двухъ женщинъ легкаго поведенія, причѣмъ эти женщины представляютъ собой *ῥοφὰ πρόσωπα* (ст. 1198 сл.). То-же самое видимъ мы и въ „Осахъ“, въ томъ пассажѣ изъ нихъ, гдѣ Филоклеонъ совершаетъ свое торжественное вступленіе на сцену вмѣстѣ съ арфисткой, по поводу которой завязывается у него потомъ довольно нецензурная бесѣда съ Бделиклеономъ (ст. 1335 сл.). Не иную картинку даетъ, наконецъ, и та сценка изъ „Θεσμοφορίαζυς“, гдѣ скиѳскій стрѣлокъ, сторожащій Мнесилоха, упускаетъ своего плѣнника изъ за приглянувшейся ему куртизанки (ст. 1175 сл.). Но во всѣхъ этихъ пьесахъ выводимыя на сцену гетеры играютъ чисто пассивную роль: не участвуя сами въ дѣйствіи, онѣ служатъ лишь предлогомъ или мишенью для нецензурныхъ выходокъ другихъ персонажей. Только въ однихъ „Ἐκκλησιαζυς“ гетерѣ предоставляется, хотя и маленькая, но довольно изящная роль, содержаніе которой сводится сперва къ спору со старухой, ищущей физическаго наслажденія, а затѣмъ къ зазыванію юноши, причѣмъ по этому поводу завязывается между гетерой и юношей своего рода діалогъ, въ которомъ на пѣсеньку гетеры юноша отвѣчаетъ настоящей серенадой, настоящимъ *παράκλησιόνιον* (ст. 950 сл.). Этими примѣрами и исчерпывается, пожалуй, всё то, что мы знаемъ о роли гетеры въ древней комедіи, тѣмъ болѣе, что никакихъ положительныхъ результатовъ нельзя извлечь по этому поводу и изъ тѣхъ фрагментовъ, которые

сохранились отъ пьесъ другихъ комиковъ Аристофановскаго времени¹⁾. Во всякомъ случаѣ ясно одно, — что гетера, какъ отдѣльный персонажъ, не привлекала къ себѣ особеннаго вниманія со стороны представителей *ἀρχαία κωμῳδία*: у нихъ были другіе, болѣе широкіе интересы, а потому останавливаться на гетерѣ, какъ на центральномъ типѣ, они не считали для себя нужнымъ! Она играла въ ихъ произведеніяхъ роль, не болѣе значительную, чѣмъ цѣлый рядъ другихъ третьестепенныхъ лицъ, нужныхъ для общаго антуража, но вовсе не интересныхъ для детальной обработки.

Зато совсѣмъ иное положеніе заняла гетера въ „средней“ комедіи, гдѣ ей удалось выдвинуться на первый планъ, тѣмъ болѣе, что, говоря словами Guizot²⁾, „au temps de la comédie moyenne, ce n'étaient les démagogues qui regnaient, c'étaient les courtisanes et les philosophes; ce n'était plus des intérêts publics, de la guerre et de la paix, du sénat, des chevaliers et de l'assemblée, que s'occupait surtout la foule, mais des idées et des voluptés“. И дѣйствительно, даже при самомъ бѣглому просмотрѣ отрывковъ „средней“ комедіи мы замѣчаемъ, что громадное количество относящихся къ ней пьесъ, если судить по ихъ заглавіямъ, занимается вопросомъ о куртизанкахъ, причѣмъ беретъ этотъ вопросъ не только отвлеченно, но и въ приложеніи къ опредѣленнымъ личностямъ, пользовавшимся въ то время извѣстностью. Благодаря этому мы то и дѣло встрѣчаемся съ пьесами, носящими имя или одной или другой гетеры³⁾, съ пьесами, въ которыхъ, если судить по отрывку изъ *Νεοττίσ* Анаксила⁴⁾, критиковались и выставлялись на видъ разныя отрицательныя качества извѣстныхъ гетеръ, какъ то ихъ жадность, безсердечность, лживость и т. д., или же, если мы возьмемъ *Ἰσοστάσιον* Алексида⁵⁾, разнаго рода ухищренія, къ которымъ прибѣгаютъ онѣ для улавливанія въ свои сѣти мужчинъ и которыя сводились къ своего рода специальной тренировкѣ, имѣ-

1) См. по этому поводу Б. В. Варнеке, Наблюденія надъ древнеримской комедіей (Казань 1905), 79, 5.

2) G. Guizot, Ménandre (Paris 1885), 113. Ср. также Denis, La comédie grecque (Paris 1886), II, 376 слл.

3) Достаточно будетъ указать на *Μαλθάκη*, *Μέλισσα*, *Νεοττίσ*, *Φίλωτισ*, *Χρυσίσ* Антифана, на *Ἰσοστάσιον*, *Παμφίλη* Алексида, на *Ἀντίλαισ* Эпикрата.

4) Anaxil. fr. 22 (= Коск, о. с., II, 270).

5) Alex. fr. 98 (=Коск, о. с., II, 329).

ющей цѣлью скрывать физическіе недостатки и, наоборотъ, выставлять на видъ физическія достоинства. Такимъ образомъ, насколько я понимаю, разработка типа гетеры шла въ „средней“ комедіи въ двухъ направленіяхъ: отчасти навелась критика на ту или другую извѣстную всѣмъ куртизанку, отчасти же обрисовывался, пусть даже въ самыхъ общихъ чертахъ, типъ куртизанки вообще, опредѣленный цеховой типъ, со всѣми только ему присущими особенностями¹⁾. Однимъ словомъ, разрабатывая типъ гетеры, поэты „средней“ комедіи то набрасывали его, какъ каррикатурный портретъ извѣстнаго лица²⁾, то придавали ему болѣе общій характеръ, причемъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ останавливались, повидимому, не столько на углубленіи типа, сколько на снабженіи его рядомъ чисто внѣшнихъ деталей.

Что же касается до „новой“ комедіи, то хотя личная сатира-карикатура и не была чужда ей, особенно въ первое время ея развитія³⁾, тѣмъ не менѣе эта сатира не занимала въ ней важнаго мѣста, ограничиваясь, по большей части, лишь отдѣльными выпадами, да намеками. Поэтому и при обрисовкѣ типа гетеры „новая“ комедія должна была не столько снимать портреты съ опредѣленныхъ представительницъ *demi-monde'a*, сколько руководиться тѣмъ отвлеченнымъ типомъ куртизанки, который уже былъ намѣченъ „средней“ комедіей, но намѣченъ пока лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. И вотъ, „новая“ комедія взяла этотъ собирательный цеховой типъ, установила для него рядъ постоянныхъ специфическихъ признаковъ, расширила и округлила его, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отличіе отъ своей предшественницы, „средней“ комедіи, стала частично его индивидуализи-

1) Я не могу входить по этому вопросу въ болѣе детальныя разсужденія, такъ какъ это отвлекло бы меня отъ моей прямой цѣли дать характеристику Габротононь. Мои разсужденія — это только субструкція, нужная мнѣ для того, чтобы показать, что слѣдуетъ относить въ Габротононь къ типу куртизанки вообще и что является въ ней ея индивидуальными чертами, вложенными въ ея характеръ Менандромъ.

2) Ср. *Ἀντιλαίω* Эпикрата (Epicrat. fr. 2. 3 = Коск, о. с., II, 282 sq.) а также *Ἰσοστίασιον* Анаксила (Anaxil. fr. 22 = Коск, о. с., II, 270).

3) См. по этому поводу Koerte, Menander (= Archiv für Papyrusforschung, IV, 516 sq.) и Г. Ф. Церетели, Комедія Менандра Саміанка, 36 (= гл. III, 3).

ровать, или, иначе, дробить на группы индивидуальных характеровъ, входящихъ въ общій типъ, какъ его частичныя подраздѣленія. Благодаря этому многія гетеры „новой“ комедіи, поскольку онѣ являются представительницами своего цеха, заключаютъ въ себѣ тѣ черты, которыя этому цеху присущи; но поскольку тѣ же гетеры знаменуютъ собой опредѣленный индивидуумъ, постольку онѣ выходятъ изъ цеха и превращаются подъ рукой поэта въ самостоятельную особь, на время забывающую про свои цеховыя привычки и обычаи. Такимъ образомъ, въ „новой“ комедіи образуются двѣ группы гетеръ: гетера, какъ профессиональный типъ, и гетера, какъ индивидуальный характеръ.

При разсмотрѣніи первой группы, наиболѣе многочисленной, мы почти къ каждой изъ ея представительницъ можемъ приложить слѣдующія слова изъ комедіи Менандра „Θαῖδα“¹⁾:

*ἐμοὶ μὲν οὖν αἶδε τοιαύτην, θεά,
 δρασεῖαν, ὠραίαν δὲ καὶ λιθαρήν ἄμα,
 ἀδικοῦσαν, ἀποκλήρουσαν, αἰτοῦσαν πικρά,
 μηδενὸς ἐρωῦσαν, προσποιομένην δ' αἰεὶ.*

Приэтомъ, такія черты, какъ сребролюбіе и алчность, безсердечіе и лживость, самое безшабашное кокетство и вмѣстѣ съ тѣмъ полная неспособность любить настоящимъ образомъ, — всѣ эти черты то и дѣло сказываются въ гетерахъ первой группы, лучшими представительницами которой могутъ служить Бакхида изъ *Nautontimorumenos* Теренція и Фронезіумъ изъ *Truculentus* Плавта²⁾. Но наряду съ подобными куртизанками чисто-цехового типа, въ сущности очень односторонняго и однообразнаго, мы не разъ встрѣчаемъ гетеръ, которыя, сохраняя свои профессиональныя черты, способны тѣмъ не менѣе отзываться на всё хорошее и доброе, будь это жалость къ постороннимъ лицамъ, или чувство сердечной привязанности, или, наконецъ, самопожертвованіе, хотя бы и связанное иногда съ надеждой на выгоду. Достаточно указать, ради примѣра, на Хрисиду изъ „Саміанки“

1) Men. fr. 217 (= Коск, о. с., III, 62).

2) Исчерпывающимъ образомъ обрисованъ типъ куртизанки въ „новой“ комедіи въ книгѣ Б. В. Варнеке, Наблюденія надъ древне-римской комедіей, 35 слл. Ср также Legend, Daos. Tableau de la comédie grecque, 100 sqq.

Менандра, на Файду изъ Eunuchus Теренція¹⁾, на Бакхиду изъ его же Несуга, — на этихъ трехъ, въ сущности отличныхъ другъ отъ друга куртизанокъ, про которыхъ никоимъ образомъ нельзя сказать, чтобы онѣ были *meretrices male*: оставаясь гетерами и не теряя присущихъ гетерамъ чертъ, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ оказываются настоящими, глубоко чувствующими женщинами, отличающимися притомъ, каждая въ отдѣльности, особыми, чисто-индивидуальными черточками. Т. е., иными словами, это — уже не трафаретный типъ гетеры, выдержанный въ условномъ тонѣ, а настоящіе типичные характеры, правда, не вполне еще развитые, но во всякомъ случаѣ ясно намѣченные и психологически обоснованные. Однако, и эти только что упомянутые нами образы гетеръ, несмотря на всю ихъ привлекательность и изящество, всё таки уступаютъ образу Габротононъ, выдержанному Менандромъ въ еще болѣе нѣжныхъ тонахъ и еще детальнѣе, чѣмъ они, обрисованному²⁾.

Что прежде всего поражаетъ въ Габротононъ, это — полное отсутствіе какой бы то ни было жадности къ деньгамъ, — черта, которой нѣтъ ни у Бакхиды, ни у Файды и которой, само собой разумѣется, нѣтъ и у остальныхъ представительницъ той-же профессіи. Габротононъ не знаетъ словъ „*da mihi*“ atque „*adfer mihi*“ (Ter. Hauton., 223), словъ, которыя, какъ вѣчно-повторяющійся refrain, то и дѣло звучать въ устахъ куртизанокъ. Въ этомъ отношеніи она съ полнымъ правомъ можетъ быть квалифицирована, какъ „*ignara artis meretriciae*“ (Ter. Hauton., 226), какъ настоящій новичокъ, еще не понимающій, въ чемъ заключается главная выгода его спеціальности³⁾.

1) Образъ Файды, ввиду того, что Eunuchus Теренція восходитъ къ *Εὐνοῦχος* и *Κόλαξ* Менандра (см. Доп. praef. ad Eunuch., I, 11), съ полнымъ правомъ можно считать за Менандровскій. Только Файда Теренція называлась въ *Εὐνοῦχος* Менандра не Файдой, а Хрисидой (см. Pers. sat. V, 161).

2) Характеристику Габротононъ, къ сожалѣнію, слишкомъ общую и поверхностную, даютъ Carps, о. с., 30 и A. di Bella, La commedia di Menandro, 64 sqq. Что же касается до Legend, Daos. Tableau de la comédie grecque, 113, то онъ ограничивается только общими замѣчаніями, не выдѣляя Габротононъ изъ числа другихъ куртизанокъ „новой“ комедіи.

3) Этотъ фактъ равнодушія Габротононъ къ матеріальнымъ выгодамъ объясняется до нѣкоторой степени и тѣмъ, что Габротононъ лишь очень недавно занялась ремесломъ гетеры. По крайней мѣрѣ, она сама очень

Правда, Габротононъ осталась довольна тѣмъ, что на нее обратилъ вниманіе Харисій, но она была довольна не потому, что это сулило ей обогащеніе и свободу, а потому, что это льстило ея самолюбію, самолюбію красивой женщины, думающей, что она нравится. По крайней мѣрѣ, только такой выводъ можно сдѣлать изъ ея словъ (ст. 215):

я мнила, любить онъ.

Но вотъ оказывается, что никакой любви нѣтъ, что въ Харисіи „кипитъ“ не любовь, а „ненависть, совсѣмъ не чело-
вѣчья“ (ст. 216), что всѣ надежды Габротононъ ни на чемъ не основаны и что она, просто на просто,

поставила себя въ смѣшное положенъе.

Какъ же реагируетъ на это Габротононъ? Обиженная равнодушіемъ Харисія, она тѣмъ не менѣе не чувствуетъ противъ него злобы. Ей странно только одно, а именно, что онъ, сторонясь отъ нея (ст. 217 сл.), продолжаетъ на нее тратиться (ст. 220), ибо, согласно ея представленію, подобный образъ дѣйствій, понятный при наличности чувства, непонятенъ при отсутствіи послѣдняго. Т. е., иными словами, равнодушіе Габротононъ къ деньгамъ выражается и здѣсь съ достаточной наглядностью, дѣлая изъ нея такимъ образомъ куртизанку, пренебрегающую основнымъ правиломъ своего ремесла. Зато нѣкоторыя другія, чисто профессиональныя черты имѣются у нея въ наличности. Такъ, напр., ей ничего не стѣдуетъ дѣлать довольно прозрачныя намеки на свое вынужденное воздержаніе отъ любви (ст. 221 сл.), пускаться въ разговоръ о томъ, что еще очень недавно она не имѣла никакого представленія о мужчинахъ (ст. 262), и рисовать, наконецъ, съ извѣстной долей безстыдства очень фривольную картину своего паденія, яко бы имѣвшаго мѣсто на Тавро-
поліяхъ (ст. 311 сл.). Вотъ во всемъ этомъ ясно сказывается настоящая гетера! Но такъ какъ всё это дѣлается Габротононъ съ какой-то особенной граціей и наивностью, то

энергично подчеркиваетъ тотъ фактъ, что какой нибудь годъ тому назадъ она еще не знала мужчинъ (ст. 262). Но разъ это такъ, то среди остальныхъ представительницъ полусвѣта она, дѣйствительно, является новичкомъ, еще не успѣвшимъ ни потерять присущей ей тонкости, ни усвоить въ полной степени цехового міросозерцанія.

нецензурная сущность ея словъ какъ бы стушевуется, и Габротононъ, оставаясь гетерой, всё таки не теряетъ присущей ей женственности и нѣжности, качествъ, которыя постоянно находятся при ней, какъ своего рода распознавательные знаки, и которыя сказываются во всеь, что бы она ни дѣлала¹⁾.

Приэтомъ, за что бы ни бралась Габротононъ, на всѣхъ ея поступкахъ лежитъ печать рѣдкой непосредственности ея природы, — природы, которая дѣйствуетъ исключительно интуитивно и которой чуждо всякое заблаговременное обдумываніе или обсужденіе предпринимаемыхъ шаговъ. Поэтому, когда Габротононъ рѣшается на какой нибудь шагъ, она выступаетъ сразу, не взвѣсивая ни про, ни contra и вмѣстѣ съ тѣмъ не сворачивая въ сторону подъ защиту чего либо, придуманнаго на случай неудачи. Но эта способность дѣйствовать интуитивно не исключаетъ, конечно, ни хитрости ни изворотливости, безъ которыхъ Габротононъ не была бы Габротононъ, не была бы той *τολαστικὸν ὑβρισιον*, какъ величаетъ ее Онисимъ. Однако, вся ея хитрость носить довольно невинный характеръ, ибо она не пользуется и не хочетъ пользоваться ею кому либо во вредъ. Ввиду этого всякій, даже мимолетный знакъ недоувѣрія или подозрѣнія вызываетъ у нея горячую отповѣдь, какъ видимъ мы это изъ ея репликъ Онисиму (ст. 330 сл.) и Памфилъ, на минуту заподозрившихъ её въ лживости и неискренности, т. е., въ томъ, чего у Габротононъ нѣтъ и въ поминѣ и чѣмъ она опять таки очень выгодно отличается отъ типа обычной куртизанки, лживой и неискренней *κατ' ἐξοχήν*.

Правда, предпринимая весь свой планъ, Габротононъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ свою собственную выгоду, что прекрасно понимаетъ Онисимъ (ст. 321 сл., а также ст. 341 сл.) и чего между прочимъ не отрицаетъ и она сама,

1) Какъ настоящая женщина, сознающая свою красоту и заботящаяся о томъ, чтобы выставить её въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, Габротононъ обращаетъ большое вниманіе и на наряды. Недаромъ она такъ детально и съ такимъ восторгомъ описываетъ платье Памфилы, которое произвело на нее сильное впечатлѣніе, и недаромъ, запомнивъ всѣ частности этого платья, она не помнитъ вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ или не былъ въ рукахъ у Памфилы искомый перстень, когда она въ растерзанномъ видѣ вернулась обратно къ своимъ подругамъ.

вызванная на это сознание словами своего собесѣдника. Однако, во всемъ этомъ еще нельзя видѣть ни неискренности Габротононъ, ни того, что она руководится исключительно личными интересами безъ отношенія къ интересамъ другихъ лицъ. Такой взглядъ на нашу арфистку былъ бы безусловно невѣренъ, тѣмъ болѣе, что противъ него говорить очень и очень многое.

Такъ, прежде всего, Габротононъ умѣетъ отдаваться чувству жалости и притомъ жалости не внѣшней, не поверхностной, но глубокой и длительной. Достаточно вспомнить по этому поводу объ ея отношеніи къ несчастному найденышу (ст. 249 и 432 сл.) и объ ея искренномъ негодованіи на Онисима за то, что онъ мало заботится о пользѣ ребенка, который можетъ быть ребенкомъ его господина. Зная по опыту, что представляетъ собой рабство и съ какими ужасами оно связано, Габротононъ не хочетъ и не можетъ допустить, чтобы ни въ чемъ неповинное маленькое существо погибло въ рабствѣ благодаря человѣческой небрежности. И тутъ, въ этомъ выступленіи Габротононъ, сказывается только ея доброе сердце, ибо сострадавая найденышу, она вовсе не думаетъ о самой себѣ. Равнымъ образомъ, и опять таки безъ отношенія къ своимъ личнымъ интересамъ, отзывается Габротононъ и на интересы Харисія, чловѣка, ей симпатичнаго, несмотря на все то презрѣніе, съ которымъ онъ къ ней относится, оскорбляя ея достоинство гетеры (ст. 217 сл.). Наконецъ, сколько теплоты и нѣжности вкладываетъ Габротононъ и въ свое обращеніе къ Памфилѣ и какимъ задушевымъ тономъ бесѣдуетъ она съ ней, съ чловѣкомъ, который возбуждаетъ въ ней и жалость и состраданіе и радость по поводу того, что его судьба измѣнилась наконецъ къ лучшему (ст. 440 слл.). Всѣ эти данныя очень ясно говорятъ въ пользу способности и умѣнія Габротононъ откликаться на чловѣческое горе и входить въ интересы чужихъ лицъ, будь то маленькій ребенокъ, или юноша, почему либо ставшій ей симпатичнымъ, или посторонняя женщина, ей въ сущности очень мало знакомая. Но разъ это такъ, то и во всемъ образѣ дѣйствій Габротононъ надо различать двѣ стороны, а именно: сторону личной заинтересованности и сторону глубокой отзывчивости, не имѣющей ничего общаго съ думами о пользѣ и выгодѣ. И

если мы будемъ смотрѣть на Габротононь подѣ такимъ угломъ зрѣнія, то изъ за ея внѣшняго облика, — облика привлекательной гетеры, напоминающаго собой изящную Танагрскую статуетку, взглянуть на насъ ея внутренній чарующій обликъ, — обликъ отъ природы тонкаго человѣка, правда, пострадавшаго отъ жизни и ея условій, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранившаго въ себѣ цѣлый рядъ довольно высокихъ этическихъ чертъ, которыя то и дѣло показываются наружу во всемъ блескѣ своей неподдѣльной свѣжести и красоты.

Я нѣсколько долѣше, чѣмъ слѣдовало, остановился на характеристикѣ Габротононь, но это объясняется тѣмъ, что въ лицѣ Габротононь мы имѣемъ единственный, чисто-менандровскій образъ гетеры, имѣемъ подлинникъ, вышедшій изъ подѣ кисти самого автора, а не простую репродукцію, хотя бы и выполненную съ достаточной точностью и полнотой. При этомъ, хотя роль Габротононь и дошла до насъ не въ надлежащей сохранности, хотя то тамъ, то сямъ встрѣчаются въ ней прорывы, всё таки въ общихъ чертахъ она ясна для насъ, какъ ясенъ и характеръ самой арфистки, въ которой Менандръ сумѣлъ усмотрѣть „внутренняго“ человѣка, независимо отъ его профессіи и связанныхъ съ ней, порой очень неприглядныхъ частныхъ. Гораздо хуже обстоятъ дѣло съ ролью Памфилы, этой *vitiata virgo* (на положеніи *небѣдливой*), выведенной поэтомъ на сцену, а не оставленной, какъ это обыкновенно дѣлается въ „новой“ комедіи, вдали отъ прямого участія въ дѣйствіи. Вѣдь до насъ отъ всей роли Памфилы дошли только незначительные обрывки, только одна маленькая, да и то не вполнѣ сохранившаяся сценка, въ которой къ тому же первое мѣсто удѣлено Габротононь, тогда какъ сама Памфила выступаетъ лишь въ качествѣ аксессуара, нужнаго для развязки. Въ силу этого набросать ясную характеристику Памфилы довольно трудно, и намъ придется поэтому не то, что очертить ея образъ, а просто на просто намѣтить тѣ главныя черты ея характера, которыя можно разобрать и благодаря которымъ она является своего рода контрастомъ къ Габротононь.

И дѣйствительно, Габротононь это — воплощенная энергія, и активность, это — человѣкъ, который не столько думаетъ, сколько дѣйствуетъ. Иное дѣло П а м ф и л а. Насколько я её понимаю, она — болѣе заурядный типъ и, при-

томъ, типъ нѣсколько шаблонной выдѣлки. Ея единственная яркая черта это — любовь къ мужу, предъ которымъ она чувствуетъ себя виноватой, и вытекающее отсюда упорство въ борьбѣ съ отцомъ, желающимъ отдѣлить её отъ человѣка, который несмотря ни на что остается ей близокъ и дорогъ.

На этой почвѣ и на почвѣ страданія отъ нераздѣленной любви и происходитъ въ ней внутренняя борьба, которая выражается однако лишь въ пассивной тоскѣ и въ пассивномъ сопротивленіи, но не въ какомъ либо рѣшительномъ шагѣ, могущемъ такъ или иначе вывести её на прямую дорогу. Мягкая по природѣ и до извѣстной степени безвольная, Памфила не можетъ рѣшиться на активное выступленіе, если не считать таковымъ ея словъ, поразившихъ Харисію и произведшихъ полный переворотъ въ его взглядахъ на женщину вообще, на жену въ частности, а именно, словъ (ст. 499 слл.):

если съ нимъ
пришла я жизнь дѣлить, съ нимъ раздѣлю и горе,
его постигшее.

Вотъ эта прямота и глубина чувства, это умѣнье находить въ себѣ, опять таки благодаря чувству, извѣстную долю устойчивости и упорства, и составляетъ сильную сторону Памфилы, ея главную добродѣтель. Въ тѣсной же связи съ этой потребностью любить и быть любимой находится и та нѣжность, которая проявляется у Памфилы въ ея отношеніи къ Харисію и показателемъ которой служить ея трогательная готовность не только прощать, но и быть по прежнему вѣрнымъ другомъ, несмотря на разныя, какъ будто мѣшающія этому обстоятельства. Итакъ, Памфила это — типъ мягкой и любящей женщины, типъ сравнительно блѣдно-индивидуализированный и во всякомъ случаѣ болѣе слабый и менѣе рельефный, чѣмъ Гликера изъ „Отрѣзанной косы“, если только можно сравнивать эти два образа, — образъ *vitiatae virginis* и образъ дѣвушки, стоящей почти что на положеніи *meretricis bona*. Намъ слѣдовало бы коснуться теперь еще одного женскаго типа, а именно, Софроны, но я не буду останавливаться на немъ, такъ какъ, во-первыхъ, отъ роли Софроны, даже если она и была значительнѣе, чѣмъ намъ это кажется,

почти ничего не сохранилось, а во-вторыхъ, я не думаю, чтобы этотъ обычный типъ рабыни-няни могъ заключать въ себѣ много новыхъ чертъ, ставящихъ его на положеніе индивидуальнаго характера. Ввиду всего этого я минуя Софрону и перехожу къ характеристикѣ мужскихъ персонажей, среди которыхъ наиболѣе любопытными являются Харисій и Смикринъ.

Что касается до Харисіа, то хотя его роль, какъ и роль Габротононъ, дошла до насъ въ нѣсколько отрывочномъ видѣ, въ ней всё таки можно различить не мало интересныхъ деталей, которыя дѣлають Харисіа своего рода исключеніемъ изъ типа *adulescens* вообще¹⁾. Какъ типичный *adulescens*, Харисій ищетъ любви и страдаетъ отъ нея. Далѣе, не вполне свободенъ онъ и отъ того воздѣйствія, которое оказываютъ на юношей „новой“ комедіи „*poх, vīnum et amor*“ и результатомъ котораго бываетъ совершеніе поступковъ довольно предосудительнаго свойства и характера. Послушный „*impetus adulescentiae*“ Харисій врывается, напр., на ночное бдѣніе женщинъ и совершаетъ здѣсь насиліе надъ Памфилой, причемъ, какъ и полагается (ст. 256),

онъ пьянъ былъ, по рассказамъ
съ нимъ бывшаго раба.

Равнымъ образомъ, подобно другимъ *adulescentes*, Харисій не держится въ сторонѣ отъ пировъ въ складчину, отъ игры въ кости и наконецъ отъ желанія топить свое горе въ кутежахъ, какъ дѣлаеть это и Полемонъ изъ „Отрѣзанной косы“. Всѣ эти качества находятся у Харисіа на лицо и благодаря имъ онъ входитъ въ общій типъ *adulescens*, какъ одно изъ составляющихъ его звеньевъ. Но кромѣ этихъ, я сказалъ бы, трафаретныхъ качествъ, которыя составляютъ специфическую особенность каждаго *jeune premier* комедіи, независимо отъ его ранга, положенія и рода занятій, есть у Харисіа и другія, болѣе выгодныя или, по крайней мѣрѣ, болѣе оригинальныя черты, дѣлающія изъ него своеобразную и притомъ очень интересную личность, не встрѣчающуюся

1) Хорошую характеристику Харисіа даютъ Б. В. Варнеке, *Новыя комедіи Менандра*, 40 сл. и Carps, *Four plays of Menander*, 30 сл. Ср. также A. di Bella, *La commedia di Menandro*, 53 и Legrand, *Daos. Tableau de la comédie grecque*, 208.

ни у Плавта, ни у Теренція въ ихъ переработкахъ греческихъ комическихъ оригиналовъ. Въ чемъ же заключаются эти черты Харисія? Онѣ заключаются въ слѣдующемъ. Всё то, что сближаетъ Харисія съ обычными юношами комедіи, — всё это играетъ у него вовсе не первенствующую роль и вовсе не является чѣмъ то такимъ, на чемъ по преимуществу сосредоточены его интересы. Напротивъ того, всё это, за исключеніемъ любви, но любви настоящей, представляетъ для него простую накипь, которой онъ можетъ отдаваться лишь случайно и присутствія которой въ себѣ онъ почти что не замѣчаетъ. Его же настоящіе интересы сосредоточены на другомъ, — отчасти на вопросахъ этико-философскаго характера, отчасти на желаніи выработать изъ себя строго-моральнаго человѣка, на совѣсти котораго не лежитъ ни единого пятнышка и который такимъ образомъ можетъ служить своего рода носителемъ высшихъ принциповъ нравственности. И одно время, до открытія своего проступка на Таврополіяхъ, Харисій уже готовъ былъ видѣть въ себѣ своего рода „подражанія достойный образецъ“, чѣмъ явствуется изъ его же словъ (ст. 487 сл.):

вотъ онъ, кто безъ грѣха, кто доброй славы ищетъ,
кто благо и порокъ умѣетъ различать,
на комъ ни пятнышка, кто въ жизни безупреченъ, —

изъ словъ, которыя, помимо всего прочаго, заставляютъ предполагать, что Харисій принадлежалъ къ числу адептовъ какой-то философской школы, скорѣе всего школы стоической, въ которой добродѣтель квалифицировалась, какъ *ἐπιστήμη ἀγαθῶν καὶ κακῶν*, помогающая человѣку быть *ἀκέραιος* и *ἀνμαρτυητος*¹⁾. Мало того, въ сознаніи своей мнимой „безгрѣшности“, Харисій началъ было смотрѣть на прочихъ людей сверху внизъ (ст. 428: *ὑψηλὸς ὢν τις*; ст. 501: *σὺ δὲ τις ὑψηλὸς σφόδρα*) и отказывался прощать имъ всё ихъ прегрѣшенія, хотя бы и совершенныя противъ воли или по невѣдѣнію (ст. 493). Т. е., иными словами, упоенный своей воображаемой чистотой, герой Менандра дошелъ до того, что временно позабылъ объ одной обще-человѣческой истинѣ, которую такъ формулируетъ Теренцій въ своемъ *Nautontimorumenos* :

homó sum : humani nil a me alienum puto.

1) См. Bodin-Mazon, Extraits d'Aristophane et de Ménandre, 308.

Но вотъ начинаютъ наступать разочарованія. Прежде всего оказывается, что Памфила, которую полюбили Харисій, не вполнѣ безгрѣшна, хотя и не по своей винѣ, а по винѣ какого-то юноши, оставшагося ей неизвѣстнымъ. Оскорбленный въ своемъ чувствѣ и въ своей гордости, Харисій отдается отъ жены и, забывъ про свои философскіе принципы, старается топить горе въ разгулѣ. Но это ему не удается: чувство любви оказывается сильнѣе, разгулъ, хотя бы и внѣшній, не приноситъ никакого успокоенія ¹⁾, и Харисій продолжаетъ мучиться, причемъ если гордость мѣшаетъ ему сойтись съ Памфилой, то въ свою очередь любовь не позволяетъ довести дѣло до развода и до огласки ²⁾, и Харисій начинаетъ даже жалѣть о томъ, что тайна жены вообще стала ему извѣстной, какъ видно это изъ слѣдующихъ словъ Онисима (ст. 207):

Твердить мой баринъ часто:

„Зевсъ разрази того, кто эту язву вскрылъ
На горе мнѣ“.

Съ однимъ только онъ никоимъ образомъ не можетъ примириться, это — съ необходимостью взглянуть на грѣхъ Памфилы, какъ на нѣчто, если и не допустимое, то во всякомъ случаѣ прощаемое: противъ этого возмущается его мужская гордость, съ которой онъ не можетъ справиться, тѣмъ болѣе, что онъ лично кажется самому себѣ человѣкомъ безупречнымъ, котораго обвинять положительно не за что. Од-

1) Стѣитъ вспомнить только объ отношеніи Харисія къ Габротононю, о постоянномъ опасеніи Онисима, боящагося, что Харисій примирится съ Памфилой, и, наконецъ, о той внутренней борьбѣ, которая всё время идетъ въ немъ, чтобы понять, насколько сильны и хороши чувства Харисія къ Памфилѣ и какъ глубоко затронула его душу вся исторія съ женой, съ которой онъ и хочетъ и не можетъ примириться и сойтись по прежнему.

2) Харисій, какъ это явствуетъ изъ хода дѣйствія пьесы, не открываетъ и не хочетъ открывать истинной причины своего удаленія отъ жены. Объ этомъ знаетъ только одинъ Онисимъ! Но дѣйствуя такъ, Харисій тѣмъ самымъ спасаетъ Памфилу отъ разнаго рода подозрѣній и непріятностей, и если набрасываетъ на кого тѣнь, то лишь на самого себя, — подробность, нѣсколько сближающая его съ Памфиломъ изъ „Несуга“ Теренція, съ Памфиломъ, который тоже скрываетъ тайну своей жены, провинившейся передъ нимъ на манеръ жены Харисія, и который тоже достигаетъ своимъ образомъ дѣйствій того, что Филумена остается внѣ какихъ бы то ни было подозрѣній и сплетень.

нако и это воображеніе Харисія оказывается въ концѣ концовъ пустой иллюзіей, и передъ нимъ, не ожидавшимъ этого, встаетъ новый вопросъ, --- вопросъ уже не о невольной винѣ Памфилы, а о своей собственной винѣ, для которой трудно подыскать какое нибудь подходящее извиненіе.

Какъ же относится къ этому Харисій? Прежде всего его охватываетъ ужасъ предъ возможностью того, что онъ будетъ разлученъ съ Памфилой, т. е., иными словами, сознание своей вины передъ женой только усиливаетъ его любовь къ послѣдней, причѣмъ опасеніе, что Памфила согласится на доводы Смикрина, заставляетъ его идти даже на подслушаніе того разговора, который въ другомъ домѣ ведутъ между собою дочь и отецъ (ст. 462 слл.). Вотъ первое воздѣйствіе, которое оказываетъ на Харисія раскрытіе его собственной тайны!

Что же касается до второго, то оно гораздо значительнѣе и важнѣе, ибо оно производитъ сильный переворотъ въ нѣкоторыхъ взглядахъ Харисія. Тотъ фактъ, что Памфила готова не только отпустить своему мужу совершеніе безусловно возмутительнаго проступка, но и смотрѣть на этотъ проступокъ, какъ на „горе“, какъ на „несчастіе“ для него (ст. 499 сл.), — этотъ фактъ прежде всего ставитъ передъ Харисіемъ проблему о „вольномъ“ и „невольномъ“ грѣхѣ (ср. ст. 493), а затѣмъ приводитъ его къ мысли о томъ, что при обсужденіи нѣкоторыхъ женскихъ ошибокъ на первомъ планѣ нужно ставить не мужскую гордость, а чисто-человѣческую жалость и состраданіе (ст. 476 слл.), — подробность, въ высшей степени знаменательная, ибо, если я не ошибаюсь, мы впервые ¹⁾ встрѣчаемся здѣсь съ постановкой того во-

1) Впрочемъ, жалобы на то, что для мужчинъ всё является вещью дозволенной, тогда какъ для женщинъ на каждомъ шагу ставятся разнаго рода препоны и стѣсненія, — такія жалобы раздаются уже въ трагедіяхъ Еврипида, живо интересовавшагося такъ называемымъ „женскимъ вопросомъ“. Достаточно будетъ указать на слова Медеи, которая возмущается безправностью и приниженностью женщинъ и излишней свободою мужчинъ (Med., vv. 230 sqq.), — на слова, которыя могутъ служить настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ взглядовъ аѳинскаго общества V вѣка. Но въ такомъ случаѣ Менандръ только повторяетъ мысли Еврипида, съ той впрочемъ разницей, что у него проповѣдь терпимости по отношенію къ женщинамъ влагается въ уста мужчины, и притомъ мужчины, согрѣшившаго противъ женщины. Это уже большой шагъ впередъ и шагъ довольно оригинальный,

проса, который до сихъ поръ еще не можетъ считаться рѣшеннымъ и который въ болѣе блѣдной формѣ такъ формулируется Теренціемъ въ его Несуга, передѣланной изъ *Ἐκφορά* Аполлодора Каристскаго (ст. 662 сл.):

Censén te posse réperire ullam mulierem,
Quae cáreat culpa? an qui non delincúnt viri?

Но если у Теренція или, вѣрнѣе, у Аполлодора вопросъ о томъ, что допустимо и что недопустимо для женщинъ, затронуть лишь мимоходомъ, то у Менандра, наоборотъ, онъ выдвинуть на первое мѣсто, и разрѣшеніе его Харисіемъ почти что въ пользу женщинъ вноситъ въ характеръ послѣдняго новую черту, которая рѣзко отграничиваетъ его отъ юношей „новой“ комедіи вообще и отъ Памфила изъ Несуга Теренція въ частности. И дѣйствительно, у Памфила, какъ правильно отмѣчаетъ это Б. В. Варнеке¹⁾, вся переживаемая имъ „драма проходитъ на поверхности его хорошаго и простаго сердца“, тогда какъ „у Харисія она врывается и въ область разума“, дѣлая изъ него благодаря этому проповѣдника такихъ взглядовъ, которымъ словно бы и нѣтъ мѣста въ обычномъ міровоззрѣніи *τὰ μικρὰ μείραμα τὰ τοῦ Μενάνδρου ἐν ταῖς πανηγύρεσι ἀκόλαστα*²⁾. Вѣдь, какъ ни какъ, Харисій подъ вліяніемъ раскаянія въ совершенномъ имъ поступкѣ готовъ вернуться къ женѣ, несмотря на то, что она уже принадлежала кому-то, т. е., онъ какъ бы признаетъ, что согрѣшившій мужчина не можетъ быть судьей согрѣшившей женщины. Что же касается до Памфила, стоящаго передъ разрѣшеніемъ сходнаго вопроса, то подобныя мысли ни разу не приходятъ ему въ голову и онъ никоимъ образомъ не можетъ возвыситься надъ обычными предразсудками, которые значать для него больше, чѣмъ вся его любовь къ Филуменѣ. Правда, положеніе Памфила еще болѣе затруднительно, чѣмъ положеніе Харисія, ибо ему приходится не только прощать жену, но и признавать ея незаконнаго ребенка³⁾. Од-

который дѣлаетъ изъ комика не подражателя, но продолжателя Еврипида и его завѣтовъ Ср. Legrand, о. с., 568 слл. и, въ особенности, Stavenhagen, Epitrepontes und Neukra (= Hermes, 45 (1910), 581 сл.).

1) Б. В. Варнеке, Новыя комедіи Менандра, 41.

2) Aelian. hist. an., VII, 19.

3) Ср. слѣдующія слова Памфила (ст. 649 сл.):

Etiám si dudum fuerat ambiguom hoc mihi,
Nunc non est, quom eam sequitur alienus puer.

нако, какъ бы то ни было, вся внутренняя борьба, переживаемая Памфиломъ, не производитъ никакой эволюціи въ его взглядахъ на женщину, тогда какъ у Харисія эта эволюція находится на лицо, причемъ какъ разъ благодаря ей онъ и поднимается надъ общимъ уровнемъ окружающаго его общества, рабомъ котораго наоборотъ остается Памфилъ, несмотря на всю присущую ему мягкость и уступчивость. Такимъ образомъ, Харисій стоитъ безусловно выше Памфила, ибо, умѣя не только чувствовать, но и думать, онъ является человѣкомъ болѣе глубокимъ и серьезнымъ, — человѣкомъ не одного хорошаго сердца, но и тонко-развитого разума. А разъ это такъ, то въ лицѣ Харисія мы имѣемъ совсѣмъ особенный типъ *adulescens*, который, какъ я уже говорилъ выше, не попадался до сихъ поръ въ греко-римской комической литературѣ и который еще одинъ лишній разъ показываетъ намъ, какъ хорошо варьировалъ Менандръ обычные, чисто-трафаретные образы, вкладывая въ нихъ новыя, какъ будто бы и не подходящія къ нимъ черты и качества.

Переходимъ теперь къ характеристикѣ Смикрина, въ лицѣ котораго мы имѣемъ недурной образчикъ сварливаго (*δύσκολος*) и скарднаго (*σικρολόγος*) старика, — имѣемъ типъ; безусловно отрицательнаго характера и притомъ, поскольку дѣло касается неоднократнаго примѣненія его въ „новой“ комедіи, типъ, не совсѣмъ для нея необычный¹⁾. По крайней мѣрѣ, представители „новой“ комедіи не одинъ разъ останавливались на изображеніи скупцовъ и сребролюбцевъ, которымъ они придавали обыкновенно черты стариковъ, какъ говорить объ этомъ и Юліанъ Отступникъ, упоминающій о *φιλάργυροι γέροντες ὑπὸ τῶν κομωδῶν ἐπὶ τὴν σκηνὴν ἐλκόμενοι*²⁾. И дѣйствительно, мы знаемъ, что два поэта „новой“ комедіи³⁾, а именно, Діоксиппъ⁴⁾ и Теогнетъ⁵⁾,

1) По поводу Смикрина и вообще по поводу типа скупца см. Legend, о. с., 218 слл. Ср. также Carps, о. с., 28 сл. и A. di Bella, о. с., 88 слл.

2) Iul. Apost., Or. I, 19 d (ed. Dindorf) = Коск, о. с. III, 464, fr. adesp. 308.

3) Ср. *Φιλάργυρος* Филиппида (= Коск, III, 307), а также *Θησαυρός* Діоксиппа (= Коск, III, 358), Дифила (= Коск, II, 557) и Филемона (= Коск, II, 486).

4) См. Коск, о. с., III, 359.

5) См. Коск, о. с., III, 364 (fr. 1).

касались вопроса о скупцахъ въ своихъ пьесахъ, носившихъ заглавіе *Φιλάρυτροσ*. Приэтомъ, если отъ пьесы Діоксиппа не сохранилось ничего характернаго, то отъ пьесы Θεогнета дошелъ до насъ довольно любопытный отрывокъ, въ которомъ скупецъ старается парировать чьи то слова о томъ, что истиннымъ приобрѣтеніемъ для человѣка является не богатство, но мудрость.

Что же касается до Менандра, то онъ, повидимому, относился къ типу скупца съ особеннымъ вниманіемъ и интересомъ, ибо этотъ типъ, насколько намъ извѣстно, встрѣчался у него въ цѣломъ рядѣ комедій: въ *Δύσκολοσ*, въ *Θησαυρόσ*, въ *Ἐπιπέλοπτεσ* и *Ὑδρία*, а также, надо думать, въ *Ἀσπίσ*, въ *Δακτύλιοσ* и, наконецъ, въ той неизвѣстной по заглавію комедіи, къ которой относились Порфирьевскіе отрывки II а и II б¹⁾. Но само собой разумѣется, что при частомъ воспроизведеніи одного и того-же типа Менандръ, дабы не повторялись въ немъ, долженъ былъ или вкладывать въ разныхъ его представителей какія нибудь новыя черты, или варьировать чисто-внѣшнія детали и положенія, или же, наконецъ, разсматривать самый типъ съ различныхъ точек зрѣнія и притомъ въ различномъ объемѣ. Яснымъ же доказательствомъ того, что Менандръ именно такъ и дѣйствовалъ, служатъ два образа скупцовъ, вышедшіе изъ подъ его кисти: образъ Смикрина, героя „Третьейскаго суда“, и образъ Эвкліона, выступающаго въ *Aulularia* Плавта, въ пьесѣ, восходящей не то къ *Δύσκολοσ*²⁾, не то къ *Ὑδρία*³⁾, нашего поэта.

Въ характерѣ Смикрина, какъ я уже говорилъ выше,

1) Для *Δύσκολοσ* характерны отрывки 128 и 129 (= Коск, III, 38); для *Θησαυρόσ* — отр. 235, а также Donat. Eun. prol. 9 (= Коск, III, 67); для *Ὑδρία* — отр. 468 (= Коск, III, 134). Съ меньшей увѣренностью можно говорить объ *Ἀσπίσ* и *Δακτύλιοσ*; но не мѣшаетъ всё таки отмѣтить, что въ первой пьесѣ выступалъ персонажъ, носящій имя „Смикринъ“ (= Коск, III, 25, fr. 76 ab), а во второй появлялся отецъ, радовавшійся, что ему удалось найти для своей дочери такого жениха, который не требовалъ за ней приданаго (= Коск, III, 31, fr. 103). Наконецъ, что касается до Порфирьевскихъ фрагментовъ, то въ нихъ, какъ и въ *Ἐπιπέλοπτεσ*, мы встрѣчаемъ отца, волнующагося не столько о судьбѣ своей дочери, покинутой мужемъ, сколько о судьбѣ ея денегъ (стр. 123).

2) Geffken, Studien zu Menander, 3 sqq.

3) Legend, о. с., 218, S. Ср., однако, Pressler, De Plauti Aulularia (Diss. Leipzig 1908), 28 sqq.

выдѣляются двѣ основныхъ черты: сварливость и скаредность, — черты, развитыя, приблизительно, одинаково и словно дополняющія другъ друга¹⁾. Въ силу этого въ глазахъ людей, его знающихъ, Смикринъ рисуется не только какъ *λογιστικός* (ст. 541), но и какъ *χαλεπὸς ἀνὴρ* (ст. 539), отъ котораго лучше держаться поодаль (ст. 363), и съ которымъ, ввиду его раздражительности, лучше не вступать ни въ какія пререканія. И дѣйствительно, какъ настоящій типъ сварливаго старика, Смикринъ не способенъ ни на мягкость, ни на отзывчивость. Напротивъ того, онъ вѣчно готовъ къ нападенію, — готовъ даже тогда, когда для этого нѣтъ никакихъ серьезныхъ поводовъ или причинъ. Такъ, напр., робкая просьба Сириска вызываетъ съ его стороны рѣзкую отповѣдь (ст. 8—9), и притомъ отповѣдь, заключающую въ себѣ не только грубость, но и язвительную насмѣшку (ст. 11—13). Равнымъ образомъ, на несвоевременное выступленіе того-же Сириска Смикринъ сразу реагируетъ угрозой, которую онъ вкладываетъ въ слѣдующія далеко не ласковыя слова:

коль перебьешь еще, вотъ этой самой палкой
я по тебѣ пройдуся.

И эта грубость сказывается у Смикрина не только въ его обращеніи съ тяжущимися рабами, на которыхъ онъ смотритъ сверху внизъ и которыхъ не удостоиваетъ даже кивкомъ головы при своемъ уходѣ со сцены, но и со всѣми остальными людьми, съ которыми ему приходится сталкиваться. Мы вѣчно слышимъ въ его рѣчахъ одинъ и тотъ же сварливый и раздражительный тонъ, независимо отъ того, гово-

1) Черты сварливости и скаредности замѣтны уже у стариковъ Аристофановскихъ комедій. Ср., напр., разговоръ Стрепсиада съ рабомъ въ „Облакахъ“ (ст. 56 сл.), споръ стариковъ съ мальчикомъ въ „Осахъ“ (ст. 248 сл.), характеристику Дема въ „Всадникахъ“ (ст. 40 сл.). Подробнѣе касается этого вопроса Süss, *De personarum antiquae comoediae atticae usu atque origine* (Diss. Bonnæ 1905), 112 sqq. — Не подлежитъ сомнѣнію, что и поэты „средней“ комедіи при трактовкѣ типа стариковъ вкладывали въ этотъ типъ тѣ-же черты, что и Аристофанъ, но только они должны были брать ихъ въ болѣшемъ масштабѣ и касаться ихъ гораздо подробнѣе, выработывая так. образомъ общіе типы сварливца и скареда. И очень возможно, что эти типы и выступали въ качествѣ главныхъ персонажей въ такихъ комедіяхъ, какъ *Θρασύβουλος* Анаксандрида (= Коск, II, 142) и *Φιλώργυροι* Филиска (= Коск, II, 443).

рить ли онъ съ поваромъ, или съ Харисіемъ, или же, наконецъ, съ самимъ собой. Но если эта повышенность тона можетъ быть до нѣкоторой степени извиняема при бесѣдѣ Смикрина съ зятемъ, обижающимъ его дочь и тратящимъ его деньги, то очень трудно найти для нея подходящее извиненіе, когда объектомъ нападокъ Смикрина дѣлается, напр., такой беззащитный человѣкъ, какъ Софрона. А между тѣмъ именно тутъ и сказывается во всемъ блескъ вся Смикриновская сварливость, проявляющаяся не только въ общемъ тонѣ рѣчи, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, изъ которыхъ одно оказывается грубѣе другого. И чего только не говоритъ Смикринъ Софронѣ! То онъ грозитъ ей ударами, то обѣщаетъ продержатъ всю ночь въ болотѣ, то просто на просто осыпаетъ ругательствами (ст. 522 слл.). И хотя Софрона молчитъ упорно, злоба Смикрина не стихаетъ ни на минуту. Напротивъ того, угрозы и требованія то и дѣло смѣняютъ другъ друга, становясь всё рѣшительнѣе и рѣшительнѣе, пока наконецъ Смикрину не надоѣдаетъ объектъ его брани и пока его гнѣвъ не переносится на другого человѣка, а именно, на Онисима. Однимъ словомъ, хотя роль Смикрина, какъ и роли остальныхъ персонажей „Третьякаго суда“, дошла до насъ не въ полной сохранности, мы тѣмъ не менѣе видимъ, что сварливость была основной чертой его характера, — чертой, которая сближаетъ его съ Эвклиономъ изъ *Aulularia* Плавта, съ Демеей изъ *Adelphoe* Теренція и, наконецъ съ тѣмъ старикомъ, который выступаетъ въ Порфирьевскихъ отрывкахъ Па и Пв. Косвеннымъ же подтвержденіемъ того, что *δυσκολία* была, такъ сказать, постояннымъ отличительнымъ признакомъ Смикрина или, иначе, что Смикринъ былъ одной изъ разновидностей типа *δύσκολος*, — подтвержденіемъ этого служатъ слова Алкифрона и Юліана Отступника, которые характеризуютъ его, какъ *προσβύτης δύσκολος* и *δύστροπος*, какъ человѣка, мучающаго другихъ своими выходками ¹⁾.

Наряду же съ этой отмѣченной нами чертой Смикриновскаго характера есть у Смикрина и другая черта, столь же несимпатичная и столь же ярко выражающаяся во всѣхъ

1) Julian. Misopog. 349 c: *ἐνόμισαν ἂν Σμικρίνην ὄρνιν ... δύσκολον προσβύτην*. Alciphro. epist., III, 7, 3: *ἐπέστη ποθὲν Σμικρίνης ὁ δύστροπος καὶ δύσκολος*.

его словахъ и поступкахъ, — черта, которую можно назвать „скаредностью“ (*μικρολογία*)¹⁾ и которая столь же неотдѣлима отъ него, какъ и „сварливость“. Скажу больше, эта черта, какъ черта доминирующая, еще сильнѣе останавливала на себѣ вниманіе писателей древности. По крайней мѣрѣ, если „сварливый“ Смикринъ упоминается у нихъ лишь между прочимъ, то Смикринъ „скаредъ“ служитъ своего рода нарицательнымъ именемъ всякаго скупца и скареда, независимо отъ тѣхъ проявленій, въ которыхъ выражается владѣющая имъ страсть къ деньгамъ.

Но ввиду того, что Смикринъ, какъ типъ скряги, выступалъ не въ одной, а въ нѣсколькихъ пьесахъ Менандра (*Ἀσπίς*, *Δύσκολος* (?), *Ἵδρία* (?), *Ἐπιτρέποντες*), намъ очень трудно опредѣлить съ точностью, къ какому именно Смикрину должны быть относимы тѣ или другія слова о немъ того или другого автора. Такъ, напр., когда Хорикій Газейскій, говоря о *Σμικρίνησ φιλόγυρος*, прибавляетъ къ этому: *ὁ δεδιώσ μὴ τι τῶν ἔνδον ὁ κληνὸσ οἴχοιτο φέρων*²⁾, то ясно, что онъ разумѣетъ не Смикрина изъ „Третьякаго суда“, а какого-то другого Смикрина, послужившаго, можетъ быть, обращикомъ для Эвклиона изъ *Aulularia* Плавта, для Эвклиона, который, по словамъ Стробила (ст. 300 сл.),

quin divom atque hominum clamat continuo fidem,
de suo tiglio fumus si qua exit foras.

Равнымъ образомъ, неизвѣстно, къ какой именно пьесѣ Менандра, выведившей Смикрина, надо прилагать и слѣдующія очень неопредѣленные слова риторика Θεμιστία: *τὸ δὲ καὶ τοῖσ χοῆσασθαι δεηθεῖσι δοῦναι δωρεὰν καὶ πλείονόσ γε δοῦναι δωρεὰν ἢ ὅσφ χοῆσθαι ἤτησε, καὶ προσέτι γε ἀφανίσει τὴν αἴτησιν, ὅπωσ ἂν αὐτογνώμων ἢ δωρεὰ νομισθῆ, τίνα Ἀλκιβιάδην οὐχ ἔπερβαίνει; τίνα Κίμωνα οὐχ ἀποφαίνει Σμικρίνην;*³⁾ Зато, какъ разъ къ интересующей насъ комедіи и, въ частности,

1) Θεσφραстовскій *μικρολόγος* (Theophr. charact. X) почти не совпадаетъ съ Смикриномъ: будучи еще болѣе мелочнымъ, онъ представляетъ собой какъ бы особую разновидность скареда, не останавливающегося притомъ и передъ ростовщичествомъ. Благодаря этому въ немъ можно различать одновременно и черты будущаго Плюшкина и черты будущаго Гарпагона.

2) Choric. apol. mim., 9 (= Oeuvres de Charles Graux, II, 57).

3) Themist. or. 34, 17 (ed. Dindorf, p. 462).

къ выступающему въ ней Смикрину, относится слѣдующій пассажъ изъ Амброзіанскихъ схолій къ Od. VII, 225: *κομῆδῆ γὰρ σμικρολόγος φαίνεται (Ὀδυσσεὺς) προτάσσει τῶν φιλτάτων τῆν κτῆσιν, ὡς παρὰ Μενάνδρῳ Σμικρίνησ ἐν Ἐπιτρέπουσιν*¹⁾, — пассажъ, который можетъ служить настоящей исходной точкой для нашихъ разсужденій о „скаредности“ одного изъ главныхъ героевъ „Третьскаго суда“.

И дѣйствительно, если мы приложимъ слова Гомеровскаго схоліаста къ тѣмъ поступкамъ и рѣчамъ Смикрина, которыми характеризуется его роль въ пьесѣ, то мы увидимъ, что Смикринъ на самомъ дѣлѣ гораздо больше значенія придаетъ своимъ имущественнымъ интересамъ, чѣмъ интересамъ своей единственной дочери, счастью которой грозитъ не то окончательная гибель, не то временной развалъ. По крайней мѣрѣ, объ уничтоженіи или ослабленіи той неурядицы, которая ворвалась въ жизнь Памфилы и Харисія, Смикринъ почти что не думаетъ, если не считать мимолетной мысли объ этомъ, не нашедшей, впрочемъ, никакого реального примѣненія (ст. 376). Зато страхъ за приданое Памфилы ни на минуту не оставляетъ его, и онъ вѣчно носится съ думой о необходимости вырвать деньги дочери изъ рукъ ненавистнаго ему зятя, проводящаго время въ дорого стоящихъ кутежахъ. И эта дума о деньгахъ, съ которыми другіе не умѣютъ обращаться, какъ слѣдуетъ, до такой степени овладѣваетъ старикомъ, что онъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ высказываетъ ее, не обращая приэтомъ никакого вниманія на то, кто въ данный моментъ является его собесѣдникомъ или повѣреннымъ.

Правда, при разговорѣ съ поваромъ Смикринъ выдвигаетъ на первый планъ странное поведеніе Харисія, которое яко бы вынуждаетъ его къ принятію рѣшительныхъ мѣръ, на которыя въ противномъ случаѣ онъ бы, конечно, не рѣшился (ст. 416 сл.). Далѣе, на минуту вспыхиваетъ въ немъ и другое, чисто человѣческое ощущеніе, а именно, обида на зятя, который не считается ни съ нимъ, ни съ его дочерью, обижая послѣднюю тѣмъ, что проводитъ время съ гетерой (ст. 428 сл.). Но всѣ эти чувства, даже если они и являются вполне искренними, не отличаются ни длительностью, ни

1) Scholia Ambros. ad. Hom. Od. VII, 225.

интенсивностью: они — минутная вспышка, не больше. Единственной же, всепоглощающей и могучей страстью, подъ властью которой и находится Смикринъ, будетъ его любовь къ деньгамъ вообще, къ приданому Памфила въ частности. И всякій, кто знаетъ Смикрина, знаетъ про эту слабую сторону его характера, которая подавляетъ въ немъ всѣ остальные чувства и которая заставляетъ его стремиться лишь къ одному, — къ спасенію денегъ отъ всякихъ уменьшающихъ ихъ тратъ. Недаромъ, Онисимъ называетъ Смикрина человекомъ, „умѣющимъ вести счетъ деньгамъ“ (*λογιστικός*), — недаромъ привѣтствуетъ онъ его слѣдующими насмѣшливыми словами (ст. 538 сл.):

Кто это въ дверь стучить? --- Ахъ, это самъ Смикринъ,
Сердитый, жалуется за дочерью своею
И... за приданнымъ.

Да, страсть старика всѣмъ извѣстна, настолько извѣстна, что всякій готовъ объяснять каждый шагъ его, какъ естественное и вполне понятное послѣдствіе этой страсти, поработившей въ немъ всѣ остальные душевные движенія и уничтожившей всякую мягкость и чувствительность. И судя Смикрина подобнымъ образомъ, Онисимъ, конечно, не ошибается. Достаточно прослушать монологъ старика, чтобы убѣдиться въ этомъ. И дѣйствительно, что какъ не скарденность, не забота о деньгахъ руководить Смикриномъ въ его желаніи отдѣлить Памфилу отъ Харисія? По крайней мѣрѣ, онъ и самъ не скрываетъ этого, когда говоритъ Софронъ (ст. 524 сл.):

Съ увозомъ дочери я, видишь-ли, спѣшу!
Иль ждатель, по твоему, пока зятекъ почтенный
Приданого не съѣлъ? Иль о своемъ добрѣ
Балясы съ нимъ точить? И лѣзть съ такимъ совѣтомъ!

Изъ этихъ словъ Смикрина, какъ бы мы ихъ не объясняли, ясно вполне, что Гомеровскій схолиастъ былъ безусловно правъ, когда говорилъ про Менандровскаго героя, что онъ *προτάσσει τῶν φιλτάτων τὴν κτῆσιν*. И въ самомъ дѣлѣ, самъ Смикринъ своими собственными словами подтверждаетъ это, и подтверждаетъ притомъ съ такой циничной откровенностью, что намъ остается одно, а именно, видѣть въ немъ, какъ дѣлали это и писатели древности, типъ сухого

скареда и скряги, копящаго деньги ради денегъ и лишъ минутами отдающагося другимъ, болѣе человѣческимъ чувствамъ, для надлежащаго переживанія которыхъ у него уже нѣтъ соотвѣтствующихъ данныхъ: всѣ онѣ, если и были, давнымъ давно заостенѣли и замерли!

Но давая въ лицѣ Смикрина вполнѣ законченный и тонко индивидуализированный образъ скареда, Менандръ не объясняетъ намъ, какимъ образомъ и подъ влiянiемъ какихъ условiй развилась въ его героѣ та страсть къ деньгамъ, которая владѣтъ имъ и благодаря которой онъ сталъ тѣмъ, что онъ есть, т. е., безсердечнымъ и сухимъ человѣкомъ, почти что не откликающимся на настоящую человѣческую жизнь. Этотъ вопросъ не интересуетъ Менандра и не останавливаетъ на себѣ его вниманiя, а потому и откидывается имъ въ сторону, какъ нѣчто второстепенное и ненужное. Однако, поступая такъ, поэтъ не дѣлаетъ тутъ никакой ошибки, а тѣмъ болѣе не вредитъ и тому общему впечатлѣнiю, которое производитъ созданный имъ художественный образъ. Цѣль поэта другая, — онъ хочетъ просто на просто показать намъ одинъ изъ отрицательныхъ житейскихъ типовъ, и притомъ не въ его внутренней борьбѣ съ самимъ собой, а въ тѣхъ мелочныхъ придиркахъ и притѣсненiяхъ, которыми донимаетъ онъ своихъ близкихъ.

Зато нѣсколько иной характеръ имѣетъ Плавтовскiй Эвклiонъ, тоже восходящiй къ Менандру и представляющiй собой не столько типъ скареда, сколько скупца *κατ' ἐξοχήν*, мучающаго главнымъ образомъ самого себя и всё время живущаго подъ страхомъ утратить свое богатство. Приэтомъ поэтъ съ достаточной наглядностью показываетъ намъ и ту основную причину, изъ которой развилась болѣзненная страсть Эвклiона. Унаслѣдовавъ нѣкоторыя черты скаредности отъ своего дѣда и отца, Эвклiонъ вмѣстѣ съ тѣмъ принужденъ былъ жить всё время на доходы съ обработки ничтожнаго клочка земли ¹⁾, среди жалкой обстановки, которая, по словамъ Стафилы,

inaniis sunt oppletæ atque araneis²⁾.

И вдругъ, неожиданно-негаданно, Эвклiонъ становится об-

1) Plaut. Aulul., vv. 6 sqq.

2) ibid., v. 84.

ладателемъ сокровища, а именно, кадушки съ золотомъ, которая дѣлается для него источникомъ цѣлаго ряда мукъ и терзаній. Испытавъ на себѣ всю тяжесть бѣдности и надѣленный къ тому же наслѣдственной скаредностью, Эвкліонъ мало по малу подпадаетъ подъ власть назойливой мысли о томъ, что ему надо, во что бы то ни стало, сберечь свое сокровище, и сберечь притомъ такъ, чтобы никто не могъ подозрѣвать объ его наличности. И вотъ онъ продолжаетъ вести свой прежній образъ жизни, благодаря которому окружающіе говорятъ про него съ насмѣшкой, что

*pumex non aequè est arduus atque hic est senex*¹⁾.

Мало того, всѣми правдами и неправдами старается онъ вложить въ сознаніе всѣхъ знающихъ его людей, что онъ дѣйствительно бѣденъ, ради каковой цѣли ходитъ, напр., наряду съ настоящими бѣдняками, за полученіемъ грошеваго пособія²⁾). Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ принимаетъ совсѣмъ исключительныя мѣры къ тому, чтобы тайна его сокровища оставалась нескрытой: онъ самъ сидитъ при своей кадушкѣ въ качествѣ безсмѣннаго сторожа! Если же приходится ему отдаляться отъ дома, то его сердце начинаетъ болѣть³⁾ и ему чудится, что идутъ воры, что слышатся какіе-то подозрительные шумы⁴⁾). Приэтомъ всё, рѣшительно всё кажется ему подозрительнымъ и во всемъ безъ исключенія усматриваетъ онъ нѣчто, грозящее его кадушкѣ съ золотомъ. Такъ, когда Мегадоръ, желающій жениться на его дочери, обращается къ нему съ ласковымъ привѣтомъ, онъ не находитъ ничего другого, какъ сказать про себя:

*jam illic homo aurum scit me habere, eo me salutat
blandius*⁵⁾.

Равнымъ образомъ, когда тотъ-же Мегадоръ хвалитъ его, какъ хорошаго гражданина, онъ думаетъ, что „*aurum huic olet*“⁶⁾). Однимъ словомъ, что бы ни дѣлалось, что бы ни говорилось другими людьми, во всемъ видитъ онъ своего

1) *ibid.*, v. 297.

2) *ibid.*, vv. 106 sqq.

3) *ibid.*, v. 105.

4) *ibid.*, v. 242 sq.

5) *ibid.*, v. 185.

6) *ibid.*, v. 216.

рода засаду и держится поэтому вѣчно на сторожѣ, снѣдаемый постоянною мыслью о томъ, что люди, успѣвъ проникнуть въ его тайну, намѣрены похитить у него его деньги.

Правда, эта подозрительность Эвкліона до нѣкоторой степени понятна: какъ человѣкъ бѣдный, онъ не привыкъ къ ласковости со стороны богатыхъ и, если угодно, не лишено вѣрности слѣдующее его замѣчаніе по этому поводу:

non temerarium est ubi dives blande appellat pauperem¹⁾.

Но бѣда въ томъ, что Эвкліонъ не знаетъ мѣры въ своихъ подозрѣніяхъ: находясь во власти своей *idée fixe*, онъ полагаетъ, что всѣ только и думаютъ о разныхъ комплотахъ противъ него, что всѣ только и стремятся къ его кадушкѣ, даже когда они, какъ Мегадоръ, и не преслѣдуютъ на самомъ дѣлѣ никакихъ денежныхъ интересовъ²⁾. И вотъ, благодаря этому, Эвкліонъ оказывается настоящимъ „самомучителемъ“, настоящимъ *ἐαυτοτιμωροῦμενος*, не знающимъ ни минуты покоя и отдыха. Но несмотря на свою позорную страсть, которая проявляется въ каждомъ его поступкѣ — достаточно указать на его циничную похвальбу тѣмъ, что онъ купилъ къ свадьбѣ дочери только „*tusculum*“ и „*соgnas floreas*“³⁾ — несмотря на всё это, въ Эвкліонѣ можно различить еще остатки кое-какихъ чисто-человѣческихъ побужденій и чувствъ. Такъ, напр., онъ не лишень настоящей гордости бѣдняка, не желающаго служить предметомъ насмѣшки со стороны богатыхъ. По крайней мѣрѣ, его первоначальный отказъ Мегадору въ рукѣ Федріи звучитъ очень гордо и красиво, звучитъ съ большимъ достоинствомъ и эффектомъ⁴⁾. Съ другой стороны, не замерла въ Эвкліонѣ и любовь къ дочери. Правда, поглощенный думами о кадушкѣ, онъ временно забылъ думать о Федріи, забылъ настолько,

1) *ibid.*, v. 184.

2) Ср. слова Эвкліона (v. 265 sqq.):

di inmortales, opsecro, aurum quid valet!
credo ego illum jam inaudisse mi esse thesaurum domi,
id inhiat, ea adfinitatem hanc opstinavit gratia.

3) *ibid.*, v. 371 sqq.

4) *ibid.*, v. 220 sqq.:

heia, Megadore, hau decorum facinus tuis factis facis,
ut inopem atque infloxiu apse te atque apse tuis me inrideas.

что очень прозрачные намеки Ликонида на его вину передъ Федрией кажутся ему намеками на то, что именно Ликонидъ и является похитителемъ золота ¹⁾. Но зато, когда слова юноши дѣлаются ему ясны и онъ узнаетъ о позорѣ дочери, онъ сразу забываетъ о своемъ потерянномъ сокровищѣ и всѣ его мысли переносятся на дочь, любовь къ которой какъ бы торжествуетъ надъ его недавней любовью къ деньгамъ ²⁾.

Итакъ, если въ лицѣ Смикрина Менандръ выводитъ передъ нами типъ сухого скарета, то въ лицѣ Эвкліона онъ даетъ типъ подлиннаго скупца, но скупца, пожалуй, болѣе человѣчнаго или, по крайней мѣрѣ, болѣе способнаго, чѣмъ Смикринъ, къ переживанію, пусть даже минутному, настоящихъ человѣческихъ чувствъ и мыслей. Приэтомъ, хотя въ Эвкліонѣ, какъ и въ Смикринѣ, довольно ясно сказываются черты „сварливости“ — ср., напр., его разговоръ съ Стафилой и съ Конгріономъ ³⁾, — эта сварливость не занимаетъ въ его характерѣ, какъ въ характерѣ Смикрина, доминирующаго положенія: она стоитъ всего на всего на второмъ мѣстѣ, и не она, а скупость, какъ таковая, скупость въ различныхъ ея проявленіяхъ служитъ настоящимъ показателемъ Эвкліона, — своего рода мѣткой, по которой можно узнать его среди другихъ представителей той-же категоріи ⁴⁾.

1) *ibid.*, v. 745 sqq.

2) *ibid.*, v. 796 и 800 sq.

3) *ibid.*, vv. 40 sqq. и 415 sqq.

4) Поскольку дѣло касается Эвкліона, я никоимъ образомъ не могу согласиться съ слѣдующимъ выводомъ *Le grand'a* (о. с., 219): „Bref, si le héros de l'Avululaire n'est pas l'avare-type, si même il n'est pas, à proprement parler, un avare, on peut bien dire de lui, sans injustice, qu'il est un pingre“. Мнѣ наоборотъ кажется, что Эвкліонъ представляетъ собой довольно ярко очерченный типъ скупца, хотя, конечно, какъ правильно отмѣчаетъ это *Le grand* (о. с., 218), его и не слѣдуетъ слишкомъ сближать съ Мольеровскимъ Гарпагономъ. Вѣдь Гарпагонъ, помимо всего прочаго, не только скупецъ, но и ростовщикъ, — черта, которой нѣтъ у Эвкліона и которая вообще чужда скупцамъ „новой“ комедіи, стремящимся не къ приумноженію, а къ сохраненію своего имущества. Скажу больше, Гарпагонъ, хоть онъ и образовался изъ Смикрина — Эвкліона, похожъ на свой греческій прототипъ лишь постольку, поскольку онъ, послѣ утраты шкатулки, произноситъ свой монологъ, навѣянный монологомъ Эвкліона, а также постольку онъ ведетъ основанную на недоразумѣніи бесѣду съ возлюбленнымъ своей дочери, бесѣду, которая опять таки напоминаетъ собой разговоръ Эвкліона съ юношей Ликонидомъ. Ср., впрочемъ, *Bonnet, Smicrinès — Euclion — Harpagon* (= *Mélanges Havet*, 17 слл.).

Рѣдкое умѣнье Менандра вносить въ любой, чисто-трафаретный комическій образъ такія черты, которыя, способствуя его индивидуализированію, превращаютъ его изъ простаго типа въ настоящій характеръ, — это умѣнье, въ приложеніи къ „Третейскому суду“, съ меньшей яркостью сказывается и на фигурахъ трехъ рабовъ, выступающихъ въ нашей пьесѣ, а именно, на фигурахъ Дава, Сириска и Онисима. Взятые всѣ вмѣстѣ, они представляютъ собой особую группу персонажей, ту группу, безъ которой не могла обойтись „новая“ комедія и изъ которой то и дѣло выходили „personnes d'intrigue“, несшія на себѣ всю тяжесть дѣйствія той или другой пьесы. Но въ нашемъ случаѣ всѣ поименованныя мною лица появляются въ болѣе скромной роли: предоставивъ центральное мѣсто арфисткѣ, которая какъ бы замѣняетъ собой *servus callidus*, они участвуютъ въ дѣйствіи иначе, — либо, какъ Онисимъ, въ качествѣ пособниковъ Габротононъ, либо же, какъ Давъ и Сирискъ, въ качествѣ лицъ, не по своей винѣ замѣшавшихся въ общую путаницу. Ввиду этого они, собственно говоря, стоятъ на второмъ планѣ и не на нихъ, конечно, сосредоточивается главный интересъ комедіи, поскольку дѣло касается веденія ея интриги. Но несмотря на это, всѣ они съ поразительной выпуклостью выдѣляются на общемъ фонѣ дѣйствія, и выдѣляются, главнымъ образомъ, потому, что каждый изъ нихъ представляетъ собой оригинальную и въ высшей степени самобытную фигуру, которая сразу и навсегда врѣзается въ нашу память. Возьмемъ, напр., Дава. Если разобрать его роль саму по себѣ, то окажется, что она сводится къ однократному выступленію его въ началѣ пьесы, послѣ чего онъ выходитъ изъ состава дѣйствующихъ лицъ и уже не появляется въ дальнѣйшемъ предѣ глазами зрителей. И тѣмъ не менѣе, онъ до такой степени типиченъ, до такой степени хорошо и тонко очерченъ, что его образъ, образъ обычнаго раба, получаетъ значеніе индивидуальнаго и притомъ вполне цѣльнаго характера, выхваченнаго поэтомъ изъ самой жизни.

Пастухъ по профессіи, привыкшій къ грубой крестьянской жизни, Давъ не знаетъ ничего другого кромѣ нея, а потому и всѣ его интересы прикованы къ ней и къ тому, чтобы устроить её получше. Въ силу этого, найдя ребенка, онъ обращаетъ свое вниманіе не столько на него, сколько на тѣ

вещи, которыя при немъ находятся, думая именно на нихъ построить свое благополучіе. Что же касается до ребенка, то усматривая въ немъ только одну помѣху, онъ и отдаетъ его Сириску, дѣлая, впрочемъ, такой видъ, будто этимъ своимъ поступкомъ онъ оказываетъ ему одолженіе. Т. е., иными словами, Давъ — большой эгоистъ, обладающій притомъ нѣкоторой долей хитрости или, вѣрнѣе, лукавства. Но къ своему несчастью онъ не обладаетъ ни умомъ, ни настоящей сообразительностью. Правда, рассказывая о своей находкѣ, онъ довольно искусно прикрываетъ свое желаніе присвоить вещи найденыша, говоря, что они — „дрянце“ и что на нихъ надо смотрѣть, какъ на „пустячки одни, — не больше“ (ст. 60). Съ неменьшей ловкостью рисуетъ онъ и свое quasi-добродушіе по отношенію къ Сириску, добродушіе, которое выразилось будто бы въ томъ, что онъ удѣлилъ пріятелю часть находки, чего въ сущности могъ бы и не дѣлать. Наконецъ, дабы навредить противнику, онъ умѣетъ во время подвести его подъ гнѣвъ третейскаго судьи и одобрить затѣмъ гнѣвный окрикъ послѣдняго, думая, что подобная льстивость можетъ имѣть свою пользу и выгоду. Вотъ во всемъ этомъ довольно хорошо сказывается чисто крестьянское лукавство Дава и его относительное умѣніе пользоваться моментомъ! Но будучи способенъ на мелкія хитрости, онъ абсолютно не способенъ на какой нибудь зрѣло обдуманнѣй шагъ, а тѣмъ болѣе на то, чтобы во время разглядѣть опасность и уберечься отъ нея. Онъ, что называется, заднимъ умомъ крѣпокъ, т. е., онъ видитъ свои ошибки только тогда, когда ихъ уже нельзя исправить, и въ этомъ какъ разъ и заключается вся комичность его положенія въ его неравной борьбѣ съ ловкимъ и находчивымъ Сирискомъ. Сбитый съ толку, онъ сразу теряетъ всякую способность къ соображенію и можетъ только сожалѣть о своей прежней недалковидности, что не мѣшаетъ ему сейчасъ же дѣлать новыя ошибки и опять таки не замѣчать ихъ до поры до времени. Такъ, напр., не сумѣвъ учесть всей опасности, которая грозитъ ему со стороны Сириска, онъ сразу соглашается на третейскій судъ, причемъ въ этотъ моментъ его главнымъ образомъ снѣдаетъ мысль о томъ, зачѣмъ онъ подѣлился со своимъ бывшимъ пріятелемъ, въ силу чего онъ только и знаетъ, что повторять: „зачѣмъ я съ нимъ дѣлился“. Но вотъ Смикринъ

ставитъ свой приговоръ, въ результатъ котораго вся находка Дава переходитъ къ его врагу, и Давъ, оказавшійся при пиковомъ интересѣ, мѣняетъ свой refrain и начинаетъ говорить съ тупымъ упорствомъ: „что за неправый судъ“. Конечно, сами по себѣ эти многократно-повторяющіяся восклицанія производятъ комичное впечатлѣніе, но для Дава, какъ такового, они вполне понятны: въ нихъ, въ этихъ восклицаніяхъ, онъ выражаетъ всё свое негодованіе и недоумѣніе по поводу случившагося, недоумѣніе глупаго человѣка, увѣреннаго въ своей правотѣ. Вѣдь съ точки зрѣнія Дава съ нимъ поступили, конечно, безбожно! И дѣйствительно, вся находка была сдѣлана имъ; по своей доброй волѣ онъ уступилъ часть ея своему товарищу, и вотъ у него отнимаютъ все, да еще третируютъ его, какъ какого-то вора предъявляющаго несправедливыя требованія. Правда, и Сирискъ и Смикринъ приводятъ каждый свои доводы, но эти доводы непонятны ему. При ограниченности его міросозерцанія и при той примитивной грубости, которой отличаются его взгляды, ему трудно взять въ толкъ всё эти слова о справедливости, *ο τὸ δίκαιον*, на чемъ и настаиваетъ Сирискъ¹⁾. Онъ смотритъ на справедливость иначе, гораздо упрощеннѣе, чѣмъ его противникъ, и что бы ни говорили ему, онъ всё равно будетъ стоять на своемъ: для того, чтобы усвоить чужіе, болѣе высокіе взгляды, ему не хватаетъ ни развитія, ни ума, ни сердца. Жадный, черствый и грубо-эгоистичный, да къ тому же несообразительный и неповоротливый, Давъ можетъ понять только одно: еще недавно въ его рукахъ находилось нѣчто цѣнное, ему дѣйствительно нужное, и всё это исчезло сразу и онъ опять остался съ пустыми руками, съ пустой сумой, безъ всякой надежды найти еще разъ нѣчто подобное тому, что у него отняли. И если угодно, то его гнѣвъ и его растерянность производятъ не одно комичное впечатлѣніе: какъ ни какъ, но Давъ, сбитый съ толку, Давъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, представляетъ собой довольно жалкую фигуру, тѣмъ болѣе жалкую, что онъ не понимаетъ и не можетъ понять, что поступить съ нимъ иначе было абсолютно немислимо²⁾.

1) См. Б. В. Варнеке, о с., 36.

2) По поводу Дава ср. также Legrand, о. с., 232 sq. и Carps, о. с., 26 сл.

Зато полнымъ контрастомъ къ Даву является Сирискъ, его недавній другъ и пріятель, а нынѣ злѣйшій врагъ, одерживающій надъ нимъ верхъ въ спорѣ изъ за *υποδίσματα*. Будучи рабомъ Хэрестрата, Сирискъ не живетъ однако въ домѣ своего хозяина. Онъ живетъ на сторонѣ, почти что на положеніи *χωρίσ οίκου*, и, занимаясь угольнымъ ремесломъ, обязанъ лишь время отъ времени доставлять опредѣленный оброкъ. Такимъ образомъ, несмотря на свое подневольное положеніе, онъ пользуется относительной свободой и можетъ, благодаря ей, не ощущать всей тяжести лежащаго на немъ рабства. Мало того, эта свобода въ жизни и въ дѣйствіяхъ оказывается въ высшей степени благопріятной и для развитія въ немъ той природной тонкости взглядовъ и ощущеній, которая такъ выгодно отличаетъ его отъ грубаго и мало что понимающаго Дава. Вращаясь не только въ деревнѣ, но и въ городѣ, Сирискъ, поскольку это для него возможно, испытываетъ на себѣ вліяніе цивилизованной жизни и пріобрѣтаетъ кое-какія вкусы и привычки, словно бы и неподходящія къ его ремеслу угольщика. Такъ, напр., онъ знакомъ съ театральными представленіями, чѣмъ, видимо, очень гордится, и знакомъ притомъ довольно детально. По крайней мѣрѣ, ему извѣстно содержаніе кое-какихъ трагедій, и онъ съ видомъ настоящаго знатока отличаетъ въ нихъ тѣ подробности, которыя особенно сильно врѣзались въ его память. А такъ какъ онъ не вполне умѣетъ отличать фикцію отъ дѣйствительности и такъ какъ съ другой стороны въ его характерѣ замѣчается извѣстная доля романтичности, то онъ иногда ставитъ себя на мѣсто нѣкоторыхъ героевъ миѳологии и видитъ въ томъ, что случилось съ нимъ, своего рода параллель къ тому, что происходитъ на сценѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить ту часть его рѣчи, въ которой онъ сравниваетъ себя съ козопасомъ, спасшимъ Нилея и Пелія, а также его слова по поводу примѣтъ и ихъ значенія (ст. 109 слл.). Но не одни театральныя зрѣлища знакомы Сириску. Онъ имѣетъ, повидимому, нѣкоторое представленіе и о другихъ сторонахъ городской жизни: о судебномъ ремеслѣ, которымъ „нынѣ всё спасешь“, и о тѣхъ громкихъ разсужденіяхъ по поводу права и справедливости, которыя то и дѣло должны были раздаваться и въ судахъ и съ ораторской трибуны. Приэтомъ, судьбище, какъ та-

ковое, представляет для него особую прелесть, тѣмъ болѣе, что онъ убѣжденъ въ силѣ своего слова и въ неотразимости своихъ доводовъ. Недаромъ, послѣ побѣды надъ Давомъ, онъ сразу предлагаетъ Онисиму рѣшить споръ о кольцѣ судомъ, заявляя съ наивной важностью, что для него рѣшительно всё равно, кто бы ни былъ между ними посредникомъ (ст. 197 сл.). Мало того, онъ до такой степени опьяненъ своимъ успѣхомъ, что совершенно серьезно мечтаетъ о перемѣнѣ своей профессіи угольщика на профессію ходатая по дѣламъ, для каковой профессіи онъ находитъ себя вполне подготовленнымъ (ст. 200 сл.).

Итакъ, Сирискъ является очень любопытнымъ обращеніемъ чисто-боевой натуры, — натуры наивно самоувѣренной и вѣчно готовой къ нападенію, но только къ нападенію открытому и притомъ во имя исключительно-чистыхъ принциповъ. И эта послѣдняя черта его характера, т. е., это стремленіе отстаивать только правое дѣло, сказывается у него во всемъ. До шепетильности честный и глубоко-отзывчивый на всё хорошее, онъ готовъ не щадить своихъ силъ, лишь бы не дать восторжествовать кривдѣ. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ онъ и начинаетъ борьбу съ Давомъ, своимъ недавнимъ пріателемъ, который возмущаетъ его своей нечестностью по отношенію къ безпомощному ребенку. Ставя справедливость выше пріязни и личной выгоды, Сирискъ ни минуты не сомнѣвается въ томъ, какъ слѣдуетъ поступить ему въ данномъ случаѣ, и глубокимъ негодованіемъ на человѣческую подлость звучатъ тѣ слова въ его рѣчи, гдѣ онъ отстаиваетъ права малютки, находящагося подъ его защитой (ст. 85 сл.). Равнымъ образомъ, когда Онисимъ предъявляетъ свои права на перстень (ст. 178), Сирискъ усматриваетъ въ этомъ желаніе расхитить „сиротское добро“ и готовъ идти на какія угодно крайности, лишь бы только не уступить своему противнику, причемъ его не пугаетъ даже и тотъ фактъ, что ему придется имѣть дѣло съ Харисіемъ, т. е., уже не съ рабомъ, а съ свободнымъ человѣкомъ. Ни на какую дѣлежку Сирискъ, конечно, не согласенъ (ст. 241 сл.). Какъ истинный поборникъ правды, онъ напередъ исключаетъ всякую возможность какой либо некрасивой сдѣлки, могущей повредить его пріемышу, и возмущенный тѣмъ, что „всякій, кому только не лѣнь“, готовъ тащить сиротское имущество, смѣло

приготавливается къ защитѣ, уповая на свое краснорѣчіе, уже разъ оказавшее ему помощь.

Однимъ словомъ, если въ лицѣ Дава мы имѣемъ грубаго человѣка, не способнаго къ воспріятію и къ пониманію болѣе высокихъ чувствъ и мыслей, то въ лицѣ Сириска передъ нами выступаетъ человѣкъ совсѣмъ иного склада, иного развитія и иной, тонко-чувствующей души. Правда, онъ производитъ иногда комичное впечатлѣніе своей порывистостью и наивной самоувѣренностью, своей высокой оцѣнкой самого себя и своихъ талантовъ оратора, а также этимъ стремленіемъ показать, что онъ, хоть и рабъ, но рабъ, причастный къ цивилизаціи, рабъ, умѣющій и говорить и чувствовать и дѣйствовать, какъ настоящій свободный человѣкъ. Но, конечно, всѣ эти недостатки, если только ихъ можно назвать недостатками, нисколько не вредятъ ему и нисколько не ослабляютъ той наивной прелести, которая такъ присуща ему и которая дѣлаетъ изъ него нѣчто совсѣмъ особенное, — своего рода рыцаря безъ страха и упрека, рыцаря, только по ошибкѣ Судьбы одѣтаго въ простой кожухъ и помѣщеннаго среди такихъ типовъ, какъ Давъ.¹⁾

Намъ остается теперь заняться характеристикой Онисима, который, въ противоположность Сириску и Даву, является не простымъ чернорабочимъ, но довѣреннымъ слугою Харисія и притомъ слугою, на рукахъ котораго лежитъ всё хозяйство и весь распорядокъ въ домѣ. Такъ, напр., къ его обязанностямъ относится наемъ повара, заботы по устройству пировъ и обѣдовъ, а также главный присмотръ за тѣмъ, чтобы всё шло гладко и чтобы ни въ чемъ не было задержки. Поэтому то Онисимъ и волнуется, когда нанятой имъ поваръ оказывается болѣе способнымъ къ болтовнѣ, чѣмъ къ работѣ, и когда благодаря ему обѣдъ не поспѣваетъ къ положенному времени (ср. отр. 4, а также ст. 165 сл.). Однимъ словомъ, Онисимъ — это главное лицо среди всей остальной челяди, и къ тому же лицо, уже много лѣтъ находящееся въ услуженіи у Харисія. Вѣдь онъ, какъ это видно изъ словъ повара (отр. 1), былъ нѣкогда дядькой своего молодого барина, который такимъ образомъ оказывается его питомцемъ, его „выкормышемъ“ (*τρόφιμος*). Отсюда ясно, что между Харисіемъ и Онисимомъ существуетъ довольно тѣсная связь, осно-

1) По поводу Сириска ср. Саp p s, о. с., 27.

ваніємъ которой является долготнѣняя совмѣстная жизнь, за время которой и баринъ и слуга успѣли привыкнуть другъ къ другу. Приэтомъ Онисимъ не только привыкъ къ Харисію, но и безусловно ему преданъ, преданъ настолько, что считаетъ своимъ долгомъ открыть ему глаза на оскорбительное для него поведеніе Памфилы (ст. 205 слл.),¹⁾ — шагъ, который приноситъ Онисиму лишь одно безпокойство, ибо его „доносъ“, хотя и сдѣланный имъ изъ добрыхъ побужденій, вооружаетъ противъ него Харисія и способствуетъ въ концѣ концовъ только тому, что положеніе самого Онисима дѣлается очень шаткимъ и опаснымъ (ст. 205 слл., а также ст. 481 сл.). Но если, открывая Харисію тайну Памфилы, Онисимъ имѣлъ ввиду интересы своего барина, то проникнуть въ эту тайну ему удалось благодаря одной присущей ему особенности, а именно, благодаря ненасытной жадѣ вмѣшиваться во всё происходящее, хотя бы оно и не имѣло къ нему прямого отношенія. Т. е., иными словами, Онисимъ — настоящій типъ *περίεργος*, типъ челоуѣка, сующаго свой носъ повсюду и желающаго быть *au courant* всего, что дѣлается. Впрочемъ, Онисимъ и не скрываетъ этой своей слабости, являющейся чисто-типической чертой каждаго раба „новой“ комедіи, — чертой, которая есть уже у Аристофановскаго Ксанѳіа, которой не чуждъ привратникъ Аида Эакъ, какъ явствуетъ это изъ его разговора съ Ксанѳіемъ въ „Лягушкахъ“²⁾, и которая не въ меньшей степени присуща и Каріону изъ „Богатства“³⁾. Такъ, напр., на восклицаніе повара:

1) Ср. по этому поводу Alciphr., Epist. III, 27. Здѣсь изображается приблизительно такая же ситуація, какую мы видимъ въ „Третьемъ судѣ“, а именно: жена на пятый мѣсяць послѣ свадьбы родитъ ребенка, о чемъ между прочимъ не знаетъ ея мужъ, Федрія. Этого ребенка, снабженнаго *δέραϊά τινα καὶ γυωρίσματα*, она поручаетъ выбросить паразиту Асфаліону. Но другой паразитъ, Филомагиръ, проникаетъ въ тайну и намѣренъ открыть ее обманутому мужу, въ томъ, впрочемъ, случаѣ, если молодая женщина и ея приспѣшники будутъ продолжать надъ нимъ, т. е., надъ Филомагиромъ, свои прежнія издѣвательства, называя его льстецомъ и паразитомъ. Такимъ образомъ, Филомагиръ дѣйствуетъ подъ влияніемъ простой и довольно низкой мести, чего по отношенію къ Онисиму мы предполагать не можемъ.

2) Aristoph. Ran., vv. 748 sqq.

3) Aristoph. Plut., vv. 18 sqq. Ср. также слѣдующія слова Пармёна, раба, выступающаго въ Несура Теренція (ст. 193 сл.):

Quid égerint intér se, non dum etiám scio;

Nisi sáne curaest, quórsum eventurum hóc siet.

Онисимъ, ты мнѣ любь! И ты свой носъ повсюду
Суешь! —

Онисимъ отвѣчаетъ слѣдующими, очень характерными
словами (отр. 2+3):

Всезнайкой быть пріятнѣе всего!

Далѣе, когда тотъ же Онисимъ, послѣ своей бесѣды съ
Габротононъ, начинаетъ дѣлать оцѣнку тому положенію, въ
которомъ онъ находится, благодаря сдѣланному имъ доносу
на Памфилу, онъ говоритъ прямо (ст. 357 сл.):

А если я опять

Иль сплетничать начну, иль носъ въ чужое суну, —
Пусть выбьютъ зубы мнѣ!

Изъ этихъ словъ вполне ясно что Онисиму хорошо извѣ-
стенъ его главный недостатокъ, т. е., *περιεργία*, недостатокъ,
который дополняется еще страстью къ болтовнѣ и къ сплет-
нямъ, — второе, опять таки очень характерное для рабовъ
качество, про которое Парменонъ изъ Несуга Теренція гово-
ритъ такъ (ст. 112):

et illúd mihi vitiumst máximum.

Значитъ, пока нами установлено, что въ характерѣ Они-
сима можно различить три основныхъ черты, сближающихъ
его съ очень многими рабами „новой“ комедіи, а именно:
преданность своему хозяину, ненасытное любопытство и, на-
конецъ, склонность къ сплетничеству. Но, обладая этими
качествами, Онисимъ, въ противоположность другимъ „Ска-
пэнамъ“ комедіи, не обладаетъ тѣмъ, что могло бы сдѣлать
изъ него настоящаго, въ комическомъ смыслѣ, „homme d'in-
trigue“, т. е., иными словами, у него нѣтъ ни малѣйшей спо-
собности къ созданію ловкихъ плановъ, а также никакого
умѣнія выворачиваться изъ неблагоприятно слагающихся об-
стоятельствъ. Онисимъ слишкомъ неповоротливъ для этого,
слишкомъ тяжкодуменъ и, къ довершенію прочаго, нѣсколько
трусоватъ. Онъ можетъ только восхищаться изобрѣтатель-
ностью другихъ (ср. ст. 340), можетъ апплодировать ей и по-
нимать ея значеніе, но самъ, говоря его же словами, не имѣ-
етъ „нюха на тонкости“ (ст. 345) или, вѣрнѣе, не имѣетъ над-
лежащей смѣлости и смекалки. Такъ, напр., взявъ кольцо у
Сирииска, онъ не знаетъ, чтó съ нимъ дѣлать, и безъ толку

носитя съ нимъ до тѣхъ поръ, пока въ дѣло не вступаетъ Габротононъ, въ одну минуту создающая цѣлый планъ, который и увѣнчивается въ концѣ концовъ успѣхомъ. Правда, Онисимъ косвенно помогаетъ арфисткѣ, но помогаетъ, какъ простой подмастерье, больше смотрящій на работу мастера, чѣмъ участвующій въ ней. Приэтомъ, помогая Габротононъ, онъ всѣми силами старается „отойти къ сторонкѣ“ и „къ новой кутерьмѣ остаться непричастнымъ“ (ст. 355 сл.), ибо онъ находитъ, что съ него „хватитъ и стараго“, тѣмъ болѣе, что и „въ немъ бѣды не мало“ (ст. 211).

Изъ всего этого ясно, что у Онисима дѣйствительно не хватаетъ ни рѣшительности, ни смѣлости. Но зато, какъ человѣкъ нерѣшительный, онъ постоянно, и притомъ съ разныхъ сторонъ, обдумываетъ свое положеніе, взвѣсивая всевозможные про и contra, которые то поднимаютъ въ немъ надежду на благоприятное окончаніе всякихъ тревоженій, то наоборотъ приводятъ въ отчаяніе и въ ужасъ (ср. ст. 340—359). И вотъ среди этихъ измѣнчивыхъ ощущеній идетъ вся жизнь Онисима, которому всё время „и хочется и колется“, пока, наконецъ, противъ всякихъ его ожиданій дѣло не складывается для него болѣе, чѣмъ благополучно: вѣдь онъ получаетъ вольную! На первыхъ порахъ онъ прямо не помнитъ себя отъ радости, и съ неподдѣльной теплотой и восторгомъ говоритъ о Габротононъ, которая освободила его не только отъ страха, но и отъ рабства (ст. 511 слл.). Ну, а затѣмъ, по минованіи всякихъ опасностей, къ нему возвращается та важность и наглость стараго двороваго, которая было покинула его на время и которая теперь снова проявляется въ немъ съ еще болѣе силой и интенсивностью.

Способность смотрѣть на нѣкоторыхъ людей сверху внизъ замѣчается у Онисима уже въ его разговорѣ съ Сирискомъ, но тамъ она прясвляется всё таки довольно слабо, ибо неожиданная находка перстня вызываетъ у Онисима столько побочныхъ думъ и мыслей, что ему становится не до важности. Зато, когда онъ обрѣтаетъ свой прежній покой, да оказывается еще на положеніи вольноотпущеннаго, его наглость снова находитъ къ нему дорогу и вспыхиваетъ очень ярко, какъ явствуетъ это изъ его разговора съ Смикриномъ. Еще недавно онъ боялся Смикрина и избѣгалъ съ нимъ всякихъ столкновеній (ст. 360 слл.). Теперь же онъ не только

бесѣдуетъ съ нимъ, какъ равный съ равнымъ, но даже третируетъ его, какъ существо болѣе низкаго порядка, надъ которымъ можно глумиться и на которомъ можно вымѣстить всѣ прежнія, очень непріятныя для Онисима переживанія и обиды. И что всего любопытнѣе, сварливый Смикринъ пасуетъ передъ наглостью простаго раба, который поучаетъ его съ снисходительной важностью, какъ глупаго ребенка, нуждающагося въ умномъ поученіи. Приэтомъ, какъ истинный слуга такого барина, который занимается философіей, Онисимъ самъ пускается въ философствованіе и развиваетъ передъ ошалѣвшимъ старикомъ Эпикуровскую теорію о невмѣшательствѣ боговъ въ дѣла міра и о роли характера въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка. Правда, излагая эту теорію, Онисимъ очень далекъ отъ философской точности, но всё таки его поученіе ясно доказываетъ, что онъ не напрасно провелъ всю свою жизнь около Харисія и что разговоры послѣдняго на философскія темы, разговоры которые Онисимъ могъ слышать не одинъ разъ, нашли въ немъ очень хорошій откликъ и очень понятливаго слушателя, во всякомъ случаѣ болѣе понятливаго, чѣмъ Смикринъ, играющій въ сценѣ съ Онисимомъ роль настоящаго, глупаго Pantalone ¹⁾.

Теперь послѣ окончанія характеристики Онисима мы могли бы коснуться еще роли повара, чисто-комическаго персонажа, вносившаго въ тѣ части пьесы, гдѣ ему приходилось выступать, отгѣнокъ веселаго и легкаго фарса. Но къ сожалѣнію, эта роль почти что пропала. Что же касается до ея сохранившихся частей, то онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего характернаго, да сверхъ того слишкомъ уже похожи на такую же роль повара въ „Саміанкѣ“, о которой намъ еще придется говорить ниже. Ввиду этого я скажу только, что поваръ, бывшій однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ Третьскаго суда“, представлялъ собой обычный цеховой типъ повара, — типъ, отличительными чертами котораго являются болтливость, склонность къ сплетнямъ, высокое мнѣніе о себѣ и о своемъ искусствѣ, недовольство порядками того дома, куда онъ попалъ, и, наконецъ, рѣдкая способность къ зубоскальству, на что между прочимъ намекаютъ слѣдующія слова Аѳинея (XIV, 659b): *μάλιστα γὰρ εἰσάγονται οἱ μάγειροι σχολητοὶ τινες, ὡς παρὰ*

1) Недурную характеристику Онисима даетъ Carrs, о. с., 27 sq.

Μενάνδρου ἐν Ἐπιτροπέλουσι (ср. также стр. 114.). Возможно, впрочем, что кромѣ этихъ чисто-цеховыхъ качествъ Менандръ вкладывалъ въ фигуру повара и нѣкоторыя индивидуальныя черты, которыми поваръ изъ „Третейскаго суда“ отличался отъ поваровъ, выступавшихъ въ другихъ комедіяхъ того-же автора. Однако, такъ ли это или не такъ, сказать трудно. Можно только, на основаніи Аѳинея, думать, что преимущественной чертой нашего повара было зубоскальство, которое скорѣе всего могло проявляться въ его бесѣдѣ съ Смикриномъ и которое должно было придавать всей сценкѣ отгѣнокъ веселости и неподдѣльнаго комизма. Такимъ образомъ, роль повара имѣла въ пьесѣ только аксессуарное значеніе, въ противоположность ролямъ всѣхъ тѣхъ персонажей, о которыхъ мы говорили выше, и главнымъ, можетъ быть, даже исключительнымъ ея назначеніемъ было возбуждать смѣхъ въ зрителяхъ.

Но если мы оставимъ въ сторонѣ эту „persona comica“, не возведенную на положеніе индивидуальнаго характера, и вернемся снова къ другимъ уже разобраннымъ нами персонажамъ, то мы увидимъ, что въ большинствѣ случаевъ Менандръ не ограничивался выведеніемъ простыхъ типовъ, снабженныхъ какимъ нибудь однимъ условнымъ качествомъ. На основаніи двухъ разсмотрѣнныхъ нами комедій, а именно, „Героя“ и „Третейскаго суда“, мы должны будемъ придти къ иному выводу, на возможность полученія котораго я уже намекалъ выше.

Типы, какъ таковые, типы съ ярко-подчеркнутыми цеховыми и сословными особенностями, выступаютъ у Менандра не въ первую голову, и не они во всякомъ случаѣ останавливаютъ на себѣ его вниманіе. Правда, согласно установившимся до него правиламъ, онъ вводилъ въ свои пьесы, въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, группы однихъ и тѣхъ же персонажей, выведение которыхъ было освящено традиціей и наличность которыхъ составляла *conditio sine qua* поп любой пьесы „новой“ комедіи. Приэтомъ каждый изъ этихъ персонажей, вмѣстѣ съ присущей ему по роли маской, привносилъ и рядъ постоянныхъ типичныхъ качествъ, безъ которыхъ онъ былъ бы невыносимъ въ глазахъ зрителей. Такимъ образомъ, Менандръ получалъ серію готовыхъ фигуръ, которыя были снабжены рядомъ специфическихъ особенностей, зависящихъ

или отъ рода занятій даннаго лица, или отъ его возраста и соціального положенія, или же, наконецъ, отъ того, какой типъ должно было оно представлять собою.

Но эти, унаслѣдованныя Менандромъ чисто-условныя фигуры, которыя можно было бы назвать настоящими цеховыми типами, выступаютъ у него на сценѣ не съ тѣми только чертами, которыя и дѣлали изъ нихъ нѣчто неподвижное, разъ навсегда очерченное и опредѣленное. Въ каждомъ такомъ типѣ Менандра прежде всего интересовалъ „внутренній“ чело-вѣкъ, т. е., то внутреннее „я“, которое и движетъ каждымъ человѣческимъ индивидуумомъ, независимо отъ того, кто онъ по профессіи, по возрасту или по положенію. Поэтому, встрѣчаясь у Менандра съ любымъ условнымъ типомъ, мы почти всегда, и притомъ сразу, начинаемъ замѣчать въ немъ что-то новое, отличающее его отъ другихъ лицъ той-же категоріи или того-же класса. Достаточно будетъ указать, ради примѣра, на фигуры пяти рабовъ, съ которыми намъ пришлось имѣть дѣло въ „Героѣ“ и въ „Третейскомъ судѣ“. Всѣ эти лица, какъ представители рабскаго сословія, имѣютъ между собой очень много общаго, и всѣмъ имъ присуше нѣчто специфическое, подводющее ихъ подъ типъ раба вообще. Но лишь только мы начинаемъ всматриваться въ любого изъ нихъ повнимательнѣе, мы видимъ, что каждый изъ нихъ представляетъ собою оригинальную особь, оригинальный, тонко-индивидуализированный характеръ, — представляетъ собою чело-вѣка, который живетъ и движется, который подверженъ самымъ разнообразнымъ страстямъ и душевнымъ побужденіямъ, который интересуется насъ, какъ нѣчто намъ близкое, вполне понятное и хорошо знакомое. Однимъ словомъ, въ герояхъ Менандра мы видимъ передъ собой настоящихъ людей, отграниченныхъ другъ отъ друга своими характерами, людей самой обычной складки, т. е. тѣхъ людей, которыхъ даетъ повседневная жизнь со всѣми ея тревоженіями, заботами и интересами.

Ввиду этого я не прочь былъ бы назвать комедію Менандра „комедіей индивидуальныхъ характеровъ“, правда, мелкихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ останавливающихъ на себѣ вниманіе своей выпуклостью и свѣжестью, своей удивительной правдивостью и, наконецъ, по истинѣ рѣдкостной жизненностью.

7.

Согласно принятому нами плану, намъ слѣдовало бы перейти теперь къ выясненію частичной зависимости „Третьскаго суда“ отъ трагедіи. Но прежде, чѣмъ коснуться этого вопроса, я хотѣлъ бы остановиться на другой, не менѣе важной проблемѣ, а именно, на выясненіи философскихъ взглядовъ Менандра, которые влагаются имъ въ уста Онисима и которые какъ будто имѣютъ нѣчто общее съ учениемъ Эпикура.

Правда, проблема эта не представляетъ собой чего-либо новаго: она уже не одинъ разъ ставилась и разрѣшалась въ новѣйшихъ работахъ по Менандру¹⁾. Однако и теперь еще, несмотря на многократное разсмотрѣніе ея разными учеными, и въ особенности Vollgraff'омъ, она не можетъ считаться безусловно исчерпанной, тѣмъ болѣе, что если Vollgraff видитъ въ одномъ пассажѣ „Третьскаго суда“ (ст. 544 слл.) ясное и несомнѣнное отраженіе эпикурейства, то Arnim столь же категорически отрицаетъ это, хотя, какъ мнѣ кажется, и безъ достаточныхъ на то оснований²⁾. Ввиду этого врядъ ли будетъ излишнимъ, если мы снова возьмемъ за разрѣшеніе этой проблемы и снова поставимъ вопросъ о томъ, можно ли видѣть въ ст. 544 слл. воспроизведеніе взглядовъ Эпикура на боговъ и на ихъ отрицательную роль въ міровомъ процессѣ, а также и на то положительное значеніе, которое имѣетъ при устройствѣ человѣческой жизни духовная сущность человѣка, — его внутреннее „я“.

Согласно Эпикуру, боги существуютъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ они вовсе не таковы, каковыми представляетъ ихъ себѣ человѣческое воображеніе³⁾. Прежде всего, они не имѣютъ причастности къ созданію міра, который образовался безъ ихъ содѣйствія, самъ собой, путемъ случайнаго сцѣпленія ато-

1) Ranke, Periplocomenus, sive de Epicuri, peripateticorum, Aristippi placitorum apud poetas comicos vestigiis (Marpurgi 1900); Arnim, Kunst und Weisheit in den Komödien Menanders (= Neue Jahrbücher f. d. Klass. Alt., XXV (1900), 252); Vollgraff, Menandrea, 66 sqq.; A. di Bella, La commedia di Menandro, 113 sqq., и въ особенности 123 sqq. Ср. также Legend, о. с., 566.

2) Arnim, о. с., 252.

3) Usener, Epicurea, ep. III (p. 60): θεοὶ μὲν γὰρ εἶσιν· ἐναργῆς γὰρ αὐτῶν ἐστὶν ἡ γυνῶσις. οἴοντο δ' αὐτοῖς <οἱ> πολλοὶ νομίζουσιν, οὐκ εἶσιν.

мовъ¹⁾. Но не участвуя въ созданіи міра и живя вдали отъ него, въ особомъ „междуміріи“ (*μετακόσμια*, *intermundia*), боги не вліяютъ и на дальнѣйшій ходъ мірового процесса, въ чемъ бы онъ ни выражался²⁾. Чуждые заботъ, страховъ и страданій, а также всякихъ страстей, они пребываютъ въ вѣчномъ, невозмутимомъ покоѣ, не отзываясь ни на что, лежащее внѣ ихъ и не нарушая никакими аффектами своего спокойнаго и блаженнаго состоянія, или, какъ говоритъ Цицеронъ³⁾, „*nihil enim agit deus, nullis occupationibus est implicatus, nulla opera molitur, sua sapientia et virtute gaudet*“.

Такимъ образомъ, ни созданіе міра, ни устройство его, ни тѣмъ болѣе жизнь, въ немъ идущая, не имѣютъ никакого отношенія къ эпикуровскимъ богамъ: всё это оставляетъ боговъ безразличными, какъ нѣчто такое, что могло бы вывести ихъ изъ той своеобразной нирваны, въ которой они пребываютъ. Т. е., иными словами, боги существуютъ, но для чего и въ силу чего, неизвѣстно⁴⁾. Отдѣленные отъ міра и помѣщенные à part, они являются безстрастными созерцателями всего происходящаго, не могущими внушить къ себѣ ни страха, ни уваженія, ни любви, а слѣдовательно, не могущими никоимъ образомъ возмутить ходъ человѣческой

1) Usener, o. c., fr. 361 (p. 241): *κοινῶς οὖν ἡμαρτάνουσι ἀμφοτέροι (Ἄναξαγόρας καὶ Πλάτων), ὅτι τὸν θεὸν ἐποίησαν ἐπιστροφόμενον τῶν ἀνθρωπίνων καὶ τοῦτον χάριν τὸν κόσμον κατασκευάζοντα.*

2) Usener, o. c., fr. 359 (p. 240): *τὸν δὲ θεὸν ὁμολογῶν εἶναι ἀίδιον καὶ ἀφθαρτον φησὶ μηδεὸς προνοεῖν, καὶ ὅλως πρόνοιαν μὴ εἶναι μηδὲ εἰμαρμένην, ἀλλὰ πάντα ἀτοματισμῷ γίνεσθαι. καθήσθαι γὰρ τὸν θεὸν ἐν τοῖς μετακόσμοις οὕτω καλουμένοις ἐπ' αὐτοῦ. ἔξω γὰρ τι τοῦ κόσμου οὐκ ἐπιζητεῖ τὸ θεοῦ ἔθετο εἶναι λεγόμενον τῇ μετακόσμια. ἠδεσθαι δὲ καὶ ἡσυχάζειν ἐν τῇ ἀγορεύσει εὐφροσύνη, καὶ οὕτε αὐτὸν πράγματα ἔχειν οὕτε ἄλλω παρέχειν. Ср. Мен. fr. 549, 3 sq.:*

*ὅταν γὰρ ἄλπεος διὰ τέλος εἶναι θέλλῃς,
ἢ δεῖ θεόν σ' εἶναι τιν' ἢ τάχα δὴ νεκρόν.*

3) Cic. de nat. deor., I, 19, 51. Ср. Usener, o. c., fr. 360, 363, 364.

4) Мысли о томъ, что боги не только не причастны къ человѣческой жизни, но и безразличны къ ней, проповѣдовались уже задолго до Эпикура, какъ явствуетъ это изъ слѣдующихъ словъ Платона (*De republica*, II, 365 D): *ἀλλὰ δὴ θεοὺς οὕτε λανθάνειν οὕτε βιάσασθαι δυνατόν. οὐκοῦν, εἰ μὲν μὴ εἰσὶν ἢ μηδὲν αὐτοῖς τῶν ἀνθρωπίνων μέλει, οὐδ' ἡμῖν μελετήσον τοῦ λανθάνειν· εἰ δὲ εἰσὶ τε καὶ ἐπιμελοῦνται, οὐκ ἄλλοθεν τοι αὐτοῖς ἴσμεν καὶ ἀκηκόαμεν ἢ ἐκ τε τῶν λόγων καὶ τῶν γενεαλογησάντων ποιητῶν.* См. M. Wundt, *Geschichte der griechischen Ethik*, II, 200, 2.

жизни, которая протекает сама по себѣ и устройство которой зависитъ исключительно отъ самого человѣка и отъ его духовной сущности.

Посмотримъ теперь, совпадаютъ ли съ изложенными нами взглядами Эпикура на боговъ тѣ мысли о послѣднихъ, которыя влагаются Менандромъ въ уста Онисима въ ст. 544—551, гласящихъ слѣдующее :

— Неужли у боговъ есть время для того,
Чтобъ каждый день имѣть про каждаго въ запасъ
Добро и зло, Смикринъ? — Что хочешь ты сказать?
— Я поясню сейчасъ... Всѣхъ городовъ, примѣрно,
Найдется съ тысячу. А въ каждомъ тысячь тридцать
Живетъ людей. И вотъ приходится богамъ
Губить и миловать всѣхъ безъ остатка... — Враки,
Вѣдь выйдетъ, что у нихъ не жизнь, а трудъ сплошной!

Изъ этихъ стиховъ, какъ бы мы ихъ ни толковали, можно сдѣлать только одинъ выводъ, а именно: боги, занятые чѣмъ-то постороннимъ, не имѣютъ времени для того, чтобы карать или награждать людей за ихъ поступки, т. е., иными словами, боги не обращаютъ на людей должнаго вниманія и не считаютъ нужнымъ о нихъ заботиться. Поступаютъ же они такъ потому, что въ противномъ случаѣ ихъ жизнь превратилась бы въ сплошной трудъ, и они, согласно выраженію Цицерона ¹⁾, стали бы „laboriosissimi“, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Но разъ это такъ, то выходитъ, что жизнь боговъ, какъ рисуетъ её Онисимъ, представляетъ собой жизнь беззаботную, жизнь, чуждую всякаго труда и волненій, или, иначе, что эта жизнь носить приблизительно такой же характеръ, какъ и жизнь боговъ по Эпикуру.

Правда, въ словахъ Онисима нѣтъ прямого указанія на невмѣшательство боговъ въ ходъ мірового процесса, — обстоятельство, которое и заставляетъ Arnim'a отрицать въ приведенномъ нами пассажѣ какіе бы то ни было отзвуки эпикуреизма ²⁾. Но мнѣ кажется, что это соображеніе Arnim'a слишкомъ уже ригорозно. И дѣйствительно, для цѣлей Они-

1) Cic. de nat. deor., I, 19, 52.

2) Arnim, o. c., 252: (diese Stelle) leugnet nur die directe Verursachung aller einzelnen Güter und Uebel des Lebens durch die Götter, keineswegs wie Epikur das Eingreifen der Götter in den Weltlauf überhaupt.

сима было абсолютно ненужнымъ затрагивать вопросъ объ отношеніи боговъ къ міру вообще. Поэтому-то онъ, или, вѣрнѣе, Менандръ, говорящій его устами, и оставляетъ этотъ вопросъ въ сторонѣ, какъ не имѣющій прямого касательства къ дѣлу. Что же до вопроса объ отношеніи боговъ къ людямъ, т. е. объ ихъ вмѣшательствѣ въ дѣла человѣческія, то по этому поводу Онисимъ высказывается очень опредѣленно и притомъ въ чисто-эпикуровскомъ духѣ, чего, думается мнѣ, отрицать нельзя и на что обратила вниманіе уже древность въ лицѣ Давида (Aristot. categ. 23, 27), говорящаго по поводу ст. 544—546 слѣдующее: *τῷ Ἐπικούρῳ συνήμασε Μένανδρος· οὗτοι δὲ οἱ Ἐπικούρειοι καὶ μέχρι τῶν οὐρανίων ἴστων τὴν πρόνοιαν, ἵνα μὴ πράγματα σχῆ τὸ θεῖον περιεργαζόμενον τὰ τῆδε· μέμνηται δὲ τῆς δόξης καὶ Μένανδρος ἐν τοῖς Ἐπιτροπέουσιν ἡμῖνα φησὶν κτλ¹⁾*.

Переходимъ теперь къ дальнѣйшимъ словамъ Онисима (ст. 552—559):

„Но если не они заботятся, то кто-же“,
 Ты спросишь. — Въ cadaго внѣдрили нравъ они
 Начальникомъ. Однихъ онъ въ порошокъ стираетъ,
 Коль худо съ нимъ они обходятся, другихъ —
 Блюдетъ и милуетъ. Нашъ нравъ, — вотъ кто нашъ богъ!
 И счастье и бѣда, — всё отъ него зависитъ,
 Его и ублажай, не дѣлая притомъ
 Ни зла, ни глупости, коль хочешь быть счастливымъ.

Эти слова, какъ сами по себѣ, такъ и въ качествѣ продолженія ст. 544—551, даютъ довольно неожиданный выводъ, какъ бы противорѣчащій тому, который мы сдѣлали выше. И дѣйствительно, если въ ст. 544 слл. заключаются отзвуки эпикуровскаго ученія о богахъ, то въ ст. 552 слл. мы не видимъ ничего, напоминающаго это ученіе. Правда, въ ст. 552 Онисимъ еще разъ говоритъ на ту тему, что боги не заботятся о людяхъ, но зато дальше онъ строитъ какую-то новую теорію о характерѣ, играющемъ роль замѣстителя боговъ и, что еще страннѣе, роль, которая возлагается на него какъ разъ богами, не имѣющими попеченія о дѣлахъ человѣческихъ. Отсюда вытекаетъ, что боги, хотя и не вмѣшиваются прямо въ

1) Коск, о. с., III, 51, fr. 174.

человѣческую жизнь, вмѣшиваются въ нее косвенно, ибо какъ разъ они и „внѣдрили“ въ человѣка его нравъ, его характеръ, его *τρόπος*.

Но подобное представленіе о богахъ противорѣчитъ представленію о нихъ Эпикура, который разъ и навсегда изъялъ ихъ изъ жизни міра и людей и поставилъ à part въ качествѣ равнодушныхъ зрителей, живущихъ исключительно для себя и въ себѣ. Такимъ образомъ, боги, замѣщающіе себя въ человѣкѣ его характеромъ, не имѣютъ, повидимому, ничего общаго съ эпикуровскими богами, равно какъ ничего общаго съ ученіемъ философа не имѣетъ и тотъ смыслъ, который придается человѣческому нраву и который возводитъ его, согласно остроумному замѣчанію Vollgraff'a¹⁾, на положеніе своеобразнаго „*deorum vicarius*“.

Спрашивается, какъ выйти изъ этого затрудненія? Самимъ легкимъ выходомъ было бы, конечно, указаніе на то (такъ, между прочимъ, и поступаетъ Vollgraff²⁾), что, коль скоро философскія истины вложены въ уста простого раба, то странно было бы ожидать, чтобы онѣ излагались послѣднимъ съ надлежащей точностью и пониманіемъ, тѣмъ болѣе, что, будь это на лицо, вся сценка потеряла бы въ комизмѣ и въ естественности и приблизилась бы къ трагическимъ *θήσεις* въ духѣ Еврипида. „*Consulto autem*“ — говоритъ Vollgraff — „*poetam philosophorum scita in servili ore aliquatenus corruptisse crediderim, ut caveret ne non Onesimus aliquis, sed vir liberalibus studiis eruditus aut perfectus philosophus quidam loqui videretur*“.

Если мы встанемъ на такую точку зрѣнія, то намъ не трудно будетъ объяснить противорѣчіе, заключающееся въ одновременномъ допущеніи боговъ, стоящихъ внѣ міра, и боговъ, косвенно заботящихся о людяхъ, причемъ объясненіе наше можно было бы формулировать такъ: недостаточно твердый въ философскихъ истинахъ и не отвыкшій еще отъ обычныхъ религіозныхъ представленій, Онисимъ, самъ того не замѣчая, отрицаетъ и въ то-же время допускаетъ вмѣшательство боговъ въ мірскія дѣла, нарушая такимъ образомъ цѣлость и точность излагаемой имъ эпикуровской теоріи.

1) Vollgraff, о. с., 69.

2) Vollgraff, о. с., 70.

Но если этотъ пунктъ въ разсужденіи Онисима могъ бы быть объясненъ вышеуказаннымъ способомъ, то гораздо хуже обстоитъ дѣло съ „характеромъ“, возводимымъ на роль замѣстителя боговъ. Въдъ характеръ, какъ нѣчто неустойчивое и непостоянное, да къ тому же не у всѣхъ одинаковое, врядь ли можетъ быть разсматриваемъ, какъ божественное начало, руководящее людьми и завѣдующее ихъ жизнью. По крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ греческихъ философовъ, не исключая Эпикура, не придавалъ ему подобнаго смысла и значенія, ибо, какъ говоритъ Vollgraff¹⁾, „id, quod munere vicarii deorum in homine fungi debeat, utique necesse est, ut integrum et aequabile esse“, чего про характеръ сказать, конечно, нельзя, коль скоро онъ у различныхъ людей бываетъ различнымъ, т. е., или хорошимъ, или же, наоборотъ, дурнымъ. Между тѣмъ, всякое божественное начало, будучи всегда однимъ и тѣмъ-же, можетъ быть только хорошимъ, ибо зло несовмѣстимо съ понятіемъ о божествѣ, какъ говоритъ объ этомъ, напр., Еврипидъ въ „Ифигеніи Таврической“ (ст. 391):

οὐδένα γὰρ οἴμαι θεῶν εἶναι κακόν.

Итакъ, изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что въ рѣчи Онисима о характерѣ мы имѣемъ дѣло съ какимъ-то недоразумѣніемъ, основаннымъ либо на непониманіи Эпикура, либо же на простомъ извращеніи теоріи послѣдняго, и что ввиду этого слово *τρόπος* должно быть признано за невѣрный терминъ, вмѣсто котораго надо подыскать другой, болѣе подходящий, если только въ словахъ Онисима дѣйствительно таится эпикуровское ученіе, а не что либо другое. Что касается до Vollgraff'a, то онъ ни на минуту не сомнѣвается въ томъ, что приведенный нами пассажъ о характерѣ заключаетъ въ себѣ нѣчто эпикуровское, хотя и затемненное до неузнаваемости благодаря вкравшемуся въ него искаженію, причѣмъ основаніемъ для подобной мысли служить для Vollgraff'a слѣдующее²⁾.

Прежде всего, онъ предполагаетъ, что если бы Онисимъ выразился правильно, то замѣстителемъ боговъ онъ долженъ былъ бы назвать или *συνείδησις*, или *νοῦς*, или *λόγος*, т. е. одну изъ тѣхъ духовныхъ сущностей, которыя играли роль

1) Vollgraff, о. с., 69.

2) Vollgraff, о. с., 71 sq.

въ ученіи какъ эпикурейцевъ, такъ и стоиковъ, и упоминаніе о которыхъ находимъ мы и у Менандра (см. Мен. топ. 597 и 654, Мен. fr. 11 и 762). Далѣе, Vollgraff отмѣчаетъ и тотъ фактъ, что если въ ученіи Эпикура управление человѣческой жизнью возлагается на человѣческій духъ, то у стоиковъ и академиковъ эту роль играютъ геніи (*δαίμονες*), которые въ качествѣ наблюдателей и руководителей сопутствуютъ человѣку, начиная отъ дня его рожденія¹⁾, и о которыхъ Эпикуръ не говоритъ, между прочимъ, ни слова. Между тѣмъ, въ нашемъ пассажѣ Онисимъ, какъ бы неправильно онъ ни выражался, упоминаетъ не о геніяхъ, внѣдренныхъ въ человѣка, какъ считали это академики, но о характерѣ или, точнѣе, какъ думаетъ Vollgraff, о чемъ-то духовномъ, замѣняющемъ собой божество и исполняющимъ, такъ сказать, функціи послѣдняго. Наконецъ, главнымъ подтвержденіемъ того, что Онисимъ въ своей рѣчи имѣетъ въ виду ученіе Эпикура, служитъ, по мнѣнію Vollgraff'a, слѣдующій пассажъ изъ Сенеки, почти что совпадающій съ Менандровскимъ (ep. mor. 41): *non sunt ad coelum elevandae manus.... prope est a te deus, tecum est, intus est. ita dico, Lucili: sacer intra nos spiritus sedet, malorum bonorumque nostrorum observator et custos. hic prout a nobis tractatus est, ita nos ipse tractat.*

Что эти слова Сенеки разительно похожи на слова Онисима, отрицать, конечно, нельзя. А такъ какъ разобранное нами разсужденіе Онисима является прямымъ продолженіемъ его эпикуровскихъ мыслей насчетъ боговъ, и такъ какъ, съ другой стороны, Сенека, хотя онъ и былъ стоикомъ, любилъ черпать изъ Эпикура приходившіяся ему по душѣ сентенціи²⁾,

1) Ср. Мен. fr. 550 (= Коск, о. с., III, 167 sq.):

*ἅπαντι δαίμων ἀνδρὶ συμπαρίσταται
εὐθὺς γενομένῳ, μεταγωγὸς τοῦ βίου
ἀγαθὸς ἡ κακὸν γὰρ δαίμων οὐ νομιστέον
εἶναι βίον βλάπτοντα ζηστήον.*

Ср. также Plat., Phaed., 107 D: *λέγεται δὲ οὕτως, ὡς ἄρα τελευτήσαντα ἕκαστον ὁ ἕκαστον δαίμων, ὅσπερ ζῶντα εἰλήχει, οὔτως ἄγειν ἐπιχειρεῖ εἰς δὴ τινα τόπον, οἱ δὲ τοὺς συλλεγέντας διαδιδασκαμένους εἰς Αἶδον πορεύεσθαι μετὰ ἡγεμόνος ἐξείνου, ᾧ δὴ προστέτακται τοὺς ἐνδέοντε ἐχειρε πορεύεσθαι.*

2) Vollgraff, о. с., 73 sq.; Usener, Epicurea, praef., LV. Ср. также Sen. ep. mor. 2: *soleo enim et in aliena castra transire, non tamquam transfuga, sed tamquam explorator.*

то ничто, кажется, не мѣшаетъ намъ видѣть въ словахъ Онисима о *τρόπος* отзвуки эпикуровской морали, хотя и облеченной на этотъ разъ въ довольно странную, не совсѣмъ эпикуровскую форму. Таковы въ краткихъ чертахъ доводы Vollgraff'a, съ которыми я въ общемъ согласенъ и которые, какъ мнѣ кажется, съ достаточной наглядностью говорятъ за то, что ст. 544 слл. представляютъ собой популярное изложеніе эпикуровской теоріи о богахъ и о роли человѣческаго духа, — изложеніе, не чуждое, впрочемъ, ошибокъ или, вѣрнѣе, намѣренныхъ неточностей. Вотъ къ этимъ неточностямъ, въ оцѣнкѣ которыхъ я расхожусь съ Vollgraff'омъ, мнѣ и хотѣлось бы перейти теперь, такъ какъ онѣ, по моему мнѣнію, находятся въ непосредственной связи съ тѣмъ представленіемъ Менандра о человѣческой жизни, котораго онъ, повидимому, держался и которое, думается мнѣ, можно еще прослѣдить по дошедшимъ до насъ обрывкамъ его комедій.

Если мы начнемъ просматривать эти обрывки, то мы увидимъ, что чаще всего въ нихъ упоминается о двухъ силахъ, регулирующихъ нашу жизнь и то устрояющихъ, то разрушающихъ её. Этими силами, не вполне равномерными по своему значенію, являются *τρόπος* и *τύχη*, т. е., характеръ и случай. Что касается до перваго, то онъ до нѣкоторой степени зависитъ отъ насъ, отъ нашей воли, и можетъ быть направляемъ согласно нашему желанію. Зато по отношенію къ „случаю“ мы находимся на положеніи существъ, безусловно отъ него зависящихъ, не могущихъ ни парировать его удары, ни предусматривать во время тѣхъ перемѣнъ, которыя онъ можетъ внести въ ходъ нашей жизни. Такимъ образомъ, мы оказываемся одновременно и свободными и несвободными, причемъ единственное, чего мы можемъ достигнуть, это — направлять въ надлежащую сторону свой характеръ, свой нравъ, ибо, дѣйствуя такъ, мы можемъ обезпечить себя, по крайней мѣрѣ, хоть въ этомъ отношеніи, отъ разныхъ нежелательныхъ послѣдствій и осложнений.

Мысль о томъ, что характеру принадлежитъ важная роль въ человѣческой жизни и что онъ является однимъ изъ условій человѣческаго благополучія, — эта мысль была впервые высказана Эпихармомъ и высказана притомъ въ слѣду-

ющей формѣ: *ὁ τρόπος ἀνθρώποισι δαίμων ἀγαθός, οἷς δὲ καὶ κακός*¹⁾. Что же касается до Менандра, то онъ усвоилъ ее и она сдѣлалась, такъ сказать, его излюбленной мыслью, настоящей *idée fixe*, которой онъ и предоставилъ очень широкое мѣсто въ своихъ комедіяхъ, присоединивъ къ ней, впрочемъ, и мысль о *τύχῃ*.

Всего яснѣе это взаимодѣйствіе „случая“ и „характера“ выражено Менандромъ въ отр. 589²⁾:

*ἄνευ κακῶν γὰρ οἰκίαν οἰκουμένην
οὐκ ἔστιν εὐρεῖν, ἀλλὰ τοῖς μὲν ἢ τύχῃ
τούτων δίδωσιν ἀφθονίαν, τοῖς δ' οἱ τρόποι.*

Но разъ дурной нравъ можетъ принести только одно горе, то ясно, что отъ такого горя можно спастись лишь обузданіемъ своего нрава, ибо въ противномъ случаѣ, какъ говорить намъ тотъ-же Менандръ³⁾,

*ἀλογίστου τρόπου
ἀτύχημα φεύγειν ἔστιν οὐκ ἀδύνατον.*

Зато, если обстоятельства складываются такъ, что, несмотря на правильное направленіе характера, человѣкъ все таки терпитъ несчастіе, то для него можетъ служить утѣшеніемъ тотъ фактъ, что это несчастіе пришло не отъ него, но отъ „случая“, съ которымъ бороться немислимо, ибо

*τυφλόν γε καὶ δύστηνόν ἐστιν ἢ τύχη*⁴⁾,

и ввиду этого,

*ὧν δὲ μὴ αἴτιος τρόπος,
τά γ' ἀπὸ τῆς τύχης φέρειν δεῖ γνησίως τὸν εὐγενῆ*⁵⁾.

Но если поэтъ и умѣетъ иногда давать вышеуказанные трезвые совѣты, то бывають у него и такія минуты, когда его начинаетъ возмущать несправедливость, царящая въ мірѣ и проявляющаяся какъ разъ по отношенію къ хорошимъ

1) Epicharm. fr. 258 (= K a i b e l, Com. gr. fragmenta, I, 1, 139).

2) К о с к, о. с., III, 179.

3) К о с к, о. с., III, 73, fr. 253. Ср. также fr. 594 :

*ὁ μὴ φέρων δὲ κατὰ φύσιν τὰ πράγματα
τύχην προσηγόρευσε τὸν ἑαυτοῦ τρόπον.*

4) К о с к, о. с., III, 121, fr. 417 b.

5) К о с к, о. с., III, 59, fr. 205.

людямъ, обладающимъ чистымъ характеромъ, и тогда у него вырываются горькія слова, вродѣ, напр., слѣдующихъ :

*οὐδέν με λυπεῖ μᾶλλον ἢ χρηστός τρόπος
εἰς χαλεπὸν ὅταν ἦ συγκεκμημένος βίον*¹⁾.

Однако, эта несправедливость и измѣнчивость, царящая въ мірѣ, вполне понятны, ибо, согласно Менандру,

*οὕτως ἀσυλλόγιστον ἡ τύχη ποιεῖ,
τὸ συμφέρον τί ποτ' ἐστὶν ἀνθρώπου βίῳ,
οὐ χρῆται νόμοις, καθ' οὓς κρίνει τὰ πράγματα,
οὐδ' ἔστιν εἰπεῖν ζῶντα ταῦτ' οὐ πείσομαι*²⁾.

А такъ какъ, съ другой стороны, хотя про „случай“ и можно сказать :

*ὡς ποικίλον πράγμα' ἐστὶ καὶ πλάνον τύχη*³⁾,

однако, разъ отъ этого „случая“ всё зависитъ и разъ

*πρὸς τὴν τύχην γὰρ ζυγομαχεῖν οὐ ῥάδιον*⁴⁾,

то приходится признать его мощь и силу и, отбросивъ всякія мысли о значеніи человѣческаго разума и человѣческой сообразительности⁵⁾, придти къ слѣдующему единственно правильному выводу :

*τύχη κυβερνᾷ πάντα ταύτην καὶ φρένας
δεῖ καὶ πρόνοιαν τὴν θεὸν καλεῖν μόνην,
εἰ μὴ τις ἄλλως ὀνόμασιν χαίρει κenoῖς*⁶⁾.

И вотъ, выступая въ качествѣ главной міровой силы, „случай“ дѣлаетъ то, что рѣшительно всё явленія и событія, имѣющія мѣсто въ человѣческой жизни, оказываются въ его

1) Коск, о. с., III, 195, fr. 670. Ср. также fr. 590 :

*ὦ μεταβολαῖς χείρονα παντοίαις τύχη,
ὅν ἐστ' ὄνειδος τοῦθ', ὅταν τις ὦν ἀνήρ
δικαίως ἀδίκους περιπέσῃ συμπτώμασιν,*

и fr. 356 :

*ὡς ἄδικον, ὅταν ἡ μὲν φύσις
ἀποδῶ τι σεμνὸν, τοῦτο δ' ἡ τύχη κακοῖ.*

2) Коск, о. с., III, 103, fr. 355.

3) Коск, о. с., III, 81, fr. 288.

4) Коск, о. с., III, 195, fr. 673, 2.

5) Ср. fr. 482 (= Коск, о. с., III, 139).

6) Коск, о. с., III, 139, fr. 483.

рукахъ и въ его власти, причемъ если къ нему и примѣнимы слова:

ὡς ὁραῖζεθ' ἢ τύχη πρὸς βίονσ¹⁾),

то нельзя отрицать и того, что, благодаря его измѣнчивости, очень часто послѣ пережитого человѣкомъ горя наступаетъ неожиданный поворотъ къ лучшему и что человѣкъ изъ страдальца превращается въ счастливецъ²⁾). Но разъ это такъ, то никогда не слѣдуетъ падать духомъ и, будучи всегда готовымъ ко всему, нужно серьезно наблюдать лишь за однимъ, а именно за тѣмъ, чтобы не приходилось сожалѣть о своихъ собственныхъ проступкахъ, совершенныхъ благодаря недостаточно-зоркому наблюденію за своимъ нравомъ, за своимъ *τρόπος*³⁾). Отсюда вытекаетъ, что „нравъ“, какъ таковой, играетъ видную роль въ человѣческой судьбѣ, ибо онъ можетъ или улучшить или ухудшить нашу жизнь, которая и безъ того подвергается всякаго рода испытаніямъ со стороны „случая“, заправляющаго ею.

И дѣйствительно, человѣкъ, обладающій благороднымъ характеромъ, прежде всего, какъ думаетъ Менандръ, не пойдетъ ни на какой дурной поступокъ, независимо отъ того, будетъ ли онъ имѣть отношеніе къ нему самому или къ другимъ людямъ. Слѣдуя движенію своего нрава, словно требованію какого нибудь опредѣленнаго закона⁴⁾, онъ не рѣшится, конечно, на несправедливость или на обиду, коль скоро она можетъ принести вредъ его ближнему⁵⁾). Съ другой стороны, подъ давленіемъ того-же нрава, онъ знаетъ всегда, какъ слѣдуетъ ему поступать въ томъ или въ другомъ случаѣ, причемъ никакія рѣчи, никакія убѣжденія не могутъ отвлечь его отъ исполненія его долга⁶⁾). Наконецъ,

1) К о с к, о. с., III, 228, fr. 855.

2) Ср. fr. 94 (= К о с к, о. с., III, 29, 5):

τὸ τῆσ' τύχης γὰρ θεῖμα μεταπίπτει ταχέ.

3) Ср. Мен. *Ἐπιτροπ.*, 566 sqq.

4) Мен. fr. 772 (= К о с к, о. с., III, 216):

δίχαιος ἂν ᾗσ, τῷ τρόπῳ χρῆσει νόμῳ.

5) Мен. fr. 774 (= К о с к, о. с., III, 216):

δίχαιος ἀδίκεῖν οὐκ ἐπίσταται τρόπος.

6) Мен. fr. 575 (= К о с к, о. с., III, 175):

*ἐμὲ δὲ ποιεῖν τὸ καθῆκον οὐχ ὁ σὸς λόγος,
εἴ ἴσθ' ἐξοιβῶσ, ὁ δ' ἴδιος πείθει τρόπος.*

подобный человекъ можетъ имѣть громадное вліяніе и на другихъ людей, и къ его словамъ всякій будетъ внимательно прислушиваться ввиду того, что

τροβλος ἔσθ' ὁ πείθων τοῦ λέγοντος, οὐ λόγος¹⁾.

Однимъ словомъ, выходитъ, что благородный характеръ способствуетъ украшенію жизни, ибо онъ вноситъ въ нее элементъ нравственной прелести. Правда, это не значить, что жизнь такого человекъ сложится непремѣнно счастливо: „случай“ можетъ, конечно, испортить ее, но испортить только внѣшнимъ образомъ. Что же касается до ея внутренняго содержанія, то оно пребудетъ неизблемымъ, тѣмъ болѣе, что у человекъ останется всегда сознаніе своей правоты, — своего рода утѣшеніе въ незаслуженномъ горѣ или несчастій²⁾. Зато совершенно иначе обстоитъ дѣло съ тѣмъ, кто является обладателемъ дурного нрава или, иначе, кто, согласно Онисиму, „плохо обходится со своимъ характеромъ“. Не говоря уже о томъ, что онъ, рѣшаясь на худые поступки, вноситъ дисгармонію въ свою собственную жизнь, онъ портитъ и коверкаетъ сверхъ того и жизнь другихъ людей, такъ или иначе отъ него зависящихъ. И вотъ примѣромъ такого человекъ является въ глазахъ Онисима Смикринъ, „безумный нравъ“ котораго чуть что не привелъ его къ совершенію непоправимой ошибки: къ уничтоженію счастья его дочери, къ настоящему „несчастью“, которое однако было бы и „преступленіемъ“, ибо оно произошло бы не „благодаря случаю“, но „благодаря злой волѣ“³⁾. А если тѣмъ не менѣе всё обошлось благополучно, то это случилось лишь потому, что нѣкоторое стеченіе обстоятельствъ помѣшало осуществленію Смикриновскаго плана⁴⁾. Т. е., иначе, капризный и непостоянный „случай“ исправилъ ту ошибку, которую хотѣлъ сдѣлать „характеръ“, направленный въ дурную сторону и не могшій вслѣдствіе этого дѣйствовать такъ, какъ ему бы слѣдовало.

1) Men. fr. 472, 7 (= Коск, о. с., III, 135).

2) Ср. fr. 205 (= Коск, о. с., III, 59).

3) Ср. Men. fr. 426 (= Коск, о. с., III, 124) :

*ἀτύχημα γὰρ ἀδίκημα διαφορὰν ἔχει ·
τὸ μὲν διὰ τύχην γίνεται, τὸ δ' ἀρίσσει.*

4) Ср. ст. 567 сл. :

*καὶ γὰρ μὲν ὁμοῶντ' ἐπὶ πονηρὸν προαγμά σε
ταῦτόματον ἀποπέσωκε.*

Однимъ словомъ, изъ разобранныхъ нами отрывковъ, а также изъ обращенной къ Смикрину рѣчи Онисима видно, что въ міросозерцаніи Менандра „случай“ и „характеръ“ занимали очень важное мѣсто и что именно этимъ двумъ силамъ нашъ поэтъ и приписывалъ главное значеніе какъ въ ходѣ, такъ и въ устройствѣ человѣческой жизни¹⁾. „Случай“ и „характеръ“, — вотъ настоящіе боги Менандра, въ которыхъ онъ вѣритъ и власть которыхъ надъ людьми онъ признаетъ безусловно, причемъ если „случай“, какъ слѣпая сила, возбуждаетъ въ немъ грустныя, подчасъ пессимистическія мысли²⁾, то „характеръ“, какъ нѣчто духовное и болѣе гибкое, заставляетъ поэта возлагать на него нѣкоторыя надежды и упованія. И, быть можетъ, нигдѣ, ни въ одномъ изъ приведенныхъ нами отрывковъ, не выяснена у Менандра съ такой отчетливостью роль „характера“, какъ въ вышеуказанномъ пассажѣ изъ „Третьскаго суда“, пассажѣ, который, несмотря на весь присущій ему комизмъ, заключаетъ въ себѣ очень глубокую и довольно обстоятельно развитую мысль.

Но если человѣческій *τρόπος* или, иначе, индивидуальное человѣческое „я“, вызывало къ себѣ со стороны поэта столько вниманія и интереса, то невольно хочется задать себѣ вопросъ, дѣйствительно ли только ради намѣреннаго искаженія эпикуровской теоріи помѣщено это слово въ интересующемъ насъ мѣстѣ, и не вѣрнѣ ли будетъ смотрѣть на эту постановку неподходящаго на первый взглядъ термина, какъ на желаніе Менандра развить еще одинъ лишній разъ свой излюбленный взглядъ на роль „характера“ въ жизни? Мнѣ лично кажется, что подобное предположеніе будетъ безусловно вѣрнымъ и безусловно пріемлемымъ, а тѣмъ болѣе ясно показывающимъ намъ, какъ относился нашъ поэтъ къ передачѣ чужихъ теорій, хотя бы это и были теоріи Эпикура, его друга и сверстника. Не будучи самъ философомъ и не считая нужнымъ вводить философскія док-

1) О сходной роли „случая“ и „характера“ у Теренція см. П. Черняевъ, Быть и нравы по комедіямъ Теренція (Варшава 1912), 37 слл. Здѣсь мы имѣемъ ясную репродукцію тѣхъ-же менандровскихъ мыслей, вложенныхъ въ сходную форму и выраженныхъ съ большою определенностью и выпуклостью: недаромъ же Теренція называли въ древности *dimidiatus Menander!*

2) См. Men. fr. 481 (= Коск, о. с., III, 138).

трины во всей ихъ полнотѣ въ свои комедіи, Менандръ при случаѣ всё таки пользовался ими, но пользовался лишь постольку, поскольку онѣ не мѣшали его личнымъ взглядамъ и воззрѣніямъ. Онѣ вовсе не хотѣлъ быть своего рода передаточной инстанціей или, вѣрнѣе, распространителемъ чужихъ мыслей. Онѣ бралъ ихъ, если онѣ приходились къ мѣсту, но въ то-же время онѣ считалъ себя въ правѣ видоизмѣнять ихъ согласно требованіямъ своей собственной, чисто практической философіи, въ которой на первомъ мѣстѣ стояли „случай“ и „характеръ“. Поэтому-то и въ интересующемъ насъ пассажѣ онѣ не постѣснился поставить вмѣсто эпикуровскаго „sacer spiritus“ совсѣмъ другое, и притомъ довольно неустойчивое понятіе, а именно, *τροβλοσ*, — понятіе, благодаря которому, правда, затемнилась безусловно ясная мысль Эпикура о руководительствѣ духа надъ человѣкомъ, но зато съ полной опредѣленностью вырисовалась собственная мысль Менандра, его вѣчная *idée fixe* ¹⁾.

8.

Переходимъ теперь къ вопросу о зависимости „Третьскаго суда“ отъ трагедіи, къ вопросу, который можетъ быть рѣшенъ лишь относительно, но который вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ довольно важное историко-литературное значеніе, такъ какъ онѣ приводитъ насъ къ проблемѣ о зависимости Менандра отъ Еврипида, и притомъ зависимости не только идейной, но и формальной. Дѣло въ томъ, что хотя „новая“ комедія и заимствовала свои сюжеты изъ круга обыденной жизни, а не изъ круга миѣическихъ сказаній, какъ трагедія, однако въ „Третьскомъ судѣ“ мы присутствуемъ

1) Вопросъ о томъ, какое значеніе въ руководительствѣ человѣческой жизнью придавалъ Менандръ человѣческому *νοῦσ*, рѣшить, на мой взглядъ, довольно трудно. Правда, мы располагаемъ тремя отрывками (fr. 11, 70 и 762), въ которыхъ *νοῦσ* называется „богомъ“ (*θεός*). Но ввиду того, что fr. 762 :

ὁ νοῦσ γὰρ ἡμῶν ἐστὶν ἐν ἐκείτῳ θεός,

представляетъ собой дословное повтореніе Eur. fr. 1018 (= Nauck², Trag. gr. fragm., 685), позволительно, кажется, думать, что и вся мысль о *νοῦσ* не есть оригинальная мысль Менандра, а мысль наносная, заимствованная у Еврипида, подобно тому, какъ заимствовано нашимъ поэтомъ у академикова упоминаніе о геніяхъ — хранителяхъ (*δαίμονες*), о которыхъ говорится въ отр. 550 (см. стр. 248, 1). Иначе, повидимому, думаетъ Agnès, о. с., 252.

при любопытной попыткѣ Менандра приобщить комедию къ такой темѣ, которая трактовалась уже въ одной изъ пьесъ Еврипида. Правда, эта тема взята и помѣщена нашимъ по-этомъ въ качествѣ второстепеннаго, хотя и очень важнаго, эпизода; правда, утративъ свою былую трагичность, она, такъ сказать, опростилась, т. е. получила оттѣнокъ обыденщины и изъ царской обстановки перешла въ мѣщанскую. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на подобнаго рода измѣненія, необходимыя уже потому, что, согласно грамматикѣ Діомеду¹⁾, *κομῳδία ἐστὶν ἰδιωτικῶν πραγμάτων ἀκίνδυνος περιοχή*, мы всё таки не можемъ отрицать, что тема, какъ таковая, взята изъ героическаго цикла и что построенная на ней сценка, въ которой Сирискъ спорить съ Давомъ предъ лицомъ Смикрина, есть ничто иное, какъ воспроизведеніе части мѣа объ Алопѣ и притомъ воспроизведеніе, очень близко стоящее къ Еврипиду и къ его трагедіи „*Ἀλόπη*“²⁾.

Что касается до содержанія послѣдней, то оно, согласно Гигину³⁾, сводится въ общихъ чертахъ къ слѣдующему. Алопа, дочь царя Керкіона, дѣлается жертвою Посейдона и родитъ отъ него сына, котораго, тайкомъ отъ своего отца, передаетъ кормилицѣ съ порученіемъ бросить его въ лѣсу. „*Qui cum expositus esset*“ — продолжаетъ Гигинъ — „*equa venit et ei lac praestabat. quidam pastor equam persecutus vidit infantem atque eum sustulit. qui veste regia indutum cum in casam tulisset, alter compastor rogavit ut sibi eum infantem donaret. ille ei donavit sine veste. cum autem inter eos iurgium esset, quod qui puerum acceperat insignia ingenuitatis reposceret, ille autem non daret, contententes ad regem Cercyonem venerunt et contendere coeperunt. ille autem qui infantem donatum acceperat, repetere insignia coepit. quae cum adlata essent et agnosceret Cercyon ea esse ex veste scissa filiae eius Alopes, nutrix timens regi indicium fecit infantem eum Alopes esse*“.

1) Diomed. de comoedia IX, 1 (= Kaibel, Com. gr. fragm. I, 1, 57).

2) См. по этому поводу: Bodin, Notes sur l'Arbitrage de Ménandre (= *Révue de philologie*, 32 (1908), 73 sq.); Bodin-Mazon, o. c., 289; Fischl, Zu Menanders Epitrepontes (= *Hermes*, 43 (1908), 311 sq.); Б. В. Варнеке, Новыя комедіи Менандра, 94; A. di Bella, o. c., 152 sq.

3) Hygin. fab. 187. Ср. Nauck², *Trag. graec. fragm.*, 389 sq. Реконструкцію „Алопы“ даетъ Welcker, *Die griechischen Tragödien*, II, 711–717.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадается на два отдѣла: офиціальный и научный.

Въ офиціальномъ отдѣлѣ помѣщается годовая отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертаціяхъ, обзорніе лекцій и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудрявскій.**
